

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 2 (115) • 2017

ISSN 2227-7315

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Н. Новгород)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, доцент
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Беларусь)
Е.В. Вавилин	доктор юридических наук, профессор
Н.А. Власенко	доктор юридических наук, профессор (Москва)
С.В. Ворошилова	доктор юридических наук, доцент
Т.А. Григорьева	доктор юридических наук, профессор
А.И. Демидов	доктор философских наук, профессор
Т.В. Заметина	доктор юридических наук, доцент
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
В.Т. Кабышев	доктор юридических наук, профессор
В.А. Летяев	доктор юридических наук, профессор (Казань)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор
Н.И. Матузов	доктор юридических наук, профессор
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор
В.С. Слобожникова	доктор политических наук, профессор
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, доцент
С.Б. Суровов	доктор социологических наук, профессор
В.А. Труханов	доктор политических наук, профессор
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Москва)

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
Министерства
образования и науки РФ
в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть
опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени
доктора и кандидата наук

Учредитель —
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
образования
«Саратовская государственная
юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490
в каталоге агентства «Роспечать»

Цена для подписчиков — 451 руб.,
в розничной продаже — свободная.

Электронная версия размещена
на официальном сайте
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Саратовская государственная
юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

E-mail: vestnik2@ssla.ru

Редактор, корректор
Т.Ф. Батищева

Верстка **Е.С. Сидоровой**

Журнал зарегистрирован Управлением
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Подписано в печать 25.04.2017 г.
Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 23,1. Уч.-изд. л. 20,73.
Тираж 950 экз. Заказ 181.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2017

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 2 (115) • 2017

ISSN 2227-7315

EDITORIAL BOARD:

I.N. Senyakin	Doctor of Law, Professor (<i>Chief Editor</i>)
S.B. Anikin	Doctor of Law, Associate Professor
V.M. Baranov	Doctor of Law, Professor (N. Novgorod)
A.G. Blinov	Doctor of Law, Associate Professor
N.L. Bondarenko	Doctor of Law, Professor (Belarus)
A.I. Demidov	Doctor of Law, Professor
B.S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Moscow)
T.A. Grigorieva	Doctor of Law, Professor
O.V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (<i>Deputy Chief Editor</i>)
V.T. Kabyshev	Doctor of Law, Professor
V.A. Letyaev	Doctor of Law, Professor (Kazan)
N.S. Manova	Doctor of Law, Professor
N.I. Matuzov	Doctor of Law, Professor
E.V. Pokachalova	Doctor of Law, Professor
I.V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (<i>Deputy Chief Editor</i>)
L.G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor
A.Y. Sokolov	Doctor of Law, Associate Professor
V.S. Slobozhnikova	Doctor of Political Sciences, Professor
S.B. Surovov	Doctor of Social Sciences, Professor
V.A. Trukhanov	Doctor of Political Sciences, Professor
E.V. Vavilin	Doctor of Law, Professor
N.A. Vlasenko	Doctor of Law, Professor (Moscow)
S.V. Voroshilova	Doctor of Law, Associate Professor
T.V. Zametina	Doctor of Law, Associate Professor

The journal is included by
**Higher Attestation Commission
of Ministry of Education and Science
of the Russian Federation**
to the Russian list of reviewed
journals, where major
scientific dissertations
and thesis results
are to be published

Founder

Federal State
Budget Educational Institution
of Higher Education
“Saratov State Law Academy”.
410056, Saratov, Volskaya, 1.

**E-version is located
on the official site
of Federal State Budget
Educational Institution
of Higher Education
“Saratov State Law Academy”**
(<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office
in the Sphere of Mass Communication
of Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom,
Information Technologies
and Mass Communication
February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
“Saratov State Law Academy”, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 11 **Васильев А.А., Соловьев В.Ю.**
О перспективах российского этноконфессионального сообщества и специфики соотношения гражданской и национальной принадлежности населения (на материалах Саратовской губернии)
- 17 **Лядащева-Ильичева М.Н.**
Модернизация гражданского законодательства в России XIX — начала XX века: методологический аспект
- 22 **Полуда О.Н.**
Теоретические основы концепции государственного суверенитета Ж. Бодена
- 27 **Терехов Е.М.**
Мониторинг интерпретационных актов в системе правового мониторинга
- 32 **Торчилин К.Е.**
Общие функции императивных норм права

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИИ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ: РЕАЛИИ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

- 39 **Плотникова И.Н.**
Реализация конституционного права на предпринимательскую деятельность в свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города Севастополя
- 46 **Шестеряков И.А., Шестерякова И.В.**
Особенности правового регулирования труда в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе: интеграционный аспект
- 53 **Ким Ю.В.**
О некоторых аспектах территориальной организации государства в контексте проблем гармонизации геополитической ситуации вокруг «крымского вопроса»
- 63 **Мещеряков А.В.**
Российское гражданство и конституционализация статуса личности в Крыму: реалии, проблемы и перспективы
- 67 **Комбарова Е.В.**
Деятельность органов управления свободной экономической зоной на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя
- 71 **Сусликов С.А.**
Институты гражданского общества Республики Крым и города Севастополя в условиях интеграции в Россию
- 75 **Отставнова Е.А.**
Развитие туризма на полуострове Крым: конституционно-правовые вопросы
- 80 **Троицкая Т.В.**
Становление избирательного законодательства в Республике Крым и городе Севастополе: конституционные проблемы и перспективы развития
- 84 **Зырянов И.А.**
К вопросу об учреждении Конституционного Суда Республики Крым в свете обеспечения единства судебной системы

- 89 Сергеева Н.П.**
Конституционно-правовые основы взаимодействия общественных палат Республики Крым и города Севастополя с органами государственной власти Республики Крым и города Севастополя
- 94 Берлявский Л.Г.**
Современный кризис на Украине и тенденции государственно-правового развития Республики Крым
- 100 Кабышев В.Т.**
Интеграция Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию. Послесловие

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 104 Добробаба М.Б.**
Проблема связи объекта и предмета в служебно-деликтных дисциплинарных правоотношениях
- 108 Захарова Е.П.**
Вопросы определения категории «туристская деятельность» в российском административном праве

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 114 Формакидов Д.А.**
Соглашение о вселении членов семьи как самостоятельная разновидность договора в жилищном праве
- 121 Абдулаев А.Х.**
Некоторые проблемы применения пункта 2 статьи 168 Гражданского кодекса РФ по делам о банкротстве
- 126 Агафонов И.С.**
Обязательство товарного кредита

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- 131 Мрастьева О.С.**
Мировое соглашение среди примирительных процедур
- 135 Николайченко О.В.**
Сущность мирового соглашения в разрешении гражданско-правовых споров
- 139 Каламова Ю.Б.**
Добровольное исполнение арбитражного решения как завершающая стадия арбитража (третейского разбирательства)

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 146 Бытко Ю.И.**
Основание уголовной политики
- 163 Верина Г.В.**
Глава 21 Уголовного кодекса Российской Федерации: после перемен
- 170 Закаев А.Х.**
Понятие уголовной ответственности в законодательстве и науке уголовного права

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

- 176 Балакшин В.С., Клевцов К.К.**
Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении уголовно преследуемых лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации

- 181 Галушкин В.И., Степанов В.В.**
Проблемы методов проверки сообщения о преступлении и направления их совершенствования
- 189 Муллахметова Н.Е.**
Злоупотребление правом частными обвинителями
- 196 Хижняк Д.С.**
Транснациональная криминальная деятельность и ее субъекты
- 201 Шминке А.Д.**
Оптимизация процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве
- 206 Тихий А.В.**
Усмотрение как элемент механизма формирования внутреннего убеждения судьи при рассмотрении уголовных дел

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 213 Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н.**
Актуальные вопросы финансово-правового регулирования деятельности кредитных потребительских кооперативов
- 217 Иванова А.А.**
Правовое регулирование журналистской деятельности в Российской Федерации
- 221 Кузьмина Е.А.**
Сетевые информационные войны как фактор угрозы глобальной безопасности
- 225 Липкина Н.Н.**
Международно-правовое обязательство государства предотвратить нарушения прав человека: анализ основных аспектов содержания

РУССКИЙ ЯЗЫК И КОММУНИКАЦИЯ

- 234 Авдевина О.Ю., Девяткина В.В.**
Истец vs истица: языковые нормы и социокультурные коды наименования лиц в юридическом дискурсе
- 244 Елина Е.А.**
Суггестивный эффект при взаимодействии поэтического и живописного дискурса
- 249 Урунова Р.Д.**
Местоимения как средство речевых стратегий коммуникации (на материале ранних письменных источников восточных славян)
- 252 Фолимонов С.С.**
О формах культурно-просветительской работы филологической кафедры в юридическом вузе

РЕЦЕНЗИИ

- 258 Самигулин В.К.**
Рецензия на монографию: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. — М.: Издательский дом «Городец», 2016. — 226 с.

ИНФОРМАЦИЯ

- 263** В диссертационных советах

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- 11 Vasil'ev A.A., Soloviev V.Yu.**
About prospects of the Russian ethno-religious community and the specifics of the correlation of civil and ethnic composition of the population (on materials of the Saratov province)
- 17 Ladasheva-Ilicheva M.N.**
Modernization of civil legislation in Russia of XIX — beginning of XX century: methodological aspect
- 23 Poluda O.N.**
Theoretical basis of the concept of state sovereignty J. Boden
- 28 Terekhov E.M.**
Monitoring of interpretive acts in the system of legal monitoring
- 32 Torchilin K.E.**
General functions of the imperative norms of law

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES THE INTEGRATION OF CRIMEA AND SEVASTOPOL IN THE RUSSIAN FEDERATION: REALITIES, TRENDS

- 39 Plotnikova I.N.**
Enforcement of the Right to Entrepreneurial Activity in the Free Economic Zone on the Territories of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol
- 46 Shesteryakov I.A., Shesteryakova I.V.**
Features of the legal regulation of labor in the republic of Crimea and the city of federal significance of Sevastopol: integration dimension
- 53 Kim Yu. V.**
About some aspects of the territorial organization of the state in a context of problems of harmonization of a geopolitical situation around «the Crimean question»
- 63 Mesheryakov A.V.**
Russian citizenship and the constitutionalization of the status of the individual in the Crimea: realities, problems and prospects
- 67 Kombarova E.V.**
The principle of the separation of powers in the constitutional mechanism of governance in the Russian Federation
- 71 Suslikov S.A.**
Institutes of civil society of the Republic of Crimea and city of Sevastopol in the conditions of integration into Russia
- 75 Otstavnova H.A.**
Development of tourism in the Crimea peninsula: constitutionally legal issues
- 80 Troitskaya T.V.**
Formation of the electoral legislation in the Republic of Crimea and Sevastopol: constitutional problems and prospects of development
- 84 Zyryanov I.A.**
To the question on the establishment of the constitutional court of the Republic of Krimea in the light of ensuring unity judiciary

- 90 Sergeeva N.P.**
Constitutional and legal fundamentals of interaction of public chambers of the Republic of Crimea and Sevastopol with the state authority bodies of the Republic of Crimea and city of Sevastopol
- 94 Berlyavskiy L.G.**
Current crisis in the Ukraine and trends of state-legal development of the Republic of Crimea
- 100 Kabyshev V.T.**
Integration of the Crimea and Sevastopol into the RF. Afterword

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 104 Dobrobaba M.B.**
The problem is communication to the object and the matter of service-delictual disciplinary legal relationships
- 108 Zakharova E.P.**
Questions the definition of “tourist activities” in Russian administrative law

CIVIL LAW

- 114 Formakidov D.A.**
The agreement on installation of members of family as an independent version of the contract in the housing right
- 121 Abdulaev A.H.**
Some problems of application of paragraph 2 of article 168 of the civil code in cases of bankruptcy
- 126 Agafonov I.S.**
The obligation of the commodity credit

CIVIL PROCEDURE. THE ARBITRATION PROCESS

- 131 Mrasteva O.S.**
Settlement agreement among conciliation procedures
- 135 Nikolaychenko O.V.**
The essence of the settlement agreement in the resolution of civil disputes
- 140 Kalamova Yu.B.**
Voluntary execution of the arbitral award as the final stage of arbitration (arbitration proceedings)

CRIMINAL AND CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- 146 Bytko Yu.I.**
Fundamentals of criminal policy
- 163 Verina G.V.**
Chapter 21 of the Criminal Code: after change
- 170 Zakayev A.H.**
Concept of a criminal responsibility in legislation and science of penal law

CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

- 176 Balakshin V.S., Klevtsov K.K.**
The election of a preventive measure in form of detention in respect of criminal prosecuted persons who are outside the territory of the Russian Federation

- 181 Galushkin V.I., Stepanov V.V.**
The problems of application the verificational methods of crime reports and the ways of its improvement
- 89 Mullakhmetova N.E.**
Abuse of the right of private prosecution
- 196 Khizhnyak D.S.**
Transnational criminal activity and its subjects
- 202 Shminke A.D.**
Optimization of the Process of Ensuring Rights and Legitimate Interests of the Victim in the Criminal Proceedings
- 206 Tikhy A.V.**
Discretion as an element of the mechanism of formation of internal belief of the judge in criminal cases

OTHER BRANCHES OF THE RIGHT

- 213 Pastushenko E.N., Zemtsova L.N.**
Topical issues of financial-legal regulation of activities of credit consumer cooperatives
- 217 Ivanova A.A.**
Legal regulation of journalistic activity in the Russian Federation
- 221 Kuzmina E.A.**
Network information warfare as the threat to global security
- 225 Lipkina N.N.**
The international legal obligation of a state to prevent human rights violations: the analysis of the main aspects of the content

RUSSIAN LANGUAGE AND COMMUNICATION

- 234 Avdevnina O.Yu., Devyatkina V.V.**
Plaintiff vs plaintiff: linguistic norms and socio-cultural codes of individual names in the legal discourse
- 244 Elina E.A.**
Suggestive effect in the interaction of poetic and pictorial discourse
- 249 Urunova R.D.**
Pronouns as a means of verbal communication strategies (based on the earliest written sources of the eastern slavs)
- 252 Folimonov S.S.**
About forms of the cultural and educational activities on the philological department at law high school

REVIEW

- 258 Samigullin V.K.**
Review of the monograph: Kabyshev V.T., Zametina T.V. Russia — Crimea — Sevastopol: consti tutional and legal research. M.: Publishing house "Gorodets", 2016. — 226 p.

INFORMATION

- 263 In Dissertation Councils**

А.А. Васильев, В.Ю. Соловьёв

О ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОГО ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА И СПЕЦИФИКИ СООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

В статье рассматриваются стратегически важные для нашей страны проблемы национальной самоидентичности и самосознания, затрагивающие интересы всех этносов, а также служащие неким базисом прогресса в современной России.

Ключевые слова: русский народ, православная культура, российское общество, государственно-правовая система, самоидентичность.

A.A. Vasil'ev, V.Yu. Soloviev

ABOUT PROSPECTS OF THE RUSSIAN ETHNO-RELIGIOUS COMMUNITY AND THE SPECIFICS OF THE CORRELATION OF CIVIL AND ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION (ON MATERIALS OF THE SARATOV PROVINCE)

Article submitted by the authors for discussion, linked to issues of national identity and consciousness, which for our Fatherland is strategically important, because they affect the interests of all ethnic groups, and also serve as a kind of progress in modern Russia.

Keywords: Russian people, orthodox culture, Russian society, state and legal system, self-identity.

В современном мире обилие информации преобразовывается в плюрализм различных точек зрения на те или иные исторические события и процессы. Поэтому очень важно, чтобы познание этнической и конфессиональной специфики было в центре внимания научного сообщества, а формирование современной структуры населения базировалось на богатом историческом опыте. Обращение к историческому опыту своей страны, малой Родины дает возможность по-новому взглянуть

© Васильев Андрей Анатольевич, 2017

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: andrey-231@mail.ru

© Соловьёв Валерий Юрьевич, 2017

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Soloviev66@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках конкурса (грант) РГНФ. Проект № 15-31-14003/15 «Региональные аспекты формирования российской нации».

на взаимоотношения власти и многонациональной семьи народов. Изучение и познание особенностей жизнедеятельности этносов в качестве активно действующих субъектов исторического процесса способно стимулировать позитивные тенденции развития. Подобные исследования этноконфессиональных основ позволит властным структурам противостоять тенденциям, идущим вразрез с традиционной системой ценностных ориентиров, а в переломные моменты общественного развития понять сущностные характеристики экстремальных ситуаций. В процессе жизнетворчества и жизнедеятельности традиционного общества всегда обнаруживаются две основные противостоящие тенденции. Однако такую устремленность можно назвать консервативной и охарактеризовать как стабилизирующую. Выражается она в том, что отдает предпочтение сохранению и поддержанию существующего социально-экономического, правового и культурно-исторического устройства. С другой стороны, существует направленность, которая вырастает из сомнения и неудовлетворенности прошлым опытом и ориентируется на изменение существующего традиционного уклада жизнедеятельности.

Культурно-историческая, государственно-правовая, социально-экономическая структура российского общества имеет свою специфику и всегда отличалась от ценностных ориентиров Запада. Коллективное сознание, самоидентичность и мироощущение народов России, покоившиеся на традиционалистских установках, сформировали нацию. Ценностные ориентиры, особый тип народного мышления и ментальности отразились в своеобразном понимании концепции государственного блага, справедливости, задач и функций высшей власти.

Хорошо известно, что духовность без питательного национального источника становится бездуховностью. Этот тезис подтверждают реформаторско-либеральные эксперименты, имевшие неутешительные результаты практически во всех сферах деятельности российского общества; при этом деструктивные инструменты либеральной политики подрывали государственные устои, духовные ценности, национальные традиции. Сложные процессы, связанные с интеграцией различных этноконфессиональных групп в единое экономическое, культурное, правовое и политическое пространство, помимо очевидных «плюсов», несли и значимые «минусы». Прежде всего, в этих процессах и явлениях содержалась угроза этнической и конфессиональной идентичности, которая в условиях национального подъема выражалась в усилении национализма. Например, подъем национального самосознания в дореволюционной России вступал в противоречие с тенденциями интеграции и субъективными настроениями части политической элиты империи. В результате этноконфессиональный мотив стал одним из важных факторов самоорганизации населения Российской империи, что определило роль этноконфессионального фактора как одного из главных аспектов распада Российской империи. Царское правительство своей тягой к заимствованиям на Западе не замечало пороков европейской цивилизации¹. Именно революционеры первыми увидели путь спасения государства в самобытности исторического пути России. Как славянофилы и исследователи дворянской школы, они признавали, что Запад развивается революционным путем, через потрясения, бунты и взрывы, т.е. скачкообразно, а Россия — плавно, спокойно, эволюционно².

Революционные потрясения поставили во главу угла ряд проблем, включая установление братских и добрососедских отношений администрации с неодно-

родным, в этноконфессиональном плане, населением страны. В связи с этим Временное правительство, а затем большевистское руководство предпринимали усилия к созданию условий, при которых ликвидировались лишние поводы для этнического недовольства. Следует отметить роль политики коренизации, главной задачей которой являлось не только укрепление советской власти на местах, но и рост национального самосознания нерусских народов путем подготовки и продвижения местных кадров для союзных республик и национальных автономий всех уровней. Такой курс наряду с политикой поддержки и развития национальных культур имел огромное значение для становления и прогресса этих народов. Модернизационные изменения учитывали особенную жизненную силу и ценность традиционного общества, которое при всех возможных деформациях имеет определенную устойчивость и постоянно способствует воспроизведению народных ценностей³.

Как известно, западно-латинская культурно-историческая традиция породила европейский тип реформации, создала условия для образования в своих недрах англосакского протестантского предпринимательского духа, определившего буржуазный тип организации социума. Коллективистские ценности Востока, симфония государственного устройства и соборное начало православия, являвшиеся базисом, ядром многонационального Российского государства, предопределили необъятную умозрительную лакуну между Западом и Востоком. Как уже отмечалось, капитализм — это зрелый продукт западноевропейской реформации. Россия в XX в. явила миру социализм — новый тип социально-экономических отношений, в основу которых были заложены традиционные приоритеты: социальная справедливость, равенство и братство, этноконфессиональный мир и толерантность, морально-нравственные установки и правила миропонимания, направляющие на созидательный труд. Индивидуалистическая этика была для народов, ментально сформировавшихся на необъятных просторах Евразийского пространства, органически неприемлемой. В Советском Союзе государственная идея была всецело посвящена благу ближнего через социальную систему общества. Грамотной модернизации, основанной на детальном познании специфики многонационального и поликонфессионального сообщества, удалось гармонизировать общественное устройство, его народно-хозяйственные, ментальные установки и культурно-ценностные коды, идущие из глубины веков. В их основании лежало серьезное морально-нравственное, духовно-этическое культурно-историческое понимание этики жизнедеятельности. Таким образом, через традиционные представления о личности индивидуума, освобожденного от эгоизма и превозношения, было актуализировано общинно-братское начало. Данное обстоятельство послужило причиной конфликта двух систем и цивилизаций. Это противостояние потребовало создания особых традиционно-исторических условий не только для мобилизации народно-хозяйственного механизма, но и для этноконфессиональной интеграции общества. Во многом благодаря общности «советский народ» стали возможны успехи в народном хозяйстве, победа в Великой Отечественной войне и успешное поступательное развитие в годы «железного занавеса».

Структурные изменения в промышленно-финансовой сфере Западной Европы обусловили глобальные последствия политического, социально-экономического и духовно-нравственного характера, выразившиеся в частых столкновениях из-за передела мира. Это побуждало россиян пристальнее всматриваться в окружа-

шую их жизнь и требовательнее относиться к историческим и историософским построениям. И хотя на последнем этапе существования Советского государства был явно заметен рост национального самосознания, а также понимание значимости конфессиональной принадлежности как фактора идентификации, народы России тяготели к общежитейскому уставу. Желание жить вместе возникало не только вследствие особого географического и природно-климатического своеобразия нашей страны, канонических правил и типологии традиционных верований, но и вследствие чего-то еще, более духовного, существующего благодаря способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет основу нравственной природы традиционного евразийского этноконфессионального сознания⁴.

Один из самых известных наших земляков Н.Г. Чернышевский — редактор журнала «Современник» — в своих исследованиях, отводя решающую роль в истории народным массам, стремился по-новому взглянуть на устройство российского полиэтнического общества. Критикуя западный тип общественного развития, он старался обосновать возможность для России безболезненного перехода к более современному и справедливому социальному бытию посредством уникальных традиционных институтов для всех народов, проживавших на ее территории⁵. С позиции сегодняшнего дня необходимо подчеркнуть степень полезности опыта народнической теоретической мысли для нынешней практической жизнедеятельности. Сопоставляя периоды, легко убедиться в том, что этнический и конфессиональный вопросы все также вызывают повышенное внимание властных структур; видно стремление к возрождению особого, самобытного пути развития России, к которым призывал Н.Г. Чернышевский. Символично, что именно в Саратовской губернии было выдвинуты теоретические обобщения в духе позитивизма по важнейшим сферам этноконфессиональной жизнедеятельности, благодаря которым с 1996 г. действует Общественный договор о согласии и социальном партнерстве между представителями всех народов, проживающих на территории нашего региона. Механизмом его реализации стала Общественная палата Саратовской области, которая привлекла к работе десятки политических и общественных организаций. Взаимодействие с национальными общественными объединениями и землячествами помогает правительству области и руководителям национальных объединений использовать различные формы работы для того, чтобы межнациональные и религиозные проблемы, порождаемые, как правило, политическими процессами, не приобрели необратимый характер и решались бы с учетом взаимозависимости социально-экономических, этнических и религиозных факторов⁶.

В Саратовской губернии русские являются системообразующим, титульным этносом (88%). Однако в последние десятилетия численность титульной нации уменьшается. Статистические данные по сокращению состава населения автохтонных народов имеются не только по русскому этносу, но и по татарам, украинцам, белорусам, немцам, евреям, угро-финским народностям⁷. В то же время регион активно осваивается армянами, азербайджанцами, чеченцами и корейцами. Причем для современного этапа характерен высокий уровень национального самосознания граждан, о чем свидетельствует значительное число зарегистрированных национальных объединений. Многообразной является и конфессиональная структура населения Саратовского края. Необходимо подчеркнуть, что в нашем регионе проживают граждане 111 национальностей, которые

объединены в более чем 50 национальных и 200 религиозных организаций. Авторы вынуждены констатировать, что с начала нового тысячелетия значительное развитие получили нетрадиционные объединения и секты. Это беда не только Саратовской губернии, Поволжья, но и России в целом. Данная ситуация обусловлена низким уровнем религиозного образования и стихийностью процесса религиозного возрождения. По мнению ученых и политиков, самую серьезную угрозу единству многонационального российского народа представляет т.н. деформация его русского ядра. Поэтому изменение структуры титульной нации может привести к постепенному разложению всей системы национальных отношений и территориальному развалу страны.

В современном мире легитимация сепаратизма зачастую идет под лозунгами возрождения особой, региональной идентичности. Так, например, появляются методики раскола единой национальной идентичности русских. Дробление по отдельным признакам дорого может обойтись не только русским. Этнические общности характерны для многих национальностей нашей страны. Но вести дело к разделению народов на этой основе — значит действовать и против них, и против всей многонациональной России⁸. После пугачевской трагедии, событий беспрецедентных для нашего региона, необходимо помнить, что Россия — многонациональная и многоконфессиональная страна. Согласно переписи населения 2010 г., в Российской Федерации проживают представители свыше 180 народов. Они говорят более чем на 230 языках и диалектах. Наши народы различны по происхождению, культуре и особенностям быта, но их тесно связывают жизнь в одном общем доме и узы только им присущей дружбы.

Выводы, которые надлежит сделать из происшедшего политикам и ученым, должны отражать современное понимание этапов развития российского общества, для которого главным является воспроизводство культурно-ценностных отношений, необходимых для новых поколений. Принятие уже готовой и апробированной западной модели многим кажется предпочтительнее и чревато меньшим риском, связанным с искушением новой самобытности и великодержавности. Некоторые государственные деятели исходят из тезиса, что достаточно перенести опыт развитых западных стран на российскую почву, чтобы достигнуть всеобщего благоденствия. Однако слепое подражание и копирование весьма рискованно: оно грозит разрушением основ национальной жизни, оставляя проблематичной натурализацию страны в чужой цивилизационной системе. Недостаток мимесиса состоит в том, что он предполагает механический ответ на собственную внутреннюю инициативу. Как показывает история становления резко вырвавшихся вперед стран Тихоокеанского бассейна, творческое переосмысление западных моделей модернизации с позиции своей культуры и традиций предпочтительнее пассивного заимствования. Народ, лишенный внутренней инициативы, быстро вырождается в люмпенов мировой цивилизации, ждущих подачек со стороны. Некоторые симптомы такого вырождения мы, к сожалению, уже наблюдали в 90-е гг. XX в.⁹

В Саратовской губернии остро стоит вопрос о перспективах этноконфессионального сообщества и специфики соотношения гражданской и национальной принадлежности населения. Поэтому фактором, который благотворно повлияет на этнополитическую и этноконфессиональную ситуацию, является, во-первых, равный доступ к власти представителей этнических групп, проживающих в регионе. Основные национальные группы (русские, татары, казахи, украинцы,

мордва, башкиры, чувашаи, белорусы, немцы, евреи и др.) представлены среди глав администраций районов, поселковых, сельских советов, заведующих районными, городскими отделами образования, здравоохранения, культуры, работников административных и правоохранительных органов, а также представительных органов власти — Государственной Думы, органов местного самоуправления, что практически способствовало снятию вопросов со стороны национальных общественных объединений об установлении квот для представителей национальных диаспор при формировании всех ветвей власти. Во-вторых, когда в условиях деидеологизации и деполитизации массового сознания особую актуальность приобретает религиозный фактор в формировании культурных установок людей, стало просто необходимым изучение историко-культурного потенциала в сфере религиозных верований, преобладающих в Поволжском регионе. Здесь особое значение приобретает исследование тех теоретических аспектов школьного и вузовского образования, которые помогут разрабатывать механизмы включения в эти социокультурные институты элементов национального просвещения, образования и воспитания, будут способствовать передаче новым поколениям информации об общецивилизационных достижениях народов, населяющих область. Таким образом, в условиях продолжающегося усиления этноконфессионального самосознания все более актуализируется задача налаживания диалога между различными группами населения Саратовской губернии. Необходимо обеспечить проведение мер, непосредственно направленных на взаимодействие с этноконфессиональными общностями, проживающими в регионе. Для благоприятного межконфессионального и межэтнического общения государственная власть должна создать оптимальные социально-экономические, политические, культурные и правовые условия, призванные не допустить самоорганизации этноконфессиональных общностей по пути национализма, экстремизма и этнократии.

В целом для Российской Федерации политика по этноконфессиональному вопросу должна быть направлена на совершенствование государственных структур в деле реализации интересов граждан всех национальностей, проживающих на территории субъектов Федерации; обеспечение межнационального согласия, уважения к традициям предков; создание условий для социально-экономического и культурного развития народов и их взаимодействия; предотвращение межэтнических конфликтов. Стремление к возрождению российской государственности и межэтническое братство должны стать девизом правительства по национальному и конфессиональному вопросам и восприниматься современным обществом в качестве обязательных условий восстановления могущества страны.

¹ См.: Герасименко Г.А. *Философские основы российской исторической науки. Дооктябрьский период.* Саратов, 2002. С. 58–59.

² См.: Карамзин Н.М. *Записка о древней и новой России.* СПб., 1914. С. 61–117; Кириевский И.В. *Полн. собр. соч.* Т. 1. М., 1911. С. 290–305; Самарин Ю.Ф. *Собр. соч.* СПб., 1880. Т. 1. С. 51; Хомяков А.С. *Полн. собр. соч.* Т. 1. М., 1861. С. 359–277.

³ См.: Кабытов П.С. *Аграрные отношения в Поволжье периода империализма: дис. ... д-ра ист. наук.* М., 1983. С. 152–157.

⁴ См.: Васильев А.А., Соловьёв В.Ю. *Этноконфессиональная идентичность: исторический анализ роли этнокультурных факторов в жизнедеятельности российского общества (на примере Саратовской губернии)* // *Власть.* 2013. № 11. С. 40–44.

⁵ См.: Чернышевский Н.Г. *Полн. собр. соч.:* в 15 т. М., 1950. Т. 1. С. 877, 887.

⁶ См.: Васильев А.А., Соловьёв В.Ю. *Пути гармонизации государственно-конфессиональных отношений в России.* Саратов, 2013.

⁷ Васильев А.А., Соловьёв В.Ю. Этноконфессиональная идентичность: исторический анализ роли этнокультурных факторов в жизнедеятельности российского общества (на примере Саратовской губернии) // *Власть*. 2013. № 11. С. 40–44.

⁸ См.: Васильев А.А. Государство и право в сознании русского народа. Заметки и размышления // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. Саратов, 2016. № 2 (109). С. 57–62.

⁹ См.: Соловьёв В.Ю. Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы. Саратов, 2008.

М.Н. Лядащева-Ильичева

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается вопрос о методологии и методике исследования процесса модернизации гражданского законодательства в России XIX — начала XX в., которая способствовала как его либерализации, так и консервативной направленности.

Ключевые слова: гражданское законодательство, правовая модернизация, реформы и контрреформы, модернизация гражданского законодательства.

M.N. Ladasheva-Ilicheva

MODERNIZATION OF CIVIL LEGISLATION IN RUSSIA OF XIX — BEGINNING OF XX CENTURY: METHODOLOGICAL ASPECT

The article discusses the methodology and methods of researches of process of modernization of civil legislation in Russia XIX — early XX centuries, which was promoted as its liberalization, and conservative orientation.

Keywords: civil legislation, legal modernization, reforms and counter-reforms, modernization of the civil legislation.

В 90-е гг. XX в. появляются работы по проблемам модернизации истории России. Теория модернизации воспринимается многими учеными в качестве приспособления традиционных государственно-правовых институтов к новым формам. Динамика процесса модернизации стала связываться с социокультурными особенностями каждой отдельно взятой страны.

В России политологи и социологи не только делают попытку адаптировать данную теорию к национальной истории¹, но и выявляют ряд ее закономерностей, выдвигают концепцию волнообразного циклического развития российского общества и государства. Теория модернизации, по мнению В.И. Пантина и В.В. Лапкина, это одна из теорий общественно-исторического развития, согласованных с парадигмой прогрессивных изменений, очерченной философией Нового времени².

Особенность российской модернизации, как считают указанные авторы, заключается в разрушении традиционного общества с его сословиями, общинного уклада, основанной на автократии политической системы, адекватного всему этому ценностного строя, но «дальнейшая эволюция так и не привела к образованию политического, экономического и социокультурного порядков, ко-

© Лядащева-Ильичева Марина Николаевна, 2017

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ljad-il@yandex.ru

торые соответствовали бы парадигме современного общества»³. Они обосновали «осовременивание политической системы» как волнообразный, а не линейно-поступательный процесс развития. В истории России «волны относительной либерализации неоднократно сменялись волнами антилиберальной контрмодернизации»⁴. Противоречивые модернизационные процессы в России наиболее полно выражаются в волнообразном развитии через циклы реформ — контрреформ.

Применительно к модернизации гражданского законодательства в России XIX — начала XX в. в рассматриваемой концепции представляют интерес три цикла реформ — контрреформ.

Первый цикл — либеральные реформы императора Александра I, направленные на развитие государственно-политической системы в России, были завершены контрреформой императора Николая I, призванной поставить под контроль государственной власти общественную жизнь. Этот цикл включал: реформы 1801–1811 гг.; переход к контрреформам (1811–1825 гг.; контрреформы 1825–1855 гг.; переход к реформам 1855–1859 гг.

Второй цикл начинается с Великих либеральных реформ 60-х гг. XIX в. императора Александра II и завершается контрреформами императора Александра III. В рамках этого цикла осуществились: реформы 1859–1875 гг.; переход к контрреформам 1874–1881 гг.; контрреформы 1881–1894 гг.; переход к реформам 1894–1905 гг.

Третий цикл берет начало с реформ С.Ю. Витте — П.А. Столыпина и завершается «контрреформаторской акцией» — «военным коммунизмом», а также гражданской войной, уничтожившими начавшиеся преобразования. Этот цикл составляют реформы 1905–1911 гг.; переход к контрреформам 1911–1917 гг.; контрреформы 1917–1921 гг.; переход к реформам 1921–1922 гг.⁵

И все же в научной литературе остается открытым вопрос о критериях вычленения циклически-волновых процессов из всего многообразия социально-политических трансформаций⁶. По мнению В.И. Пантина, в политической науке доминируют представления о линейном развитии политических систем, а также циклические и волновые модели, которые потенциально призваны способствовать описанию различных типов политических систем — эволюционного, инволюционного, кругового, колебательного, «скачкообразного» и др.⁷ В данном контексте речь идет о приоритетном значении политических реформ и контрреформ по отношению к социальной модернизации. Этот подход получил осмысление в статьях Н.С. Розова⁸, И.С. Семененко⁹ и других исследователей.

Т.А. Корниенко подчеркивает, что российская политическая модернизация воспринимает институты и процедуры, выработанные на западной почве, но наполняет воспринятые формы традиционным культурным содержанием. Своеобразным «эталоном» модернизации в России являлись европейские государства, по образу которых проводились политические, социально-экономические и культурные преобразования¹⁰.

По мнению К.Г. Холодковского, сторонники реформ в России обычно мобилируются перед лицом внешней угрозы, но лишь не надолго, выдвигаются на первый план. В дальнейшем происходит мобилизация носителей консерватизма и традиционализма, использовавших ошибки «модернизаторов». Поступательное движение сменяется контрреформами. Спустя некоторое время попытка реформы повторилась. Концептуализация данного подхода к изучению политической истории России по-прежнему сохраняет свою актуальность¹¹.

В России каждый реформаторский виток, с точки зрения Д.Г. Горина, был связан с расколом общества на реформаторов и традиционалистов, что затрудняло синтез традиции и новаторства. Именно этот раскол порождал цикличную смену периодов реформ и контрреформ, а сами реформы нередко сводились к имитации формальных признаков западных институтов, за которыми скрывались весьма специфичные практики регулирования российских реалий. Консервативная направленность преобразований способствовала синхронизации процессов, происходивших на разных уровнях развития культуры и общества. Соответственно волны реформ и контрреформ можно воспринимать в качестве способа разрешения противоречий между развитием и преемственностью¹².

Исследователи политической модернизации в России не дают обоснования концептуальных подходов, методологии и методики изучения российского государственного законодательства.

В постсоветской историко-правовой научной литературе широко представлен политический аспект в исследовании государственно-правовых идей и институтов, в оценке государственных и судебных реформ, систематизации российского законодательства, который предполагает особое внимание историка права к изучению влияния формы государства на процессы формирования и развития идей и институтов гражданского права в системе права. Позитивист традиционно изучает правовую модернизацию через деятельность органов государственной власти: законодательных и правоприменительных, а также руководствуется особенностями и закономерностями реформирования и контрреформирования, прежде всего, в контексте формальной стороны законодательства.

В рамках исследования модернизации гражданского законодательства в России XIX — начала XX в. были использованы концептуальные подходы И.В. Архипова¹³, С.В. Кодана¹⁴, А.А. Дорской¹⁵.

Так, в работах И.В. Архипова и его учеников, изучавших институты торгового и гражданского права в России XIX — начала XX в. (З.К. Енамуковой, Т.В. Исаевой и др.), особое внимание уделялось их анализу с точки зрения теории модернизации, с учетом активного использования западноевропейского правового опыта в рамках систематизации законодательства¹⁶.

В историко-правовом исследовании гражданского законодательства в России XIX — начала XX в. необходимо учитывать особую роль государства в процессе политической, социальной и правовой модернизации. Существовавшие разногласия приводили к противоречивости российского законодательства в целом и гражданского в частности.

Примат публичного интереса над частным формировался в России веками под влиянием внутренних и внешних угроз. Все попытки реформирования государственно-правовой системы в истории России на основе чуждых большей части народа идей завершались противоречивостью их восприятия в обществе и приводили государственную власть к осознанию необходимости контрреформаторской деятельности во всех сферах. Так, стремление законодателя установить примат частного интереса над публичным, скорее, соответствует либеральным реформам, чем консервативным преобразованиям.

Ответ на вопрос о смысловой нагрузке понятия «модернизация» связывается в литературе с критерием оценки государственно-правовых идей и институтов управления и законодательства.

Политическая модернизация определяла степень заимствований в процессе законодательного регулирования общественных отношений, а также систематизации российского законодательства. Российское самодержавное государство с осторожностью использовало в качестве средства модернизации результаты научных изысканий отечественных юристов, в т.ч. направленных на изучение политико-правового опыта Римской империи и стран Западной Европы.

Этапы реформирования и контрреформирования гражданского законодательства рассматриваются в аспекте правовой модернизации. Поэтому в процессе изучения модернизации российского законодательства юристы изучают не только историю и догму гражданского права, но и теоретические и методологические проблемы модернизации гражданского законодательства.

Либеральные реформы (коренные преобразования) в России всегда сменялись их консервативной направленностью (контрреформой), т.е. постепенными преобразованиями правовых идей и институтов. Так, все попытки коренным образом изменить основные начала (идеи, принципы) действующего законодательства приводили к идее его кодификации с использованием государственно-правового опыта стран Западной Европы. Однако модернизация гражданского законодательства прослеживается в результате применения идеи его поэтапной систематизации: инкорпорации, консолидации и лишь затем кодификации.

Если придерживаться модели волнообразного или циклического развития России, предложенной В.И. Пантиным и В.В. Лапкиным, то модернизация гражданского законодательства в России XIX — начала XX в. также может изучаться в рамках соответствующих циклов политической модернизации.

Первый цикл — Комиссия составления законов в 1801–1811 гг. создает проект Гражданского уложения 1809 г., но он был признан неудачной попыткой кодификации на основе Гражданского кодекса Франции 1804 г. В 1811–1825 гг. в деятельности законодателя просматривается переход к контрреформам, что проявлялось в постепенном осознании чиновниками идеи поэтапной систематизации гражданского законодательства в формах инкорпорации, консолидации и кодификации.

Контрреформы в сфере законодательного регулирования общественных отношений позволили Императору Николаю I в 1825–1855 гг. систематизировать действующее законодательство в форме Полного собрания законов Российской империи 1830 г. и Свода законов Российской империи 1832, 1842 гг.

В 1855–1859 гг. переход к реформам гражданского законодательства проявлялся в постепенных изменениях правовых идей и институтов Свода законов Российской империи 1857 г. В контексте политической контрреформы в Своде законов Российской империи 1832–1857 гг. удалось изложить систему отраслей законодательства: государственного, гражданского, земельного и др.

Второй цикл — в период либеральных реформ (1859–1874 гг.) модернизация гражданского законодательства просматривается в развитии правовых идей и институтов в рамках Свода законов Российской империи. В частности, в ходе Судебной реформы 1864 г. законодатель разграничивает Свод гражданских законов и Устав гражданского судопроизводства. Вместо попыток кодификации гражданского законодательства предпринимались попытки реформирования его отдельных институтов и разделов.

Однако либеральные реформы уже к началу 70-х гг. XIX в. привели к противоречивости основных начал (идей, принципов) действующего законодательства:

Основных государственных законов, законов о состояниях, Свода гражданских законов, Устава гражданского судопроизводства, что сделало невозможным завершение работ над законопроектами, призванными реформировать отдельные институты и разделы на основе либеральных правовых идей. Соответственно в 1874–1881 гг. в деятельности органов государственной власти прослеживался переход к контрреформам в сфере законодательного регулирования гражданско-правовых отношений.

Политические контрреформы в 1881–1894 гг. характеризуются стремлением императора Александра III кодифицировать только общее действующее гражданское законодательство. В юридической литературе обсуждался вопрос о юридической силе будущего Гражданского уложения.

Переход к реформам (1894–1905 гг.) характеризуется стремлением законодателя создать проект Гражданского уложения, но его принципы, систему и содержание не удалось согласовать с такими томами Свода законов Российской империи, как Свод законов о состояниях, Устав гражданского судопроизводства.

Третий цикл — реформы С.Ю. Витте — П.А. Столыпина 1905–1911 гг. — привели к либерализации гражданско-правовых отношений, что просматривается в процессе законодательного регулирования наиболее динамично развивавшихся из них. Проект Гражданского уложения так и не получил одобрения в Государственной Думе. Переход к контрреформам 1911–1917 гг. проявлялся в возврате законодателя к идее инкорпорации и консолидации гражданского законодательства. Кодификация гражданского законодательства была невозможна в силу многочисленных факторов.

В феврале — октябре 1917 г. произошла русская революция, поэтому многие нормы, институты и разделы гражданского права потеряли юридическую силу в связи с политической и социальной модернизацией, поэтому систематизировать действующее гражданское законодательство было практически невозможно даже в форме его инкорпорации¹⁷.

С октября 1917 г. по 1921 г. процесс модернизации гражданского законодательства просматривался в ходе его систематизации. Правовая модернизация также прослеживалась в правовых идеях, институтах и системе советского гражданского законодательства. И.Б. Новицкий подчеркивал, что, поскольку государство и право неразрывно связаны между собой, научное освещение истории советского гражданского права должно вестись так, чтобы раскрыть их взаимосвязь¹⁸.

Первый этап советской гражданско-правовой науки О.А. Красавчиков датировал 1917–1922 гг., результатом которого стало принятие Гражданского кодекса РСФСР¹⁹.

Общетеоретической и методологической основой для историко-правового исследования советского гражданского законодательства могут служить подходы Т.Е. Новицкой²⁰ и С.В. Кодана²¹.

Особый теоретико-методологический интерес для историка права, изучающего проблемы политической модернизации в России, представляют работы В.Н. Корнева о формировании и развитии либеральной и консервативной традиции в России начала XX в.²²

Итак, плюрализм методологии позволяет позитивистам применять в историко-правовых исследованиях гражданского законодательства на основе сочетания диалектического материализма синергетический и системный методы. И все же именно системный метод дает возможность позитивисту выявить особенности и

закономерности процесса модернизации гражданского законодательства. Соответственно политический аспект в историко-правовом исследовании гражданского законодательства просматривается в формальном воплощении особенностей и закономерностей формирования и развития, либеральных и консервативных гражданско-правовых идей и институтов.

¹ См.: *Ахиезер А.* Россия: критика исторического опыта: в 3 т. М., 1991; *Красильников В.А.* и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 41–44.

² См.: *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Волны политической модернизации в России // *Полис. Политические исследования.* 1998. № 2. С. 39–51.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 42–46.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Волны и циклы политического развития. Заочный круглый стол // *Полис. Политические исследования.* 2002. № 4. С. 18.

⁷ См.: *Пантин В.И.* Возможности циклически-волнового подхода к анализу политического развития // *Полис. Политические исследования.* 2002. № 4. С. 19.

⁸ См.: *Розов Н.С.* Циклы российской истории: анализ порождающего механизма // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2006. № 1. С. 56–62.

⁹ См.: *Семенов И.С.* Парадигма эволюционных циклов истории // *Полис. Политические исследования.* 2006. № 2. С. 173–177.

¹⁰ См.: *Корниенко Т.А.* Политическая модернизация в России: механизмы взаимодействия общеисторических императивов // *Каспийский регион: политика, экономика и культура.* 2011. № 4. С. 82.

¹¹ См.: *Холодковский К.Г.* Механизм российской цикличности // *Полис. Политические исследования.* 2011. № 6. С. 17.

¹² См.: *Горин Д.Г.* Политические реформы и контрреформы в контексте долгосрочных циклов цивилизационно-культурной динамики России // *Среднерусский вестник общественных наук.* 2012. № 3. С. 124.

¹³ См.: *Архипов И.В.* Торговое право России в XIX в.: этапы модернизации // *Государство и право.* 2004. № 6. С. 35–50.

¹⁴ См.: *Кодан С.В.* Исторический подход в изучении преемственности и новаций в юридической политике Российского государства (XIX — начало XX в.) // *Юридическая техника.* 2011. № 5. С. 229.

¹⁵ См.: *Дорская А.А.* К вопросу об основных направлениях исследования правовых реформ в России // *Вопросы правоведения.* 2015. № 1. С. 91.

¹⁶ См.: *Архипов И.В.* Коммерческое судоустройство и судопроизводство России в XIX веке (проблемы модернизации). Саратов, 1999. С. 3–8.

¹⁷ См.: *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Указ. раб. С. 42–46.

¹⁸ См.: *Новицкий И.Б.* История советского гражданского права. М., 1957. С. 6–7.

¹⁹ См.: *Иоффе О.С.* Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1. Л., 1975. С. 35.

²⁰ См.: *Новицкая Т.Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. История создания. Общая характеристика. Текст. Приложение. 2-е изд., доп. и испр. М., 2002. С. 1–10.

²¹ См.: *Кодан С.В.* Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе источников российского права // *Вестник Московского университета. Сер. 11: Право.* 2009. № 1. С. 385–401.

²² См.: *Корнев В.Н.* Либеральная и консервативная традиция в государствоведении России начала XX века // *История государства и права.* 2002. № 6. С. 6.

О.Н. Полуда

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА Ж. БОДЕНА

Статья посвящена исследованию государственно-правовых идей французского политического мыслителя, социолога и правоведа эпохи Возрождения Ж. Бодена. Акцентируется внимание на категории «суверенитет», анализируется правовая позиция автора о сущности государственного суверенитета.

Ключевые слова: публичное право, государственный суверенитет, светское государство, государственная власть, закон, гражданин, народовластие, свобода и собственность.

© Полуда Оксана Николаевна, 2017

Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: poluda77@gmail.com

O.N. Poluda

THEORETICAL BASIS OF THE CONCEPT OF STATE SOVEREIGNTY J. BODEN

The article is devoted to research state-legal ideas of the French political thinker, sociologist and jurist J. Boden. The article focuses on the category of “sovereignty” the author analyzes the legal position of the essence of state sovereignty.

Keywords: public law, state sovereignty, a secular state, the government, the law, citizen, democracy, liberty, and property.

В пределах своей территории каждое государство в современном мире обладает суверенитетом, который исключает на данной территории власть другого государства. При отсутствии подобного разграничения территориального верховенства между всеми государствами любое из них могло бы претендовать на осуществление своего верховенства в отношении одной и той же территории, одних и тех же людей и вещей. В результате — хаос и анархия в отношениях между государствами, нациями, людьми¹.

Изменения, происходящие в соответствии с общемировыми тенденциями, обусловленные процессом глобализации, свидетельствуют о чрезвычайной важности вопроса о признании и уважении суверенитета каждого государства. Теоретическая и практическая значимость данной проблематики в современных условиях предопределяется тем фактом, что суверенитет выступает главным средством обеспечения территориальной неприкосновенности любого государства, невмешательства во внутренние дела других стран, что отвечает демократическим установкам, обозначенным в нормах Конституции РФ. В связи с этим актуальным представляется обращение к вопросу об истории формирования и развития категории «суверенитет» как государственно-правового явления.

Основы теоретического знания о суверенитете были заложены французским политическим мыслителем, социологом и правоведом Ж. Боденом. Понятие «суверенитет» появилось в литературе в XVI в. Данное обстоятельство было вызвано отчасти особенностями исторической эпохи жестоких религиозных войн во Франции, враждой протестантизма и католицизма, глубоким кризисом, который претерпевало общество, расколовшись на партии, не способные достигнуть согласия ни по каким принципиальным вопросам. В поиске объединяющих начал для взаимного примирения протестантов и католиков Ж. Боден стремился к новому государственному устройству, в котором сильная и стабильная власть положила бы конец феодальной раздробленности и постоянной борьбы феодалов. Находясь выше религиозной вражды, она примирила бы обе стороны, утвердив принцип веротерпимости. К сожалению, как не раз указывал французский мыслитель, все предшествующие авторы, употреблявшие термин «суверенитет», не давали ему четкого определения. В связи с этим он писал, что необходимо сформулировать определение суверенитета, поскольку нет ни одного юрисконсульта, политического философа, который бы сделал это². По общему признанию ученых Бодену отводятся особая роль и место в разработке теории суверенитета. Он по праву считается первым теоретиком суверенитета и именно с него начинается история этого понятия.

Государство в учении Ж. Бодена есть осуществление суверенной властью справедливого управления многими семьями и тем, что находится в их общем владении³. Определение Ж. Бодена понятия «суверенитет», введенное им впервые в научный оборот, стало общепризнанным и исходным теоретическим принципом его концепции государственного суверенитета.

Следуя логике рассуждений правоведа, государство наделялось такими признаками, как суверенная власть, справедливое управление народом («многими семьями») и имуществом. Помимо названных признаков, французский мыслитель выделял и такие, как достаточная территория и местность, пригодная для жителей, плодородие страны, множество скота для пропитания и одежды подданных, а также мягкость климата, температура воздуха, доброкачественная вода; материалы, пригодные для строительства домов и крепостей, если «местность сама по себе не является достаточно укрытой и естественно приспособленной к защите»⁴.

Исследуя *процесс появления государства*, Ж. Боден отмечал, что «всякое государство либо происходит от семьи, которая постепенно размножается, либо сразу учреждается посредством собирания народа воедино, либо образуется из колонии, происшедшей от другого государства.....Но и те и другие государства учреждаются по принуждению сильнейших или же в результате согласия одних людей добровольно передать в подчинение других людей всю свою свободу целиком, с тем чтобы эти последние ею распоряжались, опираясь на суверенную власть, либо без всяких законов, либо на основе определенных законов и на определенных условиях»⁵. Итак, образование государства, считал Ж. Боден, возможно несколькими путями: 1) из семьи, 2) путем договора, 3) путем завоевания.

Появлению государства в первом случае способствовал правильно организованный семейный союз. Семья, по мнению ученого, это основа государства и в то же время государство в миниатюре, поэтому ее определение совпадало с определением государства. Согласно воззрениям Бодена семья — это соединение нескольких лиц, связанных общностью, под справедливой властью главы семейства. Постепенно «появляется особое отношение к детям, складываются родственные отношения между братьями, затем среди родственников по мужской линии и членов рода... Далее следуют объединения, основанные на браках между людьми разных национальностей. Потом соседские общины строят свои дома отдельно друг от друга, но селятся кучно... Мало-помалу дружба объединила человечество в союз, расширив его связи от одного дома до нескольких семей, деревень, городов, поселений и целых народов, и процесс этот шел до тех пор, пока не охватил весь человеческий род, и это поддерживалось всеми»⁶.

Выступая в защиту семьи, Ж. Боден критиковал Платона⁷. В его понимании квинтэссенция закона в природе и обществе есть общий фундамент, на котором возвышаются и сочетаются власти в семье и государстве. Естественная власть главы семьи сосуществует с полномочием государства в лице суверенного монарха⁸. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что французский философ отошел от понимания политической власти в интерпретации Платона, Аристотеля, в рамках римского права, а также средневековых ученых. Необходимо отметить, что критике он подвергал и различие форм правления, на основе идеи справедливости, изложенных также греческими философами. В первую очередь, по его мнению, следовало исходить из идеи и принципа суверенитета.

Государство из договора предполагало согласие людей добровольно отказаться от всей своей свободы целиком на определенных условиях (или без них) в пользу других людей. Боден писал: «Народ или властители без каких либо условий могут отдать суверенную и вечную власть какому-нибудь лицу, с тем чтобы оно по своему усмотрению распоряжалось имуществом (государства), лицами и всем государством, а затем передало все это кому захочет, так же как собственник может без всяких условий отдать свое имущество единственно лишь по причине своей щедрости...»⁹. Рассуждая о договорном происхождении государства, ученый подчеркивал, что переход суверенитета от народа к государю производится без остатка. Носителем власти может быть только народ страны, который по своему усмотрению распоряжается ею.

Еще один способ образования государства, по мнению Ж. Бодена, когда «государства учреждаются по принуждению сильнейших» или путем завоевания. Тогда воля одного становится законом для всех.

Основным признаком нового государства по Ж. Бодену выступал *суверенитет*, определяемый им как абсолютная и вечная власть государства, стоящая над всеми гражданами и не имеющая над собой ничего высшего, даже закона. Итак, государство должно быть суверенным, т.е. верховным и неограниченным.

Исследуя сущность государственной власти, Ж. Боден наделял ее следующими свойствами. Суверенная власть государства распространялась на все общество и, таким образом, носила публичный характер. Это принципиальное положение, по мнению правоведа, позволяющее отличить ее от власти главы семьи или различных общественных организаций, которая могла носить только частный характер.

Верховная власть должна быть *постоянной*, она не может быть временной; только перенесенная на лицо всецело без ограничения каким-либо сроком, она может сохранить свое верховное значение. Верховная власть должна быть неограниченной, абсолютной; она может быть ограничена только «божескими» и естественными законами, но она выше всяких человеческих законов, т.к. сама является единственным их источником. В этом, по мнению автора, состояло преимущество нового государства над средневековым, последнее вследствие своей раздробленности и постоянной борьбы феодалов не могло обеспечить единого для всех права.

Абсолютная верховная власть не может быть связана никакими обещаниями, т.к. она всегда может изменить законы, изданные ею. Власть должна быть *единая и неделимая*, она не допускает никаких других государственных органов, которые стояли бы над нею или рядом с ней.

Обладатель верховной власти в теории Ж. Бодена являлся только полномочным представителем государства, своими действиями был призван выражать волю народа и управлять им во имя общего блага. В этой связи философ отмечал, что суверенитет, данный государю на каких-то условиях и налагающий на него определенные обязанности, не является ни суверенитетом, ни абсолютной властью, если только то и другое при установлении власти государя не происходит от закона Бога или природы.

С этих позиций Ж. Бодена абсолютная власть государей и суверенных властителей. Относительно остальной степени ответственности суверенных правителей ученый подчеркивал, что необходимо, чтобы суверены не подчинялись повелениям других людей и могли давать законы подданным и отменять их, лишать

силы бесполезные законы, заменяя их другими. Суверенный государь должен являться и высшим судьей в государстве, которому принадлежало право помилования¹⁰. Рассуждая о добродетели суверена, Боден в то же время отмечал, что добродетельных государей мало, а из небольшого числа добродетельных лиц государи обычно не избираются. Поэтому если среди множества в государстве находится один в высшей степени хороший человек, то это великое дело. Боден писал: «Священные законы природы хотят, чтобы скипетры были отняты из рук злодеев и вручены добрым и чтимым государям. Добро во всем мире сильнее и могущественнее зла... Бог пожелал, чтобы душа управляла телом, небо — землей, разум — аппетитом; если случится так, что аппетит не подчиняется разуму, частные лица — государственным служащим, государственные служащие — государю, а государи — Богу, то тогда мы видим, что Бог наказывает своих клеветников и исполняет установленный им закон, передавая королевства и империи наиболее мудрым и достойным государям или менее несправедливым и лучше подготовленным для управления делами и народами...»¹¹. Итак, Боден выступал против политической аморальности, оправдывающей действия тиранов и деспотов.

Носитель суверенной власти, по мнению Ж. Бодена, наделялся следующими исключительными правами:

- в сфере законотворчества мог издавать, изменять или отменять законы;
- объявлять войну и заключать мир;
- назначать высших должностных лиц государства;
- взимать налоги и сборы;
- являлся высшей судебной инстанцией с правом помилования.

В работе Н.В. Болдырева, посвященной анализу теории суверенитета Ж. Бодена, кроме указанных, также говорилось о праве назначения высших чиновников, праве чеканить монету, некоторых правах фиска (например, конфискация за оскорбление Величества, делание фальшивой монеты и пр.)¹².

Что касается ограничений власти монарха, то они допускались в следующих случаях:

- при нарушении им божественных и естественных законов;
- повышении налогов без согласия народа;
- отказа от выполнения международных соглашений.

Изучая природу государственной власти, Ж. Боден приходит к одному из главных выводов: оно должно быть *светским*. Тем самым мыслитель выражал протест против сложившейся зависимости государства от церкви, которая ставила государственную власть в подчинение господствующей церкви, заставляя поддерживать одну религию и притеснять другую, вторгаться в ту внутреннюю область, где человек сам себе должен быть господином¹³.

Французский ученый не разделял взглядов Аристотеля, определявшего сущность государства через понятие о гражданине¹⁴. Напротив, обладание политическими правами не являлось ключевым признаком, позволявшим отличить гражданина, скажем, от иностранца, поскольку *гражданин* — это любой свободный человек, подчиненный высшей государственной (суверенной) власти. Другими словами, в отличие от греческого философа Ж. Боден понятие о гражданине выводил из понятия о государстве.

Таким образом, в суверенном государстве, согласно концепции Бодена утверждено на началах законности, равноправия и свободы в борьбе с противо-

действующими силами, необходимо могущество верховной суверенной власти, определение качественных свойств которой было главной задачей ученого. Отмечая вклад французского правоведа в развитие теории государственного суверенитета, следует сказать, что его идеи, облеченные в новые формы, получили дальнейшее развитие в работах последователей, в которых уже звучали мысли о разделении властей и народном суверенитете.

¹ См.: *Задорожный Г.П.* Внешняя функция современного империалистического государства. М., 1958. С. 301.

² См.: *Агабеков Г.Б.* Жан Боден — основоположник концепции государственного суверенитета: научный аналитический обзор. М., 1990. С. 31.

³ См.: *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // *Демиденко Г.Г., Борисов Г.А.* История политических и правовых учений. Хрестоматия. Белгород, 1999. С. 134.

⁴ Там же. С. 134–135.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ *Боден Ж.* Метод легкого познания истории / пер., прим. М.С. Бобковой. М., 2000. С. 188–189.

⁷ Так, Боден утверждал: «Платон не учел, что, если бы его проект об общности имущества, жен и детей был осуществлен, то уничтожилась бы главная характерная черта государства, потому что нет ничего публичного там, где нет ничего частного, так же как не было бы государства, если бы все подданные были монархи, не было бы гармонии... Такое государство было бы прямо противно законам Бога и природы, которые не только отвергают кровосмешение, прелюбодеяние, отцеубийство, неизбежные при общности жен, но отвергают всякую попытку присвоить себе чужое. Следовательно, государство так устроено Богом, чтобы отдать государству то, что ему принадлежит, а каждому частному лицу — то, что составляет его достояние» (*Боден Ж.* Шесть книг о государстве // *Демиденко Г.Г., Борисов Г.А.* Указ. раб. С. 136).

⁸ См.: *Агабеков Г.Б.* Указ. раб. С. 32.

⁹ *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // *Демиденко Г.Г., Борисов Г.А.* Указ. раб. С. 135.

¹⁰ См.: *Боден Ж.* Метод легкого познания истории / пер., ст., прим. М.С. Бобковой. С. 34.

¹¹ См.: *Агабеков Г.Б.* Указ. раб. С. 35.

¹² Подробнее об этом см.: *Болдырев Н.В.* Учение Жана Бодена о государстве и государственной власти // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1910. № 1. Ч. 25 нов. серии. С. 86–88.

¹³ См.: *Новгородцев П.И.* Конспект к лекциям по истории философии права. М., 1909. С. 97. В контексте сказанного отметим, что Ж. Боден отстаивал в равной степени и автономию личности, отсюда его убеждение, что область гражданского права являлась закрытой от вторжения в нее верховной власти. Подробнее об этом см.: *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // *Демиденко Г.Г., Борисов Г.А.* Указ. раб. С. 136; *Боден Ж.* Метод легкого познания истории / пер., прим. М.С. Бобковой. С. 195.

¹⁴ См.: *Аристотель.* Политика // *Демиденко Г.Г., Борисов Г.А.* Указ. раб. С. 42.

Е.М. Терехов

МОНИТОРИНГ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА

В статье рассматривается вопрос осуществления интерпретационного мониторинга на территории Российской Федерации; аргументируется его самостоятельность как разновидность правового мониторинга; выявляются проблемы, предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: правовой мониторинг, интерпретационный мониторинг, интерпретационный акт, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Европейский суд по правам человека.

Е.М. Terekhov

MONITORING OF INTERPRETIVE ACTS IN THE SYSTEM OF LEGAL MONITORING

In the article deals with the question of the interpretive monitoring on the territory of the Russian Federation; argued his independence as a kind of legal monitoring; identify problems and offer possible solutions.

Keywords: legal monitoring, interpretative monitoring, interpretative act of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court, the European Court of Human Rights.

За последние годы число принимаемых нормативных правовых актов в России увеличилось. Во многом это связано с социально-экономическими и политико-правовыми изменениями, происходящими в обществе: вхождение Крыма в состав Российской Федерации; объединение органов высшей судебной власти; наделение Конституционного Суда РФ правом не учитывать в своей работе акты толкования права Европейского суда по правам человека и др. Несмотря на довольно высокий уровень квалификации законодателя, проблема качества закона, его понимания и применения в юридической науке по-прежнему актуальна. В этой связи все большее внимание исследователей уделяется вопросам организации и проведения правового мониторинга, который позволяет оперативно выявлять существующие проблемы в юридической практике и находить пути их успешного преодоления.

Под *правовым мониторингом* следует понимать деятельность соответствующих субъектов по сбору и анализу правового материала с целью дальнейшего совершенствования правотворческой, правоинтерпретационной, правоприменительной деятельности.

Целью правового мониторинга служат сбор и анализ правового материала для совершенствования юридической практики.

Объектами правового мониторинга выступают нормативные правовые акты; акты толкования права; акты правоприменения.

В постановлении Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 26 мая 2010 г. № 199-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания РФ 2009 года „О состоянии законодательства в Российской Федерации”» говорится: «Правовая система РФ рассматривается во взаимосвязи правотворчества, правоприменения, правосудия и мониторинга права»¹. В свою очередь, правоприменение и правосудие невозможны без знания истинной воли законодателя, заложенной в конкретных нормах права. Правоинтерпретационная деятельность не только помогает раскрыть смысл нужной правовой нормы, но и существенно облегчает процесс ее дальнейшего применения.

В.Н. Карташов, исследуя вопросы юридической деятельности, указал, что ее разновидностями выступают правотворческая, правоприменительная и правоинтерпретационная².

Грамотная и уверенная правоинтерпретационная деятельность служит гарантом в защите прав и законных интересов лиц при осуществлении правосудия. Не прекращается процесс издания руководящих разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ, положения которых суды ежедневно используют в своей работе. Именно поэтому, говоря о правовом мониторинге, следует подразумевать

не только анализ и сбор правового материала для совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности, но и для совершенствования правоинтерпретационной деятельности в частности.

Мы не можем согласиться с позицией В.М. Баранова и М.А. Мушинского, согласно которой правовой мониторинг имеет два генеральных направления: мониторинг законодательства, а также проектов законодательных и иных нормативных правовых актов; мониторинг правоприменительной практики³.

На наш взгляд, в *системе правового мониторинга следует выделять три генеральных направления:*

- 1) сбор и анализ правового материала в сфере правотворческой деятельности;
- 2) сбор и анализ правового материала в сфере правоприменительной деятельности;
- 3) сбор и анализ правового материала в сфере правоинтерпретационной деятельности.

С.М. Миронов определяет систему правового мониторинга как «инструмент, который будет существенно содействовать содержательному партнерству органов власти между собой и, самое главное, социальному партнерству власти и общества»⁴.

Система правового мониторинга представляет собой совокупность правотворческого, интерпретационного, правоприменительного мониторинга.

Е.В. Васьковский справедливо замечал, что «юрист, не знающий, как находить, толковать и применять законы, столь же беспомощен, как врач, не приобретший навыка в исследовании больных и назначении лекарства»⁵.

Интерпретационный мониторинг представляет собой направление работы по сбору, обобщению и анализу интерпретационных актов, осуществляемое субъектами правоинтерпретационной деятельности, с целью совершенствования интерпретационной практики. Он *необходим для:* а) получения информации о тенденциях развития правоинтерпретационной деятельности на федеральном и региональном уровнях; б) оказания корректирующего воздействия на правотворческую и правоприменительную практику; в) анализа зарубежного интерпретационного опыта; г) дачи оценки эффективности нормативного правового регулирования.

В акты толкования права периодически вносятся изменения, которые должны учитываться всеми судьями в работе. Так, в повестке дня Пленума Верховного Суда РФ на 1 декабря 2015 г. значилось два вопроса:

- 1) о практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания и о внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ;

- 2) о внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»⁶.

Своевременность получения сведений о формировании интерпретационной практики, в т.ч. в случаях внесения дополнений в тексты актов толкования права, достигается путем реализации мониторинга интерпретационных актов.

Обосновывая чрезвычайную важность и практическую направленность интерпретационного мониторинга, мы просто не можем не обратить внимания на точку зрения С.В. Бошно, согласно которой «правовой мониторинг может осу-

ществляться путем высочайшей правовой культуры законодателя, который не должен придумывать, а брать право в том месте, где его уже открыли, т. е. в суде. Потому что все равно законодатель не может быть таким квалифицированным юристом, как судья»⁷.

Интерпретационный мониторинг *способствует*: а) преодолению неоднозначной интерпретационной практики; б) решению проблемы систематизации актов толкования права; в) снижению количества правоинтерпретационных ошибок, допущенных субъектами при осуществлении интерпретации нормативных правовых актов; г) прекращению издания противоречивых интерпретационных актов; д) созданию механизма, регламентирующего процесс толкования права.

За 2013 г. Пленумом Верховного Суда РФ было вынесено 42 постановления, 19 из которых посвящены непосредственно правоинтерпретационной деятельности (разъясняли неоднозначные положения законодательства РФ); за 2014 г. — 35 постановлений, 6 из которых были посвящены непосредственно правоинтерпретационной деятельности (разъясняли неоднозначные положения законодательства РФ); за 2015 г. — 55 постановлений, 15 из которых были посвящены непосредственно правоинтерпретационной деятельности (разъясняли неоднозначные положения законодательства РФ)⁸.

Генеральная Прокуратура РФ проводит ежегодный мониторинг интерпретационных актов Европейского суда по правам человека. Данная информация размещается на ее официальном сайте и любой желающий может с ней ознакомиться. К примеру, за 2015 г. Европейским судом по правам человека было вынесено 67 актов толкования права, которые стали объектом пристального внимания надзорного органа⁹.

В Государственную Думу РФ 2 раза в год отсылается перечень актов толкования права, изданных Конституционным Судом РФ, содержащий правовые позиции последнего по наиболее актуальным правовым проблемам. Поступившая информация тщательно анализируется. По результатам исследования принимаются необходимые меры, после чего сведения о состоянии использования интерпретационных актов в работе, переправляются заинтересованным органам.

Интерпретационный мониторинг, проведенный ветвью законодательной власти, показал, что в 2014 г. было вынесено 19 постановлений Конституционного Суда РФ, предполагающих изменение законодательного регулирования, а 8 решений (6 постановлений и 2 определения) содержат предложения рекомендательного характера¹⁰.

По итогам мониторинга законодательные органы публикуют доклад о состоянии законодательства, в котором указывают, требования каких интерпретационных актов Конституционного Суда РФ исполнены, а какие находятся в стадии исполнения.

Сотрудничество Конституционного Суда РФ и Государственной Думы РФ в части проведения мониторинга судебных актов толкования права в большей степени носит взаимоуважительный и конструктивный характер.

Федеральным конституционным законом от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде РФ”» были внесены поправки в Закон о Конституционном Суде РФ¹¹. Их суть заключается в том, что теперь Конституционный Суд РФ может принимать самостоятельное и независимое решение по вопросу о возможности использования конкретного интерпретационного акта Европейского суда по

правам человека в отечественной правовой системе. Основанием для принятия решения о возможности использования актов толкования права ЕСПЧ служит их тщательный интерпретационный мониторинг.

Проведенный анализ интерпретационной практики показывает, что на территории Российской Федерации наиболее развит мониторинг интерпретационных актов ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, в то время как организованный мониторинг актов толкования права иных субъектов правоинтерпретационной деятельности не производится. К примеру, свежие обзоры судебной практики в электронном виде получают все судьи, а постановления Пленума Верховного Суда РФ получают далеко не все. Это представляет определенную проблему, поскольку судьям гораздо проще заранее изучить текст акта толкования права, своевременно присланного вышестоящим судом, чем при осуществлении правосудия по различным категориям дел искать необходимый интерпретационный акт, теряя драгоценное время. Необходимы разработка и утверждение плана проведения мониторинга интерпретационных актов, как это налажено в правотворчестве и правоприменении.

В период с 2008 по 2012 г. Ю.Г. Арзамасовым и Я.Е. Наконечным была разработана Концепция создания системы мониторинга законодательства и правоприменительной практики в Российской Федерации¹². Попытке уважаемых авторов разработать полноценный доктринальный документ следует отдать должное, однако существенным недостатком Концепции, на наш взгляд, является отсутствие в ней информации об основах организации и проведения интерпретационного мониторинга на территории Российской Федерации. Если взять в расчет тот факт, что интерпретационные акты Конституционного Суда РФ способны оказать определяющее воздействие на ход формирования правотворческой и правоприменительной практики, полноценный правовой мониторинг невозможен без интерпретационной его составляющей, которая должна рассматриваться как самостоятельная его разновидность.

Развитие мониторинга интерпретационных актов невозможно без законодательного решения вопроса о его статусе. Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (с изм. от 25 июля 2014 г.)¹³ не охватывает мониторинга актов толкования права, а лишь свидетельствует о правоприменительных актах Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. Получается, что такие актуальные и важные в практическом использовании документы, как интерпретационные акты, остаются без должного наблюдения и анализа, что является серьезным упущением в развитии отечественной правовой системы. Именно поэтому необходимы разработка и принятие нормативного правового акта, регламентирующего процесс реализации интерпретационного мониторинга на территории Российской Федерации. Здесь можно и нужно использовать положительные данные, полученные по итогам проведения правоприменительного мониторинга, поскольку он тесно соприкасается с мониторингом актов толкования права.

Данные, полученные в ходе реализации интерпретационного мониторинга, оказывают существенное воздействие на формирование и развитие единой системы правового мониторинга и без них дальнейший процесс ее совершенствования будет незавершенным.

Таким образом, интерпретационный мониторинг представляет собой самостоятельный вид правового мониторинга, требующий законодательного за-

крепления и четкого механизма реализации в отношении актов всех субъектов правоинтерпретационной деятельности.

¹ Парламентская газета. 2010. 4 июня.

² См.: *Карташов В.Н.* Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 2.

³ См.: *Баранов В.М., Мушинский М.А.* Мониторинг дефектности нормативных правовых актов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 81.

⁴ *Миронов С.М.* Теория и практика мониторинга правового пространства и правоприменительной практики: итоги и перспективы // Вестник Совета Федерации. 2006. № 4–5. С. 4.

⁵ *Васьковский Е.В.* Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов. М., 1913. С. 3.

⁶ См.: Российская газета. 2012. 7 дек.

⁷ Цит. по: *Черепанова Е.В.* Правовой мониторинг — в действии // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 140.

⁸ URL: www.supcourt.ru (дата обращения: 14.01.2016).

⁹ URL: www.genproc.gov.ru (дата обращения: 14.01.2016).

¹⁰ См.: Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда РФ, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2014 г. (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда РФ в соответствии с п. 2 §67 Регламента Конституционного Суда РФ). URL: www.base.consultant.ru (дата обращения: 18.12.2015).

¹¹ См.: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде РФ”» // Российская газета. 2015. 16 дек.

¹² См.: *Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е.* Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М., 2011. С. 164–178.

¹³ См.: Российская газета. 2011. 25 мая; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. II, ст. 4286.

К.Е. Торчилин

ОБЩИЕ ФУНКЦИИ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ ПРАВА

В статье рассматриваются общие функции, выполняемые императивными нормами права в механизме правового регулирования. Анализируются доктринальные взгляды по поводу разновидностей общих функций правовых норм, выявляются и исследуются отличительные особенности соответствующих функциональных проявлений, свойственные только императивным нормам права.

Ключевые слова: право, теория правовых норм, функции норм права, функции императивных норм права, императивные нормы права.

K.E. Torchilin

GENERAL FUNCTIONS OF THE IMPERATIVE NORMS OF LAW

In this article consistently discusses the general functions performed by the imperative norms of law in the mechanism of legal regulation. Analyzed the doctrinal views on the types of the general functions of legal norms, discovered and studied in detail the distinctive features of respective functional manifestations, peculiar only to the imperative norms of law.

Keywords: Law, the theory of the legal norms, the function of the legal norms, the functions of imperative norms of law, imperative norms of law.

Понятие «функция» в естественных, технических и гуманитарных науках различное¹. С общефилософских позиций функция какого-либо объекта трактуется также неоднозначно. В частности, под функцией понимается присущий

объекту способ поведения, содействующий сохранению существования объекта и той системы, структурным элементом которой он является², выполняемую объектом роль «по поддержанию целостности и устойчивости систем», частью которых объект выступает³, а также внешнее проявление свойств объектов в некоторой системе отношений⁴ и форму воздействия объекта на другие объекты, вещества и явления⁵. Функция мыслится существенной характеристикой объекта и ее высокое значение предопределило возникновение в науке особого функционального похода к познанию, в рамках которого доказана продуктивность осмысления объекта и его признаков посредством изучения его функциональных проявлений⁶. Наличие функции считается атрибутом не всякого объекта, а лишь сложного, системного, способного к самосохранению⁷.

Соответствующие знания о таком общем понятии, как «функции права», выработанные в теории государства и права, в целом согласуются с приведенными философскими положениями, однако закономерно отличаются от них специфическим характером. Обобщение доктринальных взглядов позволяет утверждать о преобладающей трактовке функций права в качестве направлений воздействия права на общественные отношения⁸, в которых выражается социальная роль права в организации этих отношений⁹ и проявляются тенденции правового регулирования¹⁰.

При некоторой определенности родового понятия имеются основания утверждать о наличии проблематики, выраженной в недостаточной изученности функциональных характеристик понятий видовых, представленных конкретными разновидностями, правовых норм. На это обстоятельство указывали В.М. Баранов¹¹, О.В. Пискунова¹², Т.Н. Радько¹³, Н.Н. Рыбушкин¹⁴, И.Н. Сенякин¹⁵ и другие правоведы. Данная проблематика носит общий характер и в полной мере свойственна выработанным в теории государства и права знаниям о типологии и видовых отличительных особенностях функций императивных норм права.

Как отметил Т.Н. Радько, «... нормы права осуществляют функции различного объема и уровня: функции права в целом, функции отраслей, функции, вытекающие из видовой классификации правовых норм, и т.д.»¹⁶. Полностью соглашаясь с приведенной позицией и принимая во внимание необходимые структурные и функциональные взаимосвязи элементов системы права¹⁷, а также формально-логические отношения между понятием «функции права» и «функции правовой нормы»¹⁸, функции императивных норм права представляется возможным рассматривать в качестве проявлений сущности и назначения данного вида правовых норм в дифференцированных формах правового воздействия, направленного на индивидуальных и коллективных субъектов права, общественные отношения, а также на иные правовые нормы (в контексте определения характера и пределов содержания как неимперативных норм права, так и императивных норм, обладающих меньшей юридической силой).

При наличии множества мнений правоведов о подходах к классификации функций правовых норм следует согласиться с рациональностью подразделения последних на общие, присущие всем видам правовых норм, и специальные, выполнение которых свойственно только отдельным видам норм права. Подобный подход согласуется с формально-логическими взаимосвязями родового и видовых понятий, отражает функциональные особенности правовых норм как элемента системы права и успешно применяется правоведами. В частности, И.Н. Сенякин на примере специальных норм права показывает, что всем юридическим нормам

свойственна некоторая совокупность общих функций, проявления которых у различных видов норм могут отличаться, а также ряд специальных функций, присущих только определенным видам правовых норм¹⁹.

Анализ доктринальных источников свидетельствует, что к числу общих для всех правовых норм функций ученые относят регулятивную и охранительную²⁰, функцию государственной оценки и ориентации поведения субъектов права²¹, информационно-ориентирующую²², целеопределяющую²³, мотивационную²⁴, конкретизирующую²⁵, системообразующую²⁶, гносеологическую²⁷, воспитательную²⁸ и функцию социального контроля²⁹.

Характеризуя особенности выполнения каждой из указанных общих функций императивными нормами права, отметим, что применительно к регулятивной функции анализируемая специфика выражена достаточно ясно. Она усматривается в том, что только регулятивные императивные нормы выступают основным и не имеющим альтернативы инструментом закрепления незыблемого правового статуса субъекта права и субъекта правоотношения, а также определенного, отвечающего публичным интересам порядка урегулирования наиболее значимых общественных отношений во всем объеме законодательства. Описанная специфика регулятивной нормы производна от признака императивности: только закрепленные в императивных предписаниях обязанности и права не подлежат умалению или изменению по воле или соглашению сторон и могут быть пересмотрены только другой императивной нормой с идентичной либо с превалирующей юридической силой. Подобная функциональная значимость объясняет широту использования императивных норм даже в частном праве³⁰. Вместе с тем необходимо учитывать, что конституционно закрепленный статус Российской Федерации как правового государства предполагает естественные пределы воздействия публичной власти на гражданское общество. Как следствие, в перспективе развития институтов правового государства, по нашему мнению, регулятивная функция императивных норм может охватывать более узкое поле правового воздействия федеральной, региональной и местной властей на определенные публичные и частные правоотношения.

Охранительная функция императивных норм, по нашему мнению, также отличается важной особенностью: именно благодаря императивному методу правового регулирования данная функция исключительна и безальтернативна для деятельности органов законодательной власти по нормативному закреплению запретов посягательств на общественные отношения в формах уголовных преступлений, административных и иных правонарушений, а также для деятельности правоохранительных органов исполнительной власти и органов судебной власти по охране и защите соответствующих правоотношений. Охранительные функции диспозитивных, рекомендательных и поощрительных норм объективно не способны в полной мере заменить идентичную функцию императивных норм, т.к. не только криминализация и административно-правовой запрет деяния, но и запрет в области частного права, закрепленный в неимперативной норме, во-первых, вступит в явную конфронтацию с общеправовым принципом неотвратимости ответственности³¹; во-вторых, с высокой долей вероятности будет противоречить сущности концептуальных начал соответствующих отраслей частного или публичного права; в-третьих, не приведет к достижению обозначенных в соответствующих нормативных актах целей по предупреждению,

пресечению и прекращению противоправных и общественно опасных деяний, охране и защите соответствующих правоотношений.

Особенность воспитательной функции императивных норм отчетливо проявляется в методе ее осуществления. Если реализация данной функции с помощью поощрительных и рекомендательных норм базируется на убеждении в различных формах его проявления, то воспитательная функция императивных правовых норм осуществляется преимущественно посредством метода принуждения, с помощью которого достигается необходимое воспитательное воздействие и обеспечивается общая и частная превенция нарушений предписаний императивных норм права. Аналогичная особенность присуща также информационно-ориентирующей и мотивационной функциям императивных норм.

Конкретизирующая функция императивных норм логически связана с необходимым признаком конкретности данного вида норм. Если предписания диспозитивных, поощрительных и рекомендательных норм могут быть выражены как в казуальной, так и в абстрактной форме с различной степенью ясности, то конкретность категорических предписаний императивной нормы выступает необходимым атрибутом. Именно формальная определенность, четкость, логическая завершенность и недвусмысленность описания количественных и качественных характеристик условий, правил и последствий поведения субъекта позволяют достичь надлежащего выражения в конкретной норме воли законодателя, направленной на оптимальное урегулирование отношений для обеспечения соблюдения законных частных и публичных интересов.

Специфику самой конкретизирующей функции императивных норм права можно свести к тому, что в ее рамках обеспечивается надлежащая детализация и последовательная преемственность между взаимосвязанными императивными нормами различной юридической силы на всех уровнях правовой системы и во всех сферах правового регулирования. Тем самым для множества дифференцированных императивных норм анализируемая функция выполняет роль иерархической стяжки, обеспечивая устойчивые отраслевые и межотраслевые взаимосвязи императивных норм в процессе регулирования, охраны и защиты правоотношений, должную реализацию требований исходных и общих императивных предписаний в правилах специальных императивных норм. Помимо этого, конкретизирующая функция императивных норм особым образом проявляется в связях с неимперативными правовыми предписаниями в частном праве. Это выражается в том, что правила императивных норм задают «своеобразный правовой каркас»³², обозначая пределы использования диспозитивного, рекомендательного и поощрительного метода правового регулирования в определенных правоотношениях.

Функция государственной оценки и ориентации поведения субъектов права, выполняемая императивными нормами, отличается категоричностью. Эта особенность заключается в четком разделении нормативно урегулированных действий физических и юридических лиц на группы правомерных и неправомерных. Данная функция тесно взаимосвязана с воспитательной, информационно-ориентирующей и мотивационной функциями и направлена на формирование у субъекта устойчивого убеждения воздерживаться от неправомерного поведения.

Особенности целеопределяющей функции императивных норм усматриваются в строгой обязательности заложенной в предписаниях таких норм целевой нагрузки для их адресатов. Реализация этой функции оказывает влияние не только

на правоприменителя, ориентируя его на необходимость достижения своими юридически значимыми действиями определенной, обозначенной в правовых нормах цели, но также непосредственно затрагивает деятельность субъекта правотворчества, сказываясь на направлениях развития, характере изменений и дополнений соответствующих правовых норм. Данные проявления, безусловно, дифференцированы и зависят от источника и вида конкретной нормы. Так, формально-юридическое осмысление исходной или общей императивной нормы, как правило, позволяет четко проследить выполнение этими типами норм данной функции. При этом, если императивные конституционные положения предопределяют направления государственно-правового и общественного строительства всей страны, то общие и исходные нормы отраслей обладают меньшей автономностью, обслуживают цели конституционных норм и по отношению к ним выступают задачами их реализации в конкретных отраслях права. Специальные императивные нормы призваны реализовывать общие положения в конкретных правоотношениях, в связи с чем имеют несколько иную функциональную нагрузку, не исключающую возможность выполнения данными нормами целеопределяющей функции, направленной на обеспечение уточнения целей права применительно к конкретному правоотношению.

Анализ научной и учебной литературы позволяет констатировать наличие формально-логических оснований для постановки вопроса о целесообразности более подробного осмысления системообразующей функции правовых норм. В обоснование данного суждения следует указать, что норма права является исходным элементом структуры права, несущим в своем содержании определенное предписание, направленное на регулирование общественных отношений. Закономерно, что данное предписание логически взаимосвязано с множеством иных нормативных предписаний, комплексно регулирующих определенное отношение либо группу отношений. Однако ни простая, ни описательная, ни даже бланкетная или отсылочная диспозиции не выполняют системообразующей функции в связи с тем, что надлежащая организация данных норм выступает задачей иных элементов системы права — конкретных отраслей, подотраслей, институтов и субинститутов. Как следствие, системообразующую функцию можно условно выделять в числе остальных функций, однако ее содержание целесообразнее свести к способности правовой нормы сочетаться с иными нормами в процессе регулирования, охраны и защиты общественных отношений, не образуя пробелов и коллизий в праве. Отталкиваясь от приведенного понимания системообразующей функции можно утверждать, что специфика ее проявления в императивных нормах выражена в тесной связи с конкретизирующей функцией и направлена на обеспечение логико-структурного единства и комплексности правовых предписаний.

Вопрос о выполнении правовыми нормами гносеологической функции и функции социального контроля видится открытым и требующим внимания правоведов. В отношении функции социального контроля необходимо определиться с ее содержанием³³, а затем — с целесообразностью выделения, т.к. без четкого обозначения ее отличительных особенностей она по существу поглощается регулятивной функцией правовых норм. Вопрос о наличии у правовых норм гносеологической функции также не решен. Гносеологическая составляющая выступает неотъемлемым элементом законотворческой деятельности, концептуальное сопровождение которой существенно влияет на качество принятых

нормативных актов. Однако сама норма ориентирована не на познание общественных отношений, а на их упорядочивание, в связи с чем подобная функция несколько не соответствует назначению правовой нормы. Способность же самих норм быть предметом научного исследования и рационального осмысления в гносеологической функции не выражается.

Совокупность перечисленных положений не исчерпывает объем функциональных проявлений императивных норм права, однако отражает содержание их наиболее значимых форм. При этом необходимо учитывать, что все приведенные суждения и умозаключения описывают лишь общий, идеальный функциональный потенциал императивных норм права, который дифференцирован в каждой конкретной правовой норме и зависит от совокупности конкретных обстоятельств, таких как заложенная законодателем концепция целевого назначения нормы, непосредственное содержание выраженного в норме правового предписания, отраслевая принадлежность нормы и т.д. В современной юридической науке выработаны знания о множестве видов качественно различных классификационных групп правовых норм, имеющих отличающиеся задачи и функции. Однако признаки видовых отличий не исключают, а, напротив, предполагают возможность их комбинирования в конкретном правовом предписании. Императивная норма может быть исходной, общей или специальной, выступать естественной единицей источника любой отрасли права, иметь различную юридическую силу, время и пространство действия, а также круг адресатов. Сочетание законодателем различных признаков в императивной норме приводит к специфичному содержанию и функциональному значению такой нормы. Здесь необходимо согласиться с идеей о том, что «дифференциация функций правовых норм не ограничивается их установлением в зависимости от видовой классификации и отраслевой принадлежности юридических норм»³⁴. При этом сама система общих, а также специальных функций правовых норм подвержена изменениям, т.к. общественное развитие выступает естественным детерминантом возникновения новых, изменения и возможной дифференциации уже существующих функций права³⁵, что логично влечет за собой условность положений, выводов и заключений об общих функциях императивных норм права и предполагает необходимость дальнейшего развития, корректировки, уточнения и расширения соответствующих знаний. Вместе с тем описанные, а также иные особенности функциональных проявлений императивных норм права не только наглядно выделяют последние в общей совокупности иных видов норм, но и выступают показательным детерминантом важности данного вида норм для отечественной правовой системы, иллюстрируют множество потенциальных форм использования императивного метода правового регулирования для регламентации и упорядочивания правоотношений во всем позитивном праве России.

¹ См.: Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд.: в 52 т. Т. 45: ФИДЕР – ФУРЬЕРИЗМ. М., 1956. С. 644–645, 657–659.

² См.: Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1970. Т. 5. С. 418.

³ См.: Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 646.

⁴ См.: Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986. С. 526.

⁵ См.: Тугаринов В.П. Философия сознания. М., 1971. С. 171.

⁶ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов [и др.]. М., 2010. Т. 3. С. 259.

⁷ См.: Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 5. С. 419.

⁸ См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 91; Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 12; Вопленко Н.Н. Сущность, принципы и

функции права. Волгоград, 1998. С. 45; *Радько Т.Н.* Теоретические и методологические проблемы функций социалистического права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978. С. 12; *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 70.

⁹ См.: *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 34; *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 50.

¹⁰ См.: *Иванов С.А.* Функции советского трудового права // Советское государство и право. 1976. № 12. С. 48–54; *Рыженков А.Я.* Компенсационная функция советского гражданского права. Саратов, 1983. С. 8; *Глуценко В.В.* Теория государства и права: системно-управленческий подход. Железнодорожный, 2000. С. 278.

¹¹ См.: *Баранов В.М.* Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1978. С. 70–71.

¹² См.: *Пискунова О.В.* Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 4–5.

¹³ См.: *Радько Т.Н.* Теория функций права. М., 2014. С. 257.

¹⁴ См.: *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве. Казань, 1990. С. 39–40.

¹⁵ См.: *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского права / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 1987. С. 54.

¹⁶ См.: *Радько Т.Н.* Указ. раб. С. 268.

¹⁷ См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. 3-е изд. М., 2009. С. 17.

¹⁸ См.: *Кондраков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 450.

¹⁹ См.: *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского права. С. 56.

²⁰ См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. 3-е изд. С. 169.

²¹ См.: *Сенякин И.Н.* Специальные нормы советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1982. С. 13.

²² См.: *Пискунова О.В.* Функции норм российского права. С. 18.

²³ См.: *Пискунова О.В.* Виды функций правовых норм // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 90

²⁴ См.: Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. Саратов, 1987. С. 217, 221.

²⁵ См.: *Алексеев С.С.* Структура советского права. М., 1975. С. 81–82.

²⁶ См.: *Морозова Л.А.* Теория государства и права: учебник. URL: https://books.google.ru/books?id=KfShAAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 18.10.2016).

²⁷ См.: *Пискунова О.В.* Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 19.

²⁸ См.: *Швыркин А.А.* Воспитательная функция права и роль органов внутренних дел в ее реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 48–76.

²⁹ См.: *Баранов В.М.* Указ. раб. С. 73.

³⁰ См.: *Брагинский М.И.* О нормативном регулировании договоров // Журнал российского права. 1997. № 1. С. 72.

³¹ См.: *Малаш Т.А.* Принцип неотвратимости юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 8–9.

³² *Михайлов А.В.* Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 57–58.

³³ См.: *Гуцина Н.А.* Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. СПб., 2003. С. 74–75.

³⁴ Нормы советского права. Проблемы теории. С. 210–211.

³⁵ См.: *Радько Т.Н.* Указ. раб. С. 123.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИИ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ: РЕАЛИИ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

И.Н. Плотникова

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЕ НА ТЕРРИТОРИЯХ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

В статье исследуются особенности правового регулирования и реализации конституционного права на предпринимательскую деятельность в Республике Крым и г. Севастополе в связи с созданием свободной экономической зоны на их территориях.

Ключевые слова: Республика Крым, город федерального значения Севастополь, конституционное право на предпринимательскую деятельность, свободная экономическая зона.

I.N. Plotnikova

ENFORCEMENT OF THE RIGHT TO ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE FREE ECONOMIC ZONE ON THE TERRITORIES OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AND THE CITY OF SEVASTOPOL

The article is devoted to legal regulation specifics and enforcement of the constitutional right to entrepreneurial activity in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in accordance with establishment of the free economic zone on these territories.

Keywords: the Republic of Crimea, the City of Federal Importance Sevastopol, right to entrepreneurial activity, free economic zone.

Республика Крым была принята в состав Российской Федерации 18 марта 2014 г. — с даты подписания Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов. Как справедливо замечает В.Т. Кабышев, особенностью становления конституционного строя в Крыму и Севастополе является то обстоятельство, что конституционализация новых субъектов Федерации должна включать различные аспекты данного

процесса: конституционно-правовые, политические, исторические, социально-экономические, психологические, организационные¹.

После принятия Республики Крым в Российскую Федерацию в целях успешной интеграции новых субъектов в экономическую систему России, необходимо было осуществить ряд мер для решения возникших транспортных проблем (вследствие прекращения железнодорожного и автомобильного сообщения через Украину) и вопросов энергоснабжения (по причине недостаточности обеспечения Крыма собственной электрогенерацией); восстановления и развития предпринимательских отношений, обеспечения социальных и экономических прав граждан на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя и др. Старые экономические связи с Украиной после марта 2014 г. были уже разрушены, а новые с Россией еще не налажены². Кроме того, предприниматели, осуществляющие свою деятельность на территории Республики Крым, должны были перейти в новое законодательное поле³ (привести свои учредительные документы в соответствие с законодательством РФ и обратиться с заявлением о внесении сведений о них в единый государственный реестр юридических лиц в срок до 1 марта 2015 г., получить лицензии на осуществление отдельных видов деятельности в соответствующие сроки и т.д.).

Особенности регулирования некоторых сфер законодательства на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя были определены ст. 12.1 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (в ред. от 23 июня 2016 г.) и отдельными федеральными законами. В ст. 12.2 названного Закона устанавливались правила применения на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя законодательства РФ о лицензировании отдельных видов деятельности, об уведомительном порядке начала осуществления предпринимательской деятельности, о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля⁴.

Следует отметить что, находясь в составе Украины, Республика Крым являлась дотационным регионом⁵. Сумма безвозмездных поступлений (дотаций, субсидий, субвенций и т.д.) в объеме поступлений доходов в бюджет Республики на 2015 г. (после принятия Республики Крым в состав России) была запланирована в размере 50702177900,0 руб. (т.е. в размере более 75% от общего объема поступления всех доходов) согласно приложению 1 к Закону Республики Крым от 30 декабря 2014 г. № 255 «О бюджете Республики Крым на 2015 год»⁶. При этом объем валового регионального продукта на душу населения в Республике Крым в 2011 г. составлял 81,3 тыс. руб. (совокупный валовой региональный продукт по субъектам РФ на душу населения — 316,6 тыс. руб.); размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в 2013 г., выплачиваемой работникам в Республике Крым — 11400 руб., в г. Севастополе — 12400 руб. (в среднем по Российской Федерации — 29960 руб.)⁷.

Ввиду необходимости устранения диспропорций в региональном развитии, доведения уровня жизни населения и состояния экономики субъекта до среднероссийского уровня возникла потребность в проведении диверсификации инфраструктуры полуострова, вложении масштабных инвестиций в экономику

Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Как полагает Т.Н. Бугаева, в настоящее время чрезвычайно актуальной является разработка различных направлений инвестиционной политики именно для Республики Крым с учетом ее уникальных рекреационно-курортных особенностей и особого геополитического положения⁸.

Федеральной целевой программой «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» предусматривалось выполнение комплекса мероприятий в целях интегрирования экономики Крыма в экономическое пространство России, обеспечения транспортной доступности, снятия инфраструктурных ограничений, обеспечения устойчивого экономического роста⁹. Также в целях привлечения инвестиций в развитие действующих и создание новых производств, транспортной и иных инфраструктур, туризма, сельского хозяйства и санаторно-курортной сферы, повышения уровня и качества жизни граждан на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя был принят Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»¹⁰. Данным Законом регламентировались отношения, возникающие в связи с созданием и функционированием свободной экономической зоны (СЭЗ) в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе, особенности осуществления предпринимательской деятельности в свободной экономической зоне.

Как известно, история создания СЭЗ восходит к древним временам. Для развития свободной торговли, привлечения инвестиций определенные территории в государстве освобождались от таможенных пошлин, налогов. Зоны свободной торговли возникали на островах, в вольных городах и гаванях на побережье Средиземного моря (о. Делос, Венеция, Генуя, Неаполь, Триест и др.), а затем — Балтийского и Северного морей (Гамбург, Гданьск, Дюнкерк, Кенигсберг, Копенгаген и др.)¹¹. В настоящее время институт свободных (особых) экономических зон, как зон с льготным преференциальным режимом предпринимательской деятельности, весьма востребован в зарубежных государствах. Свободные (особые) экономические зоны успешно функционируют более чем в 120 странах мира. Самое большое их количество создано в США — свыше 200; более 30 лет успешно функционируют особые экономические зоны в Китае¹².

В Российской Федерации первые СЭЗ начали образовываться на ее территории в конце 80-х гг. прошлого столетия (в эпоху СССР). В декабре 1989 г. Правительством СССР было принято Постановление о создании СЭЗ в городах: Находка Приморского края, Выборг Ленинградской области, в 1990–1991 гг. было учреждено более 10 СЭЗ в качестве зон свободного предпринимательства, либо — специальных экономических зон¹³.

Указом Президента РФ от 4 июня 1992 г. № 548 «О некоторых мерах по развитию свободных экономических зон (СЭЗ) на территории Российской Федерации»¹⁴ Правительству РФ было дано поручение в двухмесячный срок разработать проект закона «О свободных экономических зонах в Российской Федерации», но данный закон так и не был принят. Попытки осуществления идеи развития свободных экономических зон в России привели к созданию на ее территории за период с 1990 по 2005 г. 24 СЭЗ, которые значительно различались не только механизмом действия льготного экономического режима, но и высокой неоднородностью по характеристикам занимаемой территории. Статус СЭЗ был

закреплен за 11 регионами общей площадью 1 млн км² (7% все территории)¹⁵. Однако процесс создания СЭЗ не привел к каким-либо значимым результатам. Отсутствовали: ясное понимание целей, задач их образования, четкое и последовательное законодательное регулирование механизма их создания и функционирования; эффективные стимулы для создания предприятий в этих зонах как российскими, так и иностранными инвесторами. В действующем законодательстве смешивались понятия «свободная» и «особая» экономическая зона¹⁶, под СЭЗ и особые экономические зоны без достаточных оснований были отведены значительные территории.

В целях унификации действующего законодательства в сфере образования и деятельности свободных (особых) экономических зон, ликвидации пробелов в правовой регламентации данного института был принят Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (в ред. от 13 июля 2015 г.)¹⁷, согласно которому особая экономическая зона — это часть территории Российской Федерации, определяемая Правительством РФ, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны. На территории Российской Федерации могут создаваться особые экономические зоны следующих типов: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные, портовые.

В соответствии с вышеназванным законом промышленно-производственные особые экономические зоны образуются на участках территории, площадь которых составляет не более 40 км². Техничко-внедренческие зоны создаются на участках территории, общая площадь которых составляет не более 4 км². Портовые особые экономические зоны могут функционировать на участках территории, общая площадь которых составляет не более 50 км². Срок создания особых экономических зон составляет 49 лет.

Со дня вступления в силу Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» было прекращено существование особых экономических зон и свободных экономических зон, созданных до дня его вступления в силу, за исключением особых экономических зон, образованных в Калининградской и Магаданской областях. Ранее принятые федеральные законы «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» и «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» продолжали действовать и содержали существенные отличия в правовом регулировании вышеназванных особых экономических зон. Впоследствии был принят Федеральный закон от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 11 марта 2016 г.)¹⁸, который регламентировал отношения, возникающие в связи с созданием, функционированием особой экономической зоны в Калининградской области с учетом ее геополитического положения.

Таким образом, к моменту вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации существовало «разнородное» законодательство относительно образования и функционирования особых (свободных) экономических зон. Для некоторых регионов России были приняты «свои» отдельные законы, что, безусловно, не способствовало выработке оптимальных подходов к образованию и эффективному функционированию таких зон.

Что касается Республики Крым и города федерального значения Севастополя, то о необходимости предоставления дополнительных преференций данным регионам и создания особой экономической зоны на их территории заявил Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев 24 марта 2014 г. на совещании по актуальным вопросам социально-экономического развития Республики Крым и города Севастополя¹⁹. Проект Федерального закона «Об особой экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» был подготовлен Минэкономразвития России, однако в Государственную Думу РФ внесен не был. Впоследствии Правительством РФ в Государственную Думу РФ 31 октября 2014 г. был представлен законопроект «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»²⁰.

Очевидно, для обеспечения комплексного социально-экономического развития Республики Крым и города федерального значения Севастополя не вполне целесообразным было создание на их территории отдельных особых экономических зон с ограниченной площадью земельных участков. Законодатель обратился к концепции создания свободной, а не особой экономической зоны в отношении Республики Крым и города федерального значения Севастополя с учетом того, что содержание данной свободной экономической зоны, помимо особого режима предпринимательской деятельности и применения процедуры свободной таможенной зоны, подразумевало и особенности правового регулирования отношений в сферах привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан, регулирования въезда и выезда иностранных граждан за пределы Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а также осуществления деятельности в области морского транспорта.

Федеральным законом от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (в ред. от 5 апреля 2016 г.)²¹ было определено, что свободная экономическая зона — это территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя, на которых действует особый режим осуществления предпринимательской и иной деятельности, а также применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны. В отличие от особых экономических зон данная свободная экономическая зона создана на 25 лет. Особый режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя включает в себя: 1) особенности осуществления градостроительной деятельности и землепользования при размещении объектов, необходимых для реализации участниками СЭЗ инвестиционных проектов; 2) особый режим налогообложения; 3) предоставление субсидий на возмещение затрат на уплату таможенных пошлин, налогов и сборов в отношении определенных товаров, необходимых для реализации участниками СЭЗ инвестиционных проектов.

Согласно ст. 17 вышеназванного Закона, которая подлежит применению на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя с 1 января 2017 г., земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и необходимые для реализации участником свободной экономической зоны договора об условиях деятельности в свободной экономической зоне, предоставляются данному участнику в аренду без торгов

на срок, необходимый для реализации договора об условиях деятельности в свободной экономической зоне. Также Федеральным законом от 29 ноября 2014 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя”» (в ред. от 29 декабря 2015 г.)²², для организаций — участников свободной экономической зоны установлены льготы по налогу на прибыль, подлежащему зачислению в федеральный бюджет, в размере 0% в течение 10 лет; от налогообложения освобождены организации — участники свободной экономической зоны в отношении: имущества, созданного или приобретенного в целях ведения деятельности на территории СЭЗ в течение 10 лет, земельного налога — сроком на 3 года с месяца возникновения права собственности на каждый земельный участок. Изменения были внесены и в иные законодательные акты, связанные с уменьшением тарифов по оплате страховых взносов участниками свободной экономической зоны в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и др.²³

Несмотря на принятые меры, участниками СЭЗ в Крыму стало не очень большое количество предпринимателей. Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев на совещании 15 июня 2015 г. «О развитии малого предпринимательства в Крыму» высказал замечания по поводу того, что участниками свободной зоны стали всего 15 резидентов, а не сотни и тысячи предпринимателей²⁴. Согласно данным Минэкономразвития России на 26 сентября 2016 г. в Едином реестре участников свободной экономической зоны на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя были зарегистрированы 634 участника²⁵ — немного, учитывая общее количество предпринимателей на территории данных регионов (по данным ФНС России, по итогам первого полугодия 2016 г. в Крыму зарегистрированы и поставлены на налоговый учет более 40 тыс. юридических лиц и около 80 тыс. индивидуальных предпринимателей²⁶).

На сегодняшний день можно констатировать, что субъекты права на предпринимательскую деятельность проявили определенную заинтересованность в участии в СЭЗ на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя. При этом сдерживающее влияние на результаты функционирования СЭЗ оказывает ряд объективных и субъективных факторов. К примеру, имеются определенные проблемы применения на территории СЭЗ таможенной процедуры свободной таможенной зоны в соответствии с Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны от 18 июня 2010 г., в т.ч. в связи с необходимостью расширения территории СЭЗ на внутренние морские воды и территориальное море РФ вдоль прибрежной линии Крымского полуострова²⁷. Отдельным препятствием для приобретения субъектом конституционного права на предпринимательскую деятельность статуса участника СЭЗ является запрет для участника свободной экономической зоны, установленный в ст. 12 Федерального закона «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» по осуществлению деятельности в сфере пользования недрами для целей разведки и добычи полезных ископаемых. Следует отметить, что многие предприниматели, учитывая сложную ситуацию

с обеспечением Крымского полуострова водными ресурсами массово используют для своих технологических нужд воду, которую они добывают из подземных источников²⁸. Называются и другие причины, в т.ч. ведение производственной деятельности резидентом СЭЗ на территориях одного из субъектов — Республики Крым или города федерального значения Севастополя при условии, что он зарегистрирован на территории другого из этих субъектов и т.д.²⁹

В настоящее время, по нашему мнению, еще рано говорить об оценке показателей эффективности функционирования свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя. В целях повышения эффективности функционирования СЭЗ в Крыму, безусловно, необходимо принятие дополнительных организационных, правовых, антикоррупционных и иных мер, в т.ч. — по внесению изменений в действующее законодательство. В своем послании об инвестиционном климате в Республике Крым в 2016 г.³⁰ Глава Республики Крым С.В. Аксенов высказал надежды на то, что СЭЗ станет ключевым инструментом экономического развития региона и отдельных отраслей производства, создаст новые возможности в сфере развития предпринимательства, будет способствовать открытию новых производств, снижению цен, повышению качества товаров и услуг, развитию конкурентной среды.

¹ См.: *Кабышев В.Т.* Возвращение Крыма в Россию: конституционно-правовой дискурс // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 13.

² С января 2014 г. в Республике Крым количество индивидуальных предпринимателей сократилось в 6 раз — со 137 тыс. в январе 2014 г. до 22 тыс. в январе 2015 г. См.: В Крыму малый бизнес уходит в подполье. URL: <https://rg.ru/2015/03/12/reg-kfo/mbiznes.html> (дата обращения: 15.09.2016).

³ См.: *Вусатенко Т.* Севастопольские новости. Проблемы переходного периода малого и среднего бизнеса. URL: <http://sevastopol.su/news.php?id=59740> (дата обращения: 20.09.2016).

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 12, ст. 1201; 2016. № 26, ч. I, ст. 3848.

⁵ См.: *Встреча В.В. Путина с представителями Общероссийского народного фронта 10 апреля 2014 г.* URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20753> (дата обращения: 15.09.2016).

⁶ URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/53zpr1.pdf> (дата обращения: 15.09.2016).

⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 «Об утверждении федеральной целевой программы „Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года”» (в ред. от 2 марта 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 33, ст. 4595; 2016. № 11, ст. 1539.

⁸ См.: *Бугаева Т.Н.* Основные направления стратегии инвестиционной деятельности Республики Крым // Инновационная наука. 2015. № 5–1. С. 63–64.

⁹ См.: Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 «Об утверждении федеральной целевой программы „Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года”» (в ред. от 2 марта 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 33, ст. 4595; 2016. № 11, ст. 1539.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6658.

¹¹ См.: *Лисица В.Н.* Особые экономические зоны в Российской Федерации. Новосибирск, 2010. С. 6.

¹² См.: *Неучева М.Ю.* Зарубежный опыт функционирования особых экономических зон // Проблемы современной экономики. 2010. № 3. С. 102–103; *Ильин А.Ю., Моисеенко М.А.* Свободные экономические зоны — зоны льготного налогообложения // Финансовое право. 2015. № 8. С. 20–25.

¹³ См.: *Коробова О.В., Наумова Н.В.* История создания свободных экономических зон в России: Проблемы и перспективы // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6. С. 92–93.

¹⁴ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 16, ст. 270.

¹⁵ См.: *Павлов П.В.* Особые экономические зоны как новый механизм развития национальной системы хозяйствования // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 1. С. 128.

¹⁶ К примеру, 22 января 1996 г. был принят Федеральный закон № 13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» // Российская газета. 1996. 31 янв.; 31 мая 1999 г. — Федеральный закон № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» // Российская газета. 1999. 7 июня.

¹⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч. II, ст. 3127; 2015. № 29, ч. I, ст. 4339.

¹⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 3, ст. 280; 2016. № 11, ст. 1497.

¹⁹ URL: <http://government.ru/news/11252/> (дата обращения: 15.09.2016).

²⁰ URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=639992-6&02> (дата обращения: 23.09.2016).

²¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6658; 2016. № 15, ст. 2053.

²² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6660; 2016. № 1, ч. 1, ст. 16.

²³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6659.

²⁴ URL: <http://government.ru/news/18487/> (дата обращения: 26.09.2016).

²⁵ URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/reestrsez/2016190202> (дата обращения: 26.09.2016).

²⁶ Глава ФНС России Михаил Мишустин подвел предварительные итоги работы налоговых органов за первое полугодие 2016 года. URL: http://nalog.ru/rn77/news/activities_fts/6127327/ (дата обращения: 27.09.2016).

²⁷ См., например: В Крыму участники СЭЗ не спешат воспользоваться таможенными льготами. URL: <https://rg.ru/2015/11/06/reg-kfo/tamognya.html> (дата обращения: 27.09.2016).

²⁸ См.: Отчет о результатах функционирования свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и г. Севастополя за 2015 г. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/reginvest/20160801> (дата обращения: 27.09.2016).

²⁹ См., например: Крым намерен наладить с Севастополем совместное развитие двух СЭЗ.РИА Крым. URL: <http://crimea.ria.ru/economy/20160630/1105913631.html> (дата обращения: 27.09.2016).

³⁰ URL: <http://glava.rk.gov.ru/rus/info.php?id=633674> (дата обращения: 27.09.2016).

И.А. Шестеряков, И.В. Шестерякова

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И ГОРОДЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЕ: ИНТЕГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются проблемы регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе. Отмечается, что принцип совместного ведения при формировании трудового законодательства, применительно к Республике Крым и г. Севастополю означает сочетание федерального и территориального уровней правового регулирования.

Ключевые слова: труд, работники, конвенции, Международная организация труда, коренные народы, аттестация, мигранты, заработная плата, профсоюз.

I.A. Shesteryakov, I.V. Shesteryakova

FEATURES OF THE LEGAL REGAULATION OF LABOR IN THE REPUBLIC OF CRIMEA AND THE CITY OF FEDERAL SIGNIFICANCE OF SEVASTOPOL: INTEGRATION DIMENSION

It is realized under the Constitution of the Russian Federation, federal laws and treaties of the delimitation of the subject matter and powers. Consequently the authors study the issues of regulation of labor and other directly connected relations in the Republic of Crimea and the city of federal significance of Sevastopol. It is sufficient to say that in the context of the Crimean Republic and the city of Sevastopol the principle of joint management in the formation of labor legislation means the combination of federal and territorial levels of legal regulation. It is important to reflect the national peculiarities of the region at the level of new subjects of Russia.

Keywords: labor, employees, conventions, International labor organization, indigenous peoples, attestation, migrants, wages, trade union.

Трудовое законодательство относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ (п. «к» ч. 1 ст. 72, ч. 2 и 5 ст. 76 Конституции РФ).

© Шестеряков Игорь Александрович, 2017

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Шестерякова Ирина Владимировна, 2017

Доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права (Саратовская государственная юридическая академия)

Конституция Республики Крым определила разграничение предмета ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Крым, которое осуществляется в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами и договором о разграничении предметов ведения и полномочий (ст. 6, 57).

Таким образом, в настоящее время на территории Республики Крым действуют Конституция РФ, федеральные законы, в т.ч. Трудовой кодекс РФ (далее — ТК РФ).

В силу ст. 5 ТК РФ регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в соответствии с Конституцией РФ, федеральными конституционными законами осуществляется трудовым законодательством, состоящим из ТК РФ, иных федеральных законов и законов субъектов РФ, содержащих нормы трудового права. Законы субъектов РФ, включающие нормы трудового права, не должны противоречить ТК РФ и федеральным законам. Полномочия органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов РФ в сфере трудовых отношений разграничены ст. 6 ТК РФ.

Трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права регулируют трудовые отношения и иные непосредственно связанные с ними отношения всех работников и работодателей, заключивших трудовые договоры (ст. 11 ТК РФ). Это относится и к территории Республики Крым и г. Севастополя. Примечательна позиция Конституционного суда РФ, согласно которой установление факта постоянного проживания гражданина Украины на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя по состоянию на 18 марта 2014 года осуществляется на основе совокупности доказательств, лежащих в т.ч. в области трудовых отношений¹.

Конституционное право на труд выступает одним из базовых социально-экономических прав. Вхождение новых субъектов в состав Российской Федерации актуализировало ряд проблем в этой сфере². Так, до 1 января 2015 г. к трудовым отношениям и иным непосредственно связанным с ними отношениям, возникшим до дня вступления в силу рассматриваемого Федерального закона, наряду с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, содержащими нормы трудового права, применяются законы и иные нормативные правовые акты, включающие нормы трудового права, которые действовали на территории Республики Крым и территории города федерального значения Севастополя до дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя, в части, не противоречащей федеральным законам и иным нормативным правовым актам РФ, содержащим нормы трудового права, если иное не установлено федеральным законом, т.е. на граждан Крыма распространялось трудовое законодательство Украины даже в переходный период. Таким образом, действовало экстерриториальное применение норм украинского трудового права. Это подтверждалось Определением Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1094-О³.

В соответствии с законодательством РФ предусмотрена необходимость переоформления трудовых договоров с учетом перерегистрации работодателя, заключенных ранее в Республике Крым и г. Севастополе (до 31 декабря 2014 г.). Однако, как свидетельствуют данные Министерства труда и социальной защиты Республики Крым, не все предприятия прошли перерегистрацию. Например,

проблема задолженности по выплате заработной платы существует и у работодателей, прошедших регистрацию, и у тех, которые ее не прошли. Так, общая сумма задолженности по выплате заработной платы в Республике (по полному кругу должников, прошедших и не прошедших перерегистрацию в соответствии с законодательством РФ) по данным, представленным органами местного самоуправления муниципальных образований, на 1 июля 2016 г. на 46 предприятиях составила 119,7 млн руб., к 1 января 2016 г. задолженность увеличилась на 5,2 млн руб. (на 4,6%). По данным Крымстата, на 1 июля 2016 г. задолженность по выплате заработной платы на 35 предприятиях, прошедших процедуру перерегистрации в соответствии с законодательством РФ и представивших отчет по форме № 3-Ф в Крымстат, по сравнению с 1 января 2016 г., увеличилась на 14,9 млн руб. (на 24,9%) и составила 74,7 млн руб.⁴

Проанализировав аналитические отчеты Министерства труда и социальной защиты Республики Крым, можно констатировать снижение количества обращений граждан, связанных с правовым регулированием трудовых отношений: в 2014 г. — 1185 (из 7161 обращения граждан); 2015 г. — 903 (из 4258 обращений); в 2016 г. (первые три квартала) — 448 (из 5299 обращений граждан). Такая динамика подтверждается и в докладе Уполномоченного по правам человека в 2016 г.⁵, где констатируется, что в Крымском федеральном округе жители отмечают улучшение ситуации с правами человека. Из поступивших Уполномоченному по правам человека РФ обращений группа социальных прав составила 37%, из них меньше всего обращений (2%) было из Крымского федерального округа.

Следует отметить, что прокуратурой г. Севастополя осуществляется надзор за исполнением трудового законодательства. Так, прокуратура Севастополя выступила в защиту прав уволенного сотрудника ООО «Управляющая компания «Крымжилсервис» и помогла добиться 135 тыс. руб. компенсации. Заявитель обратился в районный суд с исковым заявлением к ООО «Управляющая компания «Крымжилсервис» с требованиями о восстановлении на работе. С апреля 2015 г. он работал в указанной организации в должности техника и неоднократно безосновательно привлекался к ответственности за нарушения трудовой дисциплины, а в ноябре 2015 г. незаконно уволен с занимаемой должности. Изучив материалы гражданского дела, прокуратура района подготовила заключение, которым рекомендовала суду удовлетворить требования работника, что и было им сделано⁶.

Это свидетельствует о положительной динамике адаптации работников и работодателей Республики Крым и города федерального значения Севастополя к трудовому законодательству РФ, а, значит и о все большей интеграции региона с Россией.

Еще одной характерной чертой интеграционного процесса является принятие в Республике Крым региональных актов, дополняющих действующее трудовое законодательство РФ. Например, 29 июня 2016 г. был принят Указ Главы Республики Крым № 247-У, утвердивший Примерное Положение о регистрации трудового договора, между работодателем — физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем, и с работником в органе местного самоуправления муниципального образования в Республике Крым⁷, которое подготовлено в соответствии с ТК РФ (ч. 4 ст. 303) и определяет правила регистрации трудового договора, заключенного между работодателем — физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем, с работником.

Кроме того, перечень нерабочих праздничных дней, установленных в Российской Федерации (ст. 112 ТК РФ), в Республике Крым дополнен еще одним нерабочим праздничным днем — 16 марта — Днем воссоединения Крыма с Россией⁸. Это полностью соответствует законодательству, т.к. данный вопрос относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 2 рассматриваемого Закона по просьбе религиозных организаций Глава Республики Крым может объявить религиозный праздник нерабочим праздничным днем на территории Республики Крым. При совпадении выходного и праздничного дней, выходной день не переносится.

Важное значение для правового регулирования трудовых отношений приобретает развитие института социального партнерства. По состоянию на 1 октября 2016 г. администрациями муниципальных образований в Республике Крым зарегистрировано 3120 коллективных договоров, из них 1146 изменений и дополнений к коллективным договорам. Наибольшее количество договоров (изменений и дополнений) зарегистрировано в городах Симферополе (605), Евпатории (246), Красногвардейском (216), Ялте (207), Керчи (187). Коллективными договорами охвачены 214264 работника, что составляет 63% от среднесписочной численности работников⁹.

Минимальная заработная плата в Российской Федерации с 1 июля 2016 г. установлена в размере 7500 руб в месяц. Однако в Республике Крым предусмотрен дифференцированный подход к установлению минимального размера оплаты труда, в зависимости от сектора экономики. С 1 июля 2016 г. минимальная заработная плата у работников реального сектора экономики установлена в размере не менее 7650 руб. в месяц, что на 608 руб. превышает ранее установленный размер. Для работников бюджетного сектора минимальная заработная плата установлена в размере 7500 руб.¹⁰ Представляется, что это еще одна особенность интеграционного взаимодействия федерального и регионального законодательства в сфере труда.

В Республике Крым и городе федерального значения Севастополе функционирует свободная экономическая зона. Согласно Единому реестру свободной экономической зоны на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя¹¹ на сегодняшний день уже зарегистрированы соответственно 698 и 220 участников. Для них устанавливаются различные налоговые преференции, в числе которых — пониженные тарифы страховых взносов в размере 7,6%, из них в Пенсионный фонд РФ — 6%, в Фонд социального страхования РФ — 1,5%, в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования — 0,1%¹². Это дает возможность привлекать все больше не только российских, но и иностранных работников. Поэтому устанавливается особый правовой режим привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан, регулирование въезда и выезда иностранных граждан, а также осуществления деятельности в области морского транспорта¹³. Например, предусмотрены следующие особенности: компенсационные выплаты работодателям, привлекающим трудовых мигрантов для работы в субъектах РФ, относящихся к территориям приоритетного привлечения трудовых ресурсов, освобождаются от НДФЛ (п. 59 ст. 217 НК РФ).

Важным в части интеграции является вопрос о признании документов, предъявляемых при заключении трудового договора, когда лицо, поступающее на работу, предъявляет работодателю в т.ч. трудовую книжку, за исключением случаев, когда трудовой договор заключается впервые или работник поступает на работу

на условиях совместительства (ст. 65 ТК РФ). Если у работника, поступающего на работу, имеются две трудовые книжки (российского и украинского образца), то работодатель ведет (и хранит) трудовую книжку российского образца. Трудовую книжку украинского образца работник предъявляет работодателю с целью подтверждения стажа, сведений о выполняемой работе, квалификации, увольнении, о награждении и др.¹⁴ Трудовые книжки украинского образца подлежат замене, работникам оформляется трудовая книжка по правилам российского законодательства. В графе 3 трудовой книжки делается запись о принятии или назначении в структурное подразделение организации с указанием его конкретного наименования (если условие о работе в конкретном структурном подразделении включено в трудовой договор в качестве существенного), наименовании должности (работы), специальности, профессии с указанием квалификации, а в графу 4 заносятся дата и номер приказа (распоряжения) или иного решения работодателя, согласно которому работник принят на работу. Записи о наименовании должности (работы), специальности, профессии с указанием квалификации производятся, как правило, в соответствии со штатным расписанием организации. В случае если в соответствии с федеральными законами с выполнением работ по определенным должностям, специальностям или профессиям связано предоставление льгот либо наличие ограничений, то наименования этих должностей, специальностей или профессий и квалификационные требования к ним должны соответствовать наименованиям и требованиям, предусмотренным соответствующими квалификационными справочниками.

Сведения о стаже и трудовой деятельности предыдущих периодов, в т.ч. отраженных в трудовой книжке украинского образца, в новую трудовую книжку российского образца не вносятся.

С момента внесения записи о конкретном юридическом лице в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) РФ в трудовые книжки работников, состоящих в трудовых отношениях с работодателями, созданными в организационно-правовых формах, предусмотренных законодательством, действовавшим на территории Республики Крым и г. Севастополя до 18 марта 2014 г., необходимо вносить записи о реорганизации: отдельной строкой в графе 3 раздела «Сведения о работе» в трудовой книжке делается запись: «Организация такая-то с такого-то числа переименована в такую-то», а в графе 4 проставляется основание переименования — приказ (распоряжение) или иное решение работодателя, его дата и номер, свидетельство о регистрации юридического лица, его реквизиты.

В случае изменения должности, наименования структурного подразделения вносится запись в трудовую книжку о назначении работника в соответствии с новым штатным расписанием. Следует отметить, что в Российской Федерации признаются образование, образовательно-квалификационные уровни, ученые степени и ученые звания, полученные на территории Украины и указанные в документах об образовании, документах об ученых степенях и ученых званиях, образцы которых утверждены Кабинетом Министров Украины и обладателями которых являются лица, признанные гражданами Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (в ред. от 31 де-

кабря 2014 г.)¹⁵, а также лица — граждане Российской Федерации, постоянно проживавшие на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым на территории Республики Крым.

Для целей возникновения трудовых отношений или продолжения ранее возникших трудовых отношений требуется документ об образовании и (или) о квалификации или наличии специальных знаний, либо документ о наличии у работника специального права (лицензии, права на управление транспортным средством, права на ношение оружия, другого специального права), либо другой документ, соответствующие документы, выданные в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, которые действовали на территории Республики Крым и территории города федерального значения Севастополя до дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов, признаются в случаях и в порядке, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ.

С 1 января 2015 г. продолжительность ежегодных оплачиваемых отпусков исчисляется исходя из трудового законодательства РФ. Если часть периода работы для исчисления продолжительности отпуска приходилась на 2014 г., а часть на 2015 г., то в этом случае при исчислении продолжительности отпуска до 2015 г. должно применяться трудовое законодательство Украины, после 1 января 2015 г. — Российской Федерации. Продолжительность отпуска, исчисленная таким образом, суммируется¹⁶.

Результаты аттестации рабочих мест по условиям труда, которая была проведена у работодателей, осуществляющих деятельность на территории Республики Крым и территории города федерального значения Севастополя, в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, которые действовали на этих территориях до дня принятия в Российскую Федерацию, действительны в течение 5 лет со дня ее завершения. Исключение составляют случаи проведения внеплановой специальной оценки условий труда, установленные ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» (в ред. от 1 мая 2016 г.)¹⁷.

Следует отметить, что трудовое законодательство распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами, иными нормативными правовыми актами РФ, законами и иными нормативными правовыми актами Республики Крым и г. Севастополя о государственной¹⁸ и муниципальной¹⁹ службе (ч. 7 ст. 11 ТК РФ).

Таким образом, проведенный анализ особенностей правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений в связи с образованием новых субъектов РФ и их интеграцией в правовую систему РФ свидетельствует, что принцип совместного ведения при формировании трудового законодательства применительно к Республике Крым и г. Севастополю означает сочетание федерального и территориального уровней правового регулирования. Важно на уровне новых субъектов России отразить национальные особенности региона. Так, возник вопрос о внесении караимов (караев) и крымчаков, проживающих в Республике Крым²⁰, в федеральный перечень КМН (коренных малочисленных народов), поскольку по своим параметрам они подходят под этот статус.

Считаем, что в настоящее время необходимо в региональном законодательстве о труде учитывать положения конвенции МОТ «О коренных народах и народах,

ведущих племенной образ жизни» (Женева, 1989 г.). Это необходимо для того, чтобы трудовое законодательство Крыма не утратило своей самобытности и оригинальности и стремилось соответствовать федеральному.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 4 октября 2016 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 4 Федерального Конституционного закона „О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя” в связи с жалобой А.Г. Оленева» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 41, ст. 5888.

² См.: *Кабышев В.Т., Заметина Т.В.* Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. М., 2016. С. 115–117.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1094-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Никитиной Екатерины Олеговны на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 2 Федерального закона „Об особенностях применения отдельных положений федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, содержащих нормы трудового права, в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ URL: <http://mtrud.rk.gov.ru/rus/info.php?id=633599> (дата обращения: 01.12.2016).

⁵ См.: Российская газета. 2016. 24 марта.

⁶ URL: <http://www.c-inform.info/news/id/43645> (дата обращения: 01.12.2016).

⁷ URL: http://mtrud.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_297953.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

⁸ См.: Закон Республики Крым от 24 декабря 2014 г. «О праздниках и памятных датах в Республике Крым». URL: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_238233.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

⁹ URL: <http://mtrud.rk.gov.ru/rus/info.php?id=639431> (дата обращения: 01.12.2016).

¹⁰ Дополнительное соглашение № 1 к Соглашению о минимальной заработной плате между Советом Министров Республики Крым, республиканскими объединениями профсоюзов, объединениями работодателей Республики Крым от 1 июля 2016 г. URL: http://mtrud.rk.gov.ru/rus/file/Dop_sogl_1.pdf (дата обращения: 01.12.2016); Дополнительное Соглашение № 2 к Республиканскому соглашению между Советом Министров Республики Крым, республиканскими объединениями профсоюзов, объединениями работодателей на 2015–2017 гг. URL: http://mtrud.rk.gov.ru/rus/file/Dop_sogl_2.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

¹¹ См.: Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/reestrsez/2016190202> (дата обращения: 01.12.2016).

¹² См.: Правительство Республики Крым. URL: <http://rk.gov.ru/rus/index.html/news/292731.htm> (дата обращения: 01.12.2016).

¹³ См.: Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (в ред. от 5 апреля 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6658; 2016. № 15, ст. 2053;

¹⁴ Подробнее об этом см.: Письмо Минтруда России от 24 ноября 2014 г. № 14-2/В-862. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 12, ст. 1201; 2015. № 1, ч. I, ст. 3.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 24 декабря 2014 г. № 14-2/В-933. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52, ч. 1, ст. 6991; 2016. № 18, ст. 2512.

¹⁸ См. п. 2 ст. 4 Закона г. Севастополя от 3 июня 2014 г. № 23-ЗС «О государственной гражданской службе г. Севастополя» (в ред. от 27 июля 2016 г.) // Севастопольские известия. 2014. 11 июня; Официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя. URL: <http://sevzakon.ru> (дата обращения: 28.07.2016); п. 2 ст. 4 Закона Республики Крым от 29 мая 2014 г. № 7-ЗРК «О государственной гражданской службе Республики Крым» (в ред. от 28 июня 2016 г.) // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. 2014. № 1, ч. 2; 2016. № 6.

¹⁹ См. п. 2 ст. 3 Закона Республики Крым от 16 сентября 2014 г. № 76-ЗРК «О муниципальной службе в Республике Крым» (в ред. от 1 июня 2016 г.) // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. 2014. № 3, ч. 1; 2016. № 5; ч. 2 ст. 3 Закона г. Севастополя от 5 августа 2014 г. № 53-ЗС «О муниципальной службе в г. Севастополе» (в ред. от 29 мая 2015 г.) // Севастопольские известия. 2014. 9 авг.; 2015. 30 мая.

²⁰ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год // Российская газета. 2016. 24 марта.

Ю.В. Ким

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ГАРМОНИЗАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ВОКРУГ «КРЫМСКОГО ВОПРОСА»

В статье рассматриваются отдельные вопросы территориальной организации государства, имеющие междисциплинарный характер и затрагивающие федеративное устройство России, систему федеральных округов, государственную региональную политику, функционирование механизмов организационно-управленческого и конституционно-правового обеспечения государственного устройства Российской Федерации.

Ключевые слова: территориальная организация государства, государственное устройство, федерализм, региональная политика, геополитика, федеральный округ, деконцентрация, децентрализация.

Yu. V. Kim

ABOUT SOME ASPECTS OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF THE STATE IN A CONTEXT OF PROBLEMS OF HARMONIZATION OF A GEOPOLITICAL SITUATION AROUND «THE CRIMEAN QUESTION»

In article questions of the territorial organization of the state which relevance was clearly designated during admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and education in its list of new subjects — the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol are considered. They have cross-disciplinary character and mention the federal device of Russia, system of federal districts, the state regional policy, the functioning of mechanisms organizational and administrative and constitutional legal support of a state system of the Russian Federation.

Keywords: territorial organization of the state, state system, federalism, regional policy, geopolitics, federal district, dekontsentrations, decentralization.

Правовая наука рассматривает территориальную составляющую государственности в виде структурно упорядоченной, организованной части географического пространства Земли, находящейся под юрисдикцией конкретного государства. Территориальная организация не сводится исключительно к государственному (государственно-территориальному) или административно-территориальному устройству. Она носит более широкий характер и затрагивает не только область государственно-правовых, но и иных отношений, взаимосвязей и характеристик территориальных единиц, на основе которых осуществляется экономическое районирование страны. Поэтому территориальная организация зачастую рассматривается как сложное, комплексное междисциплинарное понятие. Таксономические характеристики государственного устройства и регионального деления страны не обязательно должны совпадать. Под регионами могут подразумеваться как субъекты федерации, так и иные территориальные образования, обособляемые и группируемые по экономическим, управленческим, программно-целевым, ситуативным и иным критериям (крупные естественные экономические районы,

© Ким Юрий Владимирович, 2017

Доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и административного права (Кемеровский государственный университет); e-mail: Yu_kim@mail.ru

территориально и экономически связанные территории разных стран, территориально и экономически связанные страны и пр.). Система правовых отношений, оформляющих территориальную структуру государства, охватывается специальной юридической категорией формы государственного устройства. Подходы к ее трактовке могут варьироваться, но во всех случаях внимание фокусируется на правовом обеспечении принципов структурирования пространства государства, внутренней организации и территориального распределения функций государственной власти, статусе региональных частей государства, их взаимоотношений с центральной властью и т.д. При этом государственное устройство тесно связано с административно-территориальным делением. Последнее вкупе с экономическим районированием образует территориально-организационную систему страны, формирование которой определяется требованиями государственной региональной политики. В свою очередь региональная политика призвана быть той областью практически-преобразовательной деятельности государства, в пределах которой воплощаются разноплановые подходы, приемы и средства регулирования (конституционно-правовые, административно-управленческие, экономические, информационные и пр.) развития страны и регионов.

Каким бы обширным ни казался инструментарий региональной политики, тем не менее, его комплексное применение должно иметь «адресно-локализованный» характер, обусловленный экономическим содержанием решаемых задач. Региональная политика — это часть экономической политики государства. В функциональном плане она более динамична, может иметь различное содержание — одно в федеративном государстве, иное — в унитарном. Однако результативность ее вовсе не зависит от формы государственного устройства. Можно привести множество примеров унитарных государств с эффективной региональной политикой (Франция, Финляндия, Испания, Италия) и федераций, где она находится в зачаточном состоянии (Венесуэла, Нигерия, Россия). Однако в федерациях региональный аспект как бы усиливается и получает дополнительную политико-правовую легитимацию через конституционное закрепление «регионально-сегментированной» структуры государства. Подразумевается, что регионализм, как бы контекстуально совпадая с федерализмом, имеет более выраженную, чем в унитарных государствах, конституционно-правовую детерминацию, и может даже показаться, что федерализм — это чуть ли не «конституированный регионализм». Правда, в практическом воплощении все предстает не так однозначно, достаточно проблематично, а иногда — весьма казуистично. Данное обстоятельство в очередной раз отчетливо проявилось в ходе урегулирования «крымского вопроса».

Политико-правовые события, сопровождавшие процесс принятия в состав Российской Федерации Республики Крым в марте 2014 г., по сей день находятся в центре внимания международной общественности. Масштабы «тектонических сдвигов», произошедших в территориальной организации России, геополитическое, политико-правовое, а также и морально-психологическое значение восстановления Крымского полуострова в структуре российской государственности подвергаются обстоятельному научному анализу. При этом, как справедливо замечено исследователями, особую актуальность приобретают проблемы конституционно-правового обеспечения процесса адаптации региона к новым для него государственно-правовым условиям¹. Надо полагать, что вдумчивое и последовательное разрешение этих проблем, в т.ч. опирающееся на теоретическое

их осмысление, будет способствовать постепенной гармонизации геополитической ситуации вокруг «крымского вопроса».

В практике государственного строительства России накоплен огромный и, возможно, уникальный исторический опыт реформирования территориальной организации страны. В современных условиях интенсивные изменения в этой сфере происходили как непосредственно перед принятием Конституции России 1993 г., так и позднее. Если вспомнить политические, экономические, социальные и иные обстоятельства, сопровождавшие эти процессы (распад Союза ССР, заключение Федеративного договора в марте 1992 г., суверенизацию республик в составе Российской Федерации, образование федеральных округов, трансформацию «сложносоставных» субъектов РФ и т.д.), то не секрет, что они не всегда носили тщательно запрограммированный характер. Зачастую государственные решения принимались в порядке оперативного управленческого реагирования на спорадически возникающие вызовы текущего дня. В последнее время наиболее существенные трансформации в государственном устройстве России произошли в 2005–2008 гг. в ходе преобразования «сложносоставных» субъектов РФ. В результате этого прекратили самостоятельное существование 7 автономных округов (Коми-Пермяцкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Корякский, Усть-Ордынский, Бурятский и Агинский Бурятский) и появились соответственно новые 5 субъектов Федерации: Пермский, Красноярский, Камчатский Забайкальский края и Иркутская область. В рассматриваемый период был опробован один из сценариев модернизации государственного устройства, предусмотренный Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»² — образование в составе Российской Федерации нового субъекта в результате объединения двух и более граничащих между собой субъектов РФ (п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 5).

В дальнейшем процесс объединения субъектов РФ был приостановлен, а его итоги получили неоднозначную оценку³. В подготовленной Институтом современного развития (ИНСОП, г. Москва) работе «Объединение субъектов Российской Федерации: за и против», в написании которой участвовали известные эксперты (экономист Е. Гонтмахер, социолог Н. Зубаревич, представители Института географии РАН С. Артоболевский и О. Вендина, политолог А. Кынев), содержится вывод о том, что запущенный в России процесс объединения регионов не дал ожидаемых результатов и суммарно имел нулевой эффект. Решение о начале кампании объединения округов было продиктовано преимущественно политическими соображениями, без адекватной социально-экономической экспертизы и при непрозрачной системе принятия решений. Слияния не повысили управляемости пространством России, еще раз продемонстрировав необходимость построения адекватной потребностям страны региональной политики и реформы в сопредельных сферах. При этом выявилось слабое знание отечественного и зарубежного опыта в сфере решения пространственных проблем со стороны субъектов, принимавших соответствующие решения. При таких обстоятельствах продолжение политики укрупнения регионов чревато всеми видами конфликтов от экологических до этнических⁴.

Ситуация с вхождением Республики Крым в состав Российской Федерации была совершенно иной и нестандартной в силу многих причин. Прежде всего, потому, что она по всем наблюдаемым признакам носила неспрогнозированный

характер. Отделение Крыма от Украины и возникновение «крымского вопроса» явились побочным, но закономерным исходом недалёковидно раскрученного «украинского вопроса». Закономерным в том смысле, что непринятие в условиях системного кризиса государственности адекватных мер по предотвращению ее тотальной эрозии и обеспечению суверенитета способно очень быстро перевести кризисное состояние в крайнюю фазу — фактический распад государства, утрату им территориальной целостности, что, собственно, и случилось с Украиной.

Нетривиальность рассматриваемого момента заключалась и в том, что при возникшей сложнейшей внешнеполитической обстановке руководством России была оперативно (причем впервые) и, как представляется, тонко реализована альтернативная схема модернизации государственного устройства — принятие в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части (п. 1 ст. 1, п. ст. 4 указанного Закона).

Беспрецедентными явились размах мероприятий и объем задействованных ресурсов (организационно-правовых, государственно-управленческих, материально-финансовых, кадровых и иных) в обеспечение интеграции Республики Крым с Российской Федерацией⁵. Предстояло выработать и осуществить меры комплексного характера, обеспечивающие в максимально короткое время полнокровную адаптацию крымского региона к достаточно новым для него условиям функционирования российской государственности, политической, правовой, экономической и социальной систем. Во время встречи Президента РФ В.В. Путина в г. Ялте с членами фракций политических партий в Государственной Думе в августе 2014 г., на которой подводились первые итоги работы по реализации т.н. «крымского пакета законов», главой государства были обозначены ключевые сферы жизни Крыма и Севастополя, требующие первоочередного внимания — функционирование банковской и финансовой систем, энергоснабжение, транспортная инфраструктура, социальная сфера (здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение), межнациональное согласие и т.д.⁶

И здесь же, в Ялте, 26 октября 2016 г., спустя два с половиной года, В.В. Путин на пленарном заседании межрегионального форума Общероссийского народного фронта «Форум действий. Крым» оценил результаты деятельности по интеграции Республики Крым, Севастополя в единое правовое, экономическое, социальное пространство России. По его признанию, это, действительно, оказалось непростым делом. В сжатые сроки сняты вопросы энергетической, водной блокады полуострова, хорошими темпами идёт строительство транспортного перехода через Керченский пролив, федеральной трассы «Таврида», развитие здравоохранения и пр. Особое внимание уделяется осуществлению программы развития Крыма⁷. Преодолен наиболее сложный этап вхождения региона в правовое и административное поле России, хотя процесс притирки, как подчеркнул Президент РФ, продолжается⁸.

Достаточно упомянуть о той масштабной нормотворческой работе, которая была развернута на всех уровнях публичной власти. Только на федеральном уровне в период с марта 2014 г. по сентябрь 2016 г. было издано свыше 300 нормативных правовых актов (9 федеральных конституционных законов, 35 федеральных законов, 21 указ Президента РФ, 14 постановлений Правительства РФ⁹ и др.), имеющих системообразующую или корректирующую параметры государственности природу¹⁰. Возникновение и нарастание проблем в этот период носило лавинообразный характер. Например, вслед за принятием и введением в

действие Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» последний 8 раз (по состоянию на 1 октября 2016 г.) подвергался изменениям в связи с необходимостью включения новелл, затрагивающих фундаментальные вопросы государственного строительства: гражданство; формирование органов государственной власти Республики Крым и города Севастополя; бюджетный процесс и денежное обращение; особенности судебного рассмотрения экономических споров в переходный период; обеспечение гарантий в сфере социальной защиты и охраны здоровья населения; регулирование имущественных, градостроительных, земельных и лесных отношений, отношений в сфере кадастрового учета недвижимости и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним; сферу электроэнергетики, теплоснабжения, водоснабжения, водоотведения, газоснабжения; предоставление услуг организаций коммунального комплекса, железнодорожных перевозок, услуг связи, услуг в транспортных терминалах, морских и речных портах и аэропортах; оборот лекарственных средств; технический осмотр автотранспортных средств; вопросы лицензирования отдельных видов деятельности, законодательства РФ об уведомительном порядке начала осуществления предпринимательской деятельности и о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного и муниципального контроля (надзора) и т.д.¹¹

В течение рассматриваемого периода Государственным советом Республики Крым принято свыше 350 законов¹², а Законодательным Собранием г. Севастополя — около 280 законов¹³. По сути нормативно-правовое обеспечение государственности Республики Крым и г. Севастополя как субъектов РФ воссоздавалось заново, что также имело небывалый доселе характер по своей новизне и степени сложности.

В ряду государственно-правовых институций, не столь очевидно проявивших свою эффективность в этой непростой обстановке, можно было бы назвать Крымский федеральный округ и Министерство РФ по делам Крыма. Крымский федеральный округ был образован в марте 2014 г., а упразднен в июле 2016 г. посредством объединения его с Южным федеральным округом. Министерство РФ по делам Крыма действовало в период с марта 2014 по июль 2015 г., т.е. чуть больше года. Принятие соответствующих решений было мотивировано завершением переходного периода, предусмотренного Федеральным конституционным законом «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя», а также в целях оптимизации структуры федеральных органов исполнительной власти¹⁴ и повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти¹⁵.

Думается, что, с точки зрения относимости к тем или иным аспектам государственного развития, институт федерального округа больше тяготеет к вопросам государственного (федеративного) строительства, а функционирование Министерства РФ по делам Крыма — к реализации государственной региональной политики. Причем оба направления внутренней государственной политики характеризуются, как известно, исключительной проблематичностью.

Феномен федерального округа отличается существенным своеобразием. С момента образования (2000 г.) и по сей день вопрос о степени его институциональной определенности является предметом активной научной полемики¹⁶. Не вдаваясь глубоко в анализ оформившихся подходов к интерпретации этой темы, хотелось бы обратить внимание лишь на одну характерную деталь. При значительном разбросе позиций и мнений относительно политико-правовой природы федерального округа не обнаруживаются пока что обстоятельные экспертные оценки касательно его совместимости с внутренней логикой и диалектикой федеративной государственности, «генетикой и органикой» федеративных отношений. При этом можно столкнуться с симптоматичными сопоставлениями и парадоксальными выводами. В частности, в одной из публикаций была выявлена функциональная аналогия федерального округа с институтом генерал-губернаторства императорской России со следующим умозаключением: «По существу, была произведена децентрализация государственного управления в духе демократии с усилением позиций центра»(?)¹⁷. Понятно, что приведенное суждение высказано вне контекста, затрагивающего проблемы федерализма, но оно, все же, весьма характерно.

Симптоматичным является то, что историческая параллель между фигурой полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе и генерал-губернатором в дореволюционной России действительно просматривается. И она отражает известные тенденции в эволюции российской государственности, объясняющие исторические особенности ее территориальной организации и стилистику публично-властной деятельности политической элиты. Любопытно, что современники, изучавшие этот вопрос, давали неоднозначную оценку степени полезности и эффективности института генерал-губернатора, особенно в вопросах, касающихся четкости правовой регламентации его статуса, места в структуре имперской государственности, разграничения компетенции с иными губернскими учреждениями. В первую очередь имелась в виду должность губернатора, введенная при Петре I в первой четверти XVIII в. практически одновременно с учреждением губерний¹⁸. Неопределенность в соотношении статусов генерал-губернатора и губернатора была заложена с самого начала. Причем в Указе об учреждении губерний и о росписании к ним городов 18 декабря 1708 г.¹⁹, которым вводились 8 губерний, эти должности не упоминались. Они вводились по факту назначения конкретных лиц на соответствующие должности или даже награждения их государственными наградами. Так, в царском указе от 10 мая 1703 г. о награждении орденом святого Андрея Первозванного А.Д. Меньшикова за взятие в плен в устье Невы экипажей двух шведских кораблей последний был наречен «генерал-губернатором» без объяснения характера этой должности или звания. В 1708 г. Петром I были назначены генерал-губернаторами в Ингерманландскую и Азовскую губернии соответственно светлейший князь А.Д. Меньшиков и генерал-адмирал Ф.М. Апраксин. В остальные 7 губерний были назначены губернаторы²⁰. Эта правовая неопределенность не была в должной мере преодолена и при реформировании губернского устройства в период правления Екатерины II. Например, ст. 2 Учреждений для управления губерний 7 ноября 1775 г. следующим образом определяла назначение генерал-губернатора: «Для управления... губернии или наместничества полагается государев наместник или генерал-губернатор». В ст. 3, дававшей определение губернатора, отмечено: «В губернии или наместничестве учреждается правитель наместничества или

губернатор». В губернии учреждается «правление наместническое или губернское» (ст. 4), в котором заседает «государев наместник или генерал-губернатор, правитель наместничества или губернатор с двумя советниками»²¹. На практике генерал-губернаторы встали во главе не одной губернии, а группы этих административных единиц. Губернии же возглавили губернаторы. Деятельность и тех и других курировалась Правительствующим сенатом (ст. 59–63, 65, 71 и др.). При императоре Павле I должность генерал-губернатора в большинстве губерний была упразднена, а деятельность сената практически парализована. А.Д. Градовский, описывая состояние государственных дел этой эпохи, писал: «Царствование Александра I застало высшие установления в хаотическом состоянии. Трудно было определить даже взаимное их отношение, найти лицо или место, действительно ответственное за положение каждой части администрации»²².

В XIX–XX вв. институт генерал-губернаторства существовал в основном на окраинах Российской империи (Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь), которые требовалось удерживать в составе единого государства. В центральных же губерниях, за исключением Петербургской и Московской, генерал-губернатор, как правило, отсутствовал. Начиная со второй половины XIX в., этот институт рассматривался главным образом в качестве инструмента политической стабилизации в регионах, охваченных забастовками, волнениями, революционными действиями вплоть до фактического введения чрезвычайного положения. Административно-хозяйственная направленность в деятельности генерал-губернаторов присутствовала, но выражена была слабее. При этом серьезной проблемой оставалась слабая координация функций между ними, губернаторами, министерствами, что приводило к многочисленным управленческим коллизиям и волоките²³. Поэтому оценка реального государственно-управленческого потенциала этого учреждения была и остается довольно противоречивой. Как правильно замечено в литературе, несмотря на частичную децентрализацию управления за счет передачи ряда функций центральных учреждений новому управленческому институту в лице генерал-губернаторов, общий замысел преобразований Екатерины II изначально состоял в укреплении личной власти абсолютного монарха с опорой на приближенных императрице лиц, пользовавшихся ее неограниченным доверием. Таким образом, административная реформа Екатерины II придавала системе местного управления охранительный характер, укрепляла феодальные устои, консерватизм политической системы²⁴ и в целом сдерживала развитие государственности.

Институт императорского наместничества возник в Древнем Риме. В Римском государстве имперского периода (I–VI в. н.э.), характеризовавшемся единой державой, т.е. монархической формой правления, большой политической и административный вес имели высшие императорские чиновники: префекты (*praefecti*), кураторы (*curatores*) и прокураторы (*curatores*) — первоначально заместители, а затем наместники императора по вопросам государственного управления на отраслевых (судопроизводство, охрана общественного порядка, командование войсками и т.д.) или же территориальных началах²⁵. Одним из известных исторических персонажей, занимавших пост наместника Рима в соответствии с территориальным принципом, был прокуратор Иудеи Понтий Пилат (26–36 гг. н.э.), приговоривший к казни Иисуса Христа.

Таким образом, генерал-губернаторы, наместники, префекты, прокураторы и пр. являются особыми публично-правовыми институтами, становление и рас-

пространение которых происходит в период усиления авторитарных начал в политическом режиме главным образом унитарных государств. Современной государственно-правовой и административной наукой эти институты рассматриваются в качестве формы децентрализации государственной власти, посредством которой реализуются контрольные функции. Очень часто они носят характер административной опеки, выражающейся в правомочиях по непосредственному вмешательству в деятельность органов местного самоуправления, аннулированию их правовых актов, наложению запретов на какие-либо действия, выдаче обязательных для исполнения предписаний и т.д. Наиболее типичными среди них являются назначаемые центральной властью правительственные комиссары (префекты) во Франции и Италии, которые с недавнего времени многие из исключительных прерогатив административной опеки утратили.

Оценивая колоссальные усилия руководства страны, которые были приложены к решению задач воссоединения Крыма и г. Севастополя с Россией, нельзя не согласиться с В.Т. Кабышевым и Т.В. Заметиной, которые высказались о том, что исследование конституционно-правового процесса данного исторического события — это одновременно и анализ конституционной природы новых федеративных отношений. И с принятием названных субъектов в состав России принцип федерализма получает «не просто дальнейшее развитие, а совершенно новое качество, характеризующееся динамизмом, масштабностью процессов»²⁶.

С учетом сказанного невольно напрашивается мысль о том, а не являлись ли векторы, сопровождавшие интеграцию с Российской Федерацией Республики Крым и г. Севастополя (в буквальном смысле их «федерализацию») и их заключение в организационно-правовую оболочку Крымского федерального округа, разнонаправленными по своей органической сути, вызывающими антагонизм и взаимное отторжение как несовместимых инструментов государственной территориальной политики? Федерализм, выражаясь очень условно, есть крайняя степень децентрализации государственной власти. По своей исходной правовой сути федеративные отношения — это неиерархические, горизонтальные, во многом паритетные и, подчеркнем, прямые государственно-правовые связи между высшими органами государственной власти федерации и органами ее субъектов.

Федеральный округ, напротив, будучи формой децентрализации президентской власти и инструментом, усиливающим эффект федерального присутствия, вносит дисбаланс в этот расклад. Не по этой ли причине — в силу обнаружившейся со всей очевидностью избыточности — был на самом деле упразднен Крымский федеральный округ?

Что же касается Министерства РФ по делам Крыма, то очень похоже, что на его судьбу определяющее влияние оказало общее положение дел с формированием и организационно-управленческим обеспечением государственной региональной политики. Показательной в этом отношении является ситуация, складывавшаяся вокруг профильного федерального ведомства, курировавшего региональную политику. В период с 1994 по 2014 г. оно многократно подвергалось реорганизациям и переименованиям. Этот орган последовательно именовался «Государственным комитетом Российской Федерации по делам Федерации и национальностей» (1994 г.), «Министерством Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике» (1994 г.), «Министерством Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям» (1996 г.), «Министерством по делам федерации и национальностей Российской

Федерации» (1999 г.), «Министерством по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации» (2000 г.), которое в 2001 г. вовсе было упразднено²⁷. Три года спустя, в 2004 г., заново образовано Министерство регионального развития²⁸, которое опять-таки ликвидировано в 2014 г.²⁹ До недавнего времени на федеральном уровне было представлено три федеральных министерства, ответственных за развитие регионов, правда не всех, а лишь отдельно взятых — Министерство РФ по развитию Дальнего Востока (2013 г.), Министерство РФ по делам Северного Кавказа (2014 г.) и Министерство РФ по делам Крыма (2014 г.). После упразднения последнего остались два однотипных федеральных министерства, ответственных за развитие регионов, которые сформированы не по отраслевому, а по территориальному принципу. Как этот подход согласуется с канонами административной науки и регионоведения — предмет отдельного разговора.

В заключение можно высказать следующее. Погружение в политико-правовые аспекты воссоединения Крыма с Россией дает богатую пищу для размышлений. Как показывает проведенный анализ, качество разрешения вопросов, возникающих в ходе урегулирования «крымского вопроса», во многом зависят от глубины доктринальной и организационно-управленческой проработки множества проблем, носящих общесистемный, фундаментальный характер. Сохраняется настоятельная потребность в настройке и оттачивании инструментария по решению пространственных вопросов, обеспечения сбалансированного, динамичного развития всех российских регионов, совершенствования территориальной организации и государственного устройства. Желательно, конечно, чтобы подобного рода задачи решались методично, планомерно и неэкстремально. И наука конституционного права, несомненно, должна внести в это дело свою посильную лепту.

¹ См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя — восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97). С. 58–74; *Их же*. Россия — Крым — Севастополь: размышления конституционалистов (часть 1) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 129–143.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4916.

³ См.: Безруков А.В. Образование нового субъекта РФ: пермский опыт и перспективы Красноярского края // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 5; Кульчевский В.В. Образование новых субъектов в составе Российской Федерации: проблемы законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 10; Гончаров В.В. О некоторых вопросах укрупнения субъектов Российской Федерации как условия оптимизации системы государственного управления: современные проблемы и перспективы развития // Юридический мир. 2010. № 2; Брежнев О.В. Административно-территориальные единицы с особым правовым статусом в объединенных субъектах Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7.

⁴ См.: Объединение субъектов Российской Федерации. М., 2010. С. 173–175.

⁵ См., например: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Конституционализация правовой системы Крым (Республики Крым и города Севастополя) // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей / [редкол.: В. Т. Кабышев (отв. ред.) и др.]. Саратов, 2016. Вып. 15. С. 7–20.

⁶ См.: Встреча с членами фракций политических партий в Государственной Думе. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/46451> (дата обращения: 16.11.2016).

⁷ Общий объем финансирования мероприятий только в рамках этой программы должен составить свыше 700 млрд руб. См.: Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 33, ст. 4595.

⁸ См.: Межрегиональный форум Общероссийского народного фронта. URL: (дата обращения: 17.11.2016).

⁹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., например: Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 37-ФЗ «Об особенностях функционирования финансовой системы Республики Крым и города федерального значения Севастополя на переходный период» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 14, ст. 1529; Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 154-ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26, ч. I, ст. 3360; Федеральный закон

от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6658; Указ Президента РФ от 21 марта 2014 г. № 168 «Об образовании Крымского федерального округа» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 12, ст. 1265; Указ Президента РФ от 31 марта 2014 г. № 190 «О Министерстве Российской Федерации по делам Крыма» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 14, ст. 1608; Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 33, ст. 4595 и др.

¹¹ См.: Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (в ред. Федерального конституционного закона от 23 июня 2016 г. № 5-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 12, ст. 120.

¹² URL: <http://crimea.gov.ru> (дата обращения: 13.10.2016).

¹³ URL: <https://sevzakon.ru/view/laws/bank> (дата обращения: 13.10.2016).

¹⁴ См.: Указ Президента РФ от 15 июля 2015 г. № 368 «Об упразднении Министерства Российской Федерации по делам Крыма и Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. II, ст. 4479.

¹⁵ См.: Указ Президента РФ от 28 июля 2016 г. № 375 «О Южном федеральном округе» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 31, ст. 4984.

¹⁶ См.: *Черкасов К.В.* Федеральные округа в государственном устройстве России // Административное и муниципальное право. 2008. № 3; *Его же.* Система органов исполнительной власти на уровне федерального округа: вопросы построения и развития // Российская юстиция. 2008. № 6; *Лысенко В.* Развитие федеральных округов и будущее федеративного устройства России // Федерализм. 2002. № 3; *Никонов А.Н.* Политико-правовые проблемы взаимодействия органов государственной власти РФ и ее субъектов в условиях административной реформы (на материалах Центрального федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2004; *Сыскова И.В.* Становление, развитие и функциональное содержание института полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; *Волков А.М., Хахина А.А.* К вопросу о двойственности административно-правовой природы института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах // Административное право и процесс. 2012. № 4; *Лалина М.А., Прохоров К.В.* Федеральный округ как центр территориальных органов государственной власти // Юридический мир. 2010; *Мазуров В.Ю.* Федеральные округа в территориальной системе организации государственной власти в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015 и др.

¹⁷ *Власов В.И.* О должности генерал-губернатора в Российской Федерации (к 10-летию учреждения федеральных округов) // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 8. С. 11–13.

¹⁸ См.: *Алексеев А.С.* Русское государственное право. М., 1897. С. 203; *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права. Ч. 1. Юрьев, 1912. С. 782–783.

¹⁹ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 166–169.

²⁰ Подробно об этом см.: *Злобин Ю.П.* Институт генерал-губернаторов в России в XVIII в.: становление и развитие // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 4. С. 4

²¹ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода рассвета абсолютизма. М., 1987. С. 170.

²² *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права: в 2 т. Т. 2: Органы управления / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2006. С. 419.

²³ См.: *Градовский А.Д.* Указ раб. С. 419–435; *Рассолов Г.А.* Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 г. — конец XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 25–26.

²⁴ См.: *Злобин Ю.П.* Указ. раб. С. 10–11.

²⁵ См.: *Боголепов Н.П.* Учебник истории римского права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 453–454; *Бартошек М.* Римское право: (Понятия, термины, определения) / пер. с чешск. М., 1989. С. 253–254, 261–262.

²⁶ *Кабышев В.Т., Заметина Т.В.* Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя — восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97). С. 59.

²⁷ См.: Указ Президента РФ от 16 октября 2001 г. № 1231 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 43, ст. 4071.

²⁸ См.: Указ Президента РФ от 13 сентября 2004 г. № 1168 «О Министерстве регионального развития Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 38, ст. 3775.

²⁹ См.: Указ Президента РФ от 8 сентября 2014 г. № 612 «Об упразднении Министерства регионального развития Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 37, ст. 4934.

А.В. Мещеряков

РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСТВО И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В КРЫМУ: РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируются некоторые итоги переходного периода воссоединения Крыма с Российской Федерацией на примере решения вопросов гражданства для жителей полуострова. Исследуются нормативно-правовые основы признания за жителями Крыма и г. Севастополя российского гражданства, а также возникшие в ходе этого процесса трудности организационного и нормативного характера.

Ключевые слова: Российская Федерация, Крым, Севастополь, Конституция, уполномоченный по правам человека, конституционализация, конституционный строй, гражданство, правовой статус личности.

A.V. Mesheryakov

RUSSIAN CITIZENSHIP AND THE CONSTITUTIONALIZATION OF THE STATUS OF THE INDIVIDUAL IN THE CRIMEA: REALITIES, PROBLEMS AND PROSPECTS

The article analyses some results of the transition period of reunification of the Crimea with the Russian Federation on the example of the citizenship issues for residents of the Peninsula. Examines the legal framework of recognition for the residents of Crimea and Sevastopol to the Russian citizenship that emerged in this process, difficulties of organizational and normative nature.

Keywords: Russian Federation, Crimea, Sevastopol, the Constitution, the Commissioner for human rights, constitutionalization, constitutional order, citizenship, legal status of the person.

Прошло 3 года с того момента, когда на Общекрымском референдуме абсолютное большинство жителей полуострова проголосовало за воссоединение с Россией. С этого времени Крым стал центром многих геополитических процессов, повлиявших на мировой порядок. Это эпохальное событие, по мнению В.Т. Кабышева, послужило и началом нового этапа в истории России, для которого «характерны принципиально иные отношения во всех сферах конституционного строя, во внутренней и внешней политике Российской Федерации, ее политической системе, идеологии и правосознании, как властвующей элиты, так и подавляющей части российского общества»¹.

Возвращение Крыма в состав России было настолько стремительным, что о трудностях, которые могут возникнуть при интеграции Крыма в политическое, правовое и экономическое пространство Российской Федерации, в тот момент вряд ли кто серьезно задумывался. Ведь самая главная проблема для подавляющего большинства жителей полуострова была решена 16 марта 2014 г., когда Крым воссоединился с Россией.

Крымчане были твердо убеждены, что теперь не осталось ни одной проблемы, которую они не смогли бы решить общими усилиями с Россией. Вместе с тем население Крыма подсознательно готовило себя к трудностям переходного периода, надеясь на их временный характер. Жители полуострова с пониманием

© Мещеряков Александр Викторович, 2017
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права (филиал СКФУ в г. Пятигорске); e-mail: mesheriakov.alem2012@yandex.ru

и терпением переносят все трудности переходного периода, не испытывая при этом ни малейших разочарований в своем историческом выборе на Общекрымском референдуме 16 марта 2014 г. И совершенно прав Б. Федосимов, когда замечает, что «это основополагающий вывод, которым нужно руководствоваться при характеристике особенностей и рисков, определяющих процесс интеграции Республики Крым в российское государственное пространство. Все они не идут ни в какое сравнение с гарантиями личной безопасности каждого крымчанина, которые твердо и последовательно обеспечивает Российская Федерация. Особенно на фоне трагических событий на Юго-Востоке Украины»².

Однако уповать на эйфорию от самого факта возвращения Крыма в родную гавань не следует. Вслед за ней, как свидетельствует история, неизбежно приходит понимание реальности. И поэтому крайне важно, чтобы эта реальность не обманула ожиданий жителей Крыма, а определенные беспокойства на этот счет имеются. Нельзя не замечать факторы как объективного, так и субъективного характера, негативно влияющие на успешность интеграционных процессов и, в частности, конституционализацию статуса жителей новых российских регионов.

Как отмечалось на заседании «круглого стола» на тему «Политическая реальность Крыма: будущее, тенденции, риски, возможности», проведенного по инициативе ассоциации политологов Крыма «Крымский экспертный клуб», буквально через месяц после принятия Крыма и г. Севастополя в состав России, решение всех крымских проблем сейчас зависит только от скорейшей интеграции Крыма в политическое, экономическое и законодательное поле России. К числу основных рисков, стоящих на пути успешной интеграции, крымское экспертное сообщество относит, прежде всего, факторы, связанные с тем, что российское и украинское сообщества со времен раздела СССР развивались по разным схемам социального устройства государства. Россия во многом использовала в качестве базовых программ именно советские стандарты, естественно, с учетом современных реалий. Украина, в составе которой до недавнего времени находился Крым, обращалась к опыту западных демократий³.

В.Т. Кабышев, придерживаясь по сути такой же оценки ситуации, замечает: «23 года Крым жил в другой конституционно-правовой системе власти и соответственно иных конституционных ценностях, отличных от российских». Крыму и Севастополю, подчеркивает он, «крайне необходимо осваивать российский конституционализм во всех его проявлениях. Это особенно актуально в мировоззренческом, социально-психологическом плане»⁴.

Сказанное свидетельствует о том, что исследование процесса конституционализации Республики Крым и города федерального значения Севастополя продолжает иметь исключительное значение, как для научно-теоретического познания, так и практической интеграции новых субъектов Федерации в политическое, экономическое и законодательное пространство России.

Подтверждением этому может служить недавно вышедшая монография «Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование», написанная видными российскими учеными-конституционалистами профессорами Саратовской государственной юридической академии В.Т. Кабышевым и Т.В. Заметиной⁵. Публикация этой работы — знаковое событие не только для российского юридического сообщества, но и политологов, ученых-международников, экономистов, социологов, государственных деятелей и депутатского корпуса. Она будет весьма интересна и полезна молодому поколению россиян, т.к. в ней доступным языком изложены события, касающиеся непростого процесса

конституционно-правового воссоединения исконно русских земель в единое целое, показано его историческое значение.

В предыдущей публикации мы попытались проанализировать задачи и первые итоги процесса признания российского гражданства за жителями полуострова на ее начальном этапе. В результате нами был сделан вывод: несмотря на проблемы и трудности нормативно-правового и организационно-технического характера начального этапа формально-юридического признания за жителями новых субъектов Федерации российского гражданства, более чем 20-летняя мечта абсолютного большинства жителей Крыма и Севастополя вновь стать неотъемлемой частью России и обрести ее гражданство, воплотилась в реальность⁶.

Однако ситуация с фактическим признанием российского гражданства за населением Крымского полуострова оказалась не столь однозначной. Правоприменительная практика в Крыму и Севастополе по установлению российской гражданской принадлежности выявила ряд нестыковок и противоречий в нормативно-правовой базе, которой должны были руководствоваться соответствующие региональные органы федеральных ведомств при оформлении российского гражданства и выдачи паспортов гражданина Российской Федерации жителям этих регионов. Как отмечалось в докладе Уполномоченного по правам человека в Республике Крым за 2014 год, на начальном этапе периода воссоединения с Россией «Республика Крым переживает нелегкое бремя «переходного периода», время, отведенное для интеграции нашего региона, с устоявшейся системой права и государственного управления в систему государственных институтов Российской Федерации. Этот процесс характеризуется внутренней противоречивостью, неравномерностью, чередованием фаз поступательного развития, зачастую сопряжен с коллизиями в вопросах применения законов. Это приводит к тому, что обычный человек теряется в многообразии новых правил жизни, не похожих на те, к которым он привык»⁷.

Поэтому, несмотря на столь впечатляющие результаты, достигнутые в этом направлении за весьма короткий период времени и серьезные усилия, предпринятые федеральными и региональными органами государственной власти, одной из основных проблем переходного периода для жителей Крыма стало отсутствие возможности беспрепятственного получения паспортов граждан Российской Федерации. Причина: очередь в УФМС по Республике Крым для сдачи документов, получения справок о гражданстве, получения готовых паспортов, которая доходила до 2000 чел. и более по записи. Все это способствует нарастанию напряженности в Крымском регионе, отметил в своем докладе Уполномоченный по правам человека в Республике Крым.

Трудности в получении российского паспорта жителями Крыма и г. Севастополя состояли не только в острой нехватке штатных сотрудников миграционных органов в новых российских субъектах и беспрецедентной загруженности имевшихся, но и правовой неопределенности в подтверждении факта постоянного проживания в Крыму на день проведения референдума. Последнее обстоятельство, как показала правоприменительная и судебная практика, послужило главным камнем преткновения в процессе получения российского паспорта.

По информации некоторых крымских СМИ на апрель 2016 г. около 3 тыс. севастопольцев не могут получить российское гражданство даже после признания судом постоянного их проживания в городе на 16 марта 2014 г. Региональные органы ФМС, как отмечается в публикациях, считают, что они — граждане Украины, переехавшие на полуостров после Крымского референдума. Заявители

же, напротив, уверяют, что живут в городе давно и имеют право на российский паспорт⁸. Несмотря на имеющиеся трудности формального свойства в получении российского паспорта, ситуация в этом направлении в целом выглядит весьма достойно.

Итоги переходного периода в отношении процесса приобретения российского гражданства жителями Крыма продемонстрированы в докладе Уполномоченного по правам человека в Республике Крым за 2014 г. В нем, в частности, было отмечено, что обретение российского гражданства жителями Крыма относится к наиболее важным событиям, состоявшимся в этом году. По информации Управления Федеральной миграционной службе по Республике Крым за период с марта 2014 г. было выдано 1 560 162 паспорта граждан Российской Федерации. Принято 26 541 документов на проведение проверки определения наличия либо отсутствия гражданства Российской Федерации. Из них принято положительных решений — 13 849, из которых 7701 — по решению судов, которыми были установлены факты проживания граждан на территории Республики Крым на период проведения референдума 16 марта 2014 г.⁹

С учетом этих данных уже в докладе Уполномоченного по правам человека в Крыму за 2015 г., т.е. года, прошедшего после официального окончания переходного периода, сотрудники миграционной службы документировали паспортами гражданина Российской Федерации 135 747 лиц (1 581 309 граждан было документировано в 2014 г. — на 91,4% меньше), хотя, как отмечает далее докладчик, наиболее распространенными обращениями к Уполномоченному в общей структуре в 2015 г. (всего 4192 обращения) являлись обращения, связанные с миграционными отношениями, в частности с вопросами получения гражданства Российской Федерации (930 обращений)¹⁰.

Институт российского гражданства как один из основных элементов конституционного строя Российской Федерации играет особую роль в процессе интеграции Республики Крым и города федерального значения Севастополя и в экономическое, и социально-политическое, и правовое пространство Российского государства и общества. Без населения и в первую очередь той части, которая признана гражданами государства, объективно нельзя рассчитывать на успешность и динамику запланированных реформ и интеграционных процессов, о чем свидетельствует тот факт, что «институт гражданства есть срез конституционного строя на личностном уровне. Поскольку целью и ценностью конституционного строя является личность, постольку состояние института гражданства служит показателем состояния конституционного строя. Гражданство — неотъемлемый элемент конституционного строя, исходный политико-правовой институт взаимоотношений личности и государства»¹¹. Именно от того абсолютного большинства населения Крымского полуострова, обретшего в результате исторического воссоединения с Россией конституционный статус российских граждан и влившегося в многомиллионный многонациональный народ Российской Федерации (ч. 1 ст. 3 Конституция РФ), во многом зависят успешность и динамика продвижения интеграционных процессов.

Гуманизм конституционного строя должен проявляться и в подходе к признанию российского гражданства за жителями Крыма. Вместе с тем это ни в коей мере не должно умалять правовой и политической ценности этого важнейшего права человека либо ослаблять обязательность и неукоснительность соблюдения соответствующих законодательных норм Российской Федерации, регламентирующих этот процесс.

¹ Кабышев В.Т. Возвращение Крыма в Россию: конституционно-правовой дискурс // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5(106). С. 12.

² URL: <http://www.ludidela.ru/articles/1082337/> (дата обращения: 12.09.2016).

³ URL: <http://c-pravda.ru/newspapers/2014/04/19/integraciya-kryma-v-rossiyuriski-i-perspektivy> (дата обращения: 14.09.2016).

⁴ Кабышев В.Т. Указ. раб. С. 14.

⁵ См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. М., 2016.

⁶ См.: Мецераков А.В. Российское гражданство жителям Крыма и Севастополя: некоторые итоги переходного периода // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5(106). С. 36–41.

⁷ Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Крым о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Республике Крым в 2014 году. URL: <http://ombudsman.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/292664.htm> (дата обращения: 15.09.2016).

⁸ URL: http://primechaniya.ru/home/news/12080/grazhdanstvo_rf_v_sevastopole // (дата обращения: 14.09.2016).

⁹ См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Крым о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Республике Крым в 2014 году.

¹⁰ См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Крым о соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Республике Крым в 2015 году. URL: <http://ombudsman.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/292664.htm> (дата обращения: 17.09.2016).

¹¹ Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России (Проблемы методологии, теории, практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 35.

Е.В. Комбарова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНОЙ НА ТЕРРИТОРИЯХ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ

Статья посвящена органам управления свободной экономической зоной на территориях республики Крым и города федерального значения Севастополя, их полномочиям. Исследуются вопросы взаимодействия и координации деятельности органов управления свободной экономической зоной с органами государственной власти.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Крым, Севастополь, органы управления, свободная экономическая зона.

E.V. Kombarova

THE PRINCIPLE OF THE SEPARATION OF POWERS IN THE CONSTITUTIONAL MECHANISM OF GOVERNANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the management bodies of free economic zone in the territories of the Republic of Crimea and the Federal city of Sevastopol, their powers. The issues arising of interaction and coordination of activity of bodies of management of a free economic zone with the state authorities.

Keywords: the Russian Federation, the Republic of Crimea, Sevastopol, management body, free economic zone.

Вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации — политически свершившийся факт. Интеграция Крыма в российское социально-экономическое пространство требует специального анализа и осмысления. Необходимо подчер-

© Комбарова Елена Валерьевна, 2017

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Len.Kom@rambler.ru

кнуть, что с 1991 до 2014 г. экономическая ситуация в Крыму, как и в Украине в целом, характеризовалась неравномерностью становления рыночных отношений в различных отраслях хозяйства, несовершенством законодательной базы для полноценного развития рыночного механизма¹. Процессы хозяйственной деградации Крыма были прерваны в марте 2014 г. Два новых субъекта РФ — Республика Крым и город федерального значения Севастополь, переживая переходный период, постепенно, хотя и с определенными трудностями, интегрируются в экономическую, финансовую, кредитную и правовую систему, систему органов государственной власти Российской Федерации². Эффективность этого процесса будет зависеть от множества факторов, одним из которых является введение льготного режима в сфере земельных отношений, строительства, особых условий предпринимательской деятельности, льгот и преференций для инвесторов, а также возможность применения процедуры свободной таможенной зоны.

С 1 января 2015 г. в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе вступил в силу Закон³, давший старт созданию свободной экономической зоны (далее — СЭЗ) на территории данных субъектов России. Создание СЭЗ обусловлено, прежде всего, необходимостью экономического развития соответствующей территории, модернизации транспортной, инженерной и иной инфраструктур. Срок функционирования СЭЗ установлен до 31 декабря 2039 г. Крупные инвесторы смогут пользоваться дополнительными налоговыми льготами и режимом свободной таможенной зоны. В частности, речь идет о беспошлинном ввозе на территорию полуострова импортных товаров, а также комплектующих и оборудования, которое необходимо для ведения экономической деятельности. Инвесторы получают право поставлять свою продукцию на российские рынки, а также осуществлять экспорт, в т.ч. в страны Таможенного союза.

Необходимо подчеркнуть, что успешное развитие полуострова и его свободной экономической зоны будет возможно только при жестком государственном регулировании и четком выполнении принятых нормативных актов, в которых в т.ч. прописаны ограничения по отдельным видам деятельности.

Безусловно, особое внимание уделяется государственному управлению в сфере функционирования СЭЗ. Это система скоординированных действий государства, направленных на достижение целей и задач, решаемых в ходе реализации зональной политики в интересах эффективного функционирования национальной экономики страны в целом и ее составляющих⁴, а именно территорий, входящих в Республику Крым и город федерального значения Севастополь. Данная сфера распространяется на организационно-правовые и финансово-экономические проблемы, предвидеть и решить которые на более низком уровне хозяйствования объективно невозможно.

Непосредственное управление СЭЗ передано Министерству экономического развития РФ, которое обеспечивает взаимодействие и координацию деятельности органов управления СЭЗ с органами государственной власти; утверждает порядок работы и персональный состав экспертных советов (по согласованию с Советом министров Республики Крым и Правительством Севастополя); примерную форму договора об условиях деятельности в СЭЗ; форму свидетельства о включении в единый реестр участников СЭЗ; форму инвестиционной декларации; выдает участнику СЭЗ свидетельства о включении в единый реестр; осуществляет ведение единого реестра участников СЭЗ и др.

Наряду с Министерством экономического развития РФ управление свободной экономической зоной осуществляется экспертными советами по вопросам СЭЗ на территории Республики Крым и города Севастополь — Совет министров Республики Крым (полномочия переданы Министерству экономического развития Республики Крым), высшим исполнительным органом государственной власти Республики Крым и высшим исполнительным органом государственной власти города федерального значения Севастополя — Правительством Севастополя (полномочия переданы Департаменту экономики г. Севастополя).

Деятельность экспертных советов по вопросам свободной экономической зоны в настоящий момент регулируется Приказом Министерства экономического развития РФ от 15 февраля 2016 г. «Об утверждении Порядка работы экспертных советов по вопросам свободной экономической зоны»⁵. Экспертные советы обеспечивают организацию функционирования свободной экономической зоны на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя. В состав каждого экспертного совета входят по два представителя от Министерства экономического развития РФ; Минэкономразвития Республики Крым, Департамента экономики г. Севастополя; представители иных органов исполнительной власти Республики Крым и города федерального значения Севастополя; представители исполнительно-распорядительных органов муниципальных образований Республики Крым и города федерального значения Севастополя соответственно.

Экспертные советы обеспечивает взаимодействие органов государственной власти; рассматривает проекты договоров об условиях деятельности в СЭЗ (по проектам с объемом капитальных вложений более 100 млн руб.) и принимают решение: о заключении договора об условиях деятельности в СЭЗ; об отказе в заключении договора об условиях деятельности в СЭЗ; о внесении изменений в договор об условиях деятельности в СЭЗ.

Министерство экономического развития Республики Крым осуществляет организационное и материально-техническое обеспечение деятельности экспертного совета по вопросам СЭЗ; заключает договора об условиях деятельности в СЭЗ; представляет в Министерство экономического развития РФ ежегодный отчет о результатах функционирования СЭЗ; проводит контроль за исполнением участниками СЭЗ пунктов договора об условиях деятельности в СЭЗ; осуществляет прием документов от лиц, намеревающихся получить статус участника СЭЗ.

Нельзя обойти вниманием и такую важную проблему, как создание эффективных механизмов по разрешению споров, возникающих в результате функционирования СЭЗ. В связи с тем, что институт особой экономической зоны новый и только начинает интегрироваться в экономику новых субъектов России, количество возможных спорных ситуаций особого административно-правового режима СЭЗ возрастает. В качестве органов, участвующих в разрешении возникающих споров, можно рекомендовать третейские суды при Торговой промышленной палате России. Все это упростит судебный порядок разрешения споров, что напрямую связано с одной из главных целей создания СЭЗ — устранением административных барьеров для резидентов зон. В целях совершенствования конституционно-правового регулирования деятельности свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя необходимо предложить расширить состав экспертных советов, включив в него представителей Торгово-промышленной палаты России.

В соответствии с Единым реестром участников свободной экономической зоны, размещенным на сайте Министерства экономического развития РФ⁶, участниками СЭЗ на территории Республики Крым по состоянию на 6 октября 2016 г. стали 648 юридических лиц; на территории города федерального значения Севастополя — 189 юридических лиц. По информации Правительства Севастополя на рассмотрении находятся крупные проекты, связанные с инвестициями в производство новых материалов, металлоконструкций, кондиционеров, холодильного оборудования.

Как утверждают Д.В. Нехайчук, А.Р. Франчук, А.А. Домарева, инвестиционный климат Республики Крым является эффективной площадкой для вложения как внутренних, так и внешних инвестиций в приоритетные отрасли экономики, что, безусловно, подтверждается выгодным географическим положением, значительными запасами природных ресурсов, развитой инфраструктурой, наличием интеллектуального и трудового потенциала⁷. С последним утверждением можно поспорить, ссылаясь на выступление главы Республики Крым о том, что не все чиновники Крыма соответствуют требуемому управленческому уровню для решения поставленных задач, недостаточно квалифицированных кадров, которые могут работать с инвесторами, системно готовить документы, необходимые для оформления инвестпроектов. «Сегодня реально требуются антикризисные менеджеры, способные быстро принимать правильные управленческие решения. Нам еще учиться и учиться... Кадры нужно воспитывать и обучать»⁸. Перед органами публичной власти Республики Крым и города федерального значения Севастополь стоят нестандартные и чрезвычайно сложные задачи, которые успешно можно решить с помощью государственных программ.

Безусловно, важна отлаженная обратная связь между государственными органами и самими участниками СЭЗ. Целесообразно законодательно закрепленное приобщение участников СЭЗ с помощью возможностей Минэкономразвития России к законодательному процессу через участие в подготовке законодательных предложений, проектов и иных нормативно-правовых актов в рамках совершенствования положений о СЭЗ на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

Функционирование СЭЗ на территории Республики Крым является пробным проектом внедрения новой налоговой, инвестиционной и бюджетной политики страны на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Создание льготного административно-правового режима для осуществления внешнеторговой и предпринимательской деятельности на территории СЭЗ не только дает мощный импульс развитию промышленности на территории данных субъектов РФ, но и привлекает туда предпринимателей из ближних и более удаленных территорий, ведет к развитию смежных отраслей экономики. Стоит отметить, что сама по себе СЭЗ не способна стать универсальным средством решения проблем, стоящих перед экономикой данных субъектов РФ, но может успешно служить целям ускорения перевода Республики Крым и города федерального значения Севастополя на новый этап рыночных отношений.

¹ См.: Курбанов А.Х., Пахомов В.И., Плотников В.А. Интеграция экономики Крыма в российскую экономическую систему: состояние и перспективы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 4 (88). С. 30.

² Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. М., 2016. С. 7.

³См.: Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6658.

⁴См.: *Логинова Е.В.* Государственное регулирование свободных экономических зон в России. М., 2003. С. 26.

⁵Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 17.

⁶Единый реестр участников свободной экономической зоны на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/registrse/2016190202> (дата обращения: 10.10.2016).

⁷См.: *Нехайчук Д.В., Франчук А.Р., Домарева А.А.* Исследование инвестиционного потенциала Республики Крым и факторов, его определяющих // Символ науки. 2016. № 2. С. 201.

⁸Аксенов: Крыму не хватает компетентных кадров для работы с инвесторами. РИА Крым. URL: <http://crimea.ria.ru/economy/20151224/1102301616.html> (дата обращения: 10.10.2016).

С.А. Сусликов

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЮ

В статье анализируется развитие институтов гражданского общества Республики Крым и г. Севастополя в условиях интеграции в российское государственное пространство. Рассматриваются вопросы взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества на региональном уровне на примере Республики Крым и г. Севастополя.

Ключевые слова: конституционное право, гражданское общество, Республика Крым, город Севастополь, российское государственное пространство, средства массовой информации.

S.A. Suslikov

INSTITUTES OF CIVIL SOCIETY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AND CITY OF SEVASTOPOL IN THE CONDITIONS OF INTEGRATION INTO RUSSIA

Article contains the analysis of development of institutes of civil society of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol in the conditions of integration into the Russian state space. Questions of interaction of public authorities and institutes of civil society at the regional level on the example of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol are considered.

Keywords: Constitutional law, civil society, Republic of Crimea, City of Sevastopol, Russian state space, mass media.

Важность исследования проблем регулирования общественных отношений, связанных с формированием институтов гражданского общества в новых субъектах РФ — Республики Крым и города федерального значения Севастополя, не вызывает сомнения.

С возвращением Крыма и Севастополя в Россию наступил новый этап в истории постсоветской России. Для него характерны принципиально иные отношения во всех основах конституционного строя, во внутренней и внешней политике Российской Федерации, ее политической системе, идеологии и правосознании как властвующей элиты, так и подавляющей части российского общества¹.

© Сусликов Сергей Анатольевич, 2017

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия)

Сегодня вопросы развития институтов гражданского общества в новых субъектах очень актуальны.

В ежегодном докладе Общественной палаты Республики Крым «О состоянии гражданского общества в Республике Крым в 2015 году» говорится, что антироссийские стандарты украинских институтов гражданского общества не только противоречили историческим традициям и цивилизованному выбору абсолютного большинства крымчан, но и стимулировали у них накопление критических настроений по адресу Украинского государства, приведших в итоге к событиям «Крымской весны». Поэтому после возвращения полуострова в состав Российской Федерации крымское сообщество остро нуждалось в таких институтах гражданского общества, которые бы, с одной стороны, соответствовали их историческим ценностям и ориентирам, а с другой — способствовали ускорению интеграционных процессов в Республике Крым. Именно по этим двум важнейшим критериям и шел в Крыму процесс формирования в 2015 г. институтов гражданского общества².

Одним из важнейших институтов гражданского общества являются средства массовой информации. В новых условиях вопрос о компетенции новых субъектов РФ в регулировании их деятельности становится очень актуальным. Вправе ли субъекты РФ устанавливать собственное законодательство по регулированию деятельности средств массовой информации, притом, что Конституция РФ не содержит указаний на этот счет.

Конституция РФ разграничивает законодательную компетенцию между Российской Федерацией в целом и ее субъектами, определяя вопросы, входящие в исключительную компетенцию Российской Федерации (ст. 71), и вопросы, находящиеся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72). По вопросам, не входящим ни в компетенцию Российской Федерации, ни в компетенцию совместного ведения субъекты в Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти (ст. 73, ч. 4 ст. 76).

Средства массовой информации не упоминаются ни в одной из указанных статей, в связи с чем возникает проблема правомерности субъектов РФ устанавливать собственное регулирование деятельности средств массовой информации. В связи с этим необходимо проанализировать вопрос о природе регулируемых отношений, учитывая опыт рассмотрения дел данной категории Конституционным Судом РФ. В качестве примера можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 1997 г. № 4-П по делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 г. «О рекламе»³. Конституционный Суд РФ, проанализировав природу регулируемых отношений, установил, что в тех случаях, когда законодательство о рекламе регулирует вопросы бизнеса, конкуренции и права на доступ к информации, оно находится исключительно в ведении федерального законодательства. В отношении других вопросов в этой сфере субъекты РФ вправе принимать собственные нормативные акты.

Следует обратить внимание, что отношения, связанные со СМИ, представляют собой предмет комплексной отрасли законодательства. Иначе говоря, законодательство о СМИ включает положения различных отраслей права, главным образом, конституционного, административного, гражданского и уголовного права. Так, по одним вопросам, относящимся к СМИ, издание нормативных актов относится к исключительной компетенции Российской Федерации, по другим — к компетенции Российской Федерации совместно с субъектами РФ.

Например, вопросы о содержании права на информацию относятся к ведению Российской Федерации. Вопросы регистрации, контроля за деятельностью СМИ — к ведению как Российской Федерации, так и субъектов РФ⁴.

Полагаем, что вопрос о компетенции законодательных органах субъектов РФ в отношении средств массовой информации должен решаться аналогичным образом. Если определяется содержание права граждан на информацию (п. «в» ст. 71 Конституции РФ), статуса федеральной информации (п. «и» ст. 71 Конституции РФ), уголовной ответственности за преступления в сфере средств массовой информации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ) — это исключительное ведение Российской Федерации. А защита права граждан на информацию (п. «б» ст. 72 Конституции РФ), вопросы, относящиеся к сфере административного законодательства (п. «к» ст. 72 Конституции РФ), взаимоотношения средств массовой информации с органами государственной власти и местного самоуправления (п. «н» ст. 72 Конституции РФ) относятся соответственно к совместному ведению.

Обратимся к истории. До 1 января 2005 г. ст. 5 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с изм. от 3 июля 2016 г. № 281-ФЗ)⁵ закрепляла, что законодательство РФ о средствах массовой информации состоит из настоящего закона и издаваемых в соответствии с ним других законодательных актов, законодательства о средствах массовой информации республик в составе Российской Федерации. То есть в самом Законе регламентировался принцип совместного регулирования деятельности средств массовой информации в России.

Редакция Закона РФ «О средствах массовой информации» от 22 августа 2004 г.⁶ изменила формулировку ст. 5 Закона, установив, что законодательство РФ о средствах массовой информации состоит из настоящего Закона и издаваемых в соответствии с ним нормативных правовых актов. Исходя из смысла данной статьи, регулирование средств массовой информации следует отнести к компетенции федеральных органов власти. Думается, что в настоящее время очень пригодилась бы первая формулировка указанной нормы.

Следует, однако, отметить, что средства массовой информации всегда были и остаются в центре внимания государственной власти. Государственные органы субъектов РФ и региональные отделения политических партий весьма часто выступают учредителями средств массовой информации и доводят через них до всеобщего сведения свои политические платформы, программы, установки. Будучи учредителями конкретных средств массовой информации, государственные органы субъектов РФ определяют их политический курс. С другой стороны, средства массовой информации (как региональные, так и федеральные) могут способствовать или препятствовать принятию определенного законодательного акта, совершению органом исполнительной власти субъекта РФ определенных политических акций и т.п. Они, таким образом, выступают по отношению к государственным органам субъектов как некий социальный контролер.

1 декабря 2014 г. был принят Федеральный закон № 402-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области средств массовой информации в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя»⁷.

С вхождением Крыма в состав Российской Федерации перед всеми субъектами деятельности в Республике Крым возникла задача реформирования,

перехода на российские стандарты и официальной регистрации в соответствии с законодательством России. В беспримерно массовый процесс включились органы государственной власти, предприятия, учреждения и организации, предпринимательство (как юридические, так и физические лица), а также институты гражданского общества — партийные, общественные, религиозные, национально-культурные и иные некоммерческие структуры, средства массовой информации.

По данным Роскомнадзора, в Республике Крым на конец отчетного года зарегистрировались 117 средств массовой информации, еще 39 — подали соответствующие документы. К февралю 2015 г. количество зарегистрированных СМИ (печатные, телевизионные и радио) составило уже 167, из них 107 — крымские, остальные — филиалы федеральных средств массовой информации. Прошли перерегистрацию около половины печатных изданий крымских муниципалитетов.

Отмечено, что по данным украинского реестра, в Крыму было зарегистрировано около 3 тыс. СМИ, однако «живых» из них оказалось лишь около трехсот. Таким образом, перерегистрацию прошли на данный момент почти половина «активных» средств массовой информации Крыма⁸.

Считаем, что развитие институтов гражданского общества зависит от того, насколько эффективно взаимодействуют общество и власть. Сегодня государственные органы все чаще прислушиваются к мнению общественности. В этой связи целесообразно упомянуть о том, что диалог с властью был организован в Ялте в рамках Межрегионального форума Общероссийского народного фронта «Форум действий. Крым», в котором принял участие Президент РФ В.В. Путин. В своем выступлении он отметил, что крайне важно слышать мнение людей, понимать, какие вопросы их больше всего волнуют, получать т.н. обратную связь. Без этого меры по развитию региона не будут в полной мере эффективными. Президент РФ выразил надежду, что активисты ОНФ (Общероссийского народного фронта) продолжают свою работу по мониторингу и анализу наиболее острых проблем, волнующих крымчан, по выработке конкретных предложений, направленных на улучшение ситуации. Как показывает опыт предыдущих форумов ОНФ, такие встречи дают возможность не только обменяться мнениями по той или иной проблеме, но и выйти на действительно содержательные решения. Практика прямого диалога действует и дает результат⁹.

Важным фактором политической устойчивости гражданского общества является объективное освещение средствами массовой информации процессов, происходящих в городе, регионе, стране. Необходимо отметить, что государственные печатные издания, интернет-ресурсы, телерадиокомпании в целом корректно и своевременно освещают всю информацию в регионе, стране и в мире. Создана конкурентная среда между государственными и частными СМИ, которая дает возможность вести прямой диалог между средствами массовой информации, с одной стороны, органами государственной власти и обществом — с другой. Этот диалог строится на основе объективного и быстрого доведения информации, что должно исключить любые попытки дестабилизации ситуации в регионе. При этом доступ к источникам информации должен быть равноценен для всех СМИ. Тогда решающим фактором станет качество предоставляемой информации¹⁰.

Построение правового государства невозможно без развития институтов гражданского общества. Многие проблемы, с которыми сталкиваются новые

субъекты, характерны для всей России. Поэтому крайне важно решать эти проблемы комплексно при взаимодействии общества и государства.

¹ См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. М., 2016. С. 9.

² URL: http://www.opcrimea.ru/assets/files/Ejegovodnyy_Docladd_OPRK_2015.pdf (дата обращения: 25.11.2016.).

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 11, ст. 1372.

⁴ См.: Комментарий к Закону РФ «О средствах массовой информации» (постатейный) / под общ. ред. В.В. Погуляева. М., 2005.

⁵ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 7, ст. 300.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 35, ст. 3607.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 49, ч. VI, ст. 6911.

⁸ См.: Ежегодный доклад Общественной палаты Республики Крым «О состоянии гражданского общества в Республике Крым в 2014 году».

⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53148> (дата обращения: 15.12.2016).

¹⁰ См.: Доклад Общественной палаты города Севастополя «О состоянии гражданского общества в городе Севастополе» (первое полугодие 2016). URL: http://sevzakon.ru/assets/files/otchety/obshhestvennaya_palata/doklad_op_o_sostoyanii_grazhdanskogo_obshhestva.pdf (дата обращения: 01.02.2017).

Е.А. Отставнова

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА НА ПОЛУОСТРОВЕ КРЫМ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

В статье проанализировано российское законодательство в сфере туризма. Основной упор сделан на исследование федеральных целевых программ, посвященных развитию туристической деятельности в Республике Крым и г. Севастополе, а также нормативно-правового регулирования данной сферы самими субъектами.

Ключевые слова: Республика Крым, Севастополь, туризм, лечебно-оздоровительный комплекс, государственная программа, стратегия, нормативно-правовое регулирование, отдых, санаторно-курортное лечение.

Н.А. Otstavnova

DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE CRIMEA PENINSULA: CONSTITUTIONALLY LEGAL ISSUES

In this article Russian legislation in tourism sphere is analysed. The main focus is made on researching of dedicated tourism activity in Republic of Crimea and Sevastopol city development federal target programs as well as normative legal regulation of this sphere by subjects.

Keywords: Republic of Crimea, Sevastopol, tourism, therapeutic recreation complex, government program, strategy, normative legal regulation, recreation, spa treatment, health resort.

Полуостров Крым характеризуется уникальным сочетанием природно-климатических и культурно-исторических особенностей. Еще в советские времена он считался всесоюзной здравницей, однако за последние годы его инфраструктура пришла в упадок. Вхождение Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации в 2014 г.¹ предопределило новый этап в развитии полуострова. Задачей новых субъектов РФ является интеграция в правовую, экономическую, политическую системы России. Как отмечают В.Т. Кабышев и

© Отставнова Елена Александровна, 2017
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: elenaotstavnova@yandex.ru

Т.В. Заметина, необходимо решить в переходный период многогранный блок проблем интеграции, чтобы «войти» во все сферы жизнедеятельности Российского государства наравне с другими субъектами РФ². В Республике Крым и г. Севастополе имеется огромный потенциал для экономического развития. И главный упор в этом направлении необходимо сделать на формировании качественного, доступного и безопасного туризма. На наш взгляд, новые субъекты РФ должны стать всероссийскими здравницами, привлекательными не только для граждан России, но и зарубежных государств.

Одним из инструментов для решения данной задачи является право. Во-первых, развитие этой сферы позволяет обеспечить такие конституционные права граждан, как: право на отдых (ч. 5 ст. 37 Конституции РФ), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ), право на свободу передвижения (ст. 27 Конституции РФ), право на доступ к культурным ценностям и участию в культурной жизни (ч. 2 ст. 44 Конституции РФ).

На территории Республики Крым и г. Севастополя действуют федеральные законы и другие нормативно-правовые акты, связанные с развитием туризма в России. Необходимо отметить, что проблемы в туристическом бизнесе существуют не только в новых субъектах, но и на территории всей Российской Федерации. Не случайно еще в 1995 г. Указом Президента РФ была утверждена «Концепция реорганизации и развития туризма в Российской Федерации»³. В ней, в частности, отмечалось, что Россия, обладая огромным туристическим потенциалом, занимает скромное место на мировом рынке туристических услуг. Это связано с тем, что существующая материальная база нуждается в реконструкции; не хватает специалистов в этой области; не созданы условия, стимулирующие приток в отрасль частных инвестиций; отсутствует система научного и рекламно-информационного обеспечения продвижения национального туристического продукта на внутреннем и внешнем рынках. Все это в полной мере относится и к состоянию туристической деятельности в Крыму, за исключением рекламно-информационного обеспечения. После вхождения Республики Крым и г. Севастополя в состав России количество отдыхающих на данных территориях граждан Российской Федерации только увеличивается. Так, в 2015 г. здесь побывало 4, 598 тыс. туристов, а в 2016 г. почти такое же количество только в августе (4, 264 тыс. чел.)⁴.

В Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» туризм определяется как «временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания»⁵. В Законе туристическая деятельность признана одним из приоритетных направлений российской экономики. Основными целями государственного регулирования данной сферы признаны следующие: обеспечение конституционных прав граждан (на отдых, свободу передвижения и др.), охрана окружающей среды, создание условий для деятельности, направленной на воспитание, образование и оздоровление туристов, создание новых рабочих мест, увеличение доходов государства и граждан Российской Федерации и др.

Согласно Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»⁶ на современном этапе развития нашего государства приоритетным направлением является создание условий для улучшения качества жизни граждан, в т.ч. за счет развития инфраструктуры отдыха и туризма. В ней же отмечено, что одна из важнейших задач Российского государства — восстановление работоспособности, укрепление здоровья людей. За счет туристической деятельности решаются социальные задачи: рост занятости населения и повышение его благосостояния. Кроме того, туризм влияет на подъем экономики страны в целом, поскольку связан с такими важными сферами, как транспорт, сельское хозяйство, питание, строительство, связь и др. Он же служит катализатором социально-экономического развития регионов.

Примечательно, что Правительством РФ утверждена еще одна государственная программа «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы», целью которой является «реализация стратегической роли культуры как духовно-нравственного основания развития личности и государства, единства российского общества, а также развитие туризма для приобщения граждан к мировому культурному и природному наследию»⁷. Одним из наиболее важных ожидаемых результатов в Программе названо укрепление единого культурного пространства России, а также духовного единства многонационального государства. Программа посвящена одному из направлений туристической деятельности, соединенной с познавательной, культурной, образовательной функцией. Оно связано, прежде всего, с историческими, этнографическими, языковыми особенностями развития определенной местности, региона.

В 2014 г. Распоряжением Правительства РФ утверждена Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года⁸, в которой отмечены достигнутые положительные моменты в сфере туризма, такие как: доступность для иностранных туристов Дальнего Востока, Урала, Сахалина, Курильских островов; создание профессиональных образовательных стандартов; формирование положительного имиджа страны в сфере туризма. Этому способствовало проведение зимних Олимпийских и Паралимпийских игр в Сочи в 2014 г. В Стратегии отмечено, что в связи с вхождением в состав России Республики Крым и г. Севастополя перед туристической индустрией встали новые задачи. Это, прежде всего, интеграция указанных субъектов РФ в систему управления сферой туризма в России, смягчение негативных последствий переходного периода, повышение качества жизни граждан, проживающих на данных территориях. Все это требует дополнительных мер по обеспечению качества туризма, соответствующих объектов инфраструктуры, безопасности туристов, обеспечению рабочих мест.

В Стратегии обозначены проблемы развития туризма в России: высокая стоимость путешествий по России, связанная с дорогим транспортным обслуживанием, недостаток количества доступных гостиниц и других средств размещения, некачественная туристская информационная среда.

Республика Крым и г. Севастополь в Стратегии названы наиболее привлекательными территориями для отдыха граждан Российской Федерации. На этих территориях на сегодняшний день расположено 825 санаторно-курортных организаций и гостиниц, из них 151 учреждение предоставляет специализированное санаторно-курортное лечение, 316 объектов предоставляют услуги оздоровительного характера, остальные 358 учреждений — услуги по временному

размещению. Кроме того, в Крыму существует 4,5 тыс. домовладений, предоставляющих услуги по временному размещению, и 14 тыс. квартиродатчиков. Основная проблема здесь кроется в высоком уровне «тенезации» таких услуг, и как следствие — отсутствии налогообложения и государственной статистической отчетности. Другими проблемами, тормозящими развитие туризма в Крыму названы: изношенная инфраструктура, транспортная доступность, неудовлетворительное состояние пляжей.

В целом можно отметить, что Республика Крым и г. Севастополь сталкиваются с теми же проблемами в сфере туризма, что и другие регионы. Однако к этому следует добавить проблемы транспортной доступности. Представляется, что она будет решена после завершения строительства керченского моста. Отдых в Республике Крым должен стать доступным всем слоям населения, что в первую очередь определяют цены на транспортные перевозки пассажиров.

На региональном уровне следует отметить Закон Республики Крым от 14 августа 2014 г. «О туристской деятельности в Республике Крым»⁹. В отличие от федерального законодательства в нем выделены такие виды туризма, как аграрный, винный, деловой, детский, культурно-познавательный, лечебно-оздоровительный, религиозный, подводный, сельский, событийный, социальный, спортивный, экологический, этнографический, яхтенный. И это не случайно, поскольку особенности географического расположения и исторического развития полуострова способствуют продвижению названных видов туризма. Исходя из целей посещения Республики Крым гражданами, можно выделить несколько направлений туризма: лечебно-оздоровительный, культурно-познавательный, духовно-познавательный, досуговый.

В Законе туризм назван одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Крым. В нем же распределены полномочия в этой сфере между Государственным советом Республики Крым, Советом министров, специально уполномоченным органом государственной власти Республики Крым, органами местного самоуправления.

В настоящее время в Государственном совете Республики Крым образован комитет по санаторно-курортному комплексу и туризму.

К специально уполномоченным органам относятся координационные советы по развитию туризма, образованные в различных муниципальных районах. К примеру, Координационный совет по развитию туризма на территории муниципального образования Черноморский район Республики Крым является постоянно действующим консультативным, совещательным органом при администрации Черноморского района. Его цель — изучение и реализация условий для эффективного развития туризма в Черноморском районе, обеспечение взаимодействия органов местного самоуправления, организаций, предприятий, учреждений, физических лиц, работающих в сфере туризма, гостиничного дела, торговли и общественного питания, сферы услуг и коммунального хозяйства¹⁰.

В структуре органов исполнительной власти Республики Крым создано Министерство курортов и туризма, в функции которого входят проведение государственной политики, осуществление нормативно-правового регулирования, контроль в санаторно-курортной и туристской сферах, оказание государственных услуг, управление государственным имуществом, координация в установленных случаях деятельности иных исполнительных органов государственной власти Республики Крым в санаторно-курортной и туристской отраслях¹¹.

Все эти мероприятия и нормативно-правовые акты в данной сфере подчинены реализации специальной Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»¹², в которую вошли и мероприятия по созданию инфраструктуры для развития 6 туристско-рекреационных кластеров на территории Республики Крым и 4 — в г. Севастополе. Это позволит активизировать инвестиционную и туристическую деятельность в новых субъектах.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время создана солидная правовая база для развития туризма на территории Республики Крым, учтены все особенности этого региона, обозначены основные проблемы, образованы органы государственной власти, ответственные за данную сферу. Однако мероприятия, связанные с созданием условий, повышающих привлекательность данного региона как для отечественных, так и зарубежных туристов, связаны со значительными финансовыми затратами. На наш взгляд, необходимо более активно привлекать бизнес в рассматриваемую сферу, создавая для этого благоприятные условия. Отдых в Крыму не должен быть полностью коммерческим. Для социально незащищенных слоев населения, особенно нуждающихся в санаторно-курортном лечении, должны быть созданы бюджетные лечебно-оздоровительные организации. У полуострова есть все возможности стать любимым местом отдыха, прежде всего, для российских граждан, составить конкуренцию многим зарубежным курортам, но для этого необходимо решить все вышеперечисленные проблемы и сделать его доступным для большей части населения страны.

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (в ред. от 23 июня 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 12, ст. 1201; 2016. № 26, ч. I, ст. 3848.

² См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия — Крым — Севастополь: размышления конституционалистов (часть I) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1. С. 133.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 52, ст. 5137; 2000. № 15, ст. 1576.

⁴ См.: Официальный сайт Правительства Республики Крым. URL: <http://mtur.rk.gov.ru/> (дата обращения: 13.09.2016).

⁵ Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 5 апреля 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 49, ст. 5491; 2016. № 15, ст. 2066.

⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644 «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» (в ред. от 11 июня 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 34, ст. 4966; 2016. № 26, ч. II, ст. 4042.

⁷ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие культуры и туризма“ на 2013–2020 годы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ч. II, ст. 2163.

⁸ См.: Распоряжение Правительства РФ от 31 мая 2014 г. № 941-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 24, ст. 3105.

⁹ См.: Российская газета. 2014. 14 авг.

¹⁰ См.: Постановление администрации Черноморского района Республики Крым от 20 ноября 2015 г. № 901 «О создании координационного совета по развитию туризма на территории муниципального образования Черноморский район Республики Крым» // Официальный сайт администрации Черноморского района Республики Крым. URL: <http://chernomorskoe-rk.ru/postanovlenie-o-koordinacionnom-sovete-poturizmu/> (дата обращения: 13.09.2016).

¹¹ См.: Положение о Министерстве курортов и туризма Республики Крым: утв. Постановлением Совета министров Республики Крым от 27 июня 2014 г. № 145 // Официальный сайт Министерства курортов и туризма в Республике Крым. URL: http://mtur.rk.gov.ru/file/pologenie_o_minkurortovRC.pdf (дата обращения: 13.09.2016).

¹² См.: Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 «Об утверждении федеральной целевой программы „Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года“» (в ред. от 2 марта 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 33, ст. 4595; 2016. № 11, ст. 1539.

Т.В. Троицкая

СТАНОВЛЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье анализируются вопросы становления избирательного законодательства в Республике Крым и г. Севастополе. Констатируется, что переходный период формирования основ конституционного строя России на территории данных субъектов сопровождается необходимостью решения определенных проблем, в частности принятия законов, предусматривающих порядок проведения референдума, формирования органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления.

Ключевые слова: выборы, Республика Крым, г. Севастополь, избирательная система, конституционно-правовая основа, избирательное законодательство, референдум, демократические основы конституционного строя, органы государственной власти субъектов РФ.

T.V. Troitskaya

FORMATION OF THE ELECTORAL LEGISLATION IN THE REPUBLIC OF CRIMEA AND SEVASTOPOL: CONSTITUTIONAL PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

This article examines the issues of formation of election legislation in the Republic of Crimea and Sevastopol. The transition form the foundations of the constitutional system of Russia in the territory of the data subjects is accompanied by the need to solve the problems of the transition period, in particular the adoption of laws providing for the procedure of holding a referendum, formation of the bodies of state power of subjects and bodies of local self-government.

Keywords: Elections, Republic of Crimea, the city of Sevastopol, the electoral system, constitutional and legal framework, electoral law, a referendum of the Russian Federation Constitution, the democratic foundations of the constitutional system, the state authorities of the Russian Federation.

Выборы представляют собой важнейший институт народовластия, обеспечивающий формирование и функционирование органов публичной власти с учетом и в интересах граждан государства.

Избирательное законодательство государства напрямую зависит от уровня его демократического развития. Анализ сегодняшнего политического устройства России в целом показывает стремление руководства страны придерживаться основополагающих принципов демократии, что вызывает необходимость развивать и совершенствовать избирательное законодательство с учетом современных реалией, причем не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов России.

В марте 2014 г. произошло поистине всемирно-историческое событие — Республика Крым и г. Севастополь вернулись в состав Российской Федерации. «Для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение»¹, — отмечал Президент России В.В. Путин.

© Троицкая Татьяна Викторовна, 2017

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Troiskaya@yandex.ru

Адаптация избирательного законодательства Республики Крым и г. Севастополя, приведение его в соответствие с российскими стандартами, в частности с Федеральным законом от 12 июня 2002 № 92-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 5 апреля 2016 г.)², является составной частью процесса правовой интеграции. «После принятия Конституции Республики Крым и Устава города Севастополь наступает следующий этап конституционализации статуса субъектов Российской Федерации», — подчеркивают В.Т. Кабышев и Т.В. Заметина³.

В современных условиях с учетом высокого уровня международного противостояния проведение свободных, справедливых, равных выборов в Республике Крым и г. Севастополе — первоочередная задача как для органов публичной власти различного уровня, так и институтов гражданского общества. «Выборы в условиях демократии призваны гарантировать верховенство народной воли, ее воплощение в деятельности государственной и муниципальной власти, высокую степень ответственности государства перед гражданским обществом»⁴. Выборы придают власти легитимный, правовой характер.

Президент РФ всегда ставил задачи становления демократии и формирования институтов гражданского общества. Глава государства подчеркивал: «России нужна демократия, а не хаос, нужна вера в будущее и справедливость»⁵. Периодические, свободные выборы, результаты которых максимально отражают политические настроения граждан страны, являются высшим проявлением демократии.

А.В. Иванченко отмечает: «Современная теория демократии изначально базируется на многообразии ее форм, когда каждая страна с учетом условий конкретного исторического времени выбирает оптимальное для себя сочетание избирательных механизмов»⁶.

Население Республики Крым и г. Севастополя стремительно интегрируется в политико-правовое и социально-экономическое пространство нашей, уже общей страны. «Задача сегодняшнего сложного периода экономического развития нашей страны, обострившихся проблем в международных отношениях — это дальнейшее формирование сильной, единой, суверенной России с независимой международной позицией»⁷.

18 сентября 2016 г. на всей территории Российской Федерации состоялись выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Во многих субъектах прошли выборы высшего должностного лица и депутатов законодательного органа власти, также состоялись выборы на уровне многих муниципальных образований. Соответственно, выборы в Республике Крым и г. Севастополе состоялись согласно Федеральному закону от 22 февраля 2014 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2016 г.)⁸ по смешенной избирательной системе. На территории Республики Крым было сформировано 3 мажоритарных одномандатных округа и один округ в г. Севастополе. В вышеназванных субъектах выборы проходили только на федеральном уровне, т.е. избирали только депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Центральная избирательная комиссия сообщила, что в Республике Крым зарегистрированы 1474514 избирателей, в Севастополе — 318271. В Республике Крым создано 1207 избирательных участков, в Севастополе — 191. Явка избирателей на выборах в Республике Крым составила 49,15%⁹.

Несмотря на заявления киевских властей о нелегитимности рассматриваемых выборов, попытках запретить проведение предвыборной агитации, выборы 18 сентября 2016 г., первые выборы федерального уровня в Республики Крым и г. Севастополе состоялись, причем на высоком организационном и правовом уровнях. По итогам голосования большинство голосов получила партия «Единая Россия».

Дискуссионным явился вопрос об участии международных наблюдателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ седьмого созыва на территории Республики Крым и г. Севастополе. Председатель Избирательной комиссии Республики Крым М.Г. Малышев выразил сожаление, что на выборах не присутствовали международные наблюдатели от ОБСЕ. Он отметил: «Очень жаль, что двойные стандарты не позволят им присутствовать на выборах в Республике Крым. Они бы увидели ту разительную разницу в подготовке и проведении избирательного процесса и самих выборов, которые будут осуществляться 18 сентября, по сравнению с тем, что было в Крыму в украинский период»¹⁰.

Проанализировав проблемы становления избирательного законодательства в Республике Крым и г. Севастополе, необходимо отметить, что на территории данных субъектов приняты законы, регламентирующие порядок формирования законодательных (представительных) органов государственной власти, выборов депутатов представительных органов местного самоуправления, к примеру, в Республике Крым действует Закон Республики Крым от 15 мая 2014 г. № 3-ЗРК «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым»¹¹, предусматривающий смешанную избирательную систему на указанных выборах. Так, из 75 депутатов Государственного Совета Республики Крым, 50 избираются по пропорциональной избирательной системе

Вместе с тем в Республике Крым и г. Севастополе выявлена проблема отсутствия некоторых законов, регламентирующих избирательные отношения, в частности отсутствуют законы о порядке проведения референдума, в результате чего невозможно провести данную процедуру по решению вопроса о порядке наделения полномочий высшего должностного лица, в частности в городе федерального значения Севастополе.

Вопрос о порядке наделения полномочий главы Севастополя является одним из наиболее сложных и тяжело воспринимаемых его гражданами. В течение продолжительного времени «горожане» были лишены возможности избирать своего градоначальника. Только сейчас у них появилась возможность говорить о нарушении избирательных прав. 21 июня 2016 г. инициативная группа «Служу Севастополю» выступила с предложением вынести на голосование вопрос: «Поддерживаете ли вы внесение изменения в Устав города Севастополя о выборах губернатора города Севастополя жителями города Севастополя на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании»¹²? Отсутствие закона о порядке проведения референдума на уровне г. Севастополя и альтернативный порядок замещения должности высшего должностного лица, предусмотренный действующим законодательством России (Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» (в ред. от 28 марта 2017 г.))¹³ позволяют отложить решение этого вопроса на некоторый срок.

В числе первоочередных вопросов, которые могли быть вынесены на референдум в г. Севастополе, это вопросы о символах города и лишении экс-президента Украины Л. Кучмы звания почетного жителя Севастополя. В настоящее время подготовлен и находится на рассмотрении законопроект «О референдуме в городе Севастополе». Соответственно в перспективе население обновленного г. Севастополя сможет принять участие в решении судьбоносных вопросов.

Создание в России нормативно-правовой базы реального обеспечения демократических основ Конституции страны, функционирование органов государственной власти в рамках права, расширение реализации форм прямой демократии, в т.ч. проведение референдума и принятие основополагающих решений по вопросам реформирования, в т.ч. в области избирательного права, будут содействовать планомерному развитию демократии в Российской Федерации.

Избирательное законодательство как индикатор реальных политических процессов в стране оказывает воздействие на все институты политической системы. Прогрессивное развитие институтов избирательного права в Республике Крым и г. Севастополе будет способствовать становлению и развитию демократии в данных субъектах и укреплению российской государственности.

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 04.12.2014 // kremlin.ru.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253; 2016. № 15, ст. 2054.

³ Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Воссоединение Республики Крым и города Севастополя с Россией — восстановление исторической справедливости // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей / [ред. кол.: В.Т. Кабышев (отв. ред.) и др.]; Саратов, 2014. Вып. 14. С. 3; *Их же*. Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. М., 2016. С. 9.

⁴ Макаревич К.К. Избирательные комиссии как институт политических выборов: состояние и оптимизация функционирования в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2004. С. 2.

⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 22.12.2011 // kremlin.ru.

⁶ Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 89.

⁷ Троицкая Т.В. Становление институтов гражданского общества в Республике Крым и городе Севастополе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2015. № 5(106). С. 69.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 8, ст. 740; 2017. № 1, ч. I, ст. 15.

⁹ См.: Центральная Избирательная комиссия РФ // cikrf.ru.

¹⁰ Избирком Крыма ждет наблюдателей из стран СНГ на выборах 18 сентября // crimea.ria.ru.

¹¹ См.: Крымские известия. 2014. 20 мая.

¹² ЦИК РФ зарегистрировал жалобу по проведению референдума о выборах губернатора Севастополя // primechaniya.ru.

¹³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005; 2017. № 14, ст. 2001.

И.А. Зырянов

К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В СВЕТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

В статье предпринята попытка доказать, что в рамках проводимых судебной и правовых реформ в Республике Крым интеграция в российскую правовую систему требует создания Конституционного суда Республики.

Ключевые слова: конституционное правосудие, единство судебной системы, Республика Крым, конституционный суд, интеграция, правовая система.

I.A. Zyryanov

TO THE QUESTION ON THE ESTABLISHMENT OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF KRIMEA IN THE LIGHT OF ENSURING UNITY JUDICIARY

The article attempts to show that part of ongoing judicial and legal reforms in the Republic of Crimea, the integration of the Russian legal system requires the establishment of the Constitutional Court of the Republic.

Keywords: constitutional justice, the unity of the judiciary, Republic of Crimea, the Constitutional Court, integration, legal system.

Прошло 3 года, как проведена масштабная и трудоемкая работа по интеграции Республики Крым, Севастополя в единое правовое, экономическое, социальное пространство России, — резюмировал Президент России В.В. Путин на межрегиональном форуме Общероссийского народного фронта. Процесс вхождения «в правовое поле, в административное поле России — это оказалось процессом не таким простым». Дело в том, что представители республиканских органов власти не знают, как устроена правовая система России. В свою очередь представители федеральных органов власти не всегда знают местные условия. Остается очень много вопросов, мелких проблем, невидимых на первый взгляд, заявил Владимир Путин¹.

На 2015 г. в России действовало, по подсчетам директора Института государства и права РАН, 6 174 федеральных закона и почти 27 000 постановлений Правительства РФ. Другой сотрудник этого же Института С. Максимов, заявив о хаосе в правовой сфере и предложив создать свод российских законов, отметил, что «количество законов и подзаконных актов настолько велико, что ими трудно пользоваться даже профессиональным юристам, не говоря уже о населении». Кроме того, их исполнение должны контролировать 28 федеральных служб и более 50 федеральных министерств и агентств².

В период постоянно проводимых в России реформ в самых различных сферах Государственный совет Республики Крым должен поспевать за темпом принимаемых федеральных законов и обеспечить, помимо указанных проблем, соответствие им собственного законодательства. Легко ли это сделать, когда в

© Зырянов Игорь Александрович, 2017

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права (Саратовская государственная юридическая академия)

России только за 2015 год в Конституционный Суд РФ поступило около 16 000 обращений от граждан с жалобами на неконституционность правовых актов? Тем более, как за таким темпом законодательства и проверкой его на соответствие Конституции РФ будет попевать Государственный совет Крыма, когда с 2012 г. Федеральное Собрание РФ стало принимать законов в 3 раза больше, чем за предыдущие годы, за последние 2 года порядка — 948³, не говоря уже о росте подзаконных правовых актов?

В России по юридическим специальностям в вузах учат основам права в течение 5 лет (специалитет) или 4 лет (бакалавриат). Как уже отмечалось, далеко не все профессионалы могут поспеть за бешеным темпом развития законодательства. Поэтому, чтобы следить за созданием собственного регионального законодательства Крыма на соответствие Конституции РФ, требуется еще и колоссальный опыт (с многолетним юридическим стажем) и, прежде всего, в области конституционного права. Это ключевой вопрос кадровой политики судей в Крыму и правового аппарата как исполнительной, так и представительной власти. Есть ли такие кадры, когда они будут состоять непосредственно из крымчан, а не «мигрирующих» российских юристов?

Вполне очевидно, что интеграция Крыма в правовую систему России ввиду указанных обстоятельств не закончена, требует времени, обусловлена не только изданием собственных законов и подзаконных актов по предмету собственного или совместного ведения с РФ, но и в первую очередь имплементацией норм и соблюдением федерального законодательства в регионе.

Как отмечают В.Т. Кабышев и Т.В. Заметина, становление конституционного строя в Крыму в основном состоялось, вместе с тем он находится в эмбриальном состоянии. 23 года Крым жил в другой конституционно-правовой системе власти и ценностях, отличных от российского конституционализма, по украинскому законодательству⁴. «За это время в Крыму выросло поколение, воспитанное, к сожалению, в негативном (мягко выражаясь) отношении к России, ее культуре, народу»⁵.

Были приняты документы, федеральные законы, законы Крыма, учреждающие основные органы власти Республики, в частности Федеральный закон от 23 июня 2014 г. «О создании судов Российской Федерации на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», законы Крыма, регулирующие судебную власть в регионе. Однако разработчики Конституции Республики Крым и Устава г. Севастополя отказались от концепции региональной конституционной юстиции⁶.

В.Т. Кабышев и Т.В. Заметина также отмечают, что существуют объективные трудности, с которыми столкнулась новая судебная система Республики Крым — выстраивание структуры органов судебной власти, освоение российского законодательства, обеспечение единства судебной практики, преодоление пробелов собственного правового регулирования и пр.⁷

Помочь обеспечить правовую интеграцию Крыма и решить обозначенные проблемы, может, по нашему мнению, учреждение Конституционного суда в Республике. Постараемся привести лишь некоторые юридические доказательства нашего тезиса, основываясь на том, что в обеспечение принципа единства судебной системы конституционные (уставные) суды субъектов должны быть учреждены во всех субъектах РФ.

Во-первых, в настоящее время лишь в 16 субъектах РФ действуют уставные и конституционные суды, которые выполняют функции по защите конституций и уставов, посредством проверки соответствия уставу субъекта Федерации законов и иных нормативных актов его органов государственной власти, органов местного самоуправления, толкованию конституции (устава), судебной защиты прав граждан. Почему создание органов конституционной юстиции субъектов востребовано там, где их нет? Да только потому, что, например, за 2014 г. было издано свыше 620 000 муниципальных правовых актов, а они не подведомственны Конституционному Суду РФ; 122 000 таких актов в 2013 г. были оспорены органами прокуратуры в судах как не соответствующие федеральным законам и основным законам субъектов РФ⁸. Что касается содержательного аспекта, еще в 1999 г. на Всероссийском совещании конституционалистами также высказывалось множество доктринальных доказательств необходимости создания в каждом субъекте РФ органов конституционной юстиции⁹.

Во-вторых, достаточно ли количество 16 судов конституционной юстиции субъектов для защиты прав граждан, проживающих в других субъектах? Ведь их отсутствие в других 69 субъектах создает явную асимметрию субъектов РФ в нарушение принципов федерализма, разделения государственной власти субъектов РФ на ветви, политического многообразия за счет их неравенства в способах защиты конституционных прав и свобод.

Более того, возможность усмотрения субъекта РФ в создании таких судов нарушает конституционный принцип единства государственной власти и принцип единства судебной системы, когда во всех субъектах Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 5 февраля 2014 г.)¹⁰ предусмотрены и учреждены все виды судов (в т.ч. мировые судьи и суды присяжных), кроме таковых.

Поскольку органы власти по ст. 125 Конституции РФ могут обжаловать законы и подзаконные акты субъектов РФ, то происходит необоснованное умаление права населения субъектов на уставную (конституционную) защиту прав и свобод, там, где такие суды не учреждены в отличие от других субъектов. Доказательством данного тезиса может послужить утверждение судьи Конституционного Суда РФ Н.С. Бондаря: отсутствие конституционных (уставных) судов субъектов РФ в каждом конкретном субъекте нарушает один из важнейших конституционных принципов о равенстве всех перед судом, в т.ч. независимо от места жительства¹¹.

В связи с этим в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» следует закрепить в качестве нормы обязанность учреждения в каждом субъекте РФ таких судов. Можно закрепить также в качестве общего принципа (обязанности) конституционного судопроизводства субъектов, рассмотрение конституционными (уставными) судами дел о соответствии их конституциям (уставам) правоприменительной практики. Это во многом поможет снизить нагрузку по ряду дел в Конституционном Суде РФ и судах общей юрисдикции, тем более, что многие основные права и свободы сходны с конституционными и дублируются в основных законах субъектов РФ или расширяются дополнительными гарантиями.

В-третьих, судья Конституционного Суда РФ М.И. Клеандров приводит множество юридических доказательств в пользу того, что «судебная власть должна иметь не только федеральный, но и региональный уровень причем — во всех

субъектах РФ», (уставные) суды субъектов РФ входят в систему органов государственной власти субъектов РФ согласно позициям Конституционного Суда РФ и должны быть учреждены во всех субъектах РФ. Создание таких судов предусмотрено в конституциях и уставах 56 субъектов РФ, в 24 из них приняты законы об этих судах, в России действуют 16 таких судов, существует солидная научная база по конституционному правосудию, проекты законов для создания их во всех субъектах¹².

В-четвертых, Конституционным Судом РФ было вынесено немало справедливых решений, затрагивающих вопросы организации конституционной юстиции субъектов РФ, четкое разграничение полномочий и предметов ведения между ним и органами конституционного контроля субъектов¹³.

Однако, к сожалению, Конституционный Суд РФ вынес резонансное, на наш взгляд Определение от 3 марта 2015 г. № 421-О, которое не было даже официально опубликовано. Суд указал на государственно-правовую природу этого института как регионального субсидированного звена механизма обеспечения конституционной законности в конкретном субъекте РФ. Также он указал, что упразднение органа конституционной юстиции субъекта не означает нарушение прав граждан, которые могут обратиться в Конституционный Суд РФ. Трудно согласиться с таким суждением. Конституционный Суд РФ и так завален жалобами — поступает около 16–20 тыс. обращений в год, он выносит в среднем 1–2% постановлений по ним, вследствие чего «оперативная» защита прав длится до полутора лет. Стоит ли ему брать такой груз на себя, в особенности, когда он не вправе проверять муниципальные правовые акты, которыми занимался бы суд субъекта РФ?

Тем более трудно согласиться с явно вынужденной мерой по рассмотрению судами общей юрисдикции дел, отнесенных Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» к ведению конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Как верно утверждает М.И. Клеандров, судьи общей юрисдикции далеко не всегда являются специалистами в области конституционного права и конституционного судопроизводства.

В-пятых, Председатель Конституционного Суда Республики Северная Осетия — Алания А.М. Цалиев приводит ряд юридических и доктринальных доказательств необходимости создания уставных и конституционных судов в каждом субъекте исходя из общего посыла, что независимых судов субъектов и полноценной судебной власти субъектов РФ как таковых в каждом регионе не создано.

По ряду критериев мировые суды, осуществляя общую юрисдикцию, все-таки по всем признакам относятся к федеральным органам государственной власти, напрямую зависят от нее, не избираются народом ни в одном субъекте, финансируются из федерального бюджета, выносят решения именем Российской Федерации. Всего лишь несколько субъектов имеют свои конституционные и уставные суды, что умаляет право других субъектов на обжалование, прежде всего, муниципальных правовых актов, которые не могут быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ. Исходя из принципа разделения государственной власти на ветви, любой субъект должен иметь все три функционирующие ветви государственной власти. Поэтому необходимым атрибутом любой республики в составе РФ как государственно-правового образования является собственная власть, в т.ч. и судебная, в особенности это касается республик

Крым, Калмыкия, Мордовия, в конституциях которых их создание вообще не предусмотрено. Автором приводится также ряд доктринальных высказываний судей Конституционного Суда РФ Г.А. Жилина, Б.С. Эбзеева и других ученых в доказательство вышеуказанных позиций.

В итоге после обнародования в литературе и обсуждения научной общественностью проекта федерального закона «О конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации» в печати Парламентом Республики Северная Осетия-Алания было реализовано право законодательной инициативы в 2014 г. Однако Государственная Дума РФ в апреле 2015 г. без обсуждения проекта и приглашения авторов на его обсуждение необоснованно отклонила его¹⁴.

Ранее в науке и на практике также высказывались предложения о необходимости принятия подобного специального федерального закона¹⁵, а также специалистами Всероссийского совещания «Проблемы образования и деятельности конституционных уставных судов субъектов Российской Федерации» в 1999 г. был разработан и опубликован проект модельного закона об Уставном суде субъекта РФ¹⁶.

Соглашаясь с вполне справедливыми идеями авторов проекта закона, наши предложения сводятся к тому, что подобный проект следует вносить в качестве федерального конституционного закона, поскольку это предмет регулирования именно федерального конституционного закона. К тому же есть уже Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», куда и можно было бы внести подобные дополнения.

Е.В. Колесников, рассуждая о единстве судебной системы, прогнозирует, что «в будущем неизбежно усилятся элементы децентрализации в отечественной судебной практике, появятся специализированные суды и существенно возрастет роль судов субъектов Федерации»¹⁷. Только при условии развития судебной системы, которая в состоянии осуществить должным образом защиту прав и интересов сторон, может быть обеспечен стабильный приток инвестиций в Россию¹⁸. Высказанные суждения в полной мере можно отнести, на наш взгляд, и к Крыму.

Учреждение Конституционного суда Республики Крым обеспечило бы единство основных подходов к правовому регулированию общественных отношений и помогло бы восполнять пробелы в региональном праве, пока законодательная база Республики еще формируется. Поэтому для обеспечения его независимости целесообразно наделять такой суд и правом законодательной инициативы. Немаловажно и закрепление за судом и полномочий по рассмотрению конституционно-правовых споров между республиканскими органами государственной власти, а также между ними и органами местного самоуправления, проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов по запросам судов и жалобам граждан.

Таким образом, суд будет выполнять функции дополнительного гаранта прав граждан и защиты публичных интересов, влиять на устранение законодательных положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции.

¹ См.: Владимир Путин принял участие в пленарном заседании межрегионального форума Общероссийского народного фронта «Форум действий. Крым». Ялта, 26 октября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53148> (дата обращения: 16.11.2016).

² Бешенство принтера: Госдума стала принимать в три раза больше законов // Московский комсомолец. 2015. 28 сент.

³ См.: Гаганов А.А. Итоги 2015 года: законодательный процесс. URL: <http://rusrand.ru/analytics/itogi-2015-goda-zakonodatelnyj-protsess> (дата обращения: 16.11.2016).

⁴ См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. М., 2016. С. 66–67, 70.

⁵ Кабышев В.Т. Возвращение Крыма в Россию: конституционно-правовой дискурс // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5. С. 14.

⁶ См.: Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Указ. раб. С. 72, 78, 85.

⁷ См.: Там же. С. 100, 107.

⁸ См.: Цалиев А.М. Конституции республик о судебной власти // Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения: сборник материалов Международной научной конференции (Москва: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 21–23 апреля 2015 г.). М., 2015. С. 143.

⁹ Подробнее об этом см.: Проблемы образования и деятельности конституционных уставных судов субъектов Российской Федерации: материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 1999 г.) / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и С.Е. Заславского. М., 2000.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1; 2014. № 6, ст. 551.

¹¹ См.: Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005. С. 274.

¹² См.: Клеандров М.И. В защиту конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 2–7.

¹³ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 1996 г. № 3-П // Вестник Конституционного суда РФ. 1996. № 1; Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П // Вестник Конституционного суда РФ. 2000. № 5; Определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 1998 г. № 32-О // Вестник Конституционного суда РФ. 1998. № 3; Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 103-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4; Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2005 г. № 522-О; Определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2011 г. № 511-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Цалиев А.М. Указ. раб. С. 142–145.

¹⁵ См.: Петров А.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 3. С. 25–32.

¹⁶ Проблемы образования и деятельности конституционных уставных судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 1999 г.) / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и С.Е. Заславского. С. 243–310.

¹⁷ Колесников Е.В. Конституционные основы единства судебной системы в Российской Федерации // Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения: сборник материалов Международной научной конференции (Москва: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 21–23 апреля 2015 г.). С. 135.

¹⁸ См.: Новицкая К.Л. Конституционные параметры судебной власти: закономерности и отклонения // Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения: сборник материалов Международной научной конференции (Москва: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 21–23 апреля 2015 г.). С. 138.

Н.П. Сергеева

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

В статье анализируются способы взаимодействия Общественной палаты Республики Крым и Общественной палаты г. Севастополя с органами государственной власти новых субъектов РФ. Речь идет об экспертной деятельности палат, об общественных советах при органах государственной власти Республики Крым и г. Севастополя.

Ключевые слова: Россия, Крым, Севастополь, интеграция, конституция, конституционализм, общество, общественная палата, общественный совет.

N.P. Sergeeva

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FUNDAMENTALS
OF INTERACTION OF PUBLIC CHAMBERS OF THE REPUBLIC
OF CRIMEA AND SEVASTOPOL WITH THE STATE AUTHORITY
BODIES OF THE REPUBLIC OF CRIMEA
AND CITY OF SEVASTOPOL

The article analyzes the ways of interaction of the Public chamber of the Republic of Crimea and the Public chamber of the city of Sevastopol with the state authorities of new subjects of the Russian Federation. We are talking about the expert activity of the Chambers and Public councils at public authorities of the Republic of Crimea and city of Sevastopol.

Keywords: Russia, Crimea, Sevastopol, integration, the Constitution, constitutionalism, civil society, public chamber, public council.

Возвращение Республики Крым и г. Севастополя в состав России как долгожданный акт восстановления исторической справедливости обусловил появление институтов, необходимых для интеграции новых субъектов в Российскую Федерацию. В интеграционных процессах вхождения Крыма важная роль принадлежит институтам гражданского общества.

Выступая 26 октября 2016 г. на Межрегиональном форуме Общественного народного фронта в г. Ялте, В.В. Путин отметил, что с весны 2014 г. была проведена масштабная и трудоемкая работа по интеграции Республики Крым и г. Севастополя в единое правовое, экономическое, социальное пространство России¹. Интегрирование Крыма и Севастополя в различные сферы общественных отношений явилось не таким простым процессом, как это представлялось².

После принятия Крыма и Севастополя в истории постсоветской России наступила новая эпоха, для которой характерны принципиально иные отношения во всех сферах конституционного строя, во внутренней и внешней политике Российской Федерации, политической системе, идеологии и правосознании как властвующий элиты, так и российского общества в целом³. Это связано также с возникновением и развитием институтов гражданского общества, характерных для «континентальной» России.

Общество обращается к государству со своими инициативами, предложениями, интересами и требованиями, чаще всего нуждающимися в поддержке, прежде всего, материальной. Государство, в свою очередь, идет навстречу по-разному, это могут быть: рассмотрение инициатив и их поддержка или неодобрение, выделение средств для развития организаций или фондов. Функционирование всего конституционно-правового механизма публичной власти в Крыму налагает дополнительные обязанности на представителей властных структур, обуславливает необходимость их взаимодействия с населением и институтами гражданского общества⁴.

Сегодня важное место в системе институтов гражданского общества принадлежит Общественной палате. Помимо Общественной палаты Российской Федерации, на территориях большинства субъектов РФ были образованы свои общественные палаты. Не стали исключением и новые субъекты РФ — Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Общественная палата Республики Крым была образована 15 мая 2014 г. после принятия Закона Республики Крым № 1-ЗКР «Об Общественной палате Республики Крым» (в ред.

от 23 ноября 2016 г.)⁵, Общественная палата г. Севастополя — 15 мая 2015 г. с принятием Закона г. Севастополя № 136-ЗС «Об Общественной палате города Севастополя» (в ред. от 29 мая 2015 г.)⁶.

Одним из ключевых способов взаимодействия Общественной палаты Республики Крым и органов государственной власти Республики Крым является экспертная работа Палаты в отношении не только нормативно-правовых актов органов власти Республики Крым, но и федеральных законопроектов. Более 30% законопроектов, выносимых на рассмотрение Государственного совета Республики Крым, прошли правовую и общественную экспертизу Общественной палаты Республики Крым.

Одним из последних в рамках проведения «нулевых чтений» в Общественной палате Республики Крым был рассмотрен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»⁷. Предложенный законопроект обсуждался на совместном заседании комиссий Общественной палаты Республики Крым по вопросам общественной экспертизы проектов нормативно-правовых актов и по вопросам развития институтов гражданского общества и правам человека. Перед Палатой был поставлен ряд вопросов, на которые нужно дать подробные ответы.

Также во исполнение целей и задач Общественной Палаты Республики Крым, закрепленных в Законе Республики Крым от 15 мая 2014 г. № 1-ЗКР, Палатой были заключены соглашения о взаимодействии и сотрудничестве с Прокуратурой Республики Крым, Уполномоченным по правам человека в Республике Крым, Уполномоченным по правам ребенка в Республике Крым, Уполномоченным по защите прав предпринимателей в Республике Крым, Счетной палатой Республики Крым, Профсоюзом работников и предпринимателей торговли, общественного питания и услуг Республики Крым, Общественной палатой Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Межрегионального управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Крым и городу федерального значения Севастополю, Главным управлением МЧС России по Республике Крым, Инспекцией по труду Республики Крым⁸. Основными целями и задачами подписания данных соглашений являются организация взаимодействия институтов гражданского общества по соответствующим направлениям и институтов публичной власти, общее стремление сторон к максимальному обеспечению гарантий государственной защиты, соблюдению и уважению прав и свобод человека, содействие дальнейшему развитию гражданского общества и предупреждению возникновения социальной напряженности в Крыму.

Члены общественных палат Республики Крым и г. Севастополя входят в состав общественных советов, созданных при органах государственной власти соответствующего субъекта РФ. С самого начала своей работы Общественные палаты новых субъектов РФ стремились выработать механизм такого взаимодействия и в значительной мере им это удалось. Общественная палата для гражданского общества стала определенной результативной площадкой для встреч представителей общественности с руководителями Республики.

Общественные советы при исполнительных органах государственной власти Республики Крым принимают участие в рассмотрении на стадии подготовки проектов соответствующих государственных программ Республики Крым,

разработке, внесении предложений, замечаний в проекты законов Республики Крым и федеральных законов⁹.

В ежегодном докладе Общественной палаты Республики Крым «О состоянии гражданского общества в Республике Крым в 2016 году» отмечается, что Общественная палата Республики Крым, используя свой правовой статус, в 2016 г. окончательно утвердилась как институт развития гражданского общества в Крыму. С ее позицией, выводами, предложениями считаются и продолжают проявлять повышенный интерес органы государственной власти Республики, органы власти муниципальных образований, политологи, экспертное сообщество и многие другие общественные структуры¹⁰.

Начало 2016 г. ознаменовалось вступлением в силу Федерального закона № 422-ФЗ «Об особенностях погашения и внесудебном урегулировании задолженности заемщиков, проживающих на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя»¹¹. Положения указанного Закона вызвали широкий общественный резонанс среди населения, и в адрес Общественной палаты Республики Крым стали поступать многочисленные письменные обращения граждан по данному вопросу. В связи с этим состоялось экстренное заседание Совета палаты с приглашением представителей Государственного совета Республики Крым. В ходе заседания был принят ряд решений, в т.ч. инициировать перед депутатами Государственного Совета Республики Крым проведение парламентских слушаний по данному вопросу и предложить рассмотреть возможность введения временного моратория на погашение кредитов. 4 февраля 2016 г. состоялись парламентские слушания, причем на высоком представительном уровне. В работе приняли участие члены Совета Федерации Федерального Собрания РФ, представитель Банка России, Глава Республики Крым и Председатель Государственного совета Республики Крым. По итогам слушаний была принята резолюция, в которой предлагалось начать погашение задолженности заемщиками не ранее 1 января 2018 г. с одновременным установлением запрета на изъятие движимого и недвижимого имущества у должников. Кроме того, в соответствии с резолюцией парламентских слушаний органами государственной власти Крыма и Севастополя была подготовлена концепция проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон № 422-ФЗ». Общественная палата Республики Крым также направила письмо на имя Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ, где изложила свою позицию по данному вопросу и высказала предложения по разрешению сложившейся ситуации¹².

В свою очередь руководство Крыма проявило высокую заинтересованность в вопросе обеспечения взаимодействия граждан и некоммерческих организаций с органами государственной власти.

Следующим шагом развития и укрепления взаимодействия Общественной палаты Республики Крым и органов власти Крыма стало Поручение Главы Республики Крым (от 1 октября 2014 г. № 01-62/2448)¹³ о введении членов Общественной палаты Республики Крым в состав коллегий министерств и госкомитетов республики, а также подписание Указа Главы Республики Крым от 12 января 2015 г. № 1-У «Об утверждении Типового положения об общественном совете муниципального образования в Республике Крым»¹⁴. Так, в 2016 г. важнейшим аспектом деятельности Общественного совета муниципального образования Сакского района Республики Крым стало проведение независимой оценки

качества оказания услуг муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческий центр культуры, искусств и народного творчества» Сакского района. Было проведено анонимное анкетирование, в котором приняли участие 400 жителей данного района. По его итогам были сделаны следующие выводы: общий уровень удовлетворенности населения качеством обслуживания МБУК «Межпоселенческий центр культуры, искусств и народного творчества» Сакского района, по оценкам респондентов, можно охарактеризовать как выше среднего или в целом соответствующий спросу населения; также было дано указание на исправление недостатков.

Таким образом, не только институты гражданского общества, в частности Общественная палата Республики Крым и Общественная палата г. Севастополя, нуждаются в государственной поддержке, но и государство в лице органов власти и должностных лиц заинтересовано во взаимной деятельности. Именно в правовом государстве органы государственной власти уделяют особое внимание деловым отношениям с обществом.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53148/work> (дата обращения: 20.03.2017).

² См.: *Кабышев В.Т.* Интеграция Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию: конституционно-правовой дискурс // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1(114). С. 93.

³ См.: *Кабышев В.Т., Заметина Т.В.* Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя — восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2(97). С. 59.

⁴ См.: *Кабышев В.Т., Заметина Т.В.* Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. М., 2016. С. 94.

⁵ См.: Закон Республики Крым от 15 мая 2014 года № 1-ЗРК «Об Общественной палате Республики Крым» (в ред. от 23 ноября 2016 г.) (принят Государственным Советом Республики Крым 30 апреля 2014 г.) (вместе с «Положением о возмещении расходов Председателю и членам Общественной палаты Республики Крым, связанных с осуществлением ими соответствующих полномочий») // Ведомости Государственного совета Республики Крым. 2014. № 1, ч. 2; 2016. № 11.

⁶ См.: Закон г. Севастополя от 15 мая 2015 г. № 136-ЗС «Об Общественной палате города Севастополя» (в ред. от 29 мая 2015 г.) (принят Законодательным Собранием г. Севастополя 13 мая 2015 г.) // Севастопольские известия. 2015. 20 мая; 2015. 30 мая.

⁷ URL: <http://opcrimea.ru/ekspertiza-zakonoproektov/expert-osnov-control.html> (дата обращения: 08.03.2017).

⁸ URL: http://opcrimea.ru/assets/files/Ejegovodny_Doclad_OPRK_2015.pdf (дата обращения: 08.03.2017).

⁹ URL: http://opcrimea.ru/assets/files/Ejegovodny_Doclad_OPRK_2016.pdf (дата обращения: 27.03.2017).

¹⁰ URL: http://opcrimea.ru/assets/files/Ejegovodny_Doclad_OPRK_2016.pdf (дата обращения: 27.03.2017).

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1, ч. 1, ст. 42; 2016. № 27, ч. 1, ст. 4164.

¹² URL: http://opcrimea.ru/assets/files/Ejegovodny_Doclad_OPRK_2016.pdf (дата обращения: 27.03.2017).

¹³ URL: <http://www.opcrimea.ru/novosti/poruchenie-glavy-respubliki-krym.html> (дата обращения: 08.03.2017).

¹⁴ URL: http://glava.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_239281.pdf (дата обращения: 08.03.2017).

Л.Г. Берлявский

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС НА УКРАИНЕ И ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

В статье рассмотрены особенности современного украинского кризиса. Показано, что политическое и идеологическое обоснование суверенных прав Украины осуществлялось в последнее десятилетие с националистических и русофобских позиций при игнорировании принципов научности и историзма. Подчеркнута международно-правовая легитимность воссоединения Крыма и Севастополя Российской Федерацией.

Ключевые слова: государственно-правовая проблематика, Республика Крым, Севастополь, воссоединение, легитимность, интеграция Крыма и Севастополя в российское правовое пространство.

L.G. Berlyavskiy

CURRENT CRISIS IN THE UKRAINE AND TRENDS OF STATE-LEGAL DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

In the article the peculiarities of modern Ukrainian crisis are studied. It is shown that the political and ideological justification for the sovereign rights of Ukraine was carried out in the last decade on the basement of nationalist and Russophobic positions while ignoring the principles of scientism and historicism. Emphasized the international legal legitimacy of the reunification of Crimea and Sevastopol with Russian Federation.

Keywords: state-legal affairs, Republic of Crimea, Sevastopol, reunion, legitimacy, integration of Crimea and Sevastopol in the Russian legal space.

Право народов на самоопределение — ключевое положение, на основе которого генерировался процесс отделения Крымской Автономной Республики от Украины и вхождения ее в состав Российской Федерации. Это право применительно к данному случаю обосновывалось в Обращении Президента РФ — его выступлении 18 марта 2014 г. перед депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, руководителями регионов России представителями гражданского общества и непосредственно признавалось и подтверждалось Договором между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г. и опосредованно — Постановлением Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 г. № 6-П, которым названный Договор был признан соответствующим Конституции РФ¹.

Проблемы государственно-правового развития стали важнейшей причиной нынешнего кризиса на Украине и вокруг нее. Нынешний украинский режим, пришедший к власти путем государственного переворота, поставил своей задачей пересмотр итогов Второй мировой войны, реабилитацию военных преступников — бандеровцев, ревизию эволюции государственно-правового развития Украины с националистических позиций, нарушение прав русскоязычного населения². Так, в украинских учебниках последнего 20-летия представлена

© Берлявский Леонид Гарриевич, 2017

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права (Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»); e-mail: berlg@yandex.ru

схема М.С. Грушевского, ключевым моментом которой является отрицание древнерусской народности и утверждение о параллельном существовании двух народностей: «украинско-русской» и «великорусской». Для обозначения Киевской Руси М.С. Грушевским был введен термин «Украина-Русь» — гибрид, созданный им в политических целях, именно для оправдания смены этнонима при конструировании новой украинской идентичности в конце XIX — начале XX в. В настоящее время «История Украины-Руси» Грушевского определена Министерством образования и науки Украины как «метрика украинского народа»³.

Оценивая деятельность Переяславской рады 1654 г., украинские специалисты-государствоведы исходят из того, что «официальная советская теория утверждает, что Переяславский договор стал кульминационным пунктом вековых желаний украинцев и россиян к воссоединению, целью восстания было именно воссоединение народов (...). Украина вошла в подданство под протекцию вследствие тогдашней военно-политической ситуации. Россия же изначально имела намерение преобразовать протекторат в инкорпорацию (включение в состав)»⁴.

Образование в марте 1917 г. Центральной Рады считается исходной точкой процесса возрождения украинской государственности в XX в. Вместе с тем, как считает профессор Одесской национальной юридической академии П.П. Музыченко, период Центральной Рады продемонстрировал сильные и слабые стороны государственного строительства. К первым отнесены решительность, с которой строилось государство, влияние на этот процесс национального возрождения, ориентацию на социальную политику; «ко вторым — отсутствие необходимого опыта государственного строительства, утопически-социалистическую ориентацию руководства Центральной Рады, возражения необходимости формирования украинских вооруженных сил, непоследовательность формирования системы местного самоуправления, отсутствие обратной связи с широкими народными массами. М. Грушевский и его соратники не смогли найти правильного пути развития, что в итоге определило и их личную судьбу, и судьбу украинской государственности»⁵.

Подобный критический подход является, скорее, исключением в украинской юридической науке. Большинство современных украинских государствоведов исходят из того, что «учредителями практически всех государственных институтов, даже основанных иностранными суверенами, были местные уроженцы, которые по большей части привносили в их деятельность национальный колорит, служили проводниками той поступательности, европейскости, духа чисто украинского демократизма, которые составляют стержень отечественной истории государственных институтов»⁶.

4 марта 2014 г. постоянный представитель Украины при ООН Ю. Сергеев публично оправдал украинских националистов, заявив, что представленные СССР на Нюрнбергском процессе обвинения в их адрес были сфальсифицированы⁷. Министерство иностранных дел Российской Федерации заявило, что «подобным высказыванием официальный представитель Украины оскорбил память жертв Второй мировой войны, русских, украинцев, евреев, поляков, граждан других национальностей, ставших жертвами зверств, которые чинили пособники фашистов из числа украинских националистов»⁸.

В опубликованной под эгидой Национальной академии наук Украины много-томной «Энциклопедии истории Украины» утверждается, что «фамилия Бандеры является символом украинского национально-освободительного движения 1930–50-х годов»⁹.

Показателен имеющий официальный статус «Отчет рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА. Основные тезисы по проблеме ОУН — УПА (историческое заключение)». Несмотря на предпринятые усилия всячески оправдать ОУН-УПА, его авторы были вынуждены признать, что «в идеологии, мировоззрении и политической практике ОУН присутствовал ряд элементов, которые роднили ее с радикальными и тоталитарными движениями и режимами, прежде всего, с итальянским фашизмом и национал-социализмом»¹⁰. С положениями и выводами «Отчета» созвучен значительный массив сочинений по истории ОУН — УПА, вышедших из-под пера украинских авторов¹¹.

Подобные «изыскания» вызывали оправданную тревогу в сопредельных с Украиной государствах. В зарегистрированном еще 11 апреля 2013 г. проекте постановления сейма Польши о признании ОУН — УПА преступными организациями, совершившими геноцид в отношении польского населения т.н. восточных польских земель (кресов) в 1939–1947 гг. констатировалось, что «на протяжении последних лет наблюдалось небывалое развитие в Западной Украине культа Степана Бандеры и Украинской повстанческой армии». При полном молчании власти в Киеве и Варшаве в украинских городах появляются памятники Степану Бандере и другим руководителям ОУН, их именами называют улицы и площади, проходят марши, прославляющие «героизм» УПА, появляются публикации, отрицающие участие УПА в убийствах поляков. Систематически (при немногочисленных исключениях) на территории Украины блокируются попытки увековечения жертв террора УПА¹².

Подвергнув аргументированной критике «Отчет», канадский исследователь В. Полицук пришел к выводу, что осудить ОУН Бандеры и ее формирования должна в первую очередь Верховная Рада Украины как ее высший законодательный орган¹³.

Необходимо отметить, что проблемы государственно-правового развития на протяжении последних лет весьма активно политизировались украинскими государственными деятелями и учеными. В 2006 г. были приняты Закон «О голодоморе 1932–1933 годов на Украине»¹⁴, Постановление Кабинета министров Украины «Об учреждении Украинского института национальной памяти»¹⁵.

В целом оценка советского периода развития Украины осуществляется главным образом с субъективистских позиций при отказе от принципа историзма. Наконец, на государственном уровне в этом государстве утверждается преступная терпимость к фашистской идеологии украинских националистов из ОУН — УПА.

В п. 4. Постановления Кабинета Министров Украины от 31 января 2011 г. «Об утверждении Положения об Украинском институте национальной памяти» указаны следующие задачи данной организации: научное и аналитическое обеспечение формирования государственной политики по вопросам национальной памяти; выполнение государственных программ фундаментальных и научно-практических исследований проблем национальной памяти, «ее влияния на формирование гражданского общества, украинской нации»; осуществление научных и научно-практических исследований «традиций государствообразования украинского народа, его борьбы за свободу и соборность Украины»; «изучение трагических событий в истории народов Украины и участие в мероприятиях по увековечению памяти их жертв» и др.¹⁶

Оспаривая легитимность состоявшегося в Крыму референдума, представитель МИД Украины 17 марта 2014 г. Е. Перебийнис заявил, что право на самоопреде-

ление «касается коренных народов». На Украине, мол, проживают только четыре коренных этноса, включая украинцев, а русские к их числу не относятся. В этой связи в российском МИДе напомнили, что Декларация ООН о правах коренных народов особо оговаривает, что «ничто в настоящей Декларации не может быть использовано для отказа любому народу в его праве на самоопределение». Если же смысл заявления заключается в том, чтобы, назвав русский народ «диаспорой», указать на его подчиненное положение по отношению к «коренному» украинскому населению этой страны, то изыскания «этнографов» с Михайловской площади Киева сильно напоминают исследования теоретиков нацизма в 1930-е гг. прошлого века, замахиваясь «в сложившейся критической ситуации на историческую память миллионов и миллионов русских и украинцев, испокон веков живущих вместе и внесших большой совместный вклад в становление и благосостояние исторической и современной Украины»¹⁷.

Государственно-правовая проблематика накрепко вплетена в украинский кризис. Обоснование суверенных прав современной Украины зачастую сводилось к возрождению концепций националистической, русофобской направленности. Не случайно во внесенном в марте 2014 г. в Верховную Раду проекте декларации «О борьбе за освобождение Украины» утверждалось, что единственным «нескрываемым мотивом Российской Федерации» в решении о присоединении Крыма и Севастополя в состав России является пресловутая доктрина «прирастания русского мира»¹⁸.

С присоединением Крыма и Севастополя к России наступил новый этап в истории постсоветской России. Для него характерны принципиально иные отношения во всех сферах конституционного строя, во внутренней и внешней политике Российской Федерации, ее политической системе, идеологии и правосознании как властвующей элиты, так и подавляющей части российского общества. Самоопределение крымчан на референдуме 16 марта 2014 г. и вхождение Крыма и Севастополя в состав России конституционно и пересмотру не подлежит¹⁹.

Основные тенденции построения и функционирования конституционно-правового механизма власти в Республике Крым и г. Севастополе, по мнению В.Т. Кабышева и Т.В. Заметиной, заключаются в следующем. Во-первых, проявилась тенденция воспроизведения на уровне новых субъектов Федерации комплекса политических и правовых институтов, функционирующих на федеральном уровне. При этом в Республике Крым и г. Севастополе была заново выстроена система управления, приняты законы. Региональные принципы организации власти в новых субъектах не получили должной регламентации на учредительном уровне. Во-вторых, прослеживается тенденция двухстороннего характера правового сопровождения экономической, политической и культурной интеграции. Регулирование общественных отношений в сфере объединения носило оперативный, практически синхронный характер, что свидетельствует о стремлении федерального Центра и новых субъектов Федерации к сближению законодательства и правоприменительной деятельности. В-третьих, наблюдается тенденция активного воздействия федерального Центра на конституционное развитие Республики Крым и г. Севастополя. В-четвертых, Российская Федерация пошла по пути сохранения кадрового состава органов законодательной, исполнительной, судебной власти, органов прокуратуры²⁰.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»²¹

на всей территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя создана свободная экономическая зона (СЭЗ), срок функционирования которой — 25 лет (до 31 декабря 2039 г.). СЭЗ предусматривает особый режим осуществления предпринимательской и иной деятельности, налоговые льготы, а также применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны.

В качестве органов управления СЭЗ Федеральным законом установлены Уполномоченный Правительством РФ федеральный орган исполнительной власти (Министерство Российской Федерации по делам Крыма), экспертные советы по вопросам СЭЗ на территории Республики Крым и г. Севастополя, Совет министров Республики Крым (полномочия переданы Министерству экономического развития Республики Крым), Правительство Севастополя (полномочия переданы Департаменту экономики г. Севастополя).

Потенциальный участник СЭЗ должен быть зарегистрирован на территории Республики Крым, состоять на налоговом учете в налоговом органе и иметь инвестиционную декларацию, соответствующую установленным требованиям. При этом участники СЭЗ не вправе осуществлять деятельность в сфере пользования недрами для целей разведки и добычи полезных ископаемых, разработки месторождений континентального шельфа Российской Федерации.

В рамках договоров на участие в свободной экономической зоне Крыма вкладывается 75 млрд руб. частных инвестиций. По данным Министерства экономического развития Крыма, по 90 проектам подписаны инвестиционные соглашения, в рамках которых будет создано около 7650 рабочих мест, объем инвестиций составит порядка 114 млрд руб. Наиболее привлекательными для инвесторов являются промышленность, сельское хозяйство, строительство, топливно-энергетическая и курортно-туристическая сферы²².

Интерес к крымской экономике проявляют иностранные инвесторы. Так, промышленники Турции вложат в инвестиционные проекты на территории Республики Крым 12 млрд долл. В 2015 г. меморандум о сотрудничестве между Советом министров Республики Крым и «Организацией промышленного сектора» турецкого города Кайсери подписали глава Республики Крым С. Аксенов и вице-президент ОПК С. Сарпаш²³. На II Ялтинском экономическом форуме (апрель 2016 г.) были представлены 26 стран, в форуме принимали участие более 70 представителей иностранного бизнеса, наиболее многочисленная группа приехала из Греции²⁴.

На межрегиональном форуме Общероссийского народного фронта «Форум действий. Крым» (25–27 октября 2016 г.) Президент России В.В. Путин важной морально-политической составляющей интеграции полуострова назвал реабилитацию коренных народов Крыма. В то же время, по словам президента, необходимо проводить мероприятия, связанные с социально-экономическими вопросами реабилитации и поддержки людей. На эти цели в Федеральной программе развития Крыма выделяется 10 млрд руб., которые пойдут на реабилитацию тех народов, которые пострадали во время репрессий: «Прежде всего, речь идет о социально-экономической поддержке, потому что политические вопросы уже решены — это касается языка, культуры, возможности обучения на родном языке, периодических изданий»²⁵.

Вместе с тем в российской и зарубежной юридической науке продолжается дискуссия о международно-правовых аспектах вхождения Крыма и Севастополя в состав России²⁶. Для ее оценки представляется методологически значимой позиция, изложенная Ф. Фельдбрюгге на страницах журнала «Review of Central and

East European Law», которая сводится к тому, что однозначно квалифицировать произошедшее, с точки зрения международного права, невозможно; практически все сецессии изначально являются незаконными, однако позднее наступает хотя бы молчаливое международное признание; западные страны в подходе к этому вопросу руководствуются страхом перед собственными сепаратистскими движениями и стремлением к «сдерживанию» России, а не международно-правовыми аргументами²⁷.

В поддержку присоединения Крыма к России выступили официальные представители ряда государств: Афганистана, Боливии, КНДР, Кубы, Никарагуа, Сирии, Армении. Состоялись визиты парламентариев Франции и Италии в Крым.

¹ См.: *Кряжков В.* Крымский прецедент: конституционно-правовое осмысление // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5 (102). С. 82.

² См.: *Берлявский Л.Г.* Историко-правовая проблематика и современный кризис на Украине // История государства и права. 2016. № 2. С. 16–22.

³ *Данилов А.А., Филиппов А.В.* Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. М., 2009. С. 27, 28, 31.

⁴ *Гванов В.М.* Історія держави і права України: Навч. посіб. Ч. 1. Київ, 2002. С. 87.

⁵ *Музыченко П.П.* История государства и права Украины: учебное пособие. Київ, 2008. С. 298.

⁶ *Папакін Г.* Історія державних установ України: Урядуючі інституції та державні установи ІХ — початку ХХ ст. Київ, 2010. С. 237.

⁷ URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1018998> (дата обращения: 19.11.2016).

⁸ URL: <http://itar-tass.com/politika/1023447> (дата обращения: 14.09.2016).

⁹ *Энциклопедія історії України: Т. 1: А–В / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ, 2003. С. 177.*

¹⁰ *Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Фаховий висновок робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА / НАН України; Інститут історії України. Київ, 2005. С. 38.*

¹¹ См.: *Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Історичні нариси / НАН України; Інститут історії України / С.В. Кульчицький (відп.ред.). Київ, 2005; Польсько-українські стосунки в 1942–1947 роках у документах ОУН та УПА: у 2 т. Т. 1: Війна під час війни. 1942-1945. / Відп. ред. та упоряд. В.М. В'ятрович. Львів, 2011 и др.*

¹² URL: <http://rus.newsru.ua/ukraine/22apr2013/svopres.html> (дата обращения: 19.11.2016).

¹³ См.: *Полищук В.* Гора родила мышь. Бандеровскую. Критика «Отчета рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА. Основные тезисы по проблеме ОУН-УПА (исторический вывод)». Киев, 2006. С. 84. Выводы «Отчета» противоречат общеизвестным фактам истории государственно-правового развития этого государства. См.: *Чайковский А.С.* Айсберг. З історії органів внутрішніх справ і державної безпеки України. Київ, 2013. С. 487.

¹⁴ См.: *Відомості Верховної Ради України. 2006. № 50, ст. 504.*

¹⁵ См.: *Офіційний вісник України. 2006. № 22, ст. 1644.*

¹⁶ См.: *Офіційний вісник України. 2011. № 2, ст. 105.*

¹⁷ URL: <http://ria.ru/world/20140319/1000256820.html> (дата обращения: 19.11.2016).

¹⁸ URL: <http://ria.ru/world/20140320/1000302818.html#ixzz2wTqJz3oB> (дата обращения: 14.09.2016).

¹⁹ См.: *Кабышев В.Т.* Возвращение Крыма в Россию: конституционно-правовой дискурс // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5. С. 12.

²⁰ См.: *Кабышев В.Т., Заметина Т.В.* Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. М., 2016. С. 109–110.

²¹ См.: *Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 48, ст. 6658.*

²² URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3379711> (дата обращения: 19.11.2016).

²³ URL: <https://rg.ru/2015/07/07/reg-kfo/turkey.html> (дата обращения: 19.11.2016).

²⁴ URL: <http://rusplt.ru/society/investitsii-o-kotoryih-ne-govoryat-vsluh-24141.html> (дата обращения: 19.11.2016).

²⁵ URL: <http://onf.ru/2016/10/26/putin-reabilitaciya-korennyh-narodov-kryma-vazhna-moralno-i-politicheski> (дата обращения: 19.11.2016).

²⁶ См.: *Воронин Е.Р., Кулебякин В.Н., Николаев А.В.* Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г.: международно-правовые оценки и последствия // Московский журнал международного права. 2015. № 1. С. 11–28; *Зорькин В.* Право — и только право // Российская газета. 2015. 23 марта; *Лукьянова Е.* О праве налево // Новая газета. 2015. 19 марта; *Толстых В.Л.* Воссоединение Крыма с Россией: правовые квалификации // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5. С. 40–46; *Толсинов В.А.* Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство. 2014. № 7. С. 11–26 и др.

²⁷ *Feldbrugge F.* Ukraine, Russia and International Law // Review of Central and East European Law. 2014. Vol. 39. Issue 1. P. 95–97.

В.Т. Кабышев

ИНТЕГРАЦИЯ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ. ПОСЛЕСЛОВИЕ

В статье подводятся итоги заочного круглого стола «Конституционно-правовые основы интеграции Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию: реалии, тенденции развития».

Ключевые слова: Россия, Крым, Севастополь, конституция, конституционный строй, интеграция, конституционализация.

V.T. Kabyshev

INTEGRATION OF THE CRIMEA AND SEVASTOPOL INTO THE RF. AFTERWORD

The article gives the analysis of the outcome of the in-depth discussion in the framework of the “round table” devoted to the “Constitutional legal basis of the integration of the Crimea and Sevastopol into the Russian Federation: reality, trends”.

Keywords: Russia, Crimea, Sevastopol, Constitution, constitutional order, integration, constitutionalism.

Заочный круглый стол «Интеграция Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию» представлен 15-ю статьями, в которых освещается ряд проблем, предложенных кафедрой для обсуждения.

За 3 года нахождения Крыма в составе Российской Федерации была проведена масштабная и трудоемкая работа по интеграции Республики Крым и г. Севастополя в единое правовое, экономическое, социальное пространство России. Как отметил Президент РФ В.В. Путин на пленарном заседании межрегионального форума Общероссийского народного фронта «Форум действий. Крым» в Ялте 26 октября 2016 г., это оказалось непростой работой. В сжатые сроки сняты вопросы энергетической, водной блокады полуострова, хорошими темпами идет строительство транспортного перехода через Керченский пролив. Президент РФ выразил надежду, что и подходы к мосту и все объекты сопутствующей инфраструктуры также будут сделаны качественно и сданы в срок.

В реализации этих проектов, решении других насущных вопросов важную роль сыграл оптимистический настрой самих жителей Крыма и Севастополя, их энергия, нацеленность на результат. Понятно, что этого недостаточно. Некоторые проблемы еще не решены. Многие из них копились годами, если не сказать десятилетиями. В первую очередь необходимо сосредоточиться на самых наболевших вопросах: на модернизации социальной инфраструктуры, обновлении транспортной сферы, создании новых рабочих мест. При этом необходимо грамотно распределять финансовые ресурсы, добиваться того, чтобы вложенные средства давали максимальную отдачу. Крайне важно слышать мнение людей, понимать, какие вопросы их больше волнуют, получать обратную связь. Без этого меры по развитию региона не будут в полной мере эффективными¹.

© Кабышев Владимир Терентьевич, 2017

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (Саратовская государственная юридическая академия)

Интеграционный процесс — это многогранное, многоаспектное явление. Авторы осветили ряд чрезвычайно интересных, актуальных проблем не только для новых субъектов, но и для других субъектов РФ в частности, а также для Российской Федерации в целом.

В статье профессора **Т.В. Заметиной** (Вестник СГЮА. 2017. № 1 (114)) анализируются конституционно-правовые вопросы интеграции Крыма и Севастополя в социально-экономическую сферу России, правового регулирования и реализации социально-экономических прав граждан, вопросам адаптации экономики новых субъектов в общероссийскую, экономическую и правовую системы.

Анализируя многочисленные правовые акты, принятые новыми субъектами в данной сфере и мониторинг их реализации автор обозначила ряд тенденций, требующих особого внимания как со стороны органов власти Крыма, Севастополя, так и федеральных.

В статье доцента кафедры конституционного и муниципального права МГЮУ имени О.Е. Кутафина **С.В. Кабышева** «Институт муниципального омбудсмена: зарубежный опыт и его применимость в Республике Крым» (Вестник СГЮА. 2017. № 1 (114)) рассматриваются промежуточные результаты реорганизации системы местного самоуправления в Республике Крым в связи с ее вхождением в состав Российской Федерации. Делается вывод о необходимости поиска дополнительных мер, направленных на повышение эффективности местного самоуправления. В качестве одной из таких мер предлагается рассмотреть возможность использования в Крыму института муниципального омбудсмена. По мнению автора, это позволит установить на муниципальном уровне особый этический режим доверия между органами местного самоуправления и населением с целью повышения эффективности и качества предоставляемых муниципальных услуг. Формулируются основные принципы организации и деятельности уполномоченного по защите прав местного самоуправления, которые могли быть закреплены в соответствующем нормативном акте.

Доцент **И.Н. Плотникова** затрагивает весьма интересную проблему особенностей правового регулирования и реализации конституционного права на предпринимательскую деятельность в Республике Крым и г. Севастополе в связи с созданием свободной экономической зоны (СЭЗ) на их территориях.

По мнению автора, создание СЭЗ для Российской Федерации оказалось делом довольно трудным в силу ряда причин исторического и социально-экономического характера. Учитывая уникальность рекреационно-курортных особенностей и особого геополитического положения Крыма в настоящее время чрезвычайно актуальной является разработка различных направлений инвестиционной политики для Республики Крым.

В статье **И.А. Шестерякова** и **И.В. Шестеряковой** анализируются вопросы правового регулирования труда в новых субъектах РФ. Авторы раскрывают механизм коллизий применения норм трудового права, действовавших на территории Крыма до принятия его в Российскую Федерацию и после вхождения Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а также гарантии обеспечения трудовых прав крымчан в современных условиях.

Ю.В. Ким исследует крымскую проблему в аспекте территориальной организации государства в контексте проблем геополитической ситуации, обозначившейся в ходе возвращения в Российскую Федерацию Республики Крым. Он

подчеркивает, что данная проблема носит междисциплинарный характер, и затрагивает при этом федеративное устройство России, региональную политику. Особую специфику приобретает функционирование механизмов организационно-управленческого и конституционно-правового обеспечения государственного устройства России.

Большой интерес вызывает статья **А.В. Мещерякова**, посвященная проблемам российского гражданства и конституционализации статуса личности в Крыму. Ситуация с фактическим признанием Крымского полуострова оказалась неоднозначной. Нестыковки и противоречия в нормативно-правовом аспекте, динамизм миграционных процессов в новых субъектах РФ плюс организационно-кадровые проблемы миграционной службы — все это создает проблемы в обеспечении конституционного статуса личности в Крыму.

Деятельность органов управления в свободной экономической зоне новых субъектов анализирует **Е.В. Комбарова**.

В статье **Н.В. Тупикова** (Вестник СГЮА. 2017. № 1 (114)) «Реализация права собственности в конституционном строе Республики Крым и города Севастополя» раскрываются особенности реализации права собственности в различных аспектах конституционного строя Республики Крым и г. Севастополя. Анализируются факторы правовой неопределенности в регулировании собственности на их территории.

Анализ развития институтов гражданского общества Крыма и Севастополя в условиях интеграции их в российское государственное пространство проводит **С.А. Сусликов**.

Развитию туристической деятельности и нормативно-правовому регулированию данных отношений в Республике Крым и г. Севастополе посвящена статья **Е.А. Отставновой**.

В статье **Т.В. Троицкой** рассматривается становление избирательного законодательства в Республике Крым и г. Севастополе, обозначаются перспективы его дальнейшего развития.

И.А. Зырянов выдвигает интересные и убедительные аргументы в пользу учреждения Конституционного Суда в Республике Крым.

В статье **Н.П. Сергеевой** анализируются конституционно-правовые основы взаимодействия Общественных палат Республики Крым и г. Севастополя с органами государственной власти новых субъектов РФ, показано значение экспертной работы палат в законодательном процессе органов публичной власти данных субъектов РФ, высказываются предложения по развитию институтов гражданского общества.

Л.Г. Берлявский обращает внимание на возрождение концепций националистической, русофобской направленности в современной Украине, ставящей цель оказать деструктивное воздействие на процессы интеграции Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию.

Необходимо отметить, что проблема интеграции Крыма многоплановая и неоднозначная. Во-первых, главное, как отмечает вице-премьер Республики Крым и постпред при Президенте России Г. Мурадов, это воссоединение Крыма с Россией — историческое событие, ибо исторически Крым — духовный исток России. Но нам (Крыму) сегодня недостает — это консолидированного входа в Крым российских банковских структур и корпораций с государственным участием. Крымчане уже привыкли быть российскими. Но есть и разочаровавшиеся

в российском выборе Крыма. В основном разочарованные — это украинские националисты, последователи Степана Бандеры и представители европейского истеблишмента, которые все никак не могут успокоиться. Этот психологический фактор нельзя сбрасывать².

Во-вторых, что касается вопросов интеграции Крыма в Россию, отметил В.В. Путин на пресс-конференции 23 декабря 2016 г., то ему предоставлены в целом очень льготные, с точки зрения российского законодательства, режимы, свободные экономические зоны. Но оказалось, что и юридически это сложно (быстрая интеграция), и экономически. Денежными средствами, представляемыми Российской Федерацией, нужно еще грамотно распорядиться. Есть проблема для местных властей, им сложно понять, как эти процессы должны вписаться в законодательство РФ, в административные процедуры. Для этого потребуется время³.

В-третьих, одной из причин замедления (или пробуксовки) интеграционных процессов в Крыму является реорганизация системы местного самоуправления. Именно развитие муниципальной демократии в Крыму как первичной базовой формы осуществления населением своей власти будет являться важным направлением интеграции Крыма в Российскую Федерацию⁴.

В-четвертых, интеграция Крыма зависит в немалой степени от состояния экономики Российской Федерации в целом и от существующего ныне дисбаланса социально-экономического положения регионов. Процесс формирования устойчивой системы федеративных отношений и эффективного самоуправления пока нельзя назвать завершенным. Так, общие доходы пяти самых богатых регионов в 43 раза превышают доходы самых бедных регионов⁵.

К сожалению, ряд проблем, предложенных кафедрой в информационном письме для обсуждения, остались без внимания, в частности вопросы, касающиеся свободной экономической зоны на территории Республики Крым и г. Севастополя. Они ждут своих исследователей.

¹ URL: <http://kremlin.ru/events/presidents/news53148> (дата обращения: 12.04.2017).

² См.: *Зубов М.* Три года в составе России // Московский комсомолец. 2017. 16 марта.

³ URL: <http://kremlin.ru/events/presidents/news53573> (дата обращения: 14.04.2017).

⁴ См.: *Кабышев С.В.* Конституционная социология местного самоуправления в Крыму // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5(108). С. 23–29.

⁵ См.: *Латухина Кира.* Территория единства // Российская газета. 2016. 23 сент.

М.Б. Добробаба

ПРОБЛЕМА СВЯЗИ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА В СЛУЖЕБНО-ДЕЛИКТНЫХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

В статье на основе выявления места служебно-деликтных дисциплинарных правоотношений в системе публичных правоотношений исследуется вопрос общетеоретической связи таких элементов их структуры, как объект и предмет.

Ключевые слова: объект правоотношения, предмет правоотношения, служебное правоотношение, служебно-деликтное дисциплинарное правоотношение, публичный интерес, служебно-дисциплинарная ответственность, государственные (муниципальные) служащие.

M.B. Dobrobaba

THE PROBLEM IS COMMUNICATION TO THE OBJECT AND THE MATTER OF SERVICE-DELICTUAL DISCIPLINARY LEGAL RELATIONSHIPS

The article on the basis of identifying the place of service-delictual disciplinary legal relations in the system of public relations explores the general theoretical connection of such elements in their structure as object and subject.

Keywords: the object of relationship, the subject of relationship, public relations, administrative relations, public service relationship, service-delictual disciplinary legal relationship, public interest, service-disciplinary responsibility, civil servants, municipal servants.

Служебно-деликтные дисциплинарные правоотношения являются разновидностью служебных правоотношений в системе публичных правоотношений, существенная особенность которых заключается в том, что они возникают в связи с совершением дисциплинарных проступков (служебно-дисциплинарных деликтов) государственными (муниципальными) служащими¹. Исследование данного вида правоотношений требует анализа элементов их структуры, одним из которых является их объект и установление его связи с предметом служебно-деликтных дисциплинарных правоотношений.

В настоящее время можно выделить две основных позиции по вопросу о том, что является объектом правоотношения. Так, сторонники первой точки зрения в качестве объекта правоотношения называют любые материальные или нематериальные блага, на которые направлено поведение всех его участников, осуществляемое в рамках их прав и обязанностей². При этом, по мнению авторов, объект правоотношения связывает его субъектов, поскольку именно к

нему обращены интересы каждой из сторон правоотношения. По мнению другой группы авторов, определяющим для выделения объекта правоотношения является управомоченное лицо, поскольку его интересами обуславливается объект правоотношения³.

Анализ служебного законодательства позволяет сделать вывод о том, что в ряде случаев право государственного (муниципального) органа одновременно сформулировано и как его обязанность, поэтому объект публичного правоотношения отвечает интересам не только управомоченной, но и обязанной стороны. Данной позиции придерживается и М.В. Карасева, проводя анализ объекта финансового правоотношения как одной из разновидностей публичных правоотношений⁴.

Представляется, что под объектом публичного правоотношения следует понимать то, на что направлено поведение его участников, обусловленное их интересами в рамках принадлежащих им субъективных прав и обязанностей⁵. Примечательно, что, несмотря на то, что категория «интерес» давно используется в зарубежном праве, она лишь относительно недавно стала восприниматься российскими учеными в качестве обязательного элемента структуры публичных правоотношений⁶.

Следует отметить, что в случае отсутствия разумного баланса публичных и частных интересов возникает конфликт интересов, наличие которого может привести к спорам в сфере государственного (муниципального) управления. Появившись впервые в российском законодательстве применительно к законодательству о предпринимательской деятельности, в настоящее время понятие «конфликт интересов» широко используется в служебном законодательстве, что обусловлено необходимостью предотвращения влияния на государственного (муниципального) служащего частных интересов, препятствующих исполнению им своих служебных обязанностей.

Анализ научной административно-правовой литературы позволяет сделать вывод, что в отличие от цивилистов представители административно-правовой науки в большей степени склонны выделять монистический объект правоотношения, а именно действия или поведения людей. Если принять за основу такой подход в отношении служебно-деликтных дисциплинарных правоотношений, то неправомерное поведение будет выступать в двух ипостасях: как основание возникновения правоотношений и как его объект, что в принципе невозможно. Что касается плюралистического подхода к объекту административно-правовых отношений, то подобная позиция не нашла широкой поддержки среди ученых. Таким образом, правомерно утверждать, что объектом административных правоотношений является поведение сторон, обусловленное их интересами в рамках принадлежащих им субъективных прав и обязанностей, а вещи и иные материальные и личные нематериальные блага — это предмет правоотношения.

Являясь разновидностью административных правоотношений, служебные правоотношения отличаются особенностью объекта, детерминированной спецификой интереса каждой из сторон этих правоотношений, которая заключается в том, что государственные (муниципальные) служащие участвуют в служебных правоотношениях не ради достижения собственных целей, а для реализации задач и функций государства (муниципального образования). В связи с обозначенной позицией не согласимся с мнением С.Е. Чаннова, считающего, что объектом любого, в т.ч. служебного правоотношения, является воля сторон право-

отношений к совершению тех или иных действий⁷. На наш взгляд, в практике реализации служебных правоотношений вполне может сложиться ситуация, при которой воля субъекта служебного правоотношения (связанная, например, с установкой совершить служебно-дисциплинарный деликт) не будет реализована в т.ч. по ряду объективных обстоятельств, в таком случае служебно-деликтное дисциплинарное правоотношение не возникает.

Следует учитывать, что служебно-деликтные дисциплинарные правоотношения относятся к правоотношениям юридической ответственности, что, несомненно, накладывает отпечаток на особенности их объекта. Соответственно, переводя вопрос об объекте правоотношения в плоскость реализации норм служебного права, регулирующих служебно-деликтные дисциплинарные отношения, можно утверждать, что объект служебно-деликтных дисциплинарных правоотношений, являясь объектом интереса его участников, имеет отношение к целям, поставленным перед дисциплинарным производством, в рамках которого осуществляется привлечение государственных (муниципальных) служащих к служебно-дисциплинарной ответственности в соответствии с принадлежащими им субъективными правами и обязанностями. При этом следует иметь в виду, что т.к. в публичном интересе заключается общее благо, обладание которым ценно для каждого индивида, ограничение прав и свобод государственных (муниципальных) служащих вполне возможно, исходя из публичных интересов. В таком соотношении частного и публичного интереса заключается социальная справедливость. Ограничение права производится в пользу общего блага, значит, и блага лица, права которого ограничиваются.

При исследовании предмета служебно-деликтных дисциплинарных правоотношений следует признать, что научная категория «предмет правоотношения» достаточно редко является объектом исследования ученых. Анализ существующих в юридической науке взглядов на данную проблему позволяет сделать вывод, что отдельные авторы вообще не разграничивают объект и предмет правоотношения, что объясняется их приверженностью к той или иной теории объекта правоотношения: монистической или плюралистической⁸.

Многие авторы, исследовавшие проблемы теории правоотношений, никак не выражают своего мнения относительно разграничения объекта правоотношения и его предмета, однако предлагают различать объект правового регулирования и объект правоотношения; объект правоотношения и объект права; объект правоотношения и объект прав и обязанностей. Подобная позиция В.В. Денисенко⁹, анализирующего предмет деликтного правоотношения, объясняется либо приверженностью идее о тождестве понятий «объект» и «предмет»¹⁰, либо, напротив, невозможностью их синонимизации, указывает на различные аспекты соотношения между ними¹¹. Действительно, с одной стороны, понятие «объект» (в переводе с латинского — *objectum*) буквально означает предмет, с другой — «предмет» есть категория, обозначающая некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой жизни и познания. В этой связи необходимо учитывать, что понятие предмет часто употребляют в менее строгом смысле, отождествляя его с понятием объекта или вещи¹².

Представляется, что предмет правоотношения является реализованным, индивидуально-конкретизированным выражением объекта правоотношения. Эффективное функционирование системы государственного (муниципального) управления возможно лишь в условиях обеспечения соблюдения служебной

дисциплины в системе государственной (муниципальной) службы. Как отмечает К.А. Павленко, высокий уровень служебной дисциплины — показатель здоровой атмосферы в коллективе, один из факторов обеспечения его эффективной работы, в свою очередь, низкие показатели соблюдения служебной дисциплины — признак наличия отрицательного влияния на его функционирование¹³.

Являясь принципом и самостоятельным институтом служебного права, категория «служебная дисциплина» одновременно может рассматриваться также и как элемент служебных правоотношений. В последнем аспекте субъективное свойство служебной дисциплины проявляется в следующем: 1) установлении должного поведения конкретных служащих в их служебной деятельности, индивидуализации (персонификации) их служебных обязанностей в должностном регламенте, заключенном служебном контракте; 2) фактическом поведении сторон служебного правоотношения, охватываемом правовым воздействием, уровнем соблюдения государственными (муниципальными) служащими служебного распорядка государственного (муниципального) органа.

Анализируя объект посягательства дисциплинарных проступков гражданских служащих, А.В. Сергеев указывает на их сложную природу. По его мнению, помимо отношений по поддержанию служебной дисциплины конкретного государственного органа, дисциплинарные проступки могут посягать на интересы всей государственной службы в целом, а также затрагивать частные интересы граждан и организаций¹⁴. В целом, соглашаясь с автором, в то же время следует отметить, что в данном утверждении им не проводится теоретическое разграничение понятий «объект» и «предмет служебно-деликтного дисциплинарного правоотношения».

Таким образом, определив объект служебно-деликтного дисциплинарного правоотношения как круг интересов его участников, направленный на обеспечение функционирования эффективной системы государственного (муниципального) управления, создание административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной (муниципальной) службы, с одной стороны, и защиту личности государственного (муниципального) служащего — с другой, учитывая, что предмет правоотношения является реализованным, индивидуально-конкретизированным выражением объекта правоотношения, предмет служебно-деликтного дисциплинарного правоотношения можно определить как соблюдение служебной дисциплины в аппарате конкретного государственного органа.

¹ См.: Добробаба М.Б. Служебно-деликтные правоотношения / под ред. Е.Б. Лупарева. М., 2013.

² См., например: Дудин А.П. Объект правоотношения (вопросы теории). Саратов, 1980. С. 68; Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 1995. С. 405; Основин В.С. Государственно-правовые отношения. М., 1965. С. 63; Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 136 и др.

³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 157; Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. М., 1958. С. 137–140; Алексеев С.С. Указ. раб. С. 157.

⁴ См.: Карасева М.В. Финансовое правоотношение. М., 2001. С. 142.

⁵ См.: Лупарев Е.Б., Добробаба М.Б., Мокина Т.В. Общая теория публичных правоотношений. М., 2011. С. 58.

⁶ См., например: Мальцев В.А. Интересы субъектов правоотношений в сфере обеспечения безопасности: мировой и отечественный опыт // Юридические записки: сборник научных трудов. Вып. 22: Демократия и правовая система России: преимущества, достижения и противоречия. Воронеж, 2009. С. 130–148.

⁷ См.: Чаннов С.Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение. М., 2009. С. 52.

⁸ См.: Лупарев Е.Б., Добробаба М.Б., Мокина Т.В. Указ. раб. С. 38–58.

⁹ См.: Денисенко В.В. Системный анализ административно-деликтных отношений / под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2001. С. 153.

¹⁰ См., например: *Васильев А.Н.* Преступления против социалистической собственности. М., 1959. С. 19; *Герцензон А.А.* Уголовное право. Часть Общая. М., 1948. С. 291; *Михайлов М.П.* Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой. М., 1958. С. 42; *Никифоров В.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 130–132; *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении. М., 1961. С. 143; *Самощенко И.С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 121.

¹¹ См., например: *Кудрявцев В.Н.* О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву. Труды Военно-юридической Академии. М., 1951. Вып. 13; *Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева.* Н. Новгород, 1993; *Портнов И.П.* Современные подходы к решению проблемы объекта и предмета профилактики преступности // Государство и право. 1996. № 6; *Уемов А.И.* Вещи, свойства, отношения. М., 1963.

¹² См.: *Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др.* 2-е изд. М., 1989. С. 437, 505.

¹³ См.: *Павленко К.А.* Служебная дисциплина в системе правоохранительной службы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. С. 3.

¹⁴ См.: *Сергеев А.В.* Актуальные вопросы ответственности государственных гражданских служащих по административному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Е.П. Захарова

ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ТУРИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В РОССИЙСКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена анализу научных подходов к пониманию сущности туристской деятельности как объекта административно-правового регулирования. Дается расширительное толкование туристской деятельности.

Ключевые слова: туризм, туристская деятельность, объект административно-правового регулирования.

E.P. Zakharova

QUESTIONS THE DEFINITION OF “TOURIST ACTIVITIES” IN RUSSIAN ADMINISTRATIVE LAW

The article is devoted to the analysis of scientific approaches to understanding the nature of tourism as an object of administrative and legal regulation. Given expansive interpretation of tourist activity.

Keywords: tourism, tourist activity, the object of administrative and legal regulation.

Современное российское и международное законодательство в сфере туризма содержит большое количество терминов и понятий, ключевыми из которых следует считать понятия «туризм» и «туристская деятельность».

Правовая природа любого явления или процесса всегда отражается в его определении. Термин «туризм» пришел в русский язык из французского диалекта (от фр. *tour*), что переводится как прогулка, путешествие. В настоящее время существует более 200 определений туризма, в которых он рассматривается с разных позиций.

Следует отметить, что понятие «туристская деятельность» в российской правовой науке появилось сравнительно недавно, с принятием Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в

© Захарова Елена Петровна, 2017

Преподаватель кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: E_Zacharova2410@mail.ru

Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2016г.)¹ (далее — Закон о туристской деятельности). До этого момента его невозможно было отыскать ни в одном русском словаре. Толковый словарь В.И. Даля, Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона, Большой энциклопедический словарь и другие содержат в себе лишь толкование термина «туризм», но не «туристская деятельность». Если обратиться к материалам международных документов, таких как Всеобщая декларация прав человека, Манильская декларация по мировому туризму, Хартия туризма и другим, то в них также нет упоминания о туристской деятельности.

Впервые о туристской деятельности было заявлено в Гаагской декларации межпарламентской конференции по туризму, которая призывала парламенты, правительства, государственные и частные организации, ассоциации и учреждения, отвечающие за туристскую деятельность, тщательно учитывать ее принципы и основываться на них в своей деятельности². Кроме того, под туризмом здесь понимался особый вид деятельности, включающий в себя любые свободные перемещения людей от места проживания и работы с целью удовлетворения своих потребностей в отдыхе. Представляется, что данная декларация под «особым видом деятельности» подразумевала именно туристскую деятельность в контексте туризма, т.е. рассматривала эти два понятия как синонимы.

Вполне обоснована точка зрения Е.Л. Писаревского, который призывает отграничивать категорию «туризм» от смежных понятий, таких как «туристская индустрия», «организованный отдых», «туристско-рекреационная деятельность» и др. При этом случайно либо целенаправленно автор не причисляет туристскую деятельность к подобным смежным категориям и делает акцент на то, что в реальной действительности зачастую эти явления и процессы совпадают³.

Примечательно, что исследованием вопросов сферы туризма российская правовая наука начала с середины XX в., когда в СССР широкое распространение получил не только внутренний туризм, но и выездной, хотя он был на тот момент достаточно идеологизированным. С 1970 по 1990 г. сфера туризма характеризуется административно-нормативной направленностью. В этот период в стране появляются научно-исследовательские центры по изучению проблем туризма. Первоначально сфера туризма рассматривалась как публично-правовая категория, поскольку осуществлением туристской деятельности занимались исключительно государственные организации и учреждения. С распадом СССР фактически рухнула единая система туристско-экскурсионного обслуживания населения, что привело в упадок всю отрасль. С начала 90-х гг. и в настоящее время туризм и вся деятельность, с ним связанная, в трудах российских ученых позиционируется как частноправовая категория. В целом можно согласиться с мнением Е.Л. Писаревского, который отмечает недостаточность научной разработки понятийного аппарата туризма как межотраслевого объекта государственного регулирования⁴. Таким образом, для более полного и комплексного изучения такой сложной категории, как туристская деятельность, необходим системный подход.

Бесспорный интерес для научного исследования представляют мнения зарубежных авторов по вопросам туризма. Известный швейцарский специалист в этой области профессор К. Каспар позиционирует туризм как сочетание двух внутренних подсистем — субъектов туризма, под которыми он понимает потребителей туристских услуг, т.е. самих туристов и объектов туризма (к ним

автор причисляет организации и предприятия, осуществляющие туристскую деятельность)⁵. Напрашивается вывод о комплексном характере туризма, который включает в себя туристскую деятельность. Туризм здесь рассматривается как целое, а туристская деятельность — как его часть.

Обратимся к толкованию туристской деятельности в законодательстве иностранных государств. Так, Закон Республики Казахстан от 3 июля 1992 г. «О туризме» в отличие от Закона РФ называет данную деятельность не туристской, а туристической, под которой он понимает организацию туристических и экскурсионных поездок и походов, оказание всех видов туристических услуг, производство и реализацию товаров туристского назначения и другой продукции, осуществляемую в соответствии с основными уставными задачами субъектов данной деятельности⁶.

Закон о туризме Республики Беларусь от 25 ноября 1999 г. рассматривает туристскую деятельность как туроператорскую и турагентскую деятельность, а также деятельность общественных туристских объединений, детско-юношеских туристских учреждений, учебных заведений и предприятий по организации путешествий⁷. Таким образом, прослеживается связь с законодательством РФ о туристской деятельности как деятельности туроператоров и турагентов. Однако в отличие от закона РФ в данном Законе раскрывается суть иной деятельности по организации путешествий и определяется круг ее субъектов. Кроме того, в Законе отсутствует двусмысленность в отнесении туристской деятельности к разновидности предпринимательской.

Ряд авторов рассматривают туристскую деятельность непосредственно как вид предпринимательской деятельности, хотя законодатель прямого указания на это не дает. Так, А.А. Муталиева называет следующие признаки туристской деятельности, характеризующие ее как предпринимательскую:

главная цель — систематическое получение прибыли от оказания туристских услуг;

самостоятельность;

осуществление данной деятельности «на свой страх и риск»;

государственная регистрация субъектов туристской деятельности⁸.

Нельзя согласиться с суждением автора, который называет систематическое получение прибыли от оказания туроператором и турагентом туристских услуг главным отличительным признаком туристской деятельности как вида предпринимательской деятельности. Поскольку законодатель не устанавливает жестких требований к организационно-правовым формам деятельности туроператоров и турагентов, ими могут быть как коммерческие организации, так и некоммерческие, а главной целью деятельности последних не является извлечение прибыли. Так, например, из смысла ст. 4.1 Закона о туристской деятельности следует, что в целях решения социальных задач деятельность по организации путешествий в пределах территории Российской Федерации по установленным государственным ценам вправе осуществлять государственные и муниципальные учреждения, которые в соответствии с п. 8 ч. 3 ст. 50 Гражданского кодекса РФ⁹ признаются некоммерческими организациями.

Кроме того, вполне обосновано мнение А.Я. Курбатова, который не соотносит государственную регистрацию с признаками туристской деятельности как вида предпринимательской деятельности, а называет ее лишь обязательным требованием к осуществлению данной деятельности¹⁰.

С другой стороны, из смысла ст. 11 Закона о туристской деятельности, посвященной объединениям туроператоров и турагентов, следует, что законодатель все же причисляет данную деятельность к предпринимательской: «Туроператоры и турагенты в целях координации их предпринимательской деятельности, а также представления и защиты общих имущественных интересов могут создавать объединения в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Таким образом, прослеживается отсутствие единства в законодательном определении туристской деятельности и видится необходимость в более детальной формулировке данного понятия с целью устранения существующих противоречий и разночтений для правоприменителя.

Вернемся к вышеупомянутому Закону, который впервые закрепил законодательное определение туристской деятельности. В ст. 1 под туристской деятельностью понимается туроператорская и турагентская, а также иная деятельность по организации путешествий. Туроператорская деятельность направлена на формирование, продвижение и реализацию туристского продукта, т.е. включает в себя весь спектр работ по организации путешествий: поиск туров, маршрутов; перевозка, размещение туристов (формирование туристского продукта); информационное обеспечение деятельности, реклама (продвижение туристского продукта); собственно продажа тура (реализация туристского продукта). Турагентская деятельность исключает формирование туристского продукта, она направлена на его продвижение и реализацию. Закон не раскрывает суть «иной деятельности по организации путешествий». Представляется, что под такой деятельностью следует понимать любую деятельность физических и юридических лиц, в т.ч. посредническую, по реализации конституционных прав граждан на отдых, свободу передвижения и иных прав при совершении путешествий, кроме деятельности, направленной на формирование, продвижение и реализацию туристского продукта. Данная деятельность, на наш взгляд, осуществляется миграционными органами и состоит в выдаче заграничных паспортов и туристских виз; в санитарно-эпидемиологической поддержке туристов; в продаже и обмене иностранной валюты; в продаже и бронировании билетов на различные виды транспорта, в работе инструктора-проводника, а также оказании экстренной помощи в случае эвакуации туриста и т.д. Из этого следует, что туристская деятельность может носить не только системный, но и разовый характер. Таким образом, в целях дальнейшего недопущения возникновения коллизий в правоприменительной практике видится необходимым на законодательном уровне четко регламентировать данное понятие — «иная деятельность по организации путешествий». Кроме того, логичным, представляется законодательная детализация организаций и лиц, осуществляющих «иную деятельность», перечень которых может быть открытым.

Также законодатель не дает нам легальных определений туроператора и турагента, которые выступают обязательными (основными) субъектами туристской деятельности. Из смысла ст. 1 Закона о туристской деятельности следует, что туроператор — это юридическое лицо, имеющее установленное законодательством финансовое обеспечение и осуществляющее деятельность по формированию, продвижению и реализации туристского продукта, т.е. комплекса услуг по перевозке и размещению туристов в соответствии с договором о реализации туристского продукта. Следовательно, обязательным условием осуществления

туроператорской деятельности является получение финансового обеспечения, размер которого устанавливается в договоре страхования ответственности туроператора либо банковской гарантией исполнения обязательств по договору о реализации туристского продукта. Для туроператоров, осуществляющих туристскую деятельность в сфере внутреннего или въездного туризма, размер финансового обеспечения не может быть менее 500 тыс. руб. Для туроператоров, осуществляющих туристскую деятельность в сфере выездного туризма, сумма финансового обеспечения определяется законом и предполагает два варианта:

не менее 30 млн руб. в случае, если денежные средства, полученные от реализации туристского продукта, составляют не более 250 млн руб. за отчетный период, а также в случае применения туроператором упрощенной системы налогообложения;

12% от объема денежных средств, полученных от реализации туристского продукта туроператором, если денежные средства, полученные от реализации туристского продукта, составляют более 250 млн руб. за отчетный период.

В случае если туроператоры в сфере выездного туризма не осуществляли туристскую деятельность в отчетном периоде, размер их финансового обеспечения не может быть менее 30 млн руб.

Только при наличии установленного размера финансового обеспечения сведения о туроператоре вносятся в Единый федеральный реестр туроператоров. Формирование и ведение реестра возложены Законом о туристской деятельности на уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, а именно, федеральное агентство по туризму (далее — Ростуризм). Реестр представляет собой некую федеральную государственную информационную систему, содержащую сведения о туроператоре на электронном и бумажном носителях в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (в ред. 19 декабря 2016 г.)¹¹. Туроператоры, сведения о которых не включены в реестр либо исключены из него, не вправе осуществлять туроператорскую деятельность на территории Российской Федерации.

Турагент — это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющий деятельность по продвижению и реализации туристского продукта, произведенного туроператором.

В юридической литературе в качестве обособленных объектов административно-правового регулирования все чаще рассматриваются области, отрасли, сферы, межотраслевые и отраслевые комплексы¹². Поэтому представляется, что туристскую деятельность можно определить как сферу административно-правового регулирования, а именно совокупность организационных отношений, а также деятельность специально уполномоченных органов исполнительной власти по осуществлению межотраслевого регулирования.

Исследование туристской деятельности как объекта административно-правового регулирования позволяет обозначить следующие ее основные признаки:

направленность на реализацию конституционных прав граждан на отдых, свободу передвижения и других прав при совершении путешествий;
является разновидностью предпринимательской деятельности;

представляет собой деятельность туроператора и турагента по организации путешествий, включает в себя формирование, продвижение и реализацию туристского продукта;

носит межотраслевой характер и регулируется нормами различных отраслей права: административного, гражданского, конституционного, налогового, финансового, земельного и др.

контроль и надзор за деятельностью осуществляет уполномоченный орган исполнительной власти — Министерство культуры РФ, а также органы межотраслевой компетенции (Росстат, Роспотребнадзор, Ростехнадзор и др.).

Изучив и проанализировав закрепленные в законодательстве и научной литературе подходы к определению понятия «туристская деятельность», следует рассматривать эту деятельность в двух аспектах и прийти к выводу о ее комплексном характере.

В широком смысле туристская деятельность — это социально-правовая категория, включающая в себя обширный спектр общественных отношений по реализации прав граждан на отдых, свободу передвижения и иных прав при совершении путешествий, возникающих между любыми субъектами, участвующими в организации отдыха и путешествий, с одной стороны, и туристами, с другой стороны. В этом аспекте данные отношения регулируются, прежде всего, нормами конституционного, гражданского, трудового права.

В узком смысле как организационно-правовая категория туристская деятельность — это закрепленная в ст. 1 Закона о туристской деятельности туроператорская и турагентская деятельность, а также иная деятельность по организации путешествий. При этом Закон подчеркивает, что государство признает ее в качестве одной из приоритетных отраслей экономики, активизирующей развитие не только социальных, но и экономических отраслей: торговли, транспорта, промышленности, связи и информации и т.д., которой присуще межотраслевое административно-правовое регулирование.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 49, ст. 5491; 2017. № 1, ч. 1, ст. 6.

² См.: «Гаагская декларация межпарламентской конференции по туризму 1989 г.» (вместе с Конкретными выводами и рекомендациями) (принята в г. Гааге 10 – 14 апреля 1989 г.). URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/14300> (дата обращения: 28.01.2016).

³ См.: *Писаревский Е.Л.* Туризм и обеспечение его безопасности: административно-правовой аспект. М., 2011.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: История туризма. URL: <http://www.mango-travel.ru/polezno/14> (дата обращения: 11.01.2015).

⁶ URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?all=all&dok=00158> (дата обращения: 22.01.2015).

⁷ URL: <http://www.cruise.by/law.phtml?id=5> (дата обращения: 22.01.2016).

⁸ См.: *Муталиева А.А.* Туристская деятельность как вид предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. 2006. № 2. С. 21–26.

⁹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ (в ред. от 7 февраля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2017. № 7, ст. 1031.

¹⁰ См.: *Курбатов А.Я.* Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М., 2001. С. 136–137.

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448; 2016. № 52, ч. 5, ст. 7491.

¹² См., например: Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М., 2016. С. 27.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Д.А. Формакидов

СОГЛАШЕНИЕ О ВСЕЛЕНИИ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ДОГОВОРА В ЖИЛИЩНОМ ПРАВЕ

В статье рассмотрены ключевые вопросы правовой регламентации соглашения о вселении членов семьи в жилое помещение. Обращается внимание на независимость от договора ссуды соглашений о вселении членов семьи в жилое помещение.

Ключевые слова: жилое помещение; соглашение о вселении членов семьи в жилое помещение; жилищное право; жилищное законодательство; гражданское законодательство; субъекты жилищных правоотношений.

D.A. Formakidov

THE AGREEMENT ON INSTALLATION OF MEMBERS OF FAMILY AS AN INDEPENDENT VERSION OF THE CONTRACT IN THE HOUSING RIGHT

In clause key questions of a legal regulation of the agreement on installation of members of family in premises are considered. Pays attention to independence of the contract of the loan of agreements on installation of members of family in premises.

Keywords: premises; the agreement on installation of members of family in premises; the housing right; housing law; civil law; subjects of housing relations.

Правовому положению членов семей собственников, нанимателей, поднанимателей, пайщиков жилищных кооперативов всех разновидностей посвящено в юридической литературе немало публикаций. Это связано в первую очередь с тем, что большое количество наших граждан удовлетворяют свои жилищные потребности как раз посредством проживания в жилом помещении на правах члена семьи того или иного субъекта жилищных правоотношений. К сожалению, за рамками исследований в указанной области зачастую остаются вопросы, связанные с правовой регламентацией самого соглашения о вселении членов семьи в жилое помещение. Подобное игнорирование исследования правовой природы соглашений о вселении членов семьи представляется неоправданным. В первую очередь это обусловлено важностью самого соглашения о вселении как первоначального юридического факта, приводящего к возникновению у гражданина права пользования жилым помещением в качестве члена семьи. Кроме того, соглашение о вселении члена семьи собственника жилья в отличие

© Формакидов Дмитрий Анатольевич, 2017

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»); e-mail: formakidov@yandex.ru

от соглашений о вселении членов семьи нанимателя, поднанимателя, пайщика может содержать указание на объем прав и обязанностей, возникающих у членов семьи собственника в результате вселения в жилое помещение.

Следует отметить, что само по себе право пользования жилым помещением у членов семьи возникает на основании сложного юридического состава: фактического вселения в качестве члена семьи и заключения соглашения о вселении в жилое помещение¹.

Остановимся на исследовании правовой природы соглашений о вселении членов семей нанимателей, поднанимателей, собственников и пайщиков жилищных, жилищно-строительных и жилищных накопительных кооперативов (далее — ЖК, ЖСК, ЖНК).

Первый вопрос, на который следует ответить при рассмотрении характера соглашений о вселении членов семьи, это соотношение данных соглашений с договором безвозмездного пользования жилым помещением: является ли соглашение о вселении членов семьи договором о безвозмездном пользовании жилым помещением (договором ссуды) либо его разновидностью, либо эти соглашения образуют самостоятельный институт жилищного права.

Безусловно, безвозмездный характер пользования жилым помещением сближает ссудополучателей и членов семей, однако это единственное общее, что можно найти в их правовом статусе. Малоимущие наниматели жилых помещений по договорам социального найма также пользуются жилыми помещениями безвозмездно. При этом ни у кого не возникнет мысль относить договор социального найма к разновидности договора безвозмездного пользования. Различные юридические факты лежат в основании пользования помещениями; различные права, обязанности и ответственность; различные предпосылки для заключения договоров найма, ссуды, соглашений о вселении членов семьи.

В пользу независимости от договора ссуды соглашений о вселении членов семьи следует привести следующие аргументы.

Системный анализ ст. 689, 607 и ст. 130 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) позволяет сделать вывод о том, что по договору безвозмездного пользования недвижимым имуществом может быть передано в пользование только индивидуально-определенное недвижимое имущество². В отношении жилых помещений следует помнить и о содержании ст. 15 Жилищного кодекса РФ (далее — ЖК РФ) — объектом жилищного права выступает только изолированное помещение, являющееся недвижимым имуществом и пригодное для постоянного проживания. Таким образом, в безвозмездное пользование может быть передано только жилое помещение в целом (жилой дом, квартира) или его часть в виде изолированной комнаты (комнат), очевидно, с отстранением самого ссудодателя от пользования этим помещением.

При вселении членов семьи им не передается жилое помещение как объект жилищного права. Им только предоставляется возможность пользоваться данным помещением наравне (одновременно) с собственником, пайщиком, нанимателем, поднанимателем и другими гражданами, вселенными или вселяемыми в качестве членов семьи. В этом и заключается основное системообразующее отличие соглашений о вселении членов семей нанимателей и поднанимателей, членов семей собственников и пайщиков кооперативов. Кроме того, согласно ст. 695 ГК РФ ссудополучатель обязан поддерживать вещь, полученную в безвозмездное пользование, в исправном состоянии, включая осуществление текущего и

капитального ремонта, если иное не предусмотрено договором безвозмездного пользования. Члены же семей собственников и нанимателей жилья несут солидарную с ними ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования жилым помещением (ст. 31, 69, 91.8, 100 ЖК РФ).

Таким образом, исходя из существенных системообразующих различий по объекту и содержанию заключаемых соглашений следует признать за договором (соглашением) о вселении членов семьи в жилищном праве самостоятельный правовой характер.

Выделив соглашения о вселении членов семей в самостоятельный договорной тип, следует рассмотреть их соотношение, т.е. образует ли каждое из таких соглашений в зависимости от вселяющего субъекта его вид, либо все соглашения о вселении любых членов семьи в жилищном праве представляют собой единый договор с различным субъектным составом. Говоря о сторонах договора о вселении члена семьи следует отметить, что в этом качестве могут выступать только физические лица. С одной стороны, это вселяющее лицо — собственник данного помещения, наниматель по любому из договоров найма, поднаниматель, пайщик ЖК, ЖСК, ЖНК. С другой стороны, это вселяемое лицо — гражданин, состоящий или не состоящий в родственных связях с вселяющим субъектом. То есть первое отличие между существующими в праве соглашениями о вселении членов семьи — это субъектный состав на стороне вселяющего лица. Второе отличие между соглашениями о вселении члена семьи собственника, члена семьи пайщика, члена семьи нанимателя или поднанимателя — это порядок вселения нового члена семьи. Так, согласно действующему законодательству собственник жилья вселяет любых граждан в качестве членов своей семьи без учета мнения других лиц, включая уже проживающих с ним членов его семьи. Нормы площади и родственные связи не учитываются. Единственное ограничение может быть связано с правами других собственников этого жилого помещения. Если жилое помещение находится в общей собственности, то согласно ст. 246–247 ГК РФ владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников.

Иначе обстоит дело при вселении членов семьи нанимателей. По договору коммерческого найма в соответствии со ст. 679 ГК РФ «с согласия наймодателя, нанимателя и граждан, постоянно с ним проживающих, в жилое помещение могут быть вселены другие граждане в качестве постоянно проживающих с нанимателем. При вселении несовершеннолетних детей такого согласия не требуется. Вселение допускается при условии соблюдения требований законодательства о норме общей площади жилого помещения на одного человека, кроме случая вселения несовершеннолетних детей». То есть при вселении членов семьи нанимателя необходимо обязательное согласие наймодателя и членов семьи нанимателя. Что касается второго требования о соблюдении норм общей площади, то следует согласиться с мнением П.В. Крашенинникова о том, что в действующем гражданском и жилищном законодательстве такой нормы общей площади не существует³.

Напротив, необоснованной представляется позиция Ю.К. Толстого, отмечающего следующее: «Во-первых ... в ст. 679 ГК речь идет о вселении не членов семьи нанимателя, а других граждан в качестве постоянно проживающих с нанимателем. Во-вторых, на вселение во всех случаях требуется согласие не только нанимателя и постоянно проживающих с ним граждан, но и наймодателя...

В-третьих, вселение допускается при условии соблюдения требований законодательства о норме общей площади жилого помещения на одного человека. При этом речь идет не об учетной норме, как в ч. 1 ст. 70 ЖК, а о норме предоставления»⁴.

По договорам социального найма и найма жилого помещения жилищного фонда социального использования в соответствии со ст. 70 и 91.7 ЖК РФ: «Наниматель с согласия в письменной форме членов своей семьи, в том числе временно отсутствующих членов своей семьи, вправе вселить в занимаемое им жилое помещение по договору социального найма своего супруга, своих детей и родителей или с согласия в письменной форме членов своей семьи, в том числе временно отсутствующих членов своей семьи, и наймодателя — других граждан в качестве проживающих совместно с ним членов своей семьи. Наймодатель может запретить вселение граждан в качестве проживающих совместно с нанимателем членов его семьи в случае, если после их вселения общая площадь соответствующего жилого помещения на одного члена семьи составит менее учетной нормы. На вселение к родителям их несовершеннолетних детей не требуется согласие остальных членов семьи нанимателя и согласие наймодателя».

Порядок вселения членов семей нанимателей в специализированном фонде и в жилищных кооперативах всех разновидностей вообще не определен ни в ЖК РФ ни в Типовых договорах найма специализированных жилых помещений. Однако можно сделать вывод о возможности их вселения, т.к. закон регламентирует их права и обязанности как членов семьи, в т.ч. основания и порядок их выселения.

Еще одно отличие между членами семей разных субъектов жилищного права состоит в основаниях для их выселения. Так, прекращение семейных отношений с нанимателями жилых помещений фонда коммерческого использования, фонда социального использования и специализированного жилищного фонда (за исключением служебных) не является основанием для прекращения прав пользования жилым помещением. То есть это право самостоятельно и независимо от семейных отношений. Иное не может быть предусмотрено ни соглашением о вселении члена семьи, ни иным договором.

Иначе дело обстоит в индивидуальном жилищном фонде. Прекращение семейных отношений автоматически прекращает права пользования жилым помещением у бывших членов семьи собственника за исключением того случая, если в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим. Также прекращение семейных отношений с нанимателем служебного жилого помещения специализированного жилищного фонда прекращает права пользования этим помещением у бывших членов семьи нанимателя. Однако иное может быть предусмотрено соглашением между собственником или нанимателем служебного жилого помещения и бывшими членами их семей.

О правах же членов семей поднанимателей жилья жилищное законодательство вообще не упоминает как и о соглашениях об их вселении.

Рассмотрев отличия соглашений о вселении членов семей собственников, нанимателей, поднанимателей, пайщиков, следует констатировать, что разница в субъектах и содержании соглашений о вселении членов семьи не приводит к их расслоению на самостоятельные договорные конструкции, т.к. сами по себе эти соглашения не обладают специфическими нормообразующими системными особенностями, отличающими их друг от друга. Таким образом, соглашения о вселении членов семей собственников, нанимателей, поднанимателей, пайщиков

жилищных кооперативов представляют собой единый гражданско-правовой договор по предоставлению жилого помещения в пользование.

С позиции систематизации гражданско-правовых договоров соглашение о вселении члена семьи представляет собой нетипизированный (отсутствующий в ГК РФ), как правило безвозмездный и соответственно односторонне-обязывающий договор по предоставлению имущества в пользование. Очевидно, что рассматриваемое соглашение может быть как реальным, так и консенсуальным⁵, что характерно для безвозмездных договоров по передаче имущества (дарение, ссуда).

Форма заключаемого соглашения о вселении членов семьи может быть как устной, так и письменной. Ни ГК РФ ни ЖК РФ не содержат специальных указаний о форме соглашений о вселении членов семьи. Признав за этими соглашениями гражданско-правовой характер, следует иметь в виду, что они подчиняются общим положениям гражданского законодательства о форме договоров и сделок⁶. Согласно ч. 1 ст. 434 ГК РФ договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок, если законом для договоров данного вида не установлена определенная форма. Системный анализ ст. 158–162, 679 ГК РФ, ст. 30, 31, 69, 70, 91.7, 100 ЖК РФ позволяет сделать вывод об отсутствии необходимости заключения соглашения о вселении члена семьи в письменной форме. В случае возникновения спора о заключении соответствующего соглашения и его условий стороны вправе ссылаться в т.ч. и на свидетельские показания. Соответственно не может быть и речи о необходимости государственной регистрации соглашения о вселении члена семьи или обременения, возникающего на основании такого соглашения.

Единственным существенным условием соглашений о вселении членов семей является его предмет — действия собственника, нанимателя, поднанимателя, пайщика по предоставлению права пользования конкретным жилым помещением вселяемому члену семьи. Исходя из этого единственным основанием признания такого договора незаключенным может являться недостижение соглашения о конкретном жилом помещении, в которое вселяется член семьи. Само жилое помещение, в которое вселяется член семьи, должно быть признано объектом соглашения о вселении, но не таким объектом, как в договорах найма или ссуды, т.е. объектом, передаваемым во владение и пользование лицу, а объектом в котором предоставляется право проживать.

Кроме того, следует учитывать, что договор о вселении члена семьи может быть признан недействительной сделкой по общим основаниям, предусмотренным гражданским или жилищным законодательством — мнимость, притворность, обман стороны и т.п.

Определив правовой характер и место соглашений о вселении членов семьи в системе обязательств, рассмотрим правовой статус самих членов семьи исходя из наличия или отсутствия диспозитивных норм, регулирующих содержание таких соглашений.

В соответствии со ст. 31 ЖК РФ «члены семьи собственника жилого помещения имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи... Дееспособные и ограниченные судом в дееспособности члены семьи собственника жилого помещения несут солидарную с собственником ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования данным жилым помещением, если иное не установлено соглашением между собственником и

членами его семьи... В случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи... Гражданин, пользующийся жилым помещением на основании соглашения с собственником данного помещения, имеет права, несет обязанности и ответственность в соответствии с условиями такого соглашения».

Налицо диспозитивная норма, позволяющая предусмотреть соглашением о вселении члена семьи иного порядка пользования (срочного, возмездного и т.д.) жильем.

В соответствии с п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»⁷ таким соглашением, в частности, в пользование членам семьи собственника могут быть предоставлены отдельные комнаты в квартире собственника, установлен порядок пользования общими помещениями в квартире, определен размер расходов члена семьи собственника на оплату жилого помещения и коммунальных услуг и т.д.

Аналогичное правовое регулирование предусмотрено отсылочной нормой ст. 100 ЖК РФ в отношении членов семьи нанимателя служебного жилого помещения специализированного жилищного фонда. Напротив, в отношении вселения членов семей нанимателей жилых помещений жилищного фонда социального использования и специализированного жилищного фонда (за исключением служебных помещений) предусмотрены императивные правила: «Члены семьи нанимателя имеют равные с нанимателем права и обязанности. Дееспособные и ограниченные судом в дееспособности члены семьи нанимателя жилого помещения несут солидарную с нанимателем ответственность по обязательствам, вытекающим из договора социального найма. Если гражданин перестал быть членом семьи нанимателя жилого помещения, но продолжает проживать в занимаемом жилом помещении, за ним сохраняются такие же права, какие имеют наниматель и члены его семьи. Указанный гражданин самостоятельно отвечает по своим обязательствам, вытекающим из соответствующего договора найма» (ст. 69, 91.8, 100).

Не совсем оправданной в этой связи представляется позиция Е.А. Суханова, отмечающего, что «... принцип равенства прав и обязанностей членов семьи нанимателя по договору социального найма имеет исключения. Прежде всего, речь идет о случаях, когда при вселении в жилое помещение новых членов семьи между нанимателем, членами его семьи и вселяющимися гражданами было достигнуто соглашение (хотя бы и в устной форме) о порядке пользования жилым помещением. Например, при вселении жены вступившего в брак сына нанимателя может состояться соглашение о том, что молодые супруги будут проживать в одной из комнат квартиры, указанной в соглашении»⁸. Полагаем, что в социальном и коммерческом найме это невозможно ввиду императивности соответствующих правовых норм.

В отношении правового статуса членов семей пайщиков жилищных кооперативов законодательство лишь упоминает об их праве высказать свое согласие на вселение временных жильцов и поднанимателей, а также регулирует их преимущественное право на вступление в члены жилищного кооператива при определенных условиях (ст. 126, 128, 131 ЖК РФ).

Таким образом, правовая регламентация соглашений о вселении членов семей собственников, нанимателей, поднанимателей и пайщиков, а равно и правового статуса членов семей, крайне слаба.

В указанных обстоятельствах можно сформулировать общие права и обязанности для всех членов семей в жилищном праве. Члены семьи имеют право:

безвозмездно использовать предоставленное помещение для личного проживания наравне с лицом, вселившим члена семьи;

пользоваться общим имуществом многоквартирного дома, в котором находится предоставленное помещение и местами общего пользования в квартире;

получать коммунальные услуги надлежащего качества;

на неприкосновенность и безопасность жилища;

вселять в занимаемое помещение своих несовершеннолетних детей без получения чьего бы то ни было согласия⁹.

Обязанностями членов семьи являются:

использовать жилое помещение по назначению;

бережно относиться к жилому помещению, не допуская его разрушения и порчи;

не допускать нарушения прав и законных интересов соседей;

дееспособные и ограниченные судом в дееспособности члены семьи несут солидарную с собственником, нанимателем, поднанимателем, пайщиком ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования данным жилым помещением, если иное не установлено соглашением между ними в порядке, предусмотренном законом.

Проживание в жилом помещении членов семьи носит как правило безвозмездный и бессрочный характер. Однако соглашением о вселении члена семьи собственника или нанимателя служебного жилого помещения может быть предусмотрен иной объем прав и обязанностей конкретного члена семьи.

Исходя из изложенного можно предложить следующее определение. Соглашение о вселении члена семьи в жилое помещение это гражданско-правовой договор согласно которому собственник жилого помещения, наниматель, поднаниматель, пайщик ЖК, ЖСК, ЖНК вселяет или обязуется вселить гражданина в жилое помещение в качестве постоянно или временно проживающего члена своей семьи на условиях возмездного или безвозмездного пользования этим помещением наравне с вселяющим его лицом.

Полагаем, что общие положения о рассмотренных соглашениях и правовом статусе членов семей в жилищном праве могли бы найти свое место в нормах Гражданского или Жилищного кодекса Российской Федерации.

¹ Подробнее о юридическом составе и фактическом вселении членов семьи собственника жилья см., например: *Формакидов Д.А.* Вещное право проживания. СПб., 2006. С. 85–93.

² См. ст. 130 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ // Российская газета. 2016. 8 июля).

³ См.: *Баринов Н.А., Беляев К.П., Вавилин Е.В.* и др. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П.В. Крашенинникова. Т. 1. М., 2011.

⁴ *Толстой Ю.К.* Жилищное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 119–120.

⁵ Е.А. Суханов склонен рассматривать такие договоры как консенсуальные. См.: *Витрянский В.В., Ем В.С., Козлова Н.В.* и др. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стер. Т. 2: Обязательственное право. М., 2011. С. 409.

⁶ Аналогичная правовая позиция по поводу соглашений о вселении членов семьи собственника высказана в п.12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

⁸ *Витрянский В.В., Ем В.С., Козлова Н.В.* и др. Указ. раб.

⁹ Такое положение соответствует содержанию ст. 20 ГК РФ, ст. 54, 55 Семейного кодекса РФ. Кроме того, аналогичная позиция высказана в п.12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации».

А.Х. Абдулаев

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 168 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ

В статье рассматривается проблема применения п. 2.ст. 168 ГК РФ по делам о банкротстве, которая приобретает в последнее время все большую актуальность. Сегодня о ее насущности убедительнее всего свидетельствует число судебных дел в арбитражной практике, в которых так или иначе затрагиваются вопросы банкротства. Это обусловлено, прежде всего, тем, что отсутствует понимание того, что недействительность сделки — это крайняя мера и применять ее необходимо лишь, если имеет место существенное нарушение закона либо нет иного способа защиты и не предусмотрено другого последствия нарушения.

Ключевые слова: банкротство, недействительность сделки, злоупотребление правом, оспоримые сделки.

A.H. Abdulaev

SOME PROBLEMS OF APPLICATION OF PARAGRAPH 2 OF ARTICLE 168 OF THE CIVIL CODE IN CASES OF BANKRUPTCY

The author considers the problem of p.2.st.168 application of the Civil Code of the bankruptcy, which is becoming recently more and more important. Today, the urgency of her most convincingly reflected in the number of cases in arbitration practice, in which, one way or another, affected by the bankruptcy issues. This is due, primarily, the fact that there is no understanding that the invalidity of the transaction - this is an extreme measure and apply it only necessary if there is a material breach of the law, or there is no other way to protect and provide the other consequences of the violation.

Keywords: bankruptcy, the invalidity of the transaction, abuse of rights, the disputed deal.

В соответствии с п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и (или) охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Положения указанной статьи имеют основополагающее значение для признания сделок недействительными в процедурах банкротства.

Действующий Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 29 декабря 2014 г.)¹ предусматривает

© Абдулаев Абдурахман Халилович, 2017
Соискатель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия), Арбитражный управляющий Ассоциации евросибирской саморегулируемой организации арбитражных управляющих; e-mail: copur@mail.ru

специальные основания недействительности сделок. При этом п. 4 Постановления Пленума высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)»», разъясняется, что «судам следует иметь в виду...что наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 и 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке»².

Однако данное положение действовало в период презумпции ничтожности сделок. Конструкция ч. 1 ст. 168 ГК РФ исходила из ничтожности сделок, противоречащих требованию закона или нормативного акта. Современная редакция ст. 168 ГК РФ исходит из презумпции не ничтожности, а оспоримости таких сделок.

На практике возможность признания сделок недействительными на основании ст. 10 и 168 ГК РФ получило широкое распространение, что подтверждается многочисленными актами Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ³. Поэтому возникает вопрос о правомерности применения разъяснений Высшего Арбитражного Суда РФ, которые основаны на прежних положениях недействительности сделок, но не скорректированы применительно к новым правилам недействительности сделок. В частности, речь идет о том, как применять разъяснения указанного Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 в свете Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴ применительно к сделкам, при совершении которых допущено злоупотребление правом.

Вследствие того, что Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 не отменено, его положения являются действующими при рассмотрении дел о банкротстве. Это подтверждается и судебной практикой, сложившейся после вступления в силу положений Федерального закона № 100-ФЗ от 7 мая 2013 г. В Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 88 «О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве»⁵ Высший Арбитражный Суд РФ сохранил позицию относительно квалификации сделки со злоупотреблением правом, высказанную в Постановлении № 63.

Наиболее ярким примером применения судами положений ст. 10 и 168 ГК РФ в новой редакции в рамках банкротства является рассмотрение заявлений кредиторов о включении в реестр требований кредиторов. Так, суды отказывают во включении в реестр при наличии признаков злоупотребления правом в действиях сторон договора⁶.

При применении положений ст. 10 и 168 ГК РФ суды исходили из признаков недействительности сделок, установленных гл. III.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

С принятием постановлений Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 10044/11 по делу №А32-26991/2009⁷, от 15 июля 2014 г. №1004/14 по делу №А82-8489/2010⁸, а также Определения Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 июня 2014 г. № ВАС-1004/14 по делу №А82-8489/2010⁹ практика стала исходить из того, что сделка не может быть признана ничтожной, если не имеет иных дефектов, кроме предусмотренных специальными основаниями закона о банкротстве.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (в редакции настоящего Федерального закона) об основаниях и о последствиях недействительности сделок (ст. 166–176, 178–181) применяются к сделкам, совершенным после дня вступления в силу настоящего Федерального закона. Исходя из этого признание недействительными сделок, совершенных до вступления в силу указанного Закона, осуществляется на нормах прежней редакции ст. 168 ГК РФ. В связи с этим в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 необходимо ввести положения, разъясняющие применение правил Постановления относительно сделок, совершенных до и после дня вступления в силу Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ.

Кроме того, в свете новых положений о недействительности сделок актуально разграничение специальных оснований при банкротстве и ничтожности вследствие злоупотребления правом. Ни действующее законодательство, ни разъяснения Верховного Суда РФ не дают критериев разграничения оспоримости и ничтожности сделок в процедурах банкротства. Поэтому Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 должно установить механизм разграничения оспоримых и ничтожных сделок по делам о банкротстве. В целях единообразного понимания и применения положений п. 4 названного Постановления необходимо разъяснить, в каких случаях и при наличии каких обстоятельств суд может квалифицировать сделку как ничтожную.

Среди практических работников существует мнение, что до принятия разъяснений высшей судебной инстанцией имеют место различные варианты применения указанного положения Постановления Высшего Арбитражного Суда РФ № 63. Так, предлагается квалифицировать сделки со злоупотреблением правом по ч. 2 ст. 168 ГК РФ либо как оспоримую сделку¹⁰.

С первой позицией вряд ли можно согласиться, т.к. круг сделок будет ограничен публичным интересом и (или) интересом третьих лиц. Второй вариант выглядит более предпочтительным с точки зрения смены презумпций в гражданском праве относительно недействительности сделок.

В соответствии со ст. 66 Закона о банкротстве временный управляющий вправе предъявлять в арбитражный суд от своего имени требования о признании недействительными сделок и решений, а также требования о применении последствий недействительности ничтожных сделок, заключенных или исполненных должником с нарушением требований, установленных ст. 63 и 64 Закона о банкротстве.

Следуя конструкции ст. 168 ГК РФ, требование о применении последствий недействительности ничтожных сделок временный управляющий может предъявлять только в случае нарушения публичного интереса и (или) интересов третьих лиц. В остальных случаях речь должна идти о последствиях недействительности оспоримых сделок должника. Поэтому ст. 66 Закона о банкротстве должна быть приведена в соответствие с положениями ст. 167 и 168 ГК РФ.

Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“ в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева»¹¹, институт банкротства является одним

из средств защиты публичных интересов. Высший Арбитражный Суд РФ таким интересам отдает приоритет над интересами кредитов при банкротстве¹².

Если прежняя редакция п. 2 ст. 168 ГК РФ давала возможность разрушить любую сделку по признаку ее несоответствия правовому акту, то новые правила ничтожности сделок, введенные Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»¹³ обязывают доказать факт посягательства на публичные интересы или права и охраняемые законом интересы третьих лиц.

В каждом конкретном случае суд оценивает сделку как посягающую на публичный интерес, исходя из норм, устанавливающих границы свободного усмотрения участников гражданского оборота в публичных интересах¹⁴. На практике такая оценка сопряжена со многими трудностями, в первую очередь связанными с тем, что большинство норм не устанавливает правовых последствий для сделок в виде ничтожности.

Наибольшую сложность в правоприменительной практике представляют ситуации, когда публично-правовой интерес объективируется в частноправовом отношении. Так, например, Определением Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 681-О-П «По жалобам граждан Ю.Ю. Колодкина и Ю.Н. Шадева на нарушение их конституционных прав положениями статьи 84-8 Федерального закона „Об акционерных обществах” во взаимосвязи с частью 5 статьи 7 Федерального закона „О внесении изменений в Федеральный закон ”Об акционерных обществах” и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации»¹⁵ интерес акционерного общества в части общего для акционеров блага был признан публичным интересом, заключающимся «в поддержке преобладающего акционера-инвестора, имеющего намерение инвестировать в развитие и модернизацию производства, осваивать новую конкурентоспособную продукцию, обеспечить эффективное управление обществом». Таким образом Конституционный Суд РФ подчеркнул, что публичный интерес свойствен не только публично-правовым образованиям, но и субъектам гражданского оборота, действующим в публично-правовых целях.

В связи с этим важно правовое понимание публичного интереса в целях практического применения положений о ничтожности сделок в рамках п. 2 ст. 168 ГК РФ. Определение публичного интереса не содержится в нормативных актах, хотя действующее законодательство широко оперирует данным понятием. Так, ст. 304 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) в качестве одного из оснований изменения или отмены судебного акта в порядке надзора определяет нарушение прав и законных интересов неопределенного круга лиц или иных публичных интересов. Таким образом, исходя из смысла АПК РФ под публичными интересами понимаются интересы неопределенного круга лиц. Аналогичная позиция следует из положений ст. 152.1 ГК РФ, которая закрепляет, что согласие детей, пережившего супруга на использование изображения гражданина после его смерти не требуется, если использование изображения осуществляется в государственных, общественных и иных публичных интересах.

Согласно ст. 387 Гражданского процессуального кодекса РФ необходимость защиты публичных интересов также служит основанием для изменения или отмены судебных постановлений в кассационном порядке.

Юридическая литература достаточно полно исследовала вопрос о правовой природе публичного интереса, о соотношении понятий «государственный интерес», «общественный интерес», «публичный интерес». Не вдаваясь в подробности научных исследований, следует отметить, что выделение в законодательных актах отдельно общественных интересов и государственных интересов является излишним, так как эти категории охватываются понятием «публичный интерес».

Некоторые исследователи предлагают рассматривать публичные интересы в рамках ГК РФ в широком и узком смысле. Так, по мнению Д. Скрыпника, публичные интересы в широком смысле в рамках ст. 168 ГК РФ — это обеспечение соблюдения всех законов; в узком смысле — «гарантии и положения, направленные на решение задач государства»¹⁶. К числу сделок, посягающих на публичные интересы и (или) интересы третьих лиц, он относит сделки, совершение которых нарушает законодательство о банкротстве, сделки с нарушением запрета на распоряжение имуществом должника, сделка, совершенная в нарушение запрета, установленного уполномоченным органом в качестве обеспечительной меры.

Думается, вряд ли будет правомерным рассмотрение публичных интересов в рамках п. 2 ст. 168 ГК РФ как обеспечение соблюдения всех законов. В таком случае любое действие по усмотрению можно связать с публичным интересом, что ставит под угрозу стабильность гражданского оборота и ведет к злоупотреблению со стороны судей. Поэтому на уровне судебного акта необходимо дать разъяснения, что следует понимать под публичным интересом в рамках положения п. 2 ст. 168 ГК РФ применительно к законодательству о банкротстве и привести примерный перечень ничтожных сделок с позиции п. 2. ст. 168 ГК РФ в ее последней редакции.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190; 2015. № 1, ч. I, ст. 35.

² Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 3.

³ См., например: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 ноября 2010 г. № 10254/10 по делу № А45-808/2009; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 июля 2011 г. № 18484/10 по делу № А21-12778/2009; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 сентября 2011 г. № 1795/11 по делу № А56-6656/2010; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 февраля 2013 г. № 12913/12 по делу № А27-15517/2011 и др.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19, ст. 2327.

⁵ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда. 2014. № 2.

⁶ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 2 июля 2013 г. № Ф03-2784/2013 по делу № А04-7159/2012. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 10.

⁸ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 11.

⁹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: *Петрищев В.* Применение правовых позиций (конструкций) Высших судов о недействительности сделок в свете новой редакции ст. 168 ГК РФ. Что делать? URL: <http://zakon.ru/> (дата обращения: 15.03.2015).

¹¹ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.

¹² См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 4104/11 по делу № А48-2714/06-176(10) «В целях удовлетворения требований кредиторов за счет конкурсной массы должника социально значимые объекты должны быть реализованы исключительно путем проведения торгов в форме конкурса, поскольку при замещении активов Закон „О несостоятельности (банкротстве)“ не возлагает на вновь образованные акционерные общества обязанность по сохранению целевого назначения имущества должника» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 10.

¹³ См.: Информационно-правовая база «КонсультантПлюс»: Правовые новости. Специальный выпуск «Изменения положений Гражданского кодекса РФ о сделках, представительстве, решениях собраний, исковой давности и др. (Федеральный закон от 7 мая 2013 № 100-ФЗ)».

¹⁴ См. ст. 152, 169, 222, 451, 566, 663, 1065, 1349, 1473, 1515, 1537 ГК РФ.

¹⁵ См.: Российская газета. 2007. 10 нояб.

¹⁶ *Скрыпник Д.* Реформа ГК РФ: недействительность сделки // *Эж-Юрист.* 2013. № 50. С. 3.

И.С. Агафонов**ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ТОВАРНОГО КРЕДИТА**

В статье на основе анализа действующего законодательства, основных доктринальных положений исследуется обязательство товарного кредита. Предлагается авторское определение товарного кредита и решение ряда практических вопросов, которые имеют значение для развития науки гражданского права и судебной практики.

Ключевые слова: товарный кредит, цель договора товарного кредита, договор займа, предмет договора, собственность заемщика, проценты по договору товарного кредита, существенные условия.

I.S. Agafonov**THE OBLIGATION OF THE COMMODITY CREDIT**

This article examines the issue of commodity loan based on the research of the current legislation, fundamental doctrinal provisions and court practice. Contemporary academic literature does not contain a general approach sufficient for the understanding of its legal nature. In view of this, the author proposed the definition of commodity credit and the resolution of practical issues that are of importance for the development of science of civil law and litigation.

Keywords: commodity loan, purpose of commodity loan agreement, loan agreement, subject of contract, borrower's property, interest commodity loan agreement, material terms.

Необходимость исследования договора товарного кредита вызвана тем, что отсутствует единый обоснованный подход к пониманию его правовой природы в доктрине гражданского права. По нашему мнению существующая правовая коллизия связана с развитием договора товарного кредита на определенном этапе становления науки российского гражданского права и правоприменительной практики.

Приведем точки зрения ученых относительно природы договора товарного кредита.

З.С. Беляева предлагает квалифицировать договор товарного кредита как бартерную сделку, т.е. договор мены¹. По нашему мнению, отношения товарного кредитования, представляют собой, прежде всего, долговые отношения, которые не могут существовать без обязанности возратить кредит заемщику. Хотелось бы подчеркнуть, что определение товарного кредита должно содержать принципы кредита (срочность, возвратность, платность, обеспеченность).

М.И. Козырь считает, что целью договора товарного кредита является не обмен товарами, а «создание полезного эффекта»². Можно отметить, что подобная постановка вопроса значительно расширяет сферу применения товарного кредита, поскольку любая кредитная сделка создает полезный эффект как кредитору, так и заемщику.

М.Н. Малеина определяет товарный кредит как разновидность кредитного договора³. Следует отметить, что подход, предложенный В.П. Мозолиным к формулированию определения товарного кредита в большей или меньшей степени, является обоснованным. Тем не менее, хотелось бы отметить, что договор товарного кредита обладает всеми признаками договорного обязательства и имеет

свои особенности. По ряду признаков договор товарного кредита отличается от кредитного договора будучи самостоятельным основанием для возникновения гражданско-правовых отношений. В последние годы ввиду структурной перестройки национальной экономики в условиях экономического кризиса появились экономические, правовые предпосылки, которые способствуют расширению практики применения договора товарного кредита участниками экономического оборота.

Анализ определений рассматриваемого понятия показывает, что авторы по-разному видят природу договора товарного кредита.

Противоположную и более правильную точку зрения в отличие от приведенных отстаивает М. Мельник. Он пишет: «Договор товарного кредита сочетает в себе признаки договора купли-продажи и кредитного договора, поэтому к существенным условиям последнего (предоставление кредита заемщику на оговоренных условиях и его обязанность возратить полученный кредит и уплатить проценты) добавляются условия о количестве, наименовании товара и т.д. По условиям этого договора каждая из сторон выполняет двойную роль: продавец товара является одновременно кредитором, а покупатель — заемщиком»⁴.

Позиция каждого автора относительно правовой природы договора товарного кредита имеет определенные теоретические обоснования и основана на том, что договор товарного кредита рассматривается как договор, направленный на передачу права собственности.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в связи с накопленным опытом в исследовании товарного кредита назрела необходимость систематизации и уточнения понятия «товарный кредит».

Сопоставление приведенных воззрений позволяет сформулировать авторскую точку зрения о правовой природе товарного кредита: товарный кредит — это вид заемного обязательства, возникающего при предоставлении кредитором заемщику вещей, определенных родовыми признаками, в определенном наименовании, количестве и ассортименте на началах платности, возвратности, срочности, обеспеченности.

Правовая природа договора товарного кредита становится очевидной при рассмотрении определения, сформулированного законодателем. Под договором товарного кредита понимается такой договор, по которому одна сторона обязуется предоставить другой стороне вещи, определенные родовыми признаками, а последняя обязуется возратить аналогичное количество вещей того же рода и качества (ст. 822 ГК РФ).

В статье 822 ГК РФ закреплено, что к договору товарного кредита применяются правила о кредитном договоре, а также условия о количестве, ассортименте, качестве, таре (упаковке) и другие правила главы о купле-продаже товаров (ст. 465–485), если иное не предусмотрено договором товарного кредита.

Договору товарного кредита должны быть присущи все основные признаки договора займа, отсутствие хотя бы одного из них может не позволить квалифицировать соответствующие правоотношения в качестве договора товарного кредита⁵.

Сфера применения договора товарного кредита ограничена привлекательностью и обращением конкретных видов товаров. Это позволяет обосновать точку зрения о том, что товарный кредит можно рассматривать как некую промежуточную форму кредитования в условиях недостатка денежных средств. При

достижении финансовой устойчивости и платежеспособности товарный кредит будет заменен хозяйствующим субъектом банковским кредитом при условии его доступности, что соответствует основным принципам рыночной экономики (создание механизмов рынка, стимулирующих действие законов спроса и предложения, т.е. конкуренцию).

Статья 822 ГК РФ рассматривает договор товарного кредита как единую сделку, из которой у кредитора возникает обязанность предоставить кредит в товарной форме, а у заемщика обязанность его вернуть. В случае предоставления товарного кредита передаваемый товар переходит в собственность заемщика в момент его передачи, и субъект, получивший товар, имеет полное право его продавать, передавать на реализацию другим субъектам, т.е. совершать с ним любые действия, предусмотренные законом.

Вопрос о возмездности договора товарного кредита является дискуссионным в юридической литературе. А.Н. Гуев, сравнивая договор товарного кредита с другими подобными договорами (займа и т.д.), пишет, что такой договор всегда возмездный и по нему всегда взимается процент⁶. Е.А. Павлодский придерживается аналогичного мнения, но он предполагает, что товарный кредит может быть и безвозмездным, если данное условие предусмотрено договором⁷.

Точка зрения А.П. Сергеева представляется более убедительной. Он считает, что договор товарного кредита при отсутствии иной договоренности относится к числу возмездных договоров. Плата за товарный кредит устанавливается договором⁸.

Сопоставление позиций ученых позволило автору статьи сформулировать свою точку зрения о возмездности договора товарного кредита: договор товарного кредита по своей природе является возмездным, но если присутствуют иные договоренности между кредитором и заемщиком или возможность установления условия о безвозмездности предусмотрена законодателем, то договор товарного кредита может быть безвозмездным.

Думается, что процентом по договору товарного кредита является вознаграждение займодавца в денежной или товарной форме, уплаченное за возможность использования кредита в товарной форме в размере и в порядке, установленных соглашением сторон.

Проценты по договору товарного кредита исчисляются в порядке, определенном договором. Они могут выплачиваться как в денежной, так и натуральной форме. Представляется, что ограничение размера процентной ставки все же можно установить для некоторых заемщиков, например, сельскохозяйственных производителей, что связано с решением задачи продовольственной безопасности страны — неотъемлемой части ее национальной безопасности. От устойчивого функционирования аграрного сектора в значительной степени зависит уровень жизни населения России. В рыночных условиях государство должно оказывать поддержку предприятиям агропромышленного комплекса, используя методы диспозитивного и императивного регулирования экономических отношений.

На сегодня судебной практикой сделан вывод о том, что существенным условием договора товарного кредита является возврат заемщиком однородного товара по отношению к товару, принятому им от займодавца⁹. Законодатель в ст. 822 ГК РФ не указал, какой именно товар должен вернуть заемщик. По нашему мнению, судебной практикой был восполнен пробел правового регулирования

исходя из сущности операции товарного кредита и тенденций развития экономического оборота.

Более детальный анализ ст. 822 ГК РФ позволил установить, что единственным существенным условием договора товарного кредита является его предмет (вещи, определенные родовыми признаками). Обязанность заемщика возвратить однородный товар по отношению к товару, принятому им от займодавца, не относится к обязательным условиям договора товарного кредита. Предметом договора товарного кредита являются вещи, определенные родовыми признаками, в т.ч. их количество, а не денежные средства, что позволяет отделить товарный кредит от коммерческого кредита и банковского. В случаях, если сторонами сделки не согласованы существенные условия договора товарного кредита (о предмете договора — товаре, который должен был быть передан заемщику, и его количестве), судебная практика признает подобные договора незаключенными и в связи с этим не влекущими для сторон юридических последствий¹⁰.

Согласно условиям ст. 822 ГК РФ товарный кредит может быть предоставлен любым лицом, обладающим правом и дееспособностью в объеме, достаточном для заключения гражданско-правовых сделок.

Относительно заемщика можно отметить, что предмет договора товарного кредита может быть предназначен как для личного потребления, так и для последующей продажи или производства готовой продукции. Поэтому заемщиками по договору товарного кредита, исходя из сущности данной операции, могут быть лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, а также любые другие субъекты, обладающие правом и дееспособностью в объеме, достаточном для заключения гражданско-правовых сделок.

Проведенное исследование субъектного состава участников договора товарного кредита и его предмета позволили обосновать точку зрения о том, что деятельность по предоставлению товарного кредита не является финансовой. Договор товарного кредита по определению — договор двусторонний, консенсуальный. Однако в действующем гражданском законодательстве нет механизма обеспечения выполнения кредитором обязанности по предоставлению товарного кредита заемщику. Считаем, что для защиты прав заемщика имеются большие перспективы применения к отношениям, возникшим из договора товарного кредитования, конструкции «абстрактных убытков»¹¹.

В заключение отметим, что проведенный анализ литературы, связанной с проблемами методологии научных исследований в науке гражданского права, позволил заключить, что в доктрине гражданского права данные проблемы стали основными в последние годы¹², что сказалось на исследовании кредита в денежной и товарной формах. Для продолжения исследования товарного кредита в юридической науке возникла необходимость систематизации и усовершенствования методик изучения кредита в денежной и товарной формах, базирующихся на междисциплинарном подходе, и на этой основе создании системы смешанного кредитования.

¹ См.: *Беляева З.С., Землякова Г.Л., Иконицкая И.А.* и др. Договорные отношения сельскохозяйственных товаропроизводителей / под ред. З.С. Беляевой, И.А. Иконицкой. М., 2003. С. 87–88.

² *Козырь М.И., Лурье С.М.* Договорные отношения сельскохозяйственных предприятий в СССР. Теория и практика. М., 1974. С. 92.

³ *Богачева Т.В., Василевская Л.Ю., Ибадова Л.Т.* и др. Гражданское право: учебник / отв. ред. В.П. Мозолин. Т. 2. М., 2013. С. 467.

⁴ *Мельник М.* Товарный кредит // Бизнес-адвокат. 2001. № 7. С. 11.

⁵ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 3 марта 2003 г. № А.05-4863/02-256/3. Справ.-правовая система «Гарант».

⁶ См.: *Гуев А.Н.* Постатейный комментарий к части второй Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Н. Гуева. М., 2002. С. 530–531.

⁷ См.: *Павлодский Е.А.* Договоры организаций и граждан с банками. М., 2000. С. 4.

⁸ См.: *Абрамова Е.Н., Аверченко Н.Н., Арсланов К.М.* и др. Комментарии к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий / под ред. А.П. Сергеева. М., 2010.

⁹ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 17 января 2008 г. № КГ-А40/13831-07 по делу № А40-22474/07-135-173. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹⁰ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 сентября 2006 г. Дело №Ф-03-А51/06-1/2660. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: *Агафонов И.С.* Договор товарного кредита // Научные труды московского гуманитарного университета. М., 2014. № 1. С. 75–80.

¹² См.: *Барков А.В.* Классификация типичных недостатков, содержащихся в цивилистических исследованиях, и некоторые научно-методологические рекомендации по их устранению // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4(26). С. 226–234; *Колодуб Г.В.* Система категорий гражданского права: Общие положения о признаках и функциях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1(108). С. 100–101; *Сафин З.Ф., Чельшев М.Ю.* О методологии цивилистических исследований // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2011. № 6 (82). С. 120–125.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

О.С. Мрастьева

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ СРЕДИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

В статье анализируются нормы АПК РФ, посвященные примирительным процедурам и мировому соглашению. Рассматривается соотношение понятий «альтернативное разрешение споров» и «примирительные процедуры», а также преимущества отдельных примирительных процедур.

Ключевые слова: мировое соглашение, примирительные процедуры, альтернативное разрешение споров, медиация.

O.S. Mrasteva

SETTLEMENT AGREEMENT AMONG CONCILIATION PROCEDURES

The article analyzes the norms of the ARC RF dedicated to mediation and the settlement agreement. The author examines the relationship between the concepts of alternative dispute resolution and conciliation procedures as well as the advantages of a separate conciliation procedure.

Keywords: settlement agreement conciliation alternative dispute resolution mediation.

Изменения, произошедшие в нашей стране за недавнее время в разных сферах жизни, особенно в экономической, социальной, оказали воздействие на все стороны жизни общества и государства, что потребовало пересмотра экономических отношений, которые складываются между многочисленными хозяйствующими субъектами, и соответственно возникает необходимость в их более тщательном правовом регулировании. На наш взгляд, это способствовало бы, с одной стороны, достаточной минимизации нарушения предпринимателями в ходе осуществления их деятельности интересов общества, а также других субъектов предпринимательской деятельности, а с другой стороны, не ущемляло бы свободу осуществления предпринимательской деятельности. Поэтому, если она будет надлежащим образом регламентирована на правовом уровне, то будет способна значительно упорядочить деятельность участников экономического оборота.

Помимо совершенствования судебной системы, необходимо также создавать и применять на практике иные формы разрешения споров, к которым и относятся примирительные процедуры. Ускорение дел возможно посредством

© Мрастьева Ольга Сергеевна, 2017
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: omrasteva@mail.ru

использования таких способов, как урегулирование спора на ранних стадиях судопроизводства; использование досудебного урегулирования путем организации и проведения переговоров, консультаций, посредничества, заключения мировых соглашений; использование внесудебных (альтернативных) методов урегулирования споров — посредничества, третейских судов, коммерческого арбитража¹.

Судебный процесс традиционно являлся основной формой разрешения споров. На сегодняшний день можно выделить приоритет альтернативных форм разрешения споров и заключение мирового соглашения как одного из них. В то же время следует отметить, что, несмотря на ряд преимуществ альтернативных форм разрешения споров, урегулирование споров с их использованием в настоящее время явление довольно редкое.

К альтернативному разрешению экономических споров относятся примирительные процедуры, которые применяются в суде. Чтобы привести все многообразие альтернативных форм разрешения и урегулирования правовых споров к определенности, их следует классифицировать, по мнению И.Ю. Захарьящевой, на два самостоятельных правовых блока: во-первых, необходимо выделить третейское разбирательство как форму разрешения гражданско-правовых споров, сочетающую в себе отдельные элементы правосудия и в большей степени признаки альтернативных процедур; во-вторых, это сами примирительные процедуры как форма урегулирования экономических споров, обращение к которым возможно как до возбуждения дела в арбитражном суде (досудебные процедуры), так и непосредственно в судебном процессе после принятия юрисдикционным органом дела к своему производству (судебные процедуры)².

На наш взгляд, автор не совсем верно относит судебные примирительные процедуры к одной из форм альтернативного разрешения спора, т.к. альтернативное разрешение спора предполагает все же внесудебное разрешение дела, а примирительные же процедуры, в свою очередь, наоборот, возможно применять как вне суда, в досудебном порядке, так и в судебном процессе.

Термины «альтернативное разрешение спора» и «примирительные процедуры» различаются между собой. Так, предметом альтернативного разрешения споров могут быть не все споры, а точнее, в их рамках могут быть рассмотрены споры, вытекающие только из гражданско-правовых отношений³, а использование же примирительных процедур возможно в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом (далее — АПК РФ) по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, а также по делам о несостоятельности (банкротстве). Следует отметить, что для альтернативного разрешения споров не всегда характерно наличие добровольного волеизъявления сторон, примирительным же процедурам свойственна именно добровольность сторон.

Рассматривая данные понятия, можно сделать вывод о том, что понятие «примирительные процедуры» является более широким, по сравнению с понятием «альтернативное разрешение спора».

В арбитражном процессуальном законодательстве содержится норма о том, что стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или используя другие примирительные процедуры, если это не противоречит федеральному закону. Несоблюдение данного требования может отразиться на эффективности применения соответствующих процедур. Мировому соглашению как процедуре урегулирования экономических споров в арбитражном законодательстве по-

священо больше нормативных предписаний, чем иным примирительным процедурам. К сожалению, в арбитражном законодательстве не раскрыто понятие «примирительные процедуры» и не содержится всего их перечня.

Изучив арбитражное законодательство, можно сделать вывод о том, что под примирительными процедурами в арбитражном процессе следует понимать действия судьи, его помощника и лиц, участвующих в деле, а также их представителей по мирному урегулированию возникшего правового конфликта экономического характера.

Примирительная форма в широком смысле представляет собой блок двух групп примирения, которые используются субъектами экономической деятельности в зависимости от этапа развития спора: до возбуждения дела в арбитражном суде или непосредственно в судебном процессе после принятия юрисдикционным органом дела к производству. Так, С.Л. Дегтярев уточняет, что «данное определение может включать в себя как примирительные процедуры, закрепленные федеральным законом и облеченные в процессуальную форму, так и любые иные действия, осуществляемые сторонами вне рамок арбитражного процесса, направленные на урегулирование спора по существу»⁴.

Преимущество применения примирительных процедур в арбитражном процессе на сегодняшний день зависит от своевременной и оптимальной реализации условий формирования нормативных моделей правовой процедуры. Для примирительных процедур характерно требование доступности их в информационном плане, как и правовым процедурам в целом. Достаточно часто участники экономических правоотношений не могут реализовать свои права или защитить их, так как не владеют достаточной информацией о том, как и в каком порядке они могли бы осуществить субъективное право или защитить его от нарушения⁵. Все это требует более детального разъяснения порядка применения примирительных процедур в современном арбитражном процессе.

Стороны арбитражного процесса могут на определенной стадии разрешения конфликта утратить способность достичь взаимного консенсуса и тогда возникает необходимость привлечь для участия в деле не заинтересованную в исходе дела третью сторону (посредника). За последнее время отмечается рост применения альтернативных способов разрешения споров, к которым относится медиация (посредничество).

Принятие Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁶ стало достаточно важной вехой в развитии и применении альтернативных процедур разрешения экономических споров.

Процедура медиации направлена на устранение конфликтов различной природы путем использования переговоров. Ее применение возможно как в рамках непосредственно процесса, арбитражного или гражданского, так и в качестве независимого института. Процедура медиации, представляя собой одну из альтернативных форм разрешения споров, в т.ч. в арбитражном суде, дает определенные преимущества участникам этого процесса. К ее положительным моментам можно отнести, во-первых, то, что существенно экономится время участников спора и в их отношениях исчезает негатив; во-вторых, среди плюсов медиации можно указать на то, что она является еще и внесудебной. Порой наличие в истории компании судебных споров является фактором для отказа от сотрудничества с ней. Стороны процедуры медиации могут самостоятельно

выбрать конкретного медиатора, то лицо, которое, по их мнению, обладает необходимыми знаниями и пользуется у них авторитетом.

Концептуальная идея нового АПК РФ реализуется в гл. 15, в которой записано, что одна из основных целей Кодекса — всемерное содействие примирению сторон⁷. Для того чтобы партнерские отношения развивались в дальнейшем, примирение сторон в арбитражном процессе приобретает все большее значение. Одной из достаточно часто применяемых на практике примирительных процедур является заключение мирового соглашения. Глава 15 АПК РФ 2002 г. «Примирительные процедуры. Мировое соглашение» в качестве самостоятельной примирительной процедуры называет мировое соглашение, что позволяет его выделить в системе иных примирительных процедур. Зачастую мировые соглашения подразделяются на внесудебные и судебные. Заключая внесудебное мировое соглашение, стороны арбитражного процесса разрешают спор без удостоверения его судом. Судебное мировое соглашение только после утверждения судом ликвидирует спор и создает у стороны возможность требовать принудительного исполнения обязательств по данному соглашению.

Последствия заключения мирового соглашения схожи с последствиями применения и иных примирительных процедур. Мировое соглашение как процедура урегулирования экономических споров имеет свои отличия от иных примирительных процедур. Так, И.Ю. Захарьячева относит мировое соглашение к одной из универсальных примирительных процедур, т.к. оно способно урегулировать спор на протяжении всего его развития как на досудебном этапе, так и в сфере арбитражного производства⁸.

Достаточно часто использование иных примирительных процедур не приводит к искомому результату и все проведенные при их применении действия и мероприятия официально не оформляются, поэтому у сторон спора остается необходимость в дальнейшем рассмотрении и разрешении дела по существу. Сущность заключения мирового соглашения исходит из того, что стороны уже урегулировали свой спор и осознанно пришли к результату, который их обоюдно устраивает, после чего мировое соглашение подлежит утверждению арбитражным судом. Это позволяет на практике обеспечить исполнимость мирового соглашения, которому всегда присущи двусторонность, обоюдность при его заключении. В случае применения иных примирительных процедур арбитражный спор может завершиться также и путем одностороннего волеизъявления одного из участников спора. Обоюдность представляет собой ситуацию, когда спор разрешается на основе компромисса сторон, когда интересы каждой из них в полном объеме удовлетворены.

Таким образом, приоритетность применения мирового соглашения среди иных примирительных процедур заключается в том, что сама процедура его заключения более подробно представлена в арбитражном законодательстве. Среди примирительных процедур мировое соглашение занимает важнейшее место, т.к. позволяет участникам арбитражного спора сэкономить свое время и самое главное сохранить им партнерские деловые отношения, прекращая производство по арбитражному делу.

⁷ См.: Доклад Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ В.Ф. Яковлева на совещании председателей арбитражных судов 11 февраля 2004 г. Об итогах работы арбитражных судов в 2003 г. и основных задачах на 2004 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 4. С. 4.

²См.: *Захарьяцева И.Ю.* Примирительные процедуры в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации (концептуальные основы и перспективы развития): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 7.

³См.: *Коннов А.Ю.* Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров // *Журнал российского права.* 2004. № 12. С. 12.

⁴Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. М., 2003. С. 768.

⁵См.: *Протасов В.Н.* Юридическая процедура. М., 1991. С. 35.

⁶См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

⁷См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ / под ред. В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова. М., 2000. С. 387.

⁸См.: *Захарьяцева И.Ю.* Примирительные процедуры в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации (концептуальные основы и перспективы развития): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 7.

О.В. Николайченко

СУЩНОСТЬ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В РАЗРЕШЕНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ

В статье представлен историко-правовой анализ мирового соглашения. Исследуется влияние мирового соглашения на окончание и разрешение правового спора. Формулируется вывод о том, что мировое соглашение, обладающее «собственным» отраслевым содержанием, многоаспектный правовой институт.

Ключевые слова: мировое соглашение, гражданские споры, правовые споры, медиация, примирение сторон, гражданский процесс, гражданское судопроизводство, медиатор, консенсус, сделка.

O.V. Nikolaychenko

THE ESSENCE OF THE SETTLEMENT AGREEMENT IN THE RESOLUTION OF CIVIL DISPUTES

The article presents historical and legal analysis of the settlement agreement. Examines the impact of settlement agreement on the termination and settlement of a legal dispute. We conclude that settlement agreement, with «private» industry content, complex legal institution.

Keywords: settlement agreement, civil disputes, legal disputes, mediation, conciliation, civil litigation, civil litigation, mediator, consensus, deal.

Гражданин, считающий, что его права нарушены, свободен в выборе не только предмета защиты, но и способа защиты. Государство предоставляет широкий диапазон выбора способов защиты, акцентируя внимание правоприменителей и поощряя граждан к самостоятельным внесудебным способам урегулирования гражданско-правовых споров. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) продолжила тенденцию к расширению и внедрению примирительных процедур в процессуальную ткань, о чем свидетельствует гл. 15 Концепции «Примирительные процедуры. Мировое соглашение»¹.

Институт примирения, прежде чем обособиться в самостоятельную главу Концепции, прошел длительный процесс становления. Поэтому для уяснения

© Николайченко Ольга Викторовна, 2017

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия)

происходящих интеграционных процессов и выявления его правовой сущности, взаимодействия с иными институтами права необходимо проводить научное исследование в динамике с применением метода исторического анализа.

Примирение как процедура урегулирования гражданско-правового спора известно не только современному российскому праву. Родоначальником, в частности, мирового соглашения выступило римское право, которое применяло его как способ прекращения обязательств, который приводит к частичному удовлетворению требований займодавца. Такое требование считалось одной из форм прощения долга наряду с соглашением о непредъявлении требования (*actum de non petendo*) и отличалось от него наличием взаимных уступок сторон (т.е. прощение долга по *transactio* не было безусловным). *Transactio* использовалось сторонами, когда истец испытывал затруднения в доказывании своих требований, а ответчик также не был уверен в благоприятном для себя судебном решении.

В российском законодательстве первые упоминания об урегулировании споров путем заключения мирового соглашения содержались в Новгородской берестяной грамоте (1281 г.).

Псковская судная грамота (1307 г.) и Соборное уложение 1649 г. не разделяли спорные правоотношения на преступления и проступки, что позволяло заключить мировое соглашение в самых разнообразных областях.

Устав гражданского судопроизводства 1864 г.² содержал предпосылки формирования современного института внесудебного и судебного мирового соглашения, посвятив ему отдельную главу. Видовые различия между ними заключались в обязанности мировых судей принять меры для соглашения сторон и примирения спорящих, а иное расценивалось как существенное нарушение норм процессуального права. Статья 1363 Устава включала правовую норму, согласно которой к мировому прощению можно было приступить и в присутствии суда, причем стороны могли просить о соглашении их при закрытых дверях.

ГПК РСФСР 1964 г. (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) (ред. от 31 декабря 2002 г.)³ в ст. 34 указывал на такие критерии заключения мирового соглашения, как нарушение чьих-либо прав и охраняемых законодательством интересов, непротиворечие заключаемого соглашения закону. ГПК РФ 2002 г., АПК РФ⁴, Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 14 октября 2014 г.)⁵, Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 1 декабря 2014 г.)⁶ приравнивают мировое соглашение к способу защиты нарушенного права, которое реализуется в порядке, установленном нормами процессуального (процедурного) законодательства. Конечная цель использования данного способа защиты состоит в беспрепятственном осуществлении сторонами их субъективных гражданских прав.

Разнообразие правовых возможностей заключения мирового соглашения по Уставу 1864 г. позволяет рассматривать его как двухстороннюю сделку, заключаемую сторонами в предусмотренной законодательством форме. Согласно ст. 1359 Устава сделки по заключению мирового соглашения могли облекаться в следующие правовые формы: запись, предъявляемую в дальнейшем к засвидетельствованию нотариусу или непосредственно мировому судье; подачу мирового прощения с подписью сторон; составление мирового соглашения с фиксацией в протоколе судебного заседания во время производства дела.

Анализируя пробельность современного российского законодательства в части обеспечения результата заключения мирового соглашения, можно согласиться с

предложением О.В. Лазаревой о применении исполнительной надписи нотариуса для взыскания денежных сумм или истребования имущества⁷. Исполнительная надпись нотариуса подтвердит факт неисполнения должником обязательства во внесудебном порядке, бесспорность установленного сторонами порядка взыскания и послужит основанием для обращения в службу судебных приставов согласно ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Заключение мирового соглашения возможно во время судебного разбирательства. Несмотря на то, что суд при разрешении дела в заключении мирового соглашения непосредственно не участвует, когда она проводится в ходе гражданского судопроизводства, но в случае если мировое соглашение не утверждено судом, оно не влечет правовых последствий. Правовые последствия могут возникнуть только при наличии комплекса действий: желания самих сторон достичь консенсуса и удостоверения судом волеизъявления сторон исполнить взятые на себя обязательства. Договоренность сторон по конкретному спору, облеченная в конкретном судебном акте с соблюдением норм процессуального законодательства, придает гражданско-правовой сделке статус судебного мирового соглашения.

Изучая процессуально-правовой аспект медиации при рассмотрении спора судом, С.Ф. Афанасьев медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда, отождествляет с мировым соглашением⁸. Преимуществом процедуры медиации ученый называет только то, что стороны обладают возможностью адресовать свою просьбу профессиональному медиатору подобно адвокату.

Как следует из разъяснений Верховного Суда РФ, оформленных в виде Справки о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 г. в случае поступления в суд письменного заявления об отказе от иска, признании иска или о мировом соглашении сторон с указанием на то, что лица, обратившиеся с такими заявлениями, знают о последствиях совершения данных процессуальных действий, обязанность, предусмотренная ч. 2 ст. 173 ГПК РФ, будет считаться судом исполненной даже при отсутствии сторон в судебном заседании, в котором будет решаться вопрос об удовлетворении соответствующего ходатайства⁹. В связи с этим по процессуально-правовым последствиям медиативное соглашение приравнено к мировому соглашению. В одном из своих постановлений Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ пришел к тождественному выводу, указывая, что медиативное соглашение, даже выходящее за пределы заявленных исковых требований сторон, тем не менее, может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения¹⁰.

В процессуальной литературе некоторыми учеными обосновывалась необходимость выделения самостоятельного основания прекращения производства по делу в связи с заключением сторонами медиативного соглашения¹¹. Однако реальная ее потребность выделения в процессуальном законе обоснованно не была поддержана учеными¹². Так или иначе, заключение мирового или медиативного соглашения приводит к прекращению производства по делу со всеми вытекающими последствиями для сторон (п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ), если оно было заключено в рамках судебного разбирательства.

Моделируя обратную ситуацию, когда после возбуждения дела стороны заключили мировую сделку, но она не была утверждена судом в условиях противо-

речия закону и нарушения прав и охраняемых законом интересов других лиц. Например, истец принял на себя обязательство отказаться от иска полностью или в части, а ответчик — совершить конкретные действия, например, передать истцу спорное имущество. Истец исполнил принятое обязательство и отказался от иска, но ответчик поступил недобросовестно и не совершил действий по передаче истцу имущества, указанного в мировом соглашении. При таких обстоятельствах истец, во-первых, утратил возможность повторного обращения в суд за защитой нарушенного права; во-вторых, в дальнейшем утрачивает возможность требовать от ответчика исполнения. Такие последствия обусловлены тем обстоятельством, что судом мировое соглашение не утверждено.

Мировое соглашение в целом должно упорядочить спорную обстановку между сторонами, поэтому в нем должны быть оговорены размеры и сроки выполнения их обязательств друг перед другом либо одной стороны перед иной стороной и условия выполнения. Стороны обязаны оговаривать в мировом соглашении только те обязательства, спор по поводу которых служит предметом судебного разбирательства. В мировом соглашении могут содержаться и факультативные условия: о рассрочке либо об отсрочке исполнения обязательств ответчиком, о полном либо частичном прощении или признании долга, об уступке прав требования, о распределении судебных затрат и другие условия, никак не противоречащие федеральному закону. Прописанные условия мирового соглашения должны быть изложены определенно и четко, чтобы при его реализации не было никаких споров и неясностей по поводу его содержания.

В дореволюционной литературе мировое соглашение рассматривалось как консенсус, обличенный в договор, который заключается на основе обоюдных уступок, направленный на урегулирование имеющегося спора.

Правовой консенсус действует в рамках возможного и дозволенного поведения субъектов правоотношений. Выход за них влечет его недействительность. Условиями правового консенсуса являются:

- равноправие субъектов;
- соответствие договоренностей сторон нормам законодательства;
- законность интересов субъектов консенсуальных отношений;
- отсутствие возражений других сторон;
- добровольный отказ сторон от публичной процедуры — судебного процесса.

Таким образом, консенсус следует понимать как результат достигнутого соглашения при достижении цели. Если он утверждается судом, то достижение мирового соглашения следует рассматривать как некую юридическую процедуру.

В проекте Гражданского уложения об обязательствах в гл. XXV мировое соглашение выступало как особое процессуальное отношение, содержащее совокупность гражданско-правовых и процессуальных элементов. При оценке содержащих его элементов можно установить преимущество материального компонента.

ГПК РСФСР, содержащий большое количество норм о мировых соглашениях, по сравнению с прежними законодательными актами того времени, определял мировое соглашение как юридический факт, влекущий изменение не только процессуальных правоотношений. Мировое соглашение признавалось сделкой, которая развивает гражданское правоотношение, подтверждает гражданские права и обязанности, изменяет способ защиты прав, также выступает предпосылкой для прекращения производства по возбужденному делу. Известный

процессуалист Д.М. Чечот, изучая мировое соглашение, доказывал, что его воздействие может быть как в сфере гражданского судопроизводства, так и за его пределами: в области иных юридических отношений. В области отношений неюридического характера велико влияние психолого-социальных факторов при разрешении гражданско-правовых споров¹³.

В свете изложенного представляется целесообразным при реформировании гражданского процессуального законодательства учитывать не только процессуально-правовое назначение мирового соглашения, но и его межотраслевую принадлежность, уходящую в глубь веков.

¹ URL: <http://base.garant.ru/70826874> (дата обращения: 19.11.2016).

² См.: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под ред. В.В. Виленского. Т. 8: Судебная реформа. М., 1991. С. 28.

³ См.: Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 175. Утратил силу.

⁴ См.: Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 28 июня 2014 г.) // Российская газета. 2002. 27 июля.

⁵ См.: Российская газета. 2007. 6 окт.

⁶ См.: Российская газета. 2002. 2 нояб.

⁷ См.: Лазарева О.В. Исполнительная надпись нотариуса как способ исполнения медиативного соглашения // Конституционные основы гражданского судопроизводства: современное состояние и пути совершенствования: сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (г. Саратов, 17–18 мая 2013 г.). Саратов, 2013. С. 25.

⁸ См.: Афанасьев С.Ф. К вопросу о применении процедуры медиации при рассмотрении спора судом // Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 17 декабря 2014 г.). Краснодар, 2015. С. 9.

⁹ См.: Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год», утвержденная Президиумом Верховного Суда РФ 1 апреля 2015 г. (подп. «в» п. 17) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 6.

¹⁰ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

¹¹ См.: Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 8.

¹² См.: Афанасьев С.Ф. Указ. раб. С. 9.

¹³ См.: Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 496.

Ю.Б. Каламова

ДОБРОВОЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ КАК ЗАВЕРШАЮЩАЯ СТАДИЯ АРБИТРАЖА (ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА)

В статье анализируются особенности добровольного исполнения арбитражного решения, служащего предпосылкой для эффективной защиты нарушенных прав. Обосновывается необходимость внесения изменений в действующее законодательство, позволяющих реализовать принципы добросовестности и добровольности в третейском разбирательстве.

Ключевые слова: добровольное исполнение арбитражного решения, принцип добросовестности, защита права, цель арбитража (третейского разбирательства), стадия арбитража.

Yu.B. Kalamova

VOLUNTARY EXECUTION OF THE ARBITRAL
AWARD AS THE FINAL STAGE OF ARBITRATION
(ARBITRATION PROCEEDINGS)

The article analyzes the particular qualities of voluntary execution of the arbitral award, which is a prerequisite for the effective protection of violated rights. The author substantiates the necessity of amending the current legislation that allows for implement the principle of good faith and the principle of voluntariness in arbitral proceedings.

Keywords: voluntary execution of the arbitral award, the principle of good faith, protection of right, the purpose of the arbitration (arbitral proceedings), the stage of the arbitration.

Соглашаясь с мнением Г.В. Севастьянова о том, что третейский суд осуществляет правоприменительную (правозащитную) деятельность¹, нельзя не отметить одну из важных особенностей данной деятельности — ее стадийность. При этом мы убеждены, что проявление такой особенности не ограничивается принятием третейским судом арбитражного решения. Прямо противоположное утверждение не в полной мере соответствовало бы сложившейся в научном сообществе концепции о цели правоприменительной (правозащитной) деятельности.

Цель гражданского судопроизводства четко определена на законодательном уровне (ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ)), чего не скажешь о цели арбитража (третейского разбирательства), сущность и содержание которой предстоит выявить не из буквы, а из духа Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»² (далее — Закон № 382-ФЗ) и Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»³ (далее — Закон № 102-ФЗ). Свообразным пособием для этого может служить ст. 31 Закона № 102-ФЗ и ст. 38 Закона № 382-ФЗ, ориентирующие стороны и третейский суд на приложение всех усилий к тому, чтобы арбитражное решение было юридически исполнимо. Посредством обеспечения юридической исполнимости арбитражного решения должна состояться реальная защита нарушенных прав, поскольку, как верно заметил Д.Я. Малешин, достичь защиты права без реального исполнения вынесенного решения невозможно⁴. В действующем законодательстве РФ об арбитраже (третейском разбирательстве) цель арбитража текстуально не определена. Несмотря на это, равнозначность цели гражданского судопроизводства и цели арбитража представляется очевидной и заключается в защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и законных интересов. Из данного умозаключения следует, что термины «защита права» и «исполнение решения суда» взаимообусловлены. Между тем их соотношение в гражданском процессе и третейском разбирательстве, в т.ч. сквозь призму интерпретации исполнения решения суда как стадии того или иного процесса, проявляется неоднозначно.

Так, М.К. Треушников придерживается традиционной в науке гражданского процессуального права точки зрения о том, что завершающая стадия гражданского процесса — стадия исполнения судебных постановлений. Без исполнения судебного решения не достигается цель процесса — защита нарушенного права⁵. На фоне грядущей реформы гражданского (арбитражного) процессуального законодательства представители правотворчества сохраняют верность традициям,

сложившимся в доктрине цивилистического процесса. Об этом свидетельствует п. 60.2 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — Концепция), который гласит: ключевая посылка кодификации — это сохранение подхода, согласно которому исполнительное производство является стадией судебного процесса, заключительной частью правосудия, где происходит реальное восстановление нарушенных прав и интересов. Такой подход, по мнению авторов Концепции, соответствует судебной практике Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также Европейского суда по правам человека⁶. Впрочем, если по вопросу о соотношении гражданского (арбитражного) процесса и исполнительного производства среди представителей научного сообщества и правотворчества найден «общий знаменатель», то в третейском разбирательстве в части его соотношения со стадией добровольного исполнения арбитражного решения не все так однозначно и просто, как может показаться на первый взгляд. Полагаем, что в рамках настоящего исследования постановка данного вопроса вполне уместна и своевременна.

Добровольность исполнения арбитражного решения в действующем законодательстве, судебно-арбитражной практике и в юридической литературе упоминается соответственно как обязанность сторон арбитража (третейского разбирательства)⁷ либо как необходимое условие для инициирования другой стадии процесса — стадии принудительного исполнения арбитражного решения⁸, либо как принцип арбитража (третейского разбирательства)⁹. Добровольное исполнение арбитражного решения как стадия арбитража (третейского разбирательства) вошло в категорию малообсуждаемых и практически неисследуемых тем цивилистического процесса, оставаясь в тени стадии принудительного исполнения. Показательным примером служит, в частности, следующее положение постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 7 июня 2012 г. № 16434/11: «Суд счел, что после вынесения третейским судом решения по существу *третейское разбирательство считается завершенным и в случае уклонения обязанной стороны от добровольного исполнения решения третейского суда наступает стадия принудительного исполнения* (курсив наш. — Ю.К.) такого решения...»¹⁰.

Так или иначе, указание на добровольное исполнение арбитражного решения как на стадию арбитража встречается в п. 3 ст. 39 Регламента Третейского суда при некоммерческой организации Фонд «Право и экономика ТЭК» в следующем виде: «Мировое соглашение может быть заключено сторонами на любой стадии третейского разбирательства, а также на *стадии добровольного исполнения решения Третейского суда*»¹¹ (курсив наш. — Ю.К.). В то же время одних лишь ссылок единичного рода в локальных актах третейских судов может быть недостаточно для твердой уверенности в том, что тезис «добровольное исполнение арбитражного решения есть завершающая стадия арбитража (третейского разбирательства)» предельно аргументирован. Важное значение данный аспект имеет для выявления причинно-следственной связи между реальной, эффективной защитой нарушенных прав в ходе арбитража (третейского разбирательства) и добровольным исполнением арбитражного решения. Действительно, добровольное исполнение арбитражного решения представляет собой основное начало арбитража (третейского разбирательства), фактически выступая в роли одного из его основополагающих принципов. В свою очередь, дефиниции понятий «арбитраж», «третейское разбирательство», приведенные в п. 2 ст. 2 За-

кона № 382-ФЗ, а также в абз. 4 ст. 2 Закона № 102-ФЗ, не отражают в своем содержании добровольность исполнения решения как принцип арбитража. В ст. 18 Закона № 382-ФЗ и ст. 18 Закона № 102-ФЗ, посвященных принципам арбитража и принципам третейского разбирательства соответственно, ссыла на добровольность исполнения решения также отсутствует. Заметим, что п. 2 ст. 2 Закона № 382-ФЗ понятие «арбитраж» наряду с процессом разрешения спора включает в себя лишь процесс принятия решения третейским судом. Вместе с тем практика применения указанной нормы свидетельствует, что принять арбитражное решение еще не значит добровольно его исполнить. Иными словами, стадия добровольного исполнения арбитражного решения выпадает из третейского процесса и остается неподконтрольной государственному суду в рамках приведения указанного решения в исполнение в принудительном порядке. Добровольность исполнения арбитражного решения непосредственно связана с третейским разбирательством, определяет его правовую природу и «смысловую нить» проходит через каждое процессуальное действие участников арбитража. Тем временем положения ст. 36 Закона № 382-ФЗ, закрепившие арбитражное решение в качестве одного из оснований для прекращения арбитража, на наш взгляд, не соответствуют обозначенной цели. Поскольку защита нарушенного права считается состоявшейся в момент реального исполнения арбитражного решения, арбитраж (третейское разбирательство) целесообразно считать прекращенным (завершенным) в момент достижения его цели, т.е. в момент реального исполнения арбитражного решения в добровольном порядке в полном объеме либо в части. Иной вариант прекращения арбитража возможен при отсутствии необходимости для его продолжения.

В настоящее время процесс добровольного исполнения, в определенных арбитражным решением случаях имеющих свои сроки и порядок, неподконтролен ни третейскому суду, ни государственному суду. Стороны арбитража в этот момент предоставлены сами себе, что, с одной стороны, вполне соответствует процессу реализации «доброй воли» сторон, которая не должна ограничиваться внешним фактором. На первый взгляд, прекращение арбитража реальным добровольным исполнением арбитражного решения обязанной стороной предстает в виде невыполнимого условия, напоминающего «утопию». Объясняется такое положение отсутствием гарантий защиты нарушенных прав в рамках арбитража, о чем свидетельствуют ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. Согласно названным нормам права на территории Российской Федерации гарантией обеспечиваются лишь государственная и судебная защита прав и свобод человека и гражданина. В этой части заслуживает внимания точка зрения А.В. Беляковой, согласно которой добровольный характер и отсутствие гарантий исполнения арбитражного решения служат предпосылкой для признания арбитража (третейского разбирательства) непопулярным видом альтернативного урегулирования спора¹². Вне всякого сомнения, арбитраж (третейское разбирательство) не имеет какого-либо отношения к государственной защите. В то же время в части сопоставления судебной защиты и арбитража напрашивается вывод о квазисудебном характере арбитража, в результате которого принимается не судебный, а квазисудебный (юрисдикционный) акт¹³.

В ходе исследования принципов гражданского исполнительного права К.А. Малюшин обосновывает необходимость интеграции общеправового принципа добросовестности в механизм защиты прав взыскателя и должника, в т.ч.

в законодательство, регулирующее процедуру принудительного исполнения. Со своей стороны в продолжение рассуждений К.А. Малюшина полагаем возможным дополнить, что современный гражданский оборот и активное развитие предпринимательских отношений дают серьезный повод для внедрения принципа добросовестности не только при отправлении правосудия, но и при арбитраже (третейском разбирательстве), в первую очередь, на стадии добровольного исполнения арбитражного решения. Однако неисполнение должником арбитражного решения в добровольном порядке не в каждом случае влечет нарушение им принципа добросовестности. Государственный суд при рассмотрении заявления взыскателя о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение арбитражного решения, как правило, не обременяет себя выяснением обстоятельств о том, все ли зависящие от должника действия были осуществлены им для погашения перед взыскателем задолженности, подтвержденной арбитражным решением. Определение степени осмотрительности и заботливости должника, проявленных в целях добровольного исполнения им арбитражного решения, также не входит в предметную компетенцию государственного суда. В этой связи процедура выдачи исполнительного листа рискует перейти в разряд формальных, нивелируя потенциальную возможность добровольного исполнения арбитражного решения.

Для сохранения баланса интересов сторон арбитража и стимулирования добровольного исполнения должником арбитражного решения наиболее оптимальным вариантом считаем применение дифференцированного подхода.

Добровольное исполнение арбитражного решения в полном объеме исключает необходимость обращения заявителя в государственный суд за выдачей исполнительного листа для принудительного исполнения, следовательно, должно быть признано основанием для отказа в выдаче исполнительного листа¹⁴.

Добровольное исполнение арбитражного решения в части служит основанием для перехода к стадии принудительного исполнения решения в части, неисполненной добровольно. В этом случае государственному суду предстоит оценить добросовестность обеих сторон, проявленную каждой из них на стадии добровольного исполнения решения. По отношению к стороне взыскателя государственному суду следовало бы провести проверку на предмет своевременности и целесообразности обращения за выдачей исполнительного листа на принудительное исполнение арбитражного решения. В случае если взыскатель, злоупотребив своим правом, до истечения установленного срока на добровольное исполнение решения обратился в государственный суд за выдачей исполнительного листа, государственный суд оставляет его заявление без рассмотрения, повторно предоставив сторонам срок для добровольного исполнения решения, не истекший к моменту такого обращения. В случае если должник не приступил к исполнению решения в установленный для его добровольного исполнения срок либо исполнил решение в части, суд рассматривает заявление взыскателя и при отсутствии препятствий процессуально-правового характера выдает исполнительный лист на весь объем требований либо на неисполненную часть. В зависимости от того, соблюден ли должником принцип добросовестности, суд выносит определение о выдаче исполнительного листа с освобождением должника от уплаты исполнительского сбора пропорционально размеру исполненных требований либо в полном объеме. При выявлении факта злоупотребления со стороны должника размер исполнительского сбора на усмотрение суда может быть увеличен, но не

более чем в 2 раза. Безусловно, указанные полномочия государственного суда должны быть отражены в соответствующих положениях законодательства РФ об исполнительном производстве, в частности в ст. 112 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹⁵. По нашему мнению, сложившееся положение усугубляется также отсутствием в доктрине альтернативного разрешения споров и действующем законодательстве РФ об арбитраже (третейском разбирательстве) четкого представления о добровольном исполнении арбитражного решения как о стадии арбитража (третейского разбирательства).

Таким образом, на титул «гарантия защиты нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и законных интересов» может претендовать только юридически исполнимое арбитражное решение, но при условии, что содержание структурных частей (элементов) такого решения, прежде всего резолютивной части, будет способствовать добровольному исполнению решения, а со стороны государства в лице компетентного суда будет обеспечен контроль за соблюдением процедуры арбитража в части добровольного исполнения арбитражного решения. В противном случае нам не избежать искажения правовой природы арбитража (третейского разбирательства) и дискредитации правового значения третейского решения в защите нарушенных прав. Вышеизложенные доводы влекут необходимость внесения ряда поправок в законодательство РФ. В частности, предлагается п. 2 ст. 2 Закона № 382-ФЗ изложить в следующей редакции: «2) арбитраж (третейское разбирательство) — процесс разрешения спора и принятия решения третейским судом (арбитражного решения), включая его добровольное исполнение;».

Главу 47 ГПК РФ дополнить ст. 425.1 следующего содержания:

«Статья 425.1. Основания для оставления заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда без рассмотрения

Суд оставляет заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда без рассмотрения в случае, если сторона арбитража (третейского разбирательства), против которой принято решение третейского суда, представит доказательство того, что процедура арбитража (третейского разбирательства) в части добровольного исполнения решения третейского суда не соответствовала соглашению сторон или федеральному закону.».

Пункт 5 ч. 3 ст. 426 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «5) состав третейского суда или процедура арбитража в части разрешения спора или принятия решения третейским судом не соответствовали соглашению сторон или федеральному закону.».

Подобный подход представляется, на наш взгляд, наиболее приемлемым и позволит взглянуть на правовую природу и сущность арбитражного решения с новых теоретических позиций, имеющих прямое прикладное значение для современного гражданского общества.

¹ См.: Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). Вып. 7. Редакция журнала «Третейский суд»: Статут, 2015. С. 85.

² См.: Российская газета. 2015. 31 дек.

³ См.: Российская газета. 2002. 27 июля.

⁴ См.: Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011. С. 130

⁵ См.: *Аргунов В.В., Борисова Е.А., Бочарова Н.С.* и др. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

⁶ См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)). URL: www.consultant.ru (дата обращения 10.04.2016).

⁷ См.: Третейские суды: возможности и преимущества: интервью с Н.И. Капинусом // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 2. С. 85–88.

⁸ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ 7 июня 2012 г. № 16434/11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: *Севастьянов Г.В., Цыпленкова А.В.* Тенденции развития институциональных начал альтернативного разрешения споров // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. 2007. № 3, 4.

¹⁰ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 7 июня 2012 г. № 16434/11.

¹¹ *Ануров В.Н.* Возмещение потерь в нефтесервисных договорах. М., 2016. С. 239.

¹² См.: *Белякова А.В.* Механизмы судебной и внесудебной защиты права на судопроизводство в разумный срок. М., 2016.

¹³ См.: *Каламова Ю.Б.* Международный коммерческий арбитраж vs арбитраж внутренних споров: особенности проявления свойства преюдициальности арбитражного решения // Конституционные и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования: сборник статей по материалам VII Международной научно-практической конференции студентов, бакалавров, магистрантов и аспирантов (г. Саратов, 20–21 мая 2016 г.) / под ред. О.В. Исаенковой, М.Ю. Лебедева. Саратов, 2016. С. 24.

¹⁴ См.: *Каламова Ю.Б.* Проблемные аспекты реализации принципа добровольного исполнения решения третейского суда // Перспектива реформирования гражданского процессуального права: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Саратов, 21 февраля 2015 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов, 2015. С. 131–132.

¹⁵ См.: *Российская газета*. 2007. 6 окт.

Ю.И. Бытко

ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье исследуются проблемы основания уголовной политики. В качестве такого основания рассматривается справедливость. Значительное внимание уделяется вопросу о соотношении права и морали.

Ключевые слова: уголовная политика, справедливость, мораль, право, свобода.

Yu.I. Bytko

FUNDAMENTALS OF CRIMINAL POLICY

The article deals with the problem of fundamentals of criminal policy. These fundamentals are based on the category of justice. Much attention is paid to correlation of law and morality.

Keywords: criminal policy, justice, morality, law.

В данной статье внимание акцентируется только на одном аспекте проблемы уголовной политики — ее основании, под которым понимается основополагающая идея, т.е. принцип, каковым, по мнению автора, является справедливость. Особая актуальность названного вопроса обусловлена проблемой реформирования уголовного законодательства.

Номенклатура таких ценностей весьма ограничена: или идеи, сформулированные еще Конвентом в эпоху Французской революции 1793 г.: **всемирная мораль — основа общества; всемирная совесть — основа закона¹ или мораль финансовой олигархии (в переводе на язык неолибералов — мораль представителей гражданского общества), которая является откровенно классовой, т.е. антинародной².**

Выбор невелик, причем, никому еще не удавалось молиться сразу двум названным богам.

Отношение ученых к данному вопросу в разные времена было разным. По мнению некоторых, категорически неприменимы оценки законов с позиций нравственности. Речь по существу идет о том, куда может завести человека свобода, если ей не устанавливать ограничения. Начало этого спора относится к эпохе Реформации (конец XVI — начало XVII в.) и творчеству ее выдающихся представителей Эразма Роттердамского и Мартина Лютера. С тех пор и до настоящего времени дебатруется вопрос о природе человека: одни считают, что человек от рождения добр и если он становится недобрым, то в этом виновата окружающая среда; другие наоборот, исходят из того, что человек от природы

© Бытко Юрий Ильич, 2017

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия), заслуженный юрист Российской Федерации

зол и лишь в процессе социализации, т.е. под влиянием воспитания, введения в социум и приучения к соблюдению традиций, обычаев, предписаний, законов возможно обуздать его злые устремления и принудить считаться с интересами других людей.

В частности, против установления какой бы то ни было связи между уголовным правом и нравственностью известный европейский теоретик права К. Биндинг приводил следующий аргумент: только различие явлений юридического и нравственного порядка можно объяснить существование правомерных, но весьма безнравственных деяний и наоборот, весьма нравственных деяний, которые, с точки зрения права, должны быть признаны преступными³.

В отечественной уголовно-правовой теории при обсуждении проблем уголовной политики вопрос о соотношении права и морали и о возможности принудительного утверждения нравственных норм также издавна является спорным. В частности, Н.С. Таганцев считал, что преступление не может и не должно отождествляться с безнравственным. «Такое отождествление, по его мнению, как свидетельствуют горькие уроки истории, ставило правосудие на ложную стезю: вносило в область карательной деятельности государства преследование идей, убеждений, страстей и пороков: заставляло земное правосудие присваивать себе атрибуты суда небесного»⁴.

Иной позиции придерживался П.Г. Виноградов, высказавший весьма важное положение о причинах, механизме и пределах вмешательства человека в содержание правовых норм. С его точки зрения, право, будучи производением человеческого разума и воли, стареет, изменяется. Причем, естественному старению подвергаются не только отдельные нормы и доктрины, но и право «в его общей национально-исторической постановке, а потому и призыв к очищению и реформе права может с каждым поколением становиться все настойчивее и настойчивее»⁵. В такой период возникает общественная потребность обращения к общественным идеалам. И именно в этот критический период и по названной причине начинается исследование существенных свойств права с позиций его соответствия их *нравственным идеалам* и, прежде всего, идеалу справедливости⁶. В такое время, по мнению П.Г. Виноградова, «начинается отвлеченное исследование существенных свойств права с точки зрения справедливости», хотя «эти понятия справедливости являются сами, в свою очередь, историческими», однако, несмотря на то, что «содержание естественного права меняется вместе с эпохами, но цель его остается постоянной, и эта цель — справедливость»⁷, поэтому «распространение доктрины, стремящейся творить суд над положительным правом во имя справедливости, является, несомненно, силой, которую практические люди не должны игнорировать или преуменьшать»⁸.

Таким образом, в интерпретации выдающегося отечественного мыслителя, справедливость предстает одной из важнейших нравственных категорий, причем, по отношению к праву она занимает подчиняющее, а не подчиненное положение.

В.С. Соловьев также был убежден, что сущность человеческой личности заключается в нравственном начале, и различие между людьми состоит «не в нравственном начале их жизни и их действий — это начало для всех одно и то же, — а только в объеме, условиях и способах применения этого начала»⁹. Положительные законы, управляющие жизнью общества, должны, считал он, становиться «все более и более сообразными закону нравственному, т.е. все

более и более справедливыми и человеколюбивыми, как сами по себе, так и в своем применении»¹⁰.

В советскую эпоху было общепризнано, что аморальность является обязательным признаком преступления. Спорили о другом — о соотношении аморальности как признаке преступления с другими его признаками: одни ученые включали аморальность в признак общественной опасности¹¹; другие — в признак уголовной противоправности¹²; третьи считали аморальность самостоятельным признаком преступления¹³.

Особое мнение высказали Н.Ф. Кузнецова и А.В. Наумов. В частности, Н.Ф. Кузнецова считала, что все преступления аморальны, однако одни из них более аморальны, другие — менее¹⁴. А.В. Наумов пишет: «Криминализация той или иной разновидности поведения человека и существование определенного уголовно-правового запрета должны соответствовать нравственным представлениям общества. Соотношение же правовых и нравственных запретов не является постоянным. Право может и опережать мораль, выступая нравственным ориентиром. Но чаще всего в жизни бывает наоборот»¹⁵.

В качестве примера, должного, по мнению А.В. Наумова, подтвердить сказанное, он приводит ст. 193 УК РФ об ответственности за невозвращение средств в иностранной валюте и задается вопросом: «При чем тут нормы морали, и чья это мораль? Разумеется, что никакой предприниматель или коммерсант, заработавший за границей деньги в иностранной валюте, не переводит их ни в какой российский «уполномоченный» банк, от чего, конечно же, бюджет России и вообще ее экономика терпят серьезнейший ущерб». «Не переводят по одной причине: не доверяют российскому правительству, и не доверяют не без оснований»¹⁶. Пример явно неудачный. Согласно логике А.В. Наумова следует не только оправдать, но даже пожалеть безнравственных российских коммерсантов, не возвращающих средства в Россию (а они безнравственны, поскольку, как считает автор, понимают, что «бюджет России и вообще ее экономика терпят серьезнейший ущерб»).

Приведенный пример убеждает лишь в том, что закон не следует согласовывать с извращенной моралью даже тогда, когда ее носителем является правительство. Кроме того, критерием правомерности закона не может быть мнение одного человека и даже большинства людей (большинство часто ошибается)¹⁷, но только соответствие его не изменяющемуся во времени и пространстве естественному праву, постулаты которого человеческому сообществу давно хорошо известны: *жажда мира, потребность в питании, половое влечение, желание жить в обществе*¹⁸, *свобода, равенство, семья, частная собственность, достоинство, безопасность, вера в добродетель и справедливость, сопротивление гнету и т.п.*¹⁹

Философская проблема о соотношении морали и права и о возможности утверждения норм морали с использованием мер принуждения, в т.ч. принудительной силы закона, далеко не праздная. Встречаются попытки перенести некоторые результаты ее исследования в сферу практической деятельности. Так, солидаризируясь с И. Кантом, выступавшим против исправительных, воспитывающих наказаний на том основании, что, даже став преступником, индивид не может быть объектом отеческо-деспотической опеки, не может лишиться права на моральную самостоятельность, выражающуюся в способности к раскаянию, А.Л. Кононов считает, что «превращение субъекта в объект принудительного, пусть и этического, попечения противостоит неотъемлемой основе всех его прав — достоинству личности (статья 21 Конституции Россий-

ской Федерации)». И поэтому, по его мнению, против лица, подвергшегося уголовному преследованию, «не могут быть использованы и такие декларируемые Уголовным кодексом Российской Федерации цели уголовной ответственности, как исправление и предупреждение»²⁰ (надо думать, речь идет о целях уголовного наказания — ч. 1 ст. 43 УК РФ, поскольку, вопреки мнению А.Л. Кононова, в УК РФ нет норм о целях уголовной ответственности, в его ст. 43 названы только цели наказания. — Ю.Б.).

При оценке позиции А.Л. Кононова необходимо учитывать, что его публикация датируется 2003 г., а это время массовой идеализации россиянами западного образа жизни и некритичного отношения к провозглашаемым там ценностям и стандартам. Однако в 2014 г. в связи с событиями в Украине, санкциями и другими недружественными актами в отношении России наступило тотальное прозрение россиян и стало очевидным, что навязываемые миру т.н. «базовые принципы» Европы и США есть не что иное, как торжество свободы однополых браков, передачи детей на воспитание в семьи мужеложей и лесбиянок, узаконения свободы содержания заведений для потребления наркотиков, свободы половых сношений в общественных местах (Голландия), свободы оскорбления мусульманских и христианских святынь (Великобритания, Франция), свободы применения вооруженных сил на территории суверенных государств без санкции Совета Безопасности ООН (страны НАТО), свободы свержения вооруженным путем неугодных политических режимов, свободы возрождения нацизма, применения оружия массового поражения против гражданского населения Донбасса.

Думается, что именно на ошибочных кантовских представлениях о сущности свободы построена также западная ювенальная юстиция, разрушающая веками складывавшееся и освященное догматами христианской религии отношение к семье как к добровольному, основанному на взаимной любви, уважении и доверии союзу мужчины и женщины, создаваемому для рождения детей и их совместного воспитания.

И. Кант, безусловно, гениальный философ. Однако это не значит, что все его выводы и аргументы безупречны. Известно, в частности, что и он, и его последователи вообще отрицали эмпирическую свободу, т.е. исследовали сущность свободы исключительно как феномена, как идеального явления, данного человеку от рождения.

Свобода как феномен означает состояние, свойственное из всех живых существ только человеку — представителю отряда *homo sapiens*, и понимается как способность осознавать себя в качестве «я» в отличие от других людей и способность формировать «хотение». Создать формулу «я хочу» может только человек.

Между тем эмпирическая свобода — это способность давать оценки окружающему миру и контролировать свое поведение в соответствии с сформировавшимся в процессе социализации требованием «я должен».

Строго говоря, имея в виду эмпирическую свободу, ее нельзя отрывать от закона. Если бы не было закона, люди бы не знали, что хорошо, а что плохо, что есть зло, а что добро и именно поэтому ответственность субъекта за свои поступки определяется знанием им нравственных и правовых норм. Вся практика человеческих отношений убеждает в том, что склонить человека к справедливому поведению можно только посредством принуждения.

В контексте проблемы «основание уголовной ответственности» следует иметь в виду, что в современной отечественной правовой теории господствует нормативная концепция права, отдельные постулаты которой становятся тормозом на пути совершенствования законодательства, в том числе уголовного.

Недостаточность современной нормативной концепции права видится, прежде всего, в вопросе об оценке роли естественного права в формировании позитивного права. И дело не в том, что во мнении приверженцев нормативной концепции права, первое выступает в качестве ближайшей и необходимой духовной (идейной) предпосылки второго (с этим никто из сторонников широкого правопонимания не спорит), а в том, что здесь справедливость определяется как ценность, дарованная народу в праве, но не как *источник и мерило* правомерности права.

Думается, справедливость *во все времена должна служить ориентиром* при решении вопросов реформирования положительного права. Некоторым современным «нормативистам» (сторонникам нормативной концепции права), кажется, не достает такого понимания соотношения права и справедливости. Тот, кто не на словах, а на деле признает важную роль естественного права в процессе нормотворчества, должен признать верховенство естественного права как *высшей справедливости* над позитивным правом. Прав был П.И. Новгородцев, утверждая: «Те законы, под которыми хотел жить Токвиль, должны были прежде всего следовать справедливости и охранять права личности против неограниченной власти, кому бы она ни принадлежала»²¹. В противном случае любое заявление (в теории) о признании значимости естественного права для содержания правовых норм (позитивного права) превращается в пустую фразу, в лучшем случае — в благое пожелание.

Законодатель должен быть *«связан»* естественным правом: нельзя принимать закон, противоречащий этому праву; никакие чрезвычайные обстоятельства не должны отменять это право (нападение врага — исключение в отношении его воинов); нормативный акт, противоречащий постулатам этого права, должен быть отменен *народом* в рамках процедуры, предусмотренной Конституцией, а в случае утверждения реакционного режима власти посредством осуществления акта необходимой обороны (право на восстание).

Вопрос о соотношении права и справедливости (самый важный вопрос с точки зрения предмета настоящего исследования) представителями нормативного правопонимания решается весьма своеобразно. Во-первых, право и справедливость никем из них не отождествляются. Во-вторых, в определениях права понятие «справедливость» не фигурирует в качестве какого-либо существенного признака, а упоминается или как фундаментальный институт, с которым право имеет (наряду с другими фундаментальными институтами — гуманизмом, правами человека) «закономерные связи» (В.Н. Синюков)²², или как неотъемлемое качество исключительно *социалистического* права с учетом того, что выражением «подлинной социальной справедливости ... является закрепление ликвидации эксплуатации человека человеком, т.е. ликвидации той вопиющей несправедливости (курсив наш. — Ю.Б.), при которой один человек может присваивать результаты труда другого человека» (П.Т. Васьков)²³.

Надо полагать, право нынешней России с этих позиций ни при каких обстоятельствах не может быть признано справедливым, поскольку не только допускает эксплуатацию человека человеком, но закрепляет ее в качестве фундамента утверждающейся социально-экономической формации.

Приверженцы нормативного правового понимания критикуют своих оппонентов — сторонников широкого понимания права за то, что они к критике позитивного, в т.ч. нормативного понимания права, подходят с позиций неприятия позитивизма вообще²⁴. Думается, это серьезное заблуждение. Сегодня в России предпринимаются попытки (пока на теоретическом уровне) привить идею о приоритете интересов личности. Для государства, в котором на протяжении многих столетий господствовала, утверждаясь огнем и мечом, иная парадигма — о подчиненности интересов личности интересам государства, проблема переоценки ценностей, смены ориентиров настолько же актуальна, насколько сложно ее воплощение в реальную жизнь. Реализация этой идеи означала бы величайшую революцию в системе взаимоотношений людей, человека и общества, человека и государства. Но, прежде чем в жизни восторжествует идея приоритетов интересов личности над интересами государства, она должна восторжествовать в массовом сознании.

Именно в наше время, на сломе эпох, не случайно зарождение либертарной концепции права В.С. Нерсесянца. Ученый сумел впервые в отечественной теории права заложить основы учения, идеи которого стали витать в воздухе в эпоху глобальных экономических и социально-политических преобразований в России в 90-е гг. прошлого столетия. Мы довольно часто сталкиваемся с подобным феноменом — слушаем чей-то доклад на конференции или читаем чье-то произведение и ловим себя на мысли о том, что автор сумел выразить то, что мы понимали, осознавали, но не сумели или не успели сформулировать для себя и других. Видимо, в этом и кроется талант исследователя — идти хотя бы на шаг вперед.

В рамках либертарной формально-юридической концепции права В.С. Нерсесянец определяет *право* через три формально-содержательные характеристики: *формально-всеобщая равная мера; свобода; справедливость*. Соотношение названных характеристик видится ему следующим образом. Принцип равенства носит социально-исторический характер. Он наличествует в каждую эпоху, но формы его проявления разнообразны в различных социально-экономических формациях. В то же время он имеет универсальное значение для всех исторических типов и форм права и выражает специфику правового способа регулирования общественных отношений. *Правовое начало есть там, где действует принцип формального равенства*. В связи с этим справедливость заключается в правовом подходе, выражающем всеобщую и равную меру свободы людей. Допущение неправовой справедливости означает оправдание произвола, диктата, подмены всеобщности права групповыми, партийными, корпоративными, классовыми интересами и нормами.

Такой подход позволяет, по его мнению, правильно решать вопросы о соотношении права и свободы, права и справедливости, права и равенства. Только свободный индивид является определяющей фигурой свободы.

Право есть всеобщий масштаб и равная мера свободы индивида. В таком понимании по В.С. Нерсесянцу его не следует смешивать с различными нормативными актами — законами, указами, постановлениями и т.д., т.е. с позитивным, официально установленным правом. Закон может представлять собой правовое явление только как форма выражения права. Благодаря такому закону принцип правового равенства получает государственно-властное признание и защиту.

Закон становится правовым лишь будучи конкретизацией объективно обусловленных свойств права.

Таким образом, нормы действующего законодательства (позитивное право) являются собственно правовыми лишь в той мере и постольку, поскольку в них присутствует, нормально выражен и действует принцип формального равенства и формальной свободы. В связи с этим В.С. Нерсесянц формулирует фундаментальное требование для правового государства: право (и только право) должно стать законом, а закон должен быть правовым²⁵. Своеобразно он определяет и соотношение права и справедливости. Справедливым может быть только правовой закон. Ведь сама справедливость потому, собственно, и справедлива, что в ней представлено правовое начало — всеобщий принцип равенства. Справедливо то, что соответствует праву и действовать по справедливости — это значит действовать по праву, в соответствии с его всеобщим масштабом и равными для всех мерами (нормами) свободы. Будучи абстракцией права, справедливость воплощает в себе и выражает требование соблюдения правового равенства в соответствующих отношениях. Какого-либо другого регулятивного принципа, кроме правового, справедливость не имеет. Отрицание же правового характера и смысла справедливости приводит к тому, что в принцип справедливости начинают возводить какое-нибудь не правовое начало — уравниловку, привилегии и т.п. Поэтому, считает В.С. Нерсесянц, справедливость может прийти в столкновение лишь с правонарушающим, но не с правовым законом, не с всеобщим принципом правового равенства, который является ее собственным принципом.

«Именно благодаря своей формальности, — пишет В.С. Нерсесянц, — (абстрагированности от «фактического») равенство может стать и реально становится средством, способом, принципом регуляции «фактического», своеобразным формальным и формализованным «языком», «счетом», «весами», измерителем всей «внеформальной» (т.е. «фактической») действительности. В этом суть принципа равенства как формального, правового равенства, как всеобщего масштаба и равной меры (формы и нормы) свободы²⁶.

Безусловно, в сравнении с легистским (нормативным) пониманием права, концепция В.С. Нерсесянца является шагом вперед, хотя она, как и любая другая научная теория, содержит спорные положения

Критики В.С. Нерсесянца безапелляционно относят его к сторонникам обычного (традиционного) широкого понимания права и ставят в один ряд с В.К. Бабаевым, Д.А. Керимовым, Р.З. Лившицем, Л.В. Петровой и другими, руководствуясь простой логикой: поскольку в основании широкого правопонимания лежит различие права и закона и под правом подразумеваются естественные законы, а В.С. Нерсесянц требует соответствия позитивного права (официально издаваемых нормативных актов) естественному, он не может быть никем иным, как сторонником широкого понимания права. Нюансы, делающие его концепцию оригинальной, не совпадающей с традиционным широким правопониманием, почему-то упускаются из виду.

Д.А. Керимов, думается, правильно оценивает позицию В.С. Нерсесянца как попытку подняться и над узким, и над широким правопониманием²⁷. Показательно, что на рубеже XX–XXI вв. Д.А. Керимов явился таким же непримиримым критиком нормативного понимания права, каким откровенным его сторонником был несколько десятилетий назад²⁸. В этом нет ничего ни удивительного, ни предосудительного: изменилась жизнь и, естественно, изменились

наши суждения о многих явлениях. Но, пожалуй, самое важное — мы получили уникальную возможность свободно, без какой бы то ни было цензуры эти взгляды публично выражать. Вместе с тем не может не вызывать уважение и добрый консерватизм — приверженность идеям, сформулированным многие десятилетия назад на весьма солидной философской основе. Неприятие вызывает другое: стремление некоторых авторов «приспособить» эти идеи к совершенно новым социально-экономическим и политическим реалиям. Отсюда и нежелание понять сторонников либертарной концепции права и, возможно, невольное искажение ее смысла.

В.С. Нерсисянц, видимо, в связи с этим неоднократно подчеркивает, что право и закон — явления, хотя и взаимосвязанные, но не совпадающие, не тождественные. Право обладает по отношению к закону (писанному праву) верховенством — закон должен проистекать из права, соответствовать, а значит — и не противоречить ему²⁹. Закон, противоречащий праву, — явление противоправное, не имеющее оснований для существования³⁰. При этом речь вовсе не идет о том, что в подобных случаях любой гражданин, группа людей или слой общества, которым закон покажется не правовым, могут его не соблюдать. Думается, противники либертарной концепции умышленно «огрубляют», «уплощают» идею. Мысль здесь, безусловно, сформулирована более глубокая: естественное право должно быть «вплетено» в закон (в форму) в качестве его сущности и критерия справедливости. В таком случае снимается противопоставление права и закона. И, что весьма важно, правотворчество государства «вводится» в определенные рамки — оно ограничивается в праве издавать законы, не согласующиеся с правами и свободами человека, которыми он обладает в силу принадлежности к популяции *homo sapiens*.

По существу противостояние между нормативным и широким толкованием права определяется их разным пониманием вопроса о соотношении морали и права. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что часто недоразумения основываются на неразличении морали и нравственности.

В философии мораль определяется как «абстрактное внутреннее чувство, позволяющее различить, что хорошо, а что дурно»³¹. Моральность есть требование поступать определенным образом. Это требование может быть облечено в форму абстрактного внутреннего императива. В этом случае мы имеем дело с моральностью. Однако это же требование, облеченное в форму внешнего силового требования, становится правовым. Естественное право представляет собой «сконденсированный минимум морали, который является абсолютно необходимым для сохранения стабильного общества»³².

Между тем нравственность является содержанием требования. Такое различие моральности и нравственности как формы требования и его содержания предполагает случаи, когда моральное и правовое требования, совпадая друг с другом, могут быть безнравственными.

Соотношение морали и права еще и таково, что моральные требования часто находят непосредственное отражение в нормах права. Например, моральные требования «не укради», «не убий» запрещаются под страхом уголовного наказания соответственно ст. 158 и 105 УК РФ.

В то же время содержание многих правовых требований можно уяснить, только поняв смысл моральных норм. Например, ст. 128.1 УК РФ определяет клевету как распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и

достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Честь и достоинство — категории сугубо моральные.

Правовые требования по содержанию могут совпадать с моралью, а могут не совпадать. Объясняется это, главным образом, формальной определенностью права, которая не всегда дает возможность «распространить его действие на ситуации, настоятельно требующие правового регулирования, но не предусмотренные правом, либо, наоборот, допускающие и требующие применения права к жизненным отношениям и ситуациям, к которым мораль считает такое применение несправедливым»³³. Речь идет о том, что или право дифференцированно оценивает одинаковые, с точки зрения морали, ситуации, либо уравнивает ситуации или обстоятельства, весьма различные с точки зрения морали³⁴. Мораль дает отрицательную оценку правовым предписаниям в случаях их несоответствия нравственным ценностям.

Таким образом, вопрос о соотношении права и морали — один из важнейших не только в философии, но и правовой теории. В частности, в общей теории права по линии соотношения права и морали проходит водораздел между правовым *позитивизмом* и правовым *морализмом* и противоречие между ними Ю.В. Тихонравов с полным основанием именует антиномией правовой теории, которая состоит в том, что правовой позитивизм (нормативная концепция права) определяет право безотносительно к справедливости, правовой морализм (концепция широкого правопонимания) — только в отношении к справедливости. Другими словами, «нормативисты» (сторонники правового позитивизма) рассматривают право как явление, свободное от этического начала. Справедливость же расценивается в качестве возможного внешнего (не от законодательного органа исходящего) основания критики позитивного (в нормах выраженного, то есть, действующего) законодательства.

Серьезным антитезисом правового позитивизма является следующее обстоятельство: «При правопорядке, пытающемся обойтись без справедливости, принуждение, от него исходящее, ничем не отличается от грубого насилия, к которому прибегают преступные группы»³⁵. Слабость правового позитивизма состоит и в том, что критика действующего законодательства, изначально не ориентированного на справедливость, может оказаться невозможной в условиях определенного политического режима (например, в тоталитарном государстве).

Между тем, с точки зрения правового морализма, если закон вступает в явное и чрезмерное (по Ю.В. Тихонравову — «невыносимой степени») противоречие со справедливостью, он приобретает свойства неправильного (речь идет именно о чрезмерном, «невыносимом» противоречии закона и справедливости, поскольку вряд ли можно всегда ожидать точного совпадения закона с требованиями справедливости). Здесь совершенно очевиден приоритет идеи справедливости перед позитивным правом.

Радикальный морализм³⁶ требует точного соответствия закона справедливости, поэтому закону, вступившему в противоречие с общепризнанным принципом справедливости, с его точки зрения, должно быть отказано в праве называться действующим правом. И это признается слабостью радикального правового морализма³⁷.

Юристы — сторонники не совпадающих концепций правопонимания (главным образом сторонники нормативного понимания права) — призывают друг друга к поиску компромиссов в целях сближения позиций и выработки в конеч-

ном счете единой концепции правопонимания³⁸, однако точек соприкосновения не находят.

Надо отдать должное философам, которые, кажется, предлагают достаточно перспективное и потому нуждающееся в развитии начало: «сильное» толкование тезиса позитивизма о разделении права и морали (в соответствии с которым названное разделение равно позитивизму) заменить более «слабым», согласно которому «разделение права и морали надо понимать в относительном смысле: позитивное право не может быть исчерпывающим образом определено без перспективы справедливости, однако ряд его моментов поддается определению, и минуя эту перспективу, — это происходит, например, в правовой догматике»³⁹.

Преимущество «слабого» толкования разделительного тезиса позитивизма видится не только в том, что оно облегчает формирование научно-правовой догматики, «но и дополняет действующее право суждениями о его соответствии требованиям справедливости»⁴⁰. В то же время «слабое» толкование названного тезиса означает и то, что в противовес радикальному правовому морализму справедливость исключается из дефиниции права, не утрачивая при этом силы критерия причисления закона к правовому или не правовому. Автор этой идеи Ю.В. Тихонравов, конечно, прав. Но он был бы и справедлив, рекомендуя «слабое» толкование не только сторонникам «широкого», но и нормативного правопонимания.

При определении справедливости и ее соотношения с правом необходимо исходить из следующей посылки: право — искусственное образование, произведение человека, а человек — существо эгоистичное, жестокое. Не случайно В.С. Соловьев указывал: «Человек есть вместе и божество и ничтожество»⁴¹. Далее он с горечью отмечал: «Мир, искавший совершенства в человеке, обоготворил самого человека и увидел в нем бешеного зверя. Ясно стало, что *совершенство человека не в нем самом*»⁴². Поэтому люди, имеющие правомочия нормотворчества, стремятся выразить в нормах свое видение мироустройства, свое субъективное представление о справедливости. Законодательство — всегда весьма субъективно и часто входит в противоречие с естественными правами человека (нацистские режимы). Государство — всегда насильник своих подданных, оно — душитель, узурпатор их свободы. Надо привыкнуть к тому, что неистребимым, естественным, вечным является противоречие: человек — от природы свободное существо, свобода — суть человеческой личности, но столкновение свобод отдельных индивидов — источник конфликтов и потенциальный источник самоистребления людей. Государство — сила, противостоящая индивидуальным свободам, это наиндивидуальное насилие. Оно создается совместно индивидами в *ущерб их личной свободе, однако для сохранения этой личной свободы*. Однако государство, будучи созданным людьми за счет их уступки части своей свободы, затем «отчуждается» от своих создателей, становится самодовлеющей силой, начинающей жить своей собственной, независимой от подданных жизнью⁴³. А поскольку суть государства — насилие, оно имеет тенденцию к укреплению своей сути (как любое другое живое существо). Поэтому государство стремится увеличить силу своей принудительной мощи в отношении подданных и расширить сферу принуждения, включая в число запрещенных все более широкий круг деяний человека⁴⁴. В этом — смысл существования государства, самоутверждение и самооправдание, усиление мощи. Бюрократия — это то же государство в миниатюре: стоит где-то появиться бюрократическому аппарату, он сразу обнаруживает тенденцию

к «обособлению» от подчиненных, к увеличению штата, к самооправданию посредством введения новых форм документооборота, отчетности подотчетных структур, к обоснованию увеличения ассигнований на свое содержание и т.д.

Поэтому необходим универсальный объективный (а потому и всемогущий) «сдерживатель» государства в его стремлении «подмять» под себя человека, сделать из него своего раба вместо того, чтобы быть если не его рабом, то, по меньшей мере, преданным его слугой. В роли такого «сдерживателя» может выступать именно *справедливость*, с чувством которой рождается каждый человек, а общество создает условия для превращения этой потенции в *реальное чувствование*. Так же, как человек от природы наделен не разумом, а способностью к разуму, и развитие этой способности в соответствующем направлении приводит к разуму⁴⁵, точно так же он от природы наделен способностью к «чувствованию» справедливости, которая в результате соответствующего воспитания становится реальным чувствованием этого феномена.

Пробуждение чувства справедливости особенно остро проявляется в критические периоды жизни государства. Вспомним Великую Отечественную войну, развязывание которой советский народ воспринял как вопиющую несправедливость и, осознав это, победил.

В наше время, время грандиозных реформ, в т.ч. реформы российской правовой системы, идея соответствия права требованиям моральности осознается на уровне политического руководства страны. Выступая 23 сентября 2011 г. на секции «Гражданское общество: партнерство и справедливость» съезда партии «Единая Россия», В.В. Путин (тогда Председатель Правительства РФ) говорил следующее: «Нас всегда учили (и я это очень хорошо запомнил): закон всегда морален, нет неморальных законов и быть не может». И далее, говоря о необходимости совершенствования судебной системы, он заявил: «...Это одна из наших ключевых задач, с тем, чтобы наша система права действительно была справедливой и способной защищать интересы любого гражданина вне зависимости от того, где он проживает, какой национальности он, какого вероисповедания и каков его материальный или официальный статус. Она должна быть беспристрастна, и все должны быть равны перед законом», «... я уже говорил, насчет справедливости. Закон должен быть всегда моральным, а значит справедливым. Одно другому не мешает»⁴⁶.

Заключение одного из руководителей государства согласуется с мнением современных российских ученых. В.М. Межуев, в частности, пишет, что вне морали и права любая идеология становится потенциально опасной для общества. А демократическая власть, по его мнению, есть власть не идеологии, а права, равно обязательного для всех идеологий⁴⁷.

Показательно также, что создатели самопровозглашенных в 2014 г. на юго-востоке Украины Донецкой и Луганской народных республик в основание нового государства заложили идею совести, т.е. божественной *справедливости*.

Чувство справедливости всегда живет в народе. Он всегда чувствует несправедливость, но не всегда протестует, что часто ложно воспринимается властью как одобрение ее порой жестокосердных деяний.

Противоречие категории справедливости заключается именно в том, что она, с одной стороны, вечна (пока на Земле есть человек — носитель этой «вечности»), с другой стороны, изменчиво ее восприятие людьми, но не в силу генетической изменчивости человека (*homo sapiens*), а в силу динамичности условий его оби-

тания, обуславливающих не только специфику и объем (сумму) потребляемых благ, но и способ их производства и распределения (присвоения).

Право и нравственность имеют одного прародителя — природу человека как разумного свободного существа, хотя не совпадают и, думаю, совпасть не могут. «Право, — писал П.И. Новгородцев, — никогда не может всецело проникнуться началами справедливости и любви. Но если оно вступает в известных случаях в противоречие с нравственными заветами, то его нельзя назвать нравственным даже и в минимальной степени»⁴⁸.

В общей теории права и государства многие с этим солидарны, хотя соотношение между нравственными и правовыми категориями определяется по-разному.

С.С. Алексеев, в частности, рассматривал требование справедливости решающим постулатом права. Справедливость при этом у него синонимична равной мере и равному юридическому подходу. В юридической области такой подход в целом вряд ли следует отвергать, хотя утверждение автора о том, что недопустимо насильственное, принудительное, т.е. с использованием писанных норм, утверждение норм нравственности порождает вопрос: как на самом деле он понимает проблему соотношения права и нравственности? С.С. Алексеев против утверждения нравственных норм с эксплуатацией норм позитивного права, поскольку это не исключает утверждение с использованием норм этого права антигуманных фашистского и других идентичных безнравственных тоталитарных режимов. С позиций либертарной концепции права вопрос, сформулированный им, представляется некорректным. Безусловно, страшной бедой для народа является утверждение фашистских и им подобных режимов, в чем убеждают события 2014 г. в Украине.

Однако если общество допустило утверждение безнравственного режима посредством опоры на законы, то это значит, во-первых, что такие законы являются неправовыми и должны быть отменены народом или конституционным путем, или с использованием своего права на восстание (в случае утверждения реакционного режима); во-вторых, эти законы могли появиться только на основе утверждения искаженных, не соответствующих естественному праву нравственных представлений в силу незрелости общества в связи с интенсивным применением эффективных средств и методов «промыывания мозгов» или устрашения населения. Не может сильное, нравственно здоровое общество порождать тоталитарные и, прежде всего, нацистские и фашистские режимы.

В связи с этим вряд ли можно согласиться с существовавшим в 20-е гг. прошлого столетия утверждением о построении в нашей стране уже к тому времени правового государства, покоившегося, по мнению некоторых авторов, на подчиненности всех органов государственной власти велению закона, т.е. праву, создателем которого является государство, выступающее источником прав отдельных личностей⁴⁹. Между тем еще П.И. Новгородцев справедливо отмечал, что сущностью правового государства является ограничение власти⁵⁰.

Для С.С. Алексеева не случайно в камень преткновения превратилась проблема, которая с позиций либертарной концепции права решается однозначно: право должно стать законом, а закон должен быть правовым. Видимо, справедливость как правовая и этическая категория — это субъективное представление о пределах дозволенного для себя по отношению к другим и других по отношению к тебе, а право — это не что иное, как писаное правило об этих пределах. Но право может быть и несправедливым, поскольку его положения могут находиться

в противоречии с идеалами справедливости, господствующими в обществе в данную эпоху, а особенно — на стыке эпох.

Названное противоречие — источник правовых реформ. И это нормальное развитие права, поскольку оно фиксирует утвердившееся представление о справедливости.

Вместе с тем перед правом некорректно ставить цель утверждения норм нравственности, поскольку нравственность народа должна находить непосредственное отражение в его праве, а право — в значительной мере определять нравственное здоровье общества. Охрана законом норм нравственности — *не цель, а свойство права*.

Право и нормы нравственности имеют одного прародителя. А их соотношение таково, что право фиксирует в писанных нормах правила нравственного поведения и принудительной силой государства обеспечивает торжество нравственности. И можно спорить с противниками насильственного, принудительного, т.е. с использованием писанных норм, утверждения норм нравственности. Если идеи справедливости отражены в законе и он, естественно, является правовым, то утверждение с его помощью нравственности будет естественным и справедливым. Однако, если право позитивное расходится с идеями нравственности, господствующими в это время в этом обществе, такое право не может расцениваться как справедливое.

Таким образом, главное противоречие между нормативным и широким пониманием заключается в том, что первое исповедует право, свободное от морали, второе предполагает право, имеющее в своей основе моральные ценности.

В эпоху отечественного насильственного тоталитаризма (социалистическая эпоха), когда государство безапелляционно навязывало себя как финальную цель, социалистическое общество было идеократическим, поскольку народ был ориентирован на первостепенное удовлетворение духовных запросов: люди питались для того, чтобы жить, но не жили для того, чтобы питаться. Насилие государства имело в противовесе духовную мощь народа, веру его в идеалы коммунизма, взаимопомощи, дружбы, чувства личной чести, достоинства и т.п. И государство было сильным до момента начала его усталости, снижения пассионарности (чему способствовала фрустрация надежд в связи, например, с нереализованным обещанием всемирного торжества идей коммунизма, как и обещанием его построения в СССР к 1980 г. и т.п.). По этой и другим причинам насильственный тоталитаризм недолговечен, изначально обречен.

В условиях насильственного тоталитаризма в СССР нормативное понимание права было не только приемлемым, но и вполне естественным, поскольку, являясь инструментом государственного насилия, но будучи нравственно не ориентированным, оно нейтрализовалось нравственным «духом» народа, что помогало ему выжить, спасти себя для будущего и обеспечить достойное будущее своего государства.

Справедливость многолика применительно к разным сторонам жизни людей: мы можем говорить о справедливости в сфере производства и распределения материальных благ, в сфере образования, в сфере взаимоотношений людей в быту и на работе, в сфере взаимоотношений супругов, родителей, детей и т.д. Но, думается, в любом случае справедливость — это наши представления о наилучших отношениях между людьми, когда сильный не кичится своей силой, не подавляет ею других, а распоряжается для достижения наивысших социально

значимых результатов, а также для защиты более слабых — идет ли речь о защите женщин, детей, стариков или просто менее физически сильных или немощных в силу болезни; когда богатым человек становится по уму и другим природой данным достоинствам, но не за счет хитрости, лукавства, обмана, злоупотребления доверием, преступления; когда строго осуждается накопительство ради накопительства, но не ради инвестирования в отечественную экономику, культуру и прежде всего образование; не ради оказания материальной поддержки малоимущим, детям; когда у каждого гражданина, независимо от социального происхождения имеются равные стартовые возможности для развития и реализации физического и интеллектуального потенциала; когда государство, будучи организованным аппаратом принуждения, не мстит своим гражданам за совершенные ими правонарушения, а преследует цели исправления и последующей ресоциализации правонарушителей, создает условия, в которых правонарушение становится противным новым взглядам человека; когда законодательный орган государства ограничивает себя при принятии законов таким образом, что интересы любого человека становятся доминирующими в сравнении с амбициями аппарата принуждения.

Таким образом, справедливость — это, во-первых, эквивалент оценки поведения кого-то как отвечающего или не отвечающего естественному праву. О справедливом или не справедливом мы вспоминаем только в случаях столкновения интересов разных индивидов (людей друг с другом, человека и юридического лица и т.д.), т.е. в состояниях конфликта. Прав А.В. Зелепукин в том, что справедливость реализуется непосредственно в отношениях между людьми⁵¹. Это обусловлено природой человека, который должен быть амбициозным, постоянно заявлять о себе, утверждать себя в среде себе подобных, определять свою нишу в обществе, заставляя других считаться с собой. И функция справедливости как нравственной категории заключается в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить максимально возможный нравственный «простор» для реализации потенциалов каждого человека; с другой стороны, ограничить этот «простор» адекватными интересами других индивидов.

В.С. Соловьев, безусловно, прав в определении эгоизма человека: «Ложь и зло эгоизма состоят вовсе не в том, что этот человек слишком высоко себя ценит, придает себе безусловное значение и бесконечное достоинство: в этом он прав, потому, что всякий человеческий субъект как самостоятельный центр живых сил, как потенция (возможность) бесконечного совершенства, как существо, могущее в сознании и в жизни своей вместить абсолютную истину, — всякий человек в этом качестве имеет безотносительное значение и достоинство, есть нечто безусловно незаменимое и слишком высоко оценить себя не может... Основная ложь и зло эгоизма не в этом абсолютном самосознании и самооценке субъекта, а в том, что, приписывая себе по справедливости безусловное значение, он несправедливо отказывает другим в этом значении...»⁵².

Естественно, названное ограничение может быть только принудительным и, следовательно, правовым, поскольку абсолютная, ничем не ограниченная свобода означала бы гибель человечества в связи с самоистреблением. Справедливым представляется суждение о том, что если бы человек не обладал свободой, то не понадобилась бы нравственность, которая служит ее ограничителем⁵³. Эти положения аксиоматичны, чего нельзя сказать о пределах ограничений, о

пределах дозволенного и недозволенного, о пределах вмешательства аппарата принуждения в личную жизнь гражданина⁵⁴.

Во-вторых, справедливость — это и мера нравственного воздаяния: деяние — воздаяние; права — обязанности; достоинства человека — его вознаграждение; преступление — наказание и т.п.⁵⁵

В то же время нельзя не заметить, что применительно к проблеме соотношения категорий «право» — «справедливость» высказанные соображения недостаточны.

Справедливость — это идеал, это наше представление о том, каким должно быть право. Для права справедливость — это путеводная звезда, это вектор движения и предел, достичь которого должно стремиться право, памятуя при этом, что этот предел недостижим принципиально. Никогда «право» и «справедливость» не совпадали и не могут совпасть, будучи идеалом и реальностью. Однако без идеала реальность станет безжизненной, мертвой. При всей своей прагматичности мы отдаем отчет в том, что подобно нереальности любви Ромео и Джульетты, нереально ожидать совпадения права и справедливости. Но каждый человек всегда желал, как и сегодня желает такой любви так же, как и совпадения права и справедливости.

В.С. Нерсесянц особенно настаивает на том, что право — это *формальное* равенство, и подчеркивает, что это не фактическое, а *формальное* равенство. Фактическое равенство принципиально недостижимо так же, как недостижимо тождество права и справедливости, хотя последнее В.С. Нерсесянцем вполне допускается. У автора данных строк нет возражений против отождествления права и равенства при условии, что равенство понимается нами и В.С. Нерсесянцем одинаково, хотя полной уверенности в этом нет.

Дело в том, что даже специалисты в области уголовного права равенство, как, например, принцип уголовного права, понимают достаточно односторонне, как потенциальную возможность быть осужденным по УК РФ за каждое совершенное преступление. Между тем объективно это означает лишь то, что в отношении каждого, совершившего преступление, должно быть возбуждено уголовное дело, независимо от социального происхождения, занимаемого служебного положения, религиозных убеждений, отношения к правящей партии и т.п. Однако это не означает, что каждый совершивший преступление обязательно будет осужден, а тем более, подвергнут уголовному наказанию. Многие статьи УК РФ позволяют освобождать преступников не только от уголовной ответственности, а следовательно, и от уголовного наказания (ст. 75, 76, 78, 84, 90, примечания к ст. 205, 206, 208, 222, 223, 228, 275, 282.1, 282.2, 291, 307, 337, 338 УК РФ), но и от наказания без освобождения от уголовной ответственности (ст. 79–85, 92, 93 УК РФ).

Думается, В.С. Нерсесянц не прав, утверждая, что право синонимично справедливости. Право и формальное равенство — явления не только вполне допустимые, но и предполагающие друг друга (хотя в науке и это весьма спорно). Однако, нет достаточных оснований отождествлять право и справедливость. Справедливость как этическая категория довольно консервативна, поскольку довольно консервативным является естество, природа человека, продуцирующая справедливость в качестве своего природного, природой данного чувствилища, чувствования. Право, наоборот, более динамично, изменчиво, поскольку более конъюнктурно, отражает сиюминутные (на фоне многовековой истории чело-

вечества) интересы отдельных господствующих классов (класса). Естественно, справедливость и право совпасть могли бы только в идеальном (коммунистическом) обществе. В реальном же мире, независимо от характера общественно-экономической формации, справедливость и требования права чаще всего не совпадают и совпасть не могут.

Как сообщает академик Академии наук России Д. Львов, за годы реформ 90-х – 2000-х гг. нищие россияне стали в 2 раза беднее. 80% населения России обеднели и лишь 20% стали богаче, причем 2% из них увеличили свои доходы в 10 раз⁵⁶.

Право до сих пор не видит, что торговых (на продажу) запасов нефти в России хватит лишь на несколько десятилетий, как не видит и того, что прирост ВВП в постсоветский период обеспечивается (и в ближайшие годы будет обеспечиваться) исключительно за счет эксплуатации природных ресурсов, что мы лишили себя продовольственной безопасности, что некоторые отрасли промышленности, как и финансовая система, поставлены в зависимость от Европы и США (что стало особенно очевидно в связи с объявленными нам в 2014 г. санкциями).

И, тем не менее, мы обязаны придавать праву свойство фикции, чтобы не утратить представление о добре и зле, о справедливом и несправедливом. При этом мы, безусловно, должны отдавать себе отчет в том, что никогда не сможем сделать с помощью позитивного права идею такой, какой она воображается. Но благодаря праву, сконструированному в таком качестве, мы получаем ориентир, вектор для движения во времени, причем во времени не вообще, а в каждую конкретную эпоху. Следуя идеалу, мы, не достигая его, получаем в жизни то, что имеем. И эта сложившаяся жизнь создает свои идеалы. И это вечное несоответствие того, к чему мы стремимся как к идеалу, с тем, что получаем в результате движения, является смертью прежнего идеала и источником рождения нового, новой формулы права, отрицающей предыдущую его формулу и заключающую в себе источник, причину своей гибели. Справедливость, таким образом, приходит не только для того, чтобы противостоять несправедливости, но (в конечном счете) и для того, чтобы убить себя в определенной содержательной сущности и явиться уже в иной сущности.

¹ См.: Гюго В. Девяносто третий год. М., 1981. С. 170.

² Показательно в этом отношении откровенно классовое, хотя и искусно завуалированное под демократическое, мнение современного философа США Дж. Ролза, который вслед за Аристотелем признает (правда, без ссылки на античного мыслителя), что «справедливость — это первая добродетель общественных институтов» и, так же как Аристотель, отличает уравнивающую (уравнительную) справедливость от распределительной с тем, однако, добавлением, что неравное распределение благ общества должно осуществляться не просто с учетом достоинств каждого (так у Аристотеля), но сопровождаться улучшением положения и менее удачливых.

Таким образом, Аристотель считал справедливым неравенство людей от природы (одни люди от природы — рабы, другие — рабовладельцы). Между тем Дж. Ролз современное капиталистическое неравенство считает справедливым, но не потому, что люди от природы не равны. Торжество справедливости он видит в том, что одни — *удачливые*, должны поделиться частью своих благ с другими — *неудачливыми*. Таким образом, удачливость одних и неудачливость других являются по Дж. Ролзу источником неравенства людей. Позиция Дж. Ролза, который сегодня в России пользуется определенной популярностью, представляется достаточно конъюнктурной, призванной, с одной стороны, оправдать несправедливость современного общества, базирующегося на капиталистических отношениях, с другой стороны, уберечь это общество от социальных потрясений в виде революций и т.п., убедив «удачливых» в необходимости делиться частью богатств с «неудачливыми» во имя профилактики «голодных» бунтов.

Поэтому его выводы о сущности справедливости, думается, не обладают свойством истинности. Вместо того, чтобы откровенно объяснить генезис неравенства в условиях рыночных отношений (как, впрочем, и в других условиях) неравенством людей от природы (физические, интеллектуальные, половые различия, разные задатки и способности и т.д.), Дж. Ролз пытается оправдать неравенство людей в рамках экономической системы с рыночными отношениями удачливостью одних и неудачливостью других.

Так же конъюнктурно воспринимается и его предложение сглаживать вопиющее экономическое неравенство людей, (надо полагать, устанавливая справедливость. — Ю.Б.), в рамках этой системы посредством подачек малоимущим (неудачливым) со стороны весьма имущих (удачливых). Видимо, справедливым было бы преобразование самой экономической системы в направлении, исключающем сверхбогатство одних за счет сверхбедности других с учетом, однако, неравенства людей от природы.

Неудачливость (в любой интерпретации этого понятия) — все-таки явление внешнее по отношению к сущности человеческой личности, к ее потенциальным, природой данным, возможностям. Если общество устроено так, что подавляющая часть людей является «неудачливой», а незначительная — «удачливой», вряд ли есть основания считать такое общество справедливым, даже если оно устанавливает и даже может обеспечить определенную систему компенсаций в пользу «неудачливой» части населения.

³ См.: Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. С. 235.

⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. Т. 1. СПб., 1904. С. 40.

⁵ Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М., 1915. С. 151.

⁶ См.: Там же. С. 151.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 152.

⁹ Соловьев В. Спор о справедливости. М.; Харьков, 1999. С. 859.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 91.

¹² См.: Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Т. 2: Преступление. М., 1970. С. 27.

¹³ См.: Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. С. 227–247; Герцензон А.А. Понятие преступления в советском уголовном праве. М., 1955. С. 51–53.

¹⁴ См.: Кузнецова Н.Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967. С. 50

¹⁵ Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 280–281.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Принцип большинства считали верным многие мыслители: Мирабо, Ретиф де ла Бретон, Ж.-Ж. Руссо и др. Возражая Ж.-Ж. Руссо, который считал общую волю народа всегда бесспорной и справедливой, П.И. Новгородцев не без основания писал, что «не только мнение большинства, но и единогласное постановление всех не обуславливает еще справедливости вынесенного решения. Справедливость какого-либо суждения определяется внутренними признаками, а не количеством признающих его голосов». И далее он весьма метко подметил, что меньшинство покоряется «не превозмогающей правде, а преобладающей силе» (Новгородцев П. Кризис современного правосознания. Введение в философию права. М., 1909. С. 211).

¹⁸ См.: Монтескье. Дух законов. Кн. I, гл. II. С. 9.

¹⁹ См., например: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани веков). Саратов, 2001. С. 126.

²⁰ URL: <http://www.az/ibr.ru/Law/Crime/ru/UCrtPRc2006/2120030319-1.shim/> (дата обращения: 15.11.2016).

²¹ Новгородцев П. Кризис современного правосознания. Введение в философию права. С. 236.

²² См.: Синюков В.Н. Сущность права // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 1995. С. 110–112.

²³ См.: Васильев П.Т. Социалистическое право // Основы теории государства и права. М., 1969. С. 216.

²⁴ См.: Байтин М.И. Указ. раб. С. 7.

²⁵ См.: Теория права и государства: учебник для студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов. М., 1995. С. 294–297.

²⁶ См.: Там же. С. 209.

²⁷ См.: Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 177–178.

²⁸ См., например: Керимов Д.А., Недбайло П.Е., Самощенко И.С., Явич Л.С. К вопросу об определении понятия социалистического права // Правоведение. 1966. № 2.

²⁹ См.: Нерсесянц В.С. Правовой закон и правовая законность. М., 1999. С. 21–22.

³⁰ См.: Там же. С. 28.

³¹ Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997. С. 401.

³² Там же. С. 402.

³³ Там же. С. 404.

³⁴ См.: Там же.

³⁵ Там же. С. 407.

³⁶ Предлагается различать «законнический» и правовой морализм: правовой морализм в отличие от «законнического» требует «соотнесения со справедливостью не в случае каждого отдельного правового определения, а лишь в рамках правового порядка в целом» (Тихонравов Ю.В. Указ. раб. С. 411). В соответствии с идеей правового морализма позитивное право должно быть определено исключительно под углом зрения его подчиненной роли по отношению к справедливости.

³⁷ Ярким представителем радикального правового морализма является Радбрух (см., например: Radbruch G. Gesetzliches Unrecht und Übergesetzliches Recht (1946); Radbruch G. Rechtsphilosophie. Heidelberg, 1983).

³⁸ См., например: Байтин М.И. Указ. раб. С. 14.

³⁹ Тихонравов Ю.В. Указ. раб. С. 408.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Соловьев В. Спор о справедливости. Харьков, 1999. С. 136.

⁴² Там же. С. 223.

⁴³ Достаточно вспомнить деятельность Государственной Думы РФ, которая в качестве первого акта отчуждения от народа после ее всенародного избрания традиционно решает, надо думать, наиболее приоритетный для нее вопрос — о заработной плате и привилегиях депутатов, — о не народа, о котором вскоре настолько забывает, что часто начинает принимать откровенно антинародные законы.

⁴⁴ Яркое тому подтверждение — свехкриминализация в сфере уголовно-правового нормотворчества во многих странах мира (даже Франция не смогла устоять перед напором этого явления, приняв новый Уголовный кодекс взамен Уголовного кодекса Франции, просуществовавшего около 200 лет. Россия, вступив в систему рыночных отношений, не стала исключением, о чем свидетельствуют, например, дополнения Уголовного кодекса РФ ст. 159.1–159.6, внесенными Законом от 29 ноября 2012 г.).

⁴⁵ См.: *Веллер М.* Всеобщая теория всего. СПб., 2004. С. 227.

⁴⁶ Архив сайта Председателя Правительства РФ В.В. Путина 2008–2012 гг. URL: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/16544/> (дата обращения: 14.10.2014).

⁴⁷ О сущности гражданского общества и демократии подробнее см.: *Межуев В.М.* Гуманитарная наука и идеология. Доклад на семинаре «Российская гуманитарная наука: генезис и состояние» // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние: материалы постоянно действующего научного семинара. М., 2007. № 2.

⁴⁸ *Новгородцев П.И.* Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 105; О проблеме соотношения права и нравственности в трудах русских неолиберальных философов подробнее см.: *Васильев Б.В.* Проблема соотношения права и нравственности в контексте парадигмы философии права русского неолиберализма // Философская и правовая мысль. Вып. 3. Саратов; СПб., 2002. С. 57–68.

⁴⁹ См.: *Малицкий А.* Советская Конституция. Харьков, 1924. С. 27–28.

⁵⁰ См.: *Новгородцев П.И.* Конспект к лекции по истории философии права. М., 1909. С. 68.

⁵¹ См.: *Зеленукин А.В.* Предмет и категории этики: учебное пособие. Саратов, 2002. С. 45.

⁵² *Соловьев В.* Указ. раб. С. 757.

⁵³ Автор данной статьи в вопросе о сущности свободы придерживается концепции, обоснованной профессором Э.А. Поздняковым (см.: *Поздняков Э.А.* Философия свободы. М., 2011).

⁵⁴ См.: *Зеленукин А.В.* Указ. раб. С. 45.

⁵⁵ См.: Аргументы и факты. 2004. № 47. С. 6.

Г.В. Верина

ГЛАВА 21 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОСЛЕ ПЕРЕМЕН

Статья посвящена критическому анализу новелл Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в контексте преступлений против собственности. Высказано предложение о декриминализации мелкого хищения.

Ключевые слова: преступления против собственности, хищение, формы хищения, мелкое хищение, декриминализация.

G.V. Verina

CHAPTER 21 OF THE CRIMINAL CODE: AFTER CHANGE

The article is devoted to the constructively critical analysis of the novels of Federal Law No. 323 of July 3, 2016 in the context of crimes against property. Suggested decriminalization of petty theft.

Keywords: crimes against property, theft, mold theft, petty theft, decriminalization.

В первом номере за 2016 г. издания «Библиотека криминалиста. Научный журнал» была опубликована наша научная статья «Глава 21 Уголовного кодекса Российской Федерации: в ожидании перемен», в которой была представлена критическая оценка теории «опасного состояния», расширения административной преюдиции в российском уголовном законодательстве и предстоящей

© Верина Галина Владимировна, 2017

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: GV.Verina@yandex.ru

криминализации мелкого хищения. Одним из основных предметов анализа служил проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»¹, авторы которого предложили дополнить российский уголовный закон ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию». Согласно проекту диспозиции названной статьи уголовную ответственность предлагалось установить за мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение либо имеющим судимость хотя бы за одно из преступлений, предусмотренных статьями настоящей главы, за исключением преступления, предусмотренного ст. 168 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ).

Идея криминализации мелкого хищения, к нашему великому огорчению, была реализована Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»². В проект закона «вдохнули жизнь», однако, к счастью, в новой редакции.

Итак, перемены настали. Что они с собой привнесли в уголовный закон России? Что с тех пор изменилось?

Одним из принципиальных новшеств гл. 21 УК РФ стала, к большому сожалению, административная преюдиция, которая «прописалась» в ст. 158.1.

Продолжая оставаться на позиции неприемлемости административной преюдиции в уголовном праве, в частности при конструировании составов преступлений в уголовном законе, отметим, что редакция вновь введенной в УК РФ ст. 158.1 более совершенна, по сравнению с ее проектом. Например, устранены противоречия между названием статьи и ее диспозицией, техника построения уголовно-правовой нормы стала более качественной. В этой части наши предложения, высказанные на страницах вышеупомянутого научного журнала, нашли отклик у законодателя. Так, мы настаивали на недопустимости признания конструктивным признаком мелкого хищения наличие судимости хотя бы за одно из преступлений, предусмотренных статьями гл. 21 УК РФ, за исключением преступления, предусмотренного ст. 168 настоящего Кодекса, поскольку, по нашему глубокому убеждению, судимость сама по себе не должна выступать основанием криминализации. Полагаем, она может быть учтена в качестве квалифицирующего признака, может выступать одним из средств дифференциации уголовной ответственности, индивидуализации уголовного наказания и т.д. В противном случае принцип вины и теория вины³, уголовная ответственность в соответствии с виновно совершенным преступлением подменяются теорией «опасного состояния», ответственностью за сам факт признания человека опасным для государства.

Подтверждением тому, что законодатель прислушался к нашей позиции, служит ныне действующая редакция диспозиции ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» УК РФ: «Мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Сравним приведенный текст действующего Закона с его проектом: «Мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение либо имеющим судимость хотя бы за одно из преступлений, предусмотренных статьями настоящей главы, за исключением преступления, предусмотренного статьей 168 настоящего Кодекса» (проект ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» УК РФ был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ на основании Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. № 37).

Как видим, в дефиницию мелкого хищения не вошла фраза «или имеющим судимость хотя бы за одно из преступлений, предусмотренных статьями настоящей главы, за исключением преступления, предусмотренного статьей 168 настоящего Кодекса». Это дает основание сформулировать вывод о том, что теория «опасного состояния» на уровне института множественности преступлений не проникла в гл. 21 УК РФ. Данному решению способствовали научные дискуссии, в которую мы также постарались внести свою скромную лепту.

Криминализация мелкого хищения — еще одно подтверждение того, что современный российский законодатель все чаще стал обращаться к идеям советского законодательства. Так, ст. 96 УК РСФСР 1960 г. устанавливала уголовную ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества путем кражи, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением или мошенничества, совершенное лицом, к которому с учетом обстоятельств дела и личности не могли быть применены меры общественного воздействия или административного взыскания⁴. В рамках преступлений против личной собственности граждан (гл. 5 УК РСФСР 1960 г.) мелкое хищение законодатель не выделял, она охранялась независимо от стоимости похищенного. Исключение составляли ничтожно мизерные суммы, обосновывающие признание деяния малозначительным, соответственно, не влекущим уголовную ответственность⁵.

Вместе с тем понятие мелкого хищения своими корнями уходит в более раннюю историю российского законодательства. Так, еще в 1916 г. И.Я. Фойницкий отмечал: «Маловажная кража (своеобразный аналог мелкого хищения. — Г.В.) характеризуется незначительностью объекта похищения; наше законодательство относить къ ней похищение имущества стоимостью не выше 50 к. Понятие маловажной кражи по нашему праву относится ко всякаго рода имуществамъ, подъ условіемъ лишь рыночной стоимости ихъ не выше опредѣленной закономъ цифры»⁶.

Современное решение вопроса о введении уголовной ответственности за мелкое хищение ориентировано в первую очередь (что представляется весьма очевидным) на противодействие преступлениям против собственности граждан.

Какова социальная обусловленность такого решения вопроса?

Можно предположить, что основанием введения уголовной ответственности за мелкое хищение послужил низкий уровень материальной обеспеченности российских граждан, состояние которого усугубляется продолжающимся экономическим кризисом, приведшим по сути к обнищанию широких слоев населения страны. Возможно, законодатель предпринял попытку таким способом (весьма репрессивным) защитить даже мизерные размеры собственности. Поэтому можно согласиться с тем, что введение уголовной ответственности за мелкое хищение

отчасти было продиктовано идеей о том, что собственность воистину священна и неприкосновенна, независимо от ее объемов.

Законодатель дифференцировал ответственность за мелкое хищение на административную и уголовную, ориентируясь на ряд критериев. Рассмотрим их.

Согласно ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) 2001 г. (в ред. от 5 декабря 2016 г.) мелкое хищение чужого имущества градируется на два вида в зависимости от стоимости похищенного: 1) мелкое хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает 1000 руб. (ч. 1 ст. 7.27) и 2) мелкое хищение чужого имущества стоимостью более 1000 руб., но не более 2500 руб. (ч. 2 ст. 7.27).

В соответствии с диспозицией ст. 158.1 УК РФ преступлением может быть признано только мелкое хищение второго вида, иными словами, мелкое хищение чужого имущества стоимостью более 1000 руб., но не более 2500 руб., при условии, что оно совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

Таким образом, в зависимости от стоимостного критерия уголовно наказуемым мелким хищением стало хищение чужого имущества на сумму, превышающую 1000 руб., но не свыше 2500 руб.

Из чего исходил законодатель, устанавливая такой стоимостной диапазон имущества?

Одной из возможных гипотез отправной точки отсчета в данном вопросе может быть прожиточный минимум или какая-то его часть. Так ли это? Попытаемся разобраться.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 1 декабря 2016 г. № 1275 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за III квартал 2016 г.»⁷ величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации за III квартал 2016 г. на душу населения установлена в 9889 руб., для трудоспособного населения — 10678 руб., пенсионеров — 8136 руб., детей — 9668 руб.

Таким образом, для трудоспособного населения сумма, охватываемая понятием мелкого хищения, это 23% прожиточного минимума. И лишившись его, человек обречен на почти недельное голодание, если, к примеру, его заработная плата составляет все те же 10678 руб. С этой точки зрения, да, конечно, мелкое хищение обладает относительно высокой степенью вредоносности. Государство в лице законодателя своеобразным способом проявило заботу о сохранности прожиточного минимума в России, криминализовав мелкое хищение. Одновременно с этим закрепление уголовной ответственности за мелкое хищение может свидетельствовать об официальном признании на уровне уголовного законодательства факта обнищания народных масс. С учетом данного обстоятельства уголовно-правовое воздействие вряд ли может быть эффективным способом решения обсуждаемой проблемы. Поэтому мы не разделяем оптимизма по поводу присутствия в российском уголовном законе состава преступления «мелкое хищение». Более того, нам импонирует идея исключения уголовной ответственности за мелкое хищение. Приоритетным направлением должно быть решение государством социальных проблем, в частности проблем повышения уровня заработной платы, пенсионного обеспечения, безработицы и т.п., а не установление сомнительных уголовно-правовых запретов и расширение уголовно-правового воздействия.

Важно отметить, что, анализируя нововведения, постоянно сталкиваешься с противоречием. В приведенном контексте оно также присутствует: с одной стороны, произошло усиление уголовно-правовой охраны собственности, поскольку мелкое хищение стало уголовно наказуемым, а с другой, произошло и ее ослабление, ибо из сферы уголовно-правового воздействия выведены хищения чужого имущества стоимостью до 2500 руб. включительно, если данное деяние лицо совершило впервые, если по каким-то причинам за первое деяние оно не было привлечено к административной ответственности, если было привлечено к административной ответственности за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 7.27 КоАП, если административная ответственность утратила свои негативные юридические последствия, и т.д. Ранее же (до 3 июля 2016 г.) данная стоимость ограничивалась 1000 руб.

На признание хищения мелким большое влияние оказывает его форма. Мелким хищением могут признаваться кража, мошенничество, присвоение и растрата. Грабеж и разбой являются преступлением независимо от стоимости похищенного имущества. Так было и в период действия УК РСФСР 1960 г., ничего не изменилось с принятием УК РФ 1996 г., так остается и по сей день. В данном вопросе российские законодательные традиции сохранены.

Таким образом, форма хищения влияет на дифференциацию ответственности: кража, мошенничество, присвоение и растрата служат основанием признания хищения мелким, соответственно, может влечь либо административную, либо уголовную ответственность; грабеж и разбой — всегда уголовно наказуемые деяния.

Наличие любого квалифицирующего признака, предусмотренного ст. 158, 159, 159.1–159.3, 159.5, 159.6 и 160 УК РФ, исключает возможность признания хищения мелким. Стоимость похищенного имущества при данных условиях уходит на второй план, решающим фактором выступает обстоятельство, повышающее степень общественной опасности деяния, среди которых следует назвать: предварительный сговор группы лиц, незаконное проникновение в помещение либо иное хранилище, незаконное проникновение в жилище и т.д. Поэтому важно подчеркнуть, что наличие в деянии квалифицирующих признаков кражи, мошенничества, присвоения и растраты не только исключает административную ответственность за мелкое хищение, но и образует квалифицированные составы преступлений, предусмотренных ч. 2–4 ст. 158, 159–159.3, 159.5, 159.6, ч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ. Соответственно, стоимость похищенного имущества в подобных случаях не влияет на признание деяния преступлением. В данных обстоятельствах ее значение нивелируется.

В спектре новелл уголовного законодательства важно разобраться с т.н. простым уголовно наказуемым хищением в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты, а также указать на «водораздел» данного вида хищения и хищения, причинившего значительный ущерб гражданину.

С учетом понятия уголовно наказуемого мелкого хищения простым (предусмотренным частями первыми ст. 158, 159, 159.3, 159.5, 159.6 и 160 УК РФ) уголовно наказуемым хищением признается хищение чужого имущества стоимостью свыше 2500 руб., но менее 5000 руб., если имущество принадлежит гражданину, что вытекает из примечания 2 к ст. 158 УК РФ. Исключение составляет ч. 5 ст. 159 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение зна-

чительного ущерба. Понятие значительного ущерба в данном случае оговорено особо: в соответствии с примечанием 1 к ст. 159 УК РФ значительным ущербом в ч. 5 данной статьи признается ущерб в сумме, составляющей не менее 10 тыс. руб.

Квалифицирующий признак «причинение значительного ущерба гражданину» в ст. 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования» и ст. 159.2 «Мошенничество при получении выплат» УК РФ не предусмотрен, что обусловлено особенностями названных законодательных конструкций преступлений в целом и правовым статусом потерпевшей от преступления стороны: в первом случае — это банк или иной кредитор, во втором — государственное учреждение или организация.

Исследуемый новый шаг законодателя, помимо всего сказанного, свидетельствует о малоэффективности мер административно-правового реагирования на мелкое хищение.

Сравним административно-правовую санкцию с уголовно-правовой.

Часть 2 ст. 7.27 КоАП предусматривает следующее наказание: административный штраф в размере до пятикратной стоимости похищенного имущества, но не менее 3000 руб., либо административный арест на срок от 10 до 15 суток, либо обязательные работы на срок до 120 ч.

Уголовно-правовая санкция за мелкое хищение такова: штраф до 40000 руб. или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до 3-х мес., либо обязательные работы на срок до 180 ч, либо исправительные работы на срок до 6 мес., либо ограничение свободы на срок до одного года, либо принудительные работы на срок до одного года, либо арест на срок до 2 мес., либо лишение свободы на срок до одного года.

Важно отметить, что уголовно-правовая санкция обладает достаточно высоким репрессивным потенциалом и может внушить страх перед наказанием. Вместе с тем данная санкция в состоянии обеспечить реализацию принципа дифференциации уголовной ответственности, прежде всего, в силу ее альтернативного характера.

Однако нельзя обойти стороной присутствие в уголовно-правовой санкции неработающего до сих пор вида уголовного наказания — ареста. Арест как вид уголовного наказания давно выпал из поля зрения законодателя. Создание арестных домов так и продолжает оставаться только желанной целью. Поскольку сохранение в санкции неработающего вида уголовного наказания отрицательно влияет на качество уголовно-правовой нормы, арест следовало бы исключить из санкции ст. 158.1 УК РФ.

Положение дел с введением в действие уголовно-правовых норм о принудительных работах обстоит гораздо лучше. Согласно ч. 1 ст. 60.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ для отбывания принудительных работ предназначены исправительные центры.

В интервью корреспонденту ТАСС А. Шашкову заместитель директора Федеральной службы исполнения наказаний России В. Максименко отметил, что с 1 января 2017 г. открываются 4 исправительных центра: в Тюменской области на 100 мест на базе исправительной колонии № 6 (Ишим); в Ставропольском крае на 144 места на базе воспитательной колонии в Георгиевске, которая перепрофилируется; в Тамбовской области на 70 мест на базе реформируемой ИК-3 (поселок Зеленый); в Приморском крае на 150 мест на базе колонии-поселения № 51 (Уссурийск). Кроме того, участки для осужденных к принудительным работам открываются: в Республике Башкортостан (в Уфе) при колонии-поселении (КП-5) — на 100 мест, в Забайкальском крае при ИК-10 (Краснокаменск) — на

50 мест, в Самарской области при ИК-10 (поселок Волжский) — на 35 мест, в Смоленской области при ИК-1 (поселок Анохово) — на 55 мест, в Архангельской области при ИК-21 (поселок Североонежск) — на 50 мест, в Новосибирской области (Новосибирск) при ИК-8 — на 92 места и в Карелии также открывается участок в городе Сегежа при ИК-7 — на 50 мест. Таким образом, уже на первом этапе возможностью применения этого вида наказания будут охвачены все федеральные округа — появится 896 мест для осужденных к этому новому виду наказания по всей стране⁸.

Лишение свободы на срок до одного года за мелкое хищение представляется излишним. Жан Поль Марат в свое время заметил, что наказание за различные виды кражи не является соразмерным преступлению: «Часто какой-нибудь бедняк за кражу лохмотьев подвергается более строгому наказанию, чем какой-нибудь захватчик за ограбление законного наследника или какой-нибудь расхититель за разорение государства»⁹. Чтобы исключить такого рода несправедливость и детерминированность, а равно в целях предупреждения специального рецидива представляется целесообразным изъятие из санкции ст. 158.1 УК РФ наказания в виде лишения свободы.

Суммируя изложенное, особо выделим ряд важнейших положений научно-прикладного характера. Во-первых, принятое законодателем решение об уголовной ответственности за мелкое хищение, несмотря на свою внешнюю, можно сказать кажущуюся, простоту, отличается внутренней сложностью и противоречивостью. Во-вторых, оно подчеркивает укрепление позиций административной преюдиции в российском уголовном праве и наступление на теорию преступления, трактующую его как общественно опасное деяние. В-третьих, свидетельствует о недостаточной эффективности административно-правовых мер противодействия мелкому хищению и расширению уголовно-правового воздействия в сфере правонарушений против собственности. В-четвертых, продолжает углубляться процесс дифференциации ответственности за правонарушения против собственности на межотраслевом уровне. В-пятых, качество уголовно-правовой санкции ст. 158.1 УК РФ оставляет желать лучшего, в связи с чем она нуждается в соответствующих, обозначенных коррективах. Если же вести речь о возможных кардинальных переменах, то мы выступаем за декриминализацию мелкого хищения.

¹ См.: Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrp.ru/>; <http://supcourt.ru/second.php> (дата обращения: 02.09.2016).

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. II, ст. 4256.

³ Нам импонирует научная трактовка вины как внутренней составляющей преступления (ядра его субъективной стороны), находящей воплощение в умысле или неосторожности, и внешней «субстанции» в виде отрицательной оценки суда от имени государства осознанно-волевого отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасному последствию (см.: *Найбойченко В.В.* Вина в умышленных преступлениях (закон, теория, практика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 13).

⁴ См.: Уголовный кодекс РСФСР: с постатейными материалами. М., 1987. С. 69–70.

⁵ Подробнее об этом см.: *Верина Г.В.* Некоторые проблемы уголовно-правовой оценки преступлений против собственности граждан // *Верина Г.В.* Проблемы российского уголовного права (теория и правоприменение). Избранные труды. Саратов, 2013. С. 15–132.

⁶ *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личная и имущественная / изд. Юридического Общества при Петроградском Университетѣ, посмертное седьмое, доп. и пересм. А.А. Жижиленко. Пг., 1916. С. 199–200.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7093.

⁸ См.: ТАСС Интервью: Валерий Максименко: в 2017 году в России будет новый вид наказания. Беседовал А. Шашков. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/3674377> (дата обращения: 19.12.2016).

⁹ *Марат Ж.П.* План уголовного законодательства / под ред. и с предисл. А.А. Герцензона; пер. с фр. И.С. Лапшиной. М., 1951. С. 77.

А.Х. Закаев**ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НАУКЕ
УГОЛОВНОГО ПРАВА**

В статье обосновывается концепция уголовной ответственности как стимулятора уголовно-правовой обязанности правоисполнителя воздерживаться от совершения преступлений. В основу концепции заложены законодательная логика и классические теории о сущности уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное наказание, уголовно-правовая обязанность, уголовно-правовые меры.

А.Н. Zakayev**CONCEPT OF A CRIMINAL RESPONSIBILITY
IN LEGISLATION AND SCIENCE OF PENAL LAW**

The concept of a criminal responsibility as stimulator of a criminal and legal duty of the right performer to abstain from commission of crimes is proved in article. In a basis of the concept the legislative logic and classical theories about essence of a criminal responsibility are put.

Keywords: criminal responsibility, criminal sanction, obligation for penal law, measures of penal law.

Российская система законодательства достаточно широко употребляет категорию уголовной ответственности. Однако в уголовном праве и других отраслях права ее понятие отсутствует. Законодатель ограничивается оперированием словосочетанием «уголовная ответственность». Складывается впечатление, что сущность уголовной ответственности обладает вполне однозначным теоретическим толкованием. По сложившейся на нормотворческом уровне практике используемые наукой в едином смысловом значении термины не требуют юридической регламентации. Вместе с тем в доктрине уголовного права уголовная ответственность имеет далеко не общеупотребительное значение. Существует целый ряд авторских позиций относительно содержательных признаков уголовной ответственности. В связи с этим возникает потребность в рассмотрении теорий уголовной ответственности, представляющих интерес с позиции действующего уголовного законодательства.

Анализ уголовно-правовой литературы позволяет сделать вывод о том, что многие исследователи склонны к нивелированию уголовной ответственности и наказания¹. Идея уравнивать понятия уголовной ответственности и наказания во многом была спровоцирована закреплением еще в тексте УК РСФСР 1960 г. терминов «уголовная ответственность» и «наказание», лишенных советским законодателем четко определенной содержательной самостоятельности. Категориальный аппарат, используемый действующим уголовным законодательством, позволяет утверждать о необоснованности сведения сущности уголовной ответственности только к наказанию. Так, обратившись к наименованию и содержанию разд. IV и гл. 11–13 УК РФ, становится очевидным, что законода-

© Закаев Азамат Хасанбиевич, 2017

Соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия)

тель употребляет категории уголовной ответственности и наказания в качестве разнопорядковых.

Существенные отличия в уголовно-правовой природе уголовной ответственности и наказания отмечаются и представителями доктрины уголовного права. По мнению З.А. Астемирова, рассмотрение уголовной ответственности только как последствия совершенного преступления, ее отождествление с наказанием обедняет социальное назначение этого центрального уголовно-правового института, неполно раскрывает механизм его предупредительно-мотивационного и воспитательного влияния².

Нередко в науке уголовная ответственность обосновывается как государственное осуждение, отрицательная морально-политическая оценка совершенного общественно опасного деяния и личности преступника. В современной науке уголовного права концепция уголовной ответственности как осуждения развернуто представлена В.С. Прохоровым, Н.М. Кропачевым, А.Н. Тарбагаевым³.

Суждения указанных ученых относительно сущности уголовной ответственности представляются небезупречными. Исходя из смысла уголовного законодательства, сложно усмотреть принципиальные отличия уголовной ответственности как порицания от уголовного наказания. Так, в ч. 1 ст. 43 УК РФ отмечается: «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица». Дефиниция уголовной ответственности как порицания практически дублирует приведенные признаки уголовного наказания.

С позиции действующего уголовного закона предлагаемое указанными авторами понимание уголовной ответственности в большей степени отражает общую суть мер уголовно-правового характера, предусмотренных за совершение преступления. В качестве законодательного подтверждения сказанному процитируем сформулированные ч. 2 ст. 2 УК РФ предпосылки решения уголовно-правовых задач: «Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений». Четко разводя категории уголовной ответственности и наказания, положение ч. 2 ст. 2 УК РФ одновременно подчеркивает близость функционального предназначения наказания и иных мер уголовно-правового характера. Поэтому теоретическая попытка связать сущность уголовной ответственности с признаками наказания, вступая в противоречие с логикой действующего уголовного законодательства, не обогащает уголовно-правовую доктрину в анализируемых аспектах.

В литературе встречается мнение о возможности признания под уголовной ответственностью обязанности преступника претерпеть определенные лишения. Так, Б.В. Волженкин рассматривает уголовную ответственность как предусмотренную законом обязанность виновного лица отвечать в случае совершения преступления в уголовном порядке, подчиняться мере принуждения, которую государство имеет право применить⁴. Аналогично толкует содержание уголовной ответственности М.Ю. Дворецкий⁵.

Обозначенная позиция в известной мере отражает часть другой научной идеи, отождествляющей уголовную ответственность с особой разновидностью уголовно-правовых отношений. «Уголовная ответственность, — пишет И.Я. Козаченко, — представляет собой возникшее с момента совершения преступления правоотношение между государством и лицом, совершившим преступление: при этом государство правомочно ограничивать правовой статус виновного с целью его исправления и перевоспитания, а тот в свою очередь обязан претерпеть лишения личного и имущественного характера, возникшие из осуждения его от имени государства»⁶.

Рассмотрение уголовной ответственности в качестве указанных правоотношений представляется спорным минимум по двум основаниям. Первое заключается в том, что момент совершения преступления не порождает специфических уголовно-правовых отношений, меняющих уголовно-правового статуса правоисполнителя или правоприменителя. Сам факт совершения преступления согласно конституционному требованию презумпции невиновности в сочетании с ч. 1 ст. 14 УК РФ «Понятие преступления» приобретает уголовно-правовое значение только после вынесения обвинительного приговора суда.

Вторая причина для сомнения в обоснованности признания под уголовной ответственностью обозначенных правоотношений сводится к тому, что реализация государством правомочий по ограничению или лишению виновного соответствующих прав и свобод полностью охватывается рамками уголовно-исполнительных отношений. Уголовное законодательство не вмешивается в процесс исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовно-правового характера, регламентированный самостоятельной отраслью права.

Обобщение изложенного позволяет сделать вывод о том, что обозначенные и проанализированные позиции относительно понятия уголовной ответственности объединяет попытка соответствующих ученых придать уголовной ответственности вид правового следствия совершения преступления.

В науке уголовного права отстаивается и противоположная идея, хорошо известная в качестве научной концепции позитивной уголовной ответственности. Как отмечает В.А. Елеонский, «позитивная уголовная ответственность имеет место в том случае, если гражданин, понимая суть правового долга, безусловно выполняет адресованные ему требования, содержащиеся в уголовно-правовых запретах, сообразует свои поступки с требованиями и интересами государства»⁷.

Понятие позитивной уголовной ответственности как обязанности выполнять требования, установленные уголовным правом, обнаруживает положительные и отрицательные моменты. Заслуга авторов теории позитивной ответственности видится в стремлении обозначить четкую социальную направленность уголовно-правовых норм, преодолев вытекающее еще из тоталитарной идеологии советского периода представление об уголовном законе как репрессивной отрасли права. На сегодня социально значимый результат следования уголовно-правовым требованиям, определяющий основу уголовной ответственности в позитивном аспекте, предопределен задачами уголовного права по охране личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и их предупреждению. Полученный вывод об ориентированности уголовной ответственности на решение задач уголовного права абсолютно безупречен с уголовно-правовой и общесоциальной точек зрения.

Вполне очевидны и недостатки содержания позитивной уголовной ответственности. На уровне доктрины наблюдается совпадение признаков уголовной ответственности и уголовно-правовой обязанности как одной из составляющих уголовных правоотношений. Отождествление уголовной ответственности только с обязанностью, вытекающей из смысла уголовного закона, значительно обедняет категориальный аппарат уголовного права. Однако уязвимое место теории позитивной ответственности кроется в другом. Согласно утверждениям разработчиков рассматриваемой концепции неисполнение в рамках позитивной уголовной ответственности уголовно-правовой обязанности по воздержанию от совершения преступления влечет возникновение т.н. негативной уголовной ответственности. Сформировавшаяся теоретическая картина вряд ли находит отражение в действительности. Совершившее преступление лицо даже в период претерпевания уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера не перестает быть обязанным со стороны уголовного закона воздерживаться от совершения преступлений. При этом непосредственная реализация уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера остается вне уголовно-правовой регламентации. Существует самостоятельная отрасль уголовно-исполнительного права, устанавливающая порядок исполнения наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных уголовным законом. Таким образом, можно утверждать, что выделение негативной уголовной ответственности лишено объективных оснований.

С опровержением существования негативной уголовной ответственности теряет всякий смысл и категория позитивной уголовной ответственности. «Рассматриваемая проблема практике борьбы с преступностью ничего реального не дает и дать не может, — пишет Б.Т. Разгильдиев. — Она лишь порождает опасную иллюзию, что граждане, несущие обязанность по воздержанию от совершения преступления и не привлеченные к уголовной ответственности, с чувством осознанного долга отвергают возможность совершения ими преступлений... Позитивная уголовная ответственность — это обычная реализация гражданами своего уголовно-правового статуса, органической частью которого выступает обязанность воздержания от совершения преступления, то есть абсолютно нормальное, с точки зрения уголовного права, естественное состояние индивида»⁸.

Б.Т. Разгильдиев, признавая уголовную ответственность в качестве стимула к исполнению обязанности человека воздерживаться от совершения преступлений, предложил различать поощрительную уголовную ответственность и принудительную уголовную ответственность. Поощрительная уголовная ответственность подразумевает необходимость установить вознаграждение за общественно полезные действия в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния. Принудительная уголовная ответственность предполагает порицание, основанное на признании лица от имени государства в форме обвинительного приговора виновным в совершении преступления, предусмотренное уголовным законом, связанное с ограничением его прав и свобод⁹.

Заявленной позиции трудно дать однозначную оценку. Тезис о том, что уголовная ответственность есть стимулирующее средство воздержания от совершения преступления, заслуживает поддержки. Отказ от совершения преступления, продиктованный уголовной ответственностью, следует признать залогом решения уголовно-правовых задач по охране личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и предупреждению

преступлений. Однако по поводу наличия поощрительной и принудительной уголовной ответственности некоторые моменты требуют пояснений. В части поощрительной уголовной ответственности, сомнительной остается возможность удержать человека от преступного посягательства путем установления вознаграждения за предусмотренные обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, общественно полезные поступки.

Позднее Б.Т. Разгильдиев, рассуждая об исключительно императивном характере уголовного права, уточнил свою точку зрения относительно значения обстоятельств, исключающих преступность деяния, и указал: «Тот же факт, что граждане, будучи обязанными воздерживаться от совершения преступления, имеют право на совершение деяний, исключающих их преступность, скажем, на необходимую оборону, задержание лица, совершившего общественно опасное деяние, не придает императивному методу иную окраску и не выступает дополнительным поощрительным методом уголовного права. Напротив, такого рода субъективное право, предусмотренное правом уголовным, служит дополнительным подтверждением существования лишь императивного метода»¹⁰. То есть первоочередное назначение положений гл. 8 УК РФ заключается в стимулировании человека не совершать преступление возможностью претерпеть ущерб посредством реализации другими лицами обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Что касается обозначенной Б.Т. Разгильдиевым принудительной ответственности, порицание, основанное на признании лица от имени государства в форме обвинительного приговора виновным в совершении преступления, предусмотренное уголовным законом, связанное с ограничением его прав и свобод, нельзя вообще считать стимулом воздержания от преступного посягательства. На этапе вынесения обвинительного приговора суда речь идет о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера за установленный факт уже нарушенной соответствующим лицом обязанности не совершать преступление.

Таким образом, формулируя верную посылку определения содержания уголовной ответственности в качестве стимулятора обязанности человека воздерживаться от совершения преступления, Б.Т. Разгильдиев делает неоднозначный вывод относительно существования поощрительной и принудительной разновидностей уголовной ответственности. Возможное поощрение позитивного с позиции уголовного права поведения по сути предшествует уголовной ответственности, тогда как порицание виновного лица за совершенное преступление скорее выступает следствием неэффективности уголовной ответственности.

Как стимулятор воздержания от совершения преступления уголовная ответственность должна быть единой и неуклонно сопровождать уголовно-правовую обязанность не совершать преступные посягательства. Специфика уголовной ответственности по отношению к уголовно-правовой обязанности видится в том, что уголовная ответственность предполагает отражение предусмотренного уголовным правом запрета на совершение преступления сознанием человека. Уголовная ответственность становится своего рода восприятием правоисполнителем предусмотренной уголовным правом обязанности. При этом обращает на себя внимание отсутствие в уголовном законе прямого указания на обязанность воздерживаться от преступного посягательства. Уголовно-правовая обязанность только подразумевается исходя из закрепленных нормами и положениями уголовного права потенциальных неблагоприятных последствий совершения

преступления, способных удержать человека от общественно опасного деяния. В качестве средств уголовно-правового удержания от преступных посягательств уголовному праву известны угроза применения уголовного наказания, иных мер уголовно-правового характера за совершение преступления и возможность претерпеть ущерб посредством реализации другими лицами обстоятельств, исключающих преступность деяния. Зафиксированные уголовным законом последствия совершения преступления и порождают чувство ответственности перед необходимостью воздерживаться от преступных посягательств, именуемое уголовной ответственностью.

Таким образом, уголовная ответственность — это осознание правоисполнителем уголовно-правовой обязанности по воздержанию от совершения преступления, стимулируемое угрозой применения уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера за совершение преступления, а также возможностью претерпеть ущерб посредством реализации другими лицами обстоятельств, исключающих преступность деяния.

¹См.: *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 85; *Ковалев М.И.* Советское уголовное право: курс лекций. Введение в уголовное право. Свердловск, 1971. Вып. 1. С. 121.

²См.: *Астемиров З.А.* Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних: теоретическое введение в изучение спецкурса. М., 1970. С. 8.

³См.: *Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н.* Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск, 1989. С. 168.

⁴См.: *Волженкин Б.В.* Общественная опасность преступника и основы уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 96.

⁵См.: *Дворецкий М.Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 54.

⁶*Козаченко И.Я.* Уголовная ответственность: мера и форма выражения. Свердловск, 1987. С. 21.

⁷См.: *Елеонский В.А.* Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979. С. 43.

⁸*Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 142, 143–144.

⁹См.: Там же. С. 135–171.

¹⁰*Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовая политика: понятие и содержание // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. Ноябрь. С. 138.

В.С. Балакшин, К.К. Клевцов

ИЗБРАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ УГОЛОВНО ПРЕСЛЕДУЕМЫХ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены процессуальные особенности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении уголовно преследуемых лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации. Исследуются теоретические и практические проблемы, возникающие при решении данного вопроса; формулируются предложения по совершенствованию норм российского уголовно-процессуального законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: меры пресечения, международный розыск, межгосударственный розыск, заключение под стражу, выдача.

V.S. Balakshin, K.K. Klevtsov

THE ELECTION OF A PREVENTIVE MEASURE IN FORM OF DETENTION IN RESPECT OF CRIMINAL PROSECUTED PERSONS WHO ARE OUTSIDE THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the procedural features of a preventive measure in form of detention of criminal prosecuted persons who are outside the territory of the Russian Federation. The authors explore the theoretical and practical problems arising in this matter. The study formulates proposals to improve the rule of the Russian criminal procedure legislation in this area.

Keywords: preventive measure, international search, international wanted list, detention, extradition.

Меры пресечения — это закрепленные в УПК РФ меры уголовно-процессуального принуждения, которые применяются в специально определенном порядке дознавателем, следователем, а также судом к подозреваемому, обвиняемому (подсудимому, осужденному) при наличии достаточных оснований полагать, что он скроется от органов предварительного расследования или суда; продолжить заниматься преступной деятельностью, будет угрожать участникам уголовного процесса, уни-

© Балакшин Виктор Степанович, 2017

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса (Уральский государственный юридический университет); e-mail: balcshin.viktor@yandex.ru

© Клевцов Кирилл Константинович, 2017

Ведущий юрисконсульт (Федеральное казенное учреждение «Центр хозяйственного и сервисного обеспечения Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Свердловской области»), кандидат юридических наук; e-mail: urist_kkk@mail.ru

чтожит доказательства или иным путем будет воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также в целях обеспечения исполнения приговора¹.

Российское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает 7 видов мер пресечения: 1) подписку о невыезде и надлежащем поведении; 2) личное поручительство; 3) наблюдение командования воинской части; 4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; 5) залог; 6) домашний арест; 7) заключение под стражу. Каждая из них применяется при наличии оснований и условий, закрепленных в уголовно-процессуальном законе. Основная цель применения названных мер — обеспечить надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

На практике по большинству уголовных дел, возбужденных в отношении уголовно преследуемых лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации, избирается мера пресечения в виде заключения под стражу. В первую очередь это детерминировано тем, что международные договоры, участницей которых является Российская Федерация, и УПК РФ предписывает к запросу о выдаче для уголовного преследования прилагать заверенную копию постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу.

Избрание данной меры в отношении уголовно преследуемых лиц, находящихся за рубежом, имеет свои особенности и вызывает у правоприменителей некоторые трудности. Это объясняется тем, что следователю приходится направлять ходатайство в суд об избрании указанной меры пресечения в *отсутствие обвиняемого*. Указанное обстоятельство и обуславливает определенные особенности и сложности при принятии судом решения.

Согласно ч. 5 ст. 108 УПК РФ принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления данного обвиняемого в международный розыск.

Буквальное толкование данной нормы, дает основание для вывода, что, во-первых, избрать указанную меру пресечения возможно только в отношении *обвиняемого*, а не подозреваемого, в связи с чем следователю необходимо вынести постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. Во-вторых, обязательным условием для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого является объявление его в *международный розыск*. Данный вид розыска необходим в тех случаях, когда следователь не располагает информацией о месте нахождения обвиняемого за пределами территории России.

Между тем в российском уголовно-процессуальном законе отсутствуют нормы, регулирующие порядок объявления лица в международный розыск и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого. Это и порождает проблемы на практике, которые требуют своего разрешения.

Напомним, что порядок объявления в международный розыск регламентируется инструкцией по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной Приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 6 октября 2006 г. (далее — Инструкция Интерпола). Согласно данной Инструкции международный розыск объявляется лишь в том случае, если в результате проведенных следственных и оперативно-розыскных действий: 1) получены данные о выезде разыскиваемого лица за пределы Российской Федерации;

2) достоверно установлены имеющиеся у разыскиваемого лица родственные, дружеские и иные связи за пределами Российской Федерации; 3) получена достоверная информация об имевшемся у разыскиваемого лица намерении выехать из Российской Федерации с деловой или иной целью.

Справедливости ради заметим, что некоторые авторы предлагают закрепить данные условия в УПК РФ². Условиями объявления в международный розыск являются следующие: 1) объявление в федеральный и межгосударственный розыск; 2) лицо, подлежащее объявлению в международный розыск, не обвиняется в совершении преступлений, носящих политический, военный, религиозный или расовый характер; 3) обвиняемым совершено преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое; 4) двойная криминальность деяния.

Исходя из Инструкции, каналы Интерпола для осуществления межгосударственного розыска на территории участников СНГ не задействуются.

Как отмечено в научной литературе, розыск делится на следующие виды: 1) местный (в пределах одного субъекта); 2) федеральный (на территории Российской Федерации); 3) межгосударственный (на территории государств-участников СНГ); 4) международный (на территории стран-членов Интерпола)³.

Такое деление, думается, объясняется тем, что международный и межгосударственный розыски регламентируются различными документами. Международный розыск регулируется Инструкцией Интерпола, а межгосударственный розыск — Регламентом компетентных органов по осуществлению межгосударственного розыска лиц, утвержденный Решением Совета глав правительств СНГ от 30 октября 2015 г.⁴ Данный Регламент разработан в целях реализации положений Договора государств-участников СНГ о межгосударственном розыске лиц от 10 декабря 2010 г.⁵

Напрашивается вопрос о том, как избрать меру пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого, который скрывается на территории стран-участников СНГ, поскольку ч. 5 ст. 108 УПК РФ допускает возможность избирать данную меру пресечения только в отношении обвиняемого, объявленного в *международный розыск*.

Изложенное свидетельствует о необходимости корректировки требований ч. 5 ст. 108 УПК РФ, которые в действующей редакции заводят правоприменителя в т.н. «процессуальный тупик».

Данный вывод можно подкрепить конкретным примером, который приводит Е.Н. Чемерилова. Так, в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по признакам совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ в отношении гражданина Ш. и гражданина Л., местонахождение которых установлено на территории Украины, было отказано в объявлении данных лиц в международный розыск со ссылкой на п. 116 Инструкции Интерпола, согласно которому каналы Интерпола для осуществления межгосударственного розыска не задействуются⁶.

Изложенное дает основание поддержать предложение названного автора о том, чтобы внести соответствующие изменения в Инструкцию Интерпола о возможности использования ее каналов на территории государств-участников СНГ, либо изложить ч. 5 ст. 108 УПК РФ в новой редакции: «Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обви-

няемого допускается только в случае нахождения обвиняемого, объявленного в розыск, за пределами территории Российской Федерации»⁷.

Обязательным условием объявления в международный розыск лица, скрывающегося за пределами территории Российской Федерации, также является *постановление органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность*, об объявлении лица в международный розыск, которое выносится сотрудником розыскного подразделения, утверждается начальником или заместителем начальника этого подразделения, согласовывается с начальником соответствующего органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, а также заверяется печатью.

Один экземпляр постановления об объявлении в международный розыск вручается следователю или прокурору для обращения в суд в порядке ч. 5 ст. 108 УПК РФ с целью получения судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого.

Кроме того, в п. 1.2.12 Указания Генпрокуратуры РФ от 18 октября 2008 г. № 212/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц, совершивших общественно опасные деяния, для проведения принудительного лечения»⁸ указано, что по уголовным делам, которые находятся в производстве органов предварительного расследования и российских судов, при объявлении скрывшихся обвиняемых в международный розыск прокурорам районного звена необходимо принимать меры к обеспечению незамедлительного возбуждения ходатайств об избрании в отношении таких лиц меры пресечения в виде заключения под стражу.

Следует отметить, что вынесение постановления об объявлении в международный розыск несоответствующим субъектом влечет отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого. К примеру, Президиум Самарского областного суда удовлетворил кассационное представление заместителя прокурора Самарской области А.Ф. Галузина и отменил постановление Ленинского районного суда г. Самары и апелляционное постановление Самарского областного суда в связи с тем, что уголовно-процессуальный закон и Инструкция Интерпола не наделяют следователя полномочиями по объявлению в международный розыск⁹.

Изложенное позволяет сделать вывод, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого принимается исключительно в заочной форме. В этой связи заочное избрание меры пресечения в виде заключения под стражу нами рассматривается как мера уголовно-процессуального принуждения, принимаемая судом в специально определенном уголовно-процессуальным законом порядке к обвиняемому, объявленному в международный розыск, в целях его дальнейшей выдачи.

Немаловажным моментом при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого является вопрос, касающийся обеспечения прав таких обвиняемых на защиту. В этой связи уместно отметить, что ч. 5 ст. 108 УПК РФ не предписывает обеспечивать обязательное участие защитника при избрании данной меры пресечения в отсутствие обвиняемого. Однако Конституционный Суд РФ в Определении от 18 января 2005 г. № 26-О¹⁰ указал, что

при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого при невозможности обеспечить его участие в судебном заседании в случае объявления его в международный розыск, закон не предусматривает возможность ограничения при этом других прав данного участника судопроизводства, в частности, права на получение помощи защитника при рассмотрении судом данного вопроса.

На наш взгляд, в целях обеспечения права уголовно преследуемого лица на защиту следует дополнить УПК РФ соответствующей нормой, которая бы предусматривала обязательное участие защитника при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого.

Учитывая изложенное, предлагаем ч. 5 ст. 108 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«5. Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу допускается только в случае нахождения обвиняемого за пределами территории Российской Федерации и объявленного в межгосударственный и (или) международный розыск. Решение об объявлении лица в международный розыск принимается органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, которому поступило на исполнение постановление о розыске обвиняемого или указание прокурора. Ходатайство об избрании меры пресечения рассматривается судом в закрытом судебном заседании с обязательным участием защитника обвиняемого».

¹ См.: Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М., 2011. С. 246–247.

² См.: Несмачная Н.В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 11–12.

³ См., например: Павлов А.В., Сидорова И.В. Особенности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемого, объявленного в международный розыск // Законодательство и практика. 2014. № 2. С. 67.

⁴ См.: Документы // Бюро по координации борьбы с организованной преступностью. URL: <http://www.bkborpcis.ru/assets/files/vsyo.pdf> (дата обращения: 01.03.2016).

⁵ Принятые решения // Интернет-портал СНГ. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=20195> (дата обращения: 01.03.2016).

⁶ Чемерилова Е.Н. Соотношение международного и межгосударственного розыска обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступления // Законодательство и практика. 2014. № 2. С. 65.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Постановление Президиума Самарского областного суда от 18 июня 2015 г. № 44у-104/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В.И. Галушкин, В.В. Степанов

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОВ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье анализируются процессуальные действия, проводимые при проверке сообщения о преступлении. Обращается внимание на проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов при их производстве. Предлагается внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, которые способствовали бы усовершенствованию деятельности правоохранительных органов при проверке сообщения о преступлении.

Ключевые слова: осмотр, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, экспертиза, ревизия.

V.I. Galushkin, V.V. Stepanov

THE PROBLEMS OF APPLICATION THE VERIFICATIONAL METHODS OF CRIME REPORTS AND THE WAYS OF ITS IMPROVEMENT

The article analyses the essence of criminal procedure acts directed at verification of crime report. The attention is paid to the number of problems which employees of law enforcement agencies are deal with. The article contains the proposition of modification the criminal procedure legislation aimed at improvement of verification of crime report by law enforcement agencies.

Keywords: crime scene examination, examination of suspects, victims and witnesses, collection of samples for comparative forensic examination, forensic examination, revisions.

Стадия возбуждения уголовного дела — важный процессуальный институт, обеспечивающий получение данных, необходимых для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом. Анализ развития этой стадии уголовного судопроизводства позволяет сделать вывод о том, что законодатель постоянно стремится увеличивать процессуальные способы собирания информации.

Очередным этапом по совершенствованию стадии возбуждения уголовного дела стало принятие Федерального закона РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹, которым в УПК РФ внесены изменения, существенно расширяющие полномочия сотрудников правоохранительных органов по использованию процессуальных средств для собирания информации о признаках противоправного деяния. При проверке сообщения о преступлении компетентные органы вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок,

© Галушкин Виталий Иванович, 2017
Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vigalushkin@gmail.com

© Степанов Владимир Васильевич, 2017
Заслуженный юрист РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник высшего образования РФ, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия)

производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144).

Анализ уголовно-процессуального законодательства, относящегося к стадии возбуждения уголовного дела, позволяет сделать вывод о том, что принимаемые нормы в большинстве случаев характеризуются низким уровнем юридической проработки, законодательной техники и игнорированием принципа системности². Об этом свидетельствуют многочисленные дополнения и изменения уголовно-процессуального законодательства, противоречия между отдельными нормами, а также пробелы в регламентации отдельных вопросов, имеющих важное значение в деятельности по выявлению преступлений. В частности, порядок производства большинства процессуальных действий, проводимых при проверке сообщения о преступлении, не регламентирован вообще либо регламентирован недостаточно.

Подобная ситуация, на наш взгляд, является недопустимой, поскольку в ходе производства процессуальных действий затрагиваются права и свободы лиц, еще не имеющих процессуального статуса. Это также может привести к злоупотреблениям и нарушениям со стороны сотрудников правоохранительных органов, возникновению у них трудностей при реализации уголовно-процессуальных норм.

Законодатель не всегда последователен при принятии определенных решений. Так, следователю предоставлено право проводить при проверке сообщения о преступлении наряду с осмотром места происшествия и трупа осмотр документов и предметов. Однако в число осматриваемых объектов включены не все объекты, о которых идет речь в ч. 1 ст. 176 УПК РФ. При проверке информации о преступлении может возникнуть необходимость в осмотре участка местности, на котором было сокрыто похищенное имущество, помещения, где изготавливалось орудие совершения преступления, и т.д. Сотрудники правоохранительных органов вынуждены будут выходить из сложившейся ситуации, оформляя результаты осмотра этих объектов протоколом осмотра места происшествия, что противоречит природе этого действия и может служить основанием для признания результатов данных действий недопустимыми доказательствами. В этой связи объективно возникает необходимость внести изменения в УПК РФ и расширить в соответствии со ст. 176 УПК РФ перечень объектов осмотра, проводимого в стадии возбуждения уголовного дела.

Что же касается освидетельствования, то положения УПК РФ, регламентирующие порядок производства этого действия, также далеки от совершенства. Производство освидетельствования необходимо для получения данных, указывающих на признаки преступления. Поэтому, на наш взгляд, оно может осуществляться и против воли освидетельствуемого лица. Для того чтобы в ходе его производства не применялись методы, унижающие честь и достоинство освидетельствуемого и создающие опасность для его жизни и здоровья, представляется необходимым закрепить в УПК РФ положение, предусматривающее обязательное участие понятых при производстве данного следственного действия, как и при личном обыске.

Не лишены отдельных недостатков положения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок получения образцов для сравнительного исследования. В ч. 1 ст. 202 УПК РФ отмечается, что «следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с ч. 1 ст. 144 настоящего Кодекса у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах ...».

Следует отметить, что в норме, регламентирующей проверку сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), не указывается, что могут быть получены образцы именно у физических лиц и представителей юридических лиц, о чем прямо говорится в ч. 1 ст. 202 УПК РФ.

Учитывая многообразие образцов, необходимость в получении которых может возникнуть в уголовном судопроизводстве, а также то обстоятельство, что образцы почерка являются лишь одним из видов образцов для сравнительного исследования, на наш взгляд, в диспозиции нормы нецелесообразно акцентировать внимание на каком-то одном виде образцов. Не может быть принято во внимание при этом и их распространенность или, напротив, достаточно редкое использование при производстве исследований в уголовном судопроизводстве.

В ст. 202 УПК РФ указывается, что образцы для сравнительного исследования в стадии возбуждения уголовного дела получают в случае необходимости проверить, не оставлены ли лицами следы на вещественных доказательствах. Однако при этом игнорируется положение о том, что объект, изымаемый в ходе производства процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, может быть признан вещественным доказательством лишь в процессе расследования уголовного дела на основании постановления следователя. Поэтому было бы правильным указать, не оставлены ли следы на соответствующем объекте.

Исходя из буквального толкования нормы закона (ст. 202 УПК РФ), могут быть получены лишь образцы, так или иначе связанные с лицом, у которого их получают (например, образцы крови, семенной жидкости, слюны, волос, почерка, отпечатки пальцев рук и т.д.). Перечень оснований, когда возникает необходимость в получении образцов для сравнительного исследования на стадии возбуждения уголовного дела, не ограничивается указанными случаями. Так, при проверке информации о производстве товаров, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей (ст. 238 УК РФ), может возникнуть необходимость в получении образцов сырья, изделий готовой продукции. Таким образом, ч. 1 ст. 202 УПК РФ логично было бы изложить в следующей редакции: «Следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также у иных лиц в случаях, если возникла необходимость в разрешении вопросов, имеющих значение для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, либо установлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу...» далее по тексту.

Учитывая, что образцы для сравнительного исследования могут быть получены на стадии возбуждения уголовного дела, в качестве одной из гарантий от необоснованного их получения могла бы послужить такая мера, как утверждение постановления о получении образцов руководителем следственного органа. По-

добная новелла не приведет к созданию препятствий в деятельности следователя и затягиванию сроков проверки сообщения о преступлении.

Еще одно обстоятельство, на которое следовало бы обратить внимание, связано с возможностью принудительного получения от человека образцов для сравнительного исследования. Эта проблема широко дискутировалась в литературе, однако законодательного разрешения до сих пор не получила. Особенно остро она возникает при принудительном получении образцов в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку, во-первых, на этой стадии уголовного судопроизводства еще нет соответствующих процессуальных фигур, и, во-вторых, такое процессуальное действие связано с применением мер государственного принуждения и ограничением прав лица, у которого их получают. Несмотря на то, что вопрос о принудительном получении образцов для сравнительного исследования законодательно не урегулирован, на наш взгляд, в случае необходимости отдельные виды образцов (например, крови, волос, отпечатков пальцев рук и т.д.) могут быть получены принудительно, поскольку без них невозможно провести экспертизу, данные которой будут использоваться при решении вопроса о возбуждении уголовного дела или отказе в таковом, а также в процессе расследования для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. Так как принудительное получение отдельных видов образцов для сравнительного исследования затрагивает конституционное право гражданина на неприкосновенность личности, в уголовно-процессуальном законодательстве должен быть регламентирован порядок их получения.

При принудительном получении образцов для сравнительного исследования с целью обеспечения гарантий прав личности следовало бы закрепить в УПК РФ положение, предусматривающее, что «в случае отказа добровольно предоставить образцы для сравнительного исследования они могут быть получены принудительно при обязательном участии не менее двух понятых с фиксацией хода и результатов следственного действия с помощью технических средств. В случае, если получение образцов для сравнительного исследования сопровождается обнажением лица, следователь, понятые должны быть одного пола с лицом, у которого отбираются образцы», отразив его в п. 3.1 ст. 202 УПК РФ.

В связи с включением судебной экспертизы в перечень проверочных действий, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела, объективно возникает вопрос: в чем состоит различие между экспертизой и исследованием предметов, документов, трупов? Очевидно, что эти действия могут осуществляться одними и теми же специалистами, в ходе их проведения могут использоваться одинаковые методики исследования. Отсутствуют различия в характере заданий, которые могут быть поставлены перед проводящими их лицами. Единственное различие, которое усматривается между этими действиями, состоит в том, что результаты экспертизы оформляются заключением, а деятельность специалиста, привлеченного для проведения исследования, — актом, справкой либо заключением специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

Таким образом, существенных различий между этими способами собирания информации о противоправном деянии, на наш взгляд, нет. Из этого следует, что для выяснения одних и тех же обстоятельств в распоряжении правоохранительных органов имеются во многом схожие инструменты установления интересующих их фактов. Такая ситуация не способствует единообразной практике.

Между тем порядок назначения и проведения исследования предметов, документов, трупов не регламентирован уголовно-процессуальным законодательством. В частности, в нем не указывается, каким процессуальным документом должно оформляться поручение следователя о проведении исследования, не регламентированы его структура, порядок ознакомления с ним заинтересованных лиц, не закреплены права и обязанности следователя при его проведении и т.д.

Следует отметить, что до внесения изменений в УПК РФ, предоставляющих право назначать экспертизу на стадии возбуждения уголовного дела, в распоряжении следователей имелась объективная возможность разрешать интересующие их вопросы, требующие применения специальных знаний, путем назначения исследований предметов, документов, трупов. Однако вместо того, чтобы регламентировать комплекс вопросов, связанных с назначением и проведением исследований, законодатель еще более усугубил ситуацию, предусмотрев возможность проведения экспертизы на этой стадии уголовного судопроизводства.

В ст. 144 УПК РФ отмечается, что при проведении исследования в стадии возбуждения уголовного дела заключение эксперта должно быть предоставлено следователю в разумный срок. Однако при этом следует учитывать, что максимальный срок, на который может быть продлена проверка сообщения о преступлении при необходимости проведения ревизий, документальных проверок, исследований предметов, документов, трупов и т.д., составляет 30 суток. Учитывая достаточно большую занятость экспертов, а также тот факт, что экспертизы проводятся в порядке очередности поступления материалов в экспертные учреждения, полагаем, что не всегда возможно будет получить заключение эксперта, необходимое для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела или отказе в таковом в установленный УПК РФ срок проверки сообщения о преступлении.

Положение усугубляет и то обстоятельство, что в УПК РФ не регламентирован вопрос о том, как надлежит действовать следователю в ситуации, когда производство экспертизы выходит за рамки установленного УПК РФ срока проверки сообщения о преступлении (например, если возникает необходимость в проведении экспертизы для установления давности исполнения документа, выполненного с помощью определенных красителей, для чего требуется достаточно длительное время).

Отсутствие в УПК РФ регламентации этого вопроса, на наш взгляд, неизбежно приведет к возникновению ситуаций, когда при невозможности завершения экспертного исследования в установленный УПК РФ срок проверки сообщения о преступлении и при недостаточности в распоряжении следователя данных, указывающих на признаки преступления, не исключена возможность принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела. При получении заключения эксперта, в котором будут содержаться данные, указывающие на признаки преступления и позволяющие принять решение о возбуждении уголовного дела, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела будет отменяться³.

Возможно, что по мере апробации правоприменительной практикой внесенных в УПК РФ изменений может возникнуть потребность в отдельных исключительных случаях, когда по информации экспертного учреждения производство экспертизы будет требовать продолжительного времени, о продлении срока проверки сообщения о преступлении (более 30 суток) до завершения экспертного исследования.

Однако существует опасность того, что назначение экспертизы может использоваться недобросовестными сотрудниками правоохранительных органов в качестве легитимного средства для продления срока проверки сообщения о преступлении при отсутствии достаточных для этого оснований. В тех случаях, когда сотрудники правоохранительных органов по каким-либо причинам не проведут проверку в 3-х или 10-суточный срок, они будут без достаточных к тому оснований назначать экспертизу лишь для того, чтобы увеличить срок проверки сообщения о преступлении.

Не поддается логическому объяснению положение о том, что если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Во-первых, потому, что закрепление этого положения не вызывалось необходимостью, т.к. участники уголовного судопроизводства, интересы которых затрагиваются проведенной экспертизой, вправе заявлять ходатайства, в т.ч. о производстве дополнительной либо повторной экспертизы. Во-вторых, заявленное ходатайство должно быть обоснованным. В противном случае любое заявленное ходатайство должно подлежать удовлетворению, даже при отсутствии обоснованных данных, указывающих на необходимость проведения повторной либо дополнительной экспертизы. Императивное предписание, обязывающее следователя удовлетворять заявленное ходатайство, может привести к возникновению ситуаций, когда заинтересованные участники будут злоупотреблять этим правом в целях затягивания сроков предварительного расследования.

По нашему мнению, исключительный порядок разрешения ходатайства объясняется стремлением законодателя оправдать вынесение судебной экспертизы за рамки предварительного расследования, учитывая, что она может быть назначена лишь путем вынесения постановления: дефекты назначения должны компенсироваться упрощенным порядком обжалования результатов судебной экспертизы.

Предусматривая возможность проведения судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, законодатель указывает, что лица, полномочные назначать экспертизу, могут «принимать участие в ее производстве» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Во-первых, не участвовать в ее производстве, а присутствовать. Во-вторых, это указание является излишним, т.к. по общему правилу в соответствии со ст. 197 УПК РФ назначившие ее лица вправе присутствовать при проведении судебной экспертизы.

Предоставление самой возможности назначать экспертизу на стадии возбуждения уголовного дела — это во многом не продуманный и не обоснованный шаг. Еще один аргумент в пользу несостоятельности позиции законодателя заключается в том, что по существу беспредельное расширение перечня следственных действий, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела, означает, что проверка информации о преступлении представляет по сути проведение усеченного расследования. Создавшаяся ситуация объективно ставит вопрос о целесообразности существования института предварительной проверки, в то время как основное назначение стадии возбуждения уголовного дела заключается в получении достаточных данных, указывающих на признаки преступления или отсутствие таковых.

Одним из средств собирания интересующих следователя данных, необходимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела, является производство ревизий, проверок (ст. 144 УПК РФ). Однако анализ практики их использования в уголовном судопроизводстве выявил ряд проблем, «... основная из которых — несовершенство, неполнота правовой регламентации этих форм использования специальных знаний в уголовно-процессуальном законе»⁴. В УПК РФ не раскрываются понятия ревизии и проверки, не установлены основания и порядок их назначения; не регламентирован процессуальный статус лица, привлекаемого для их проведения, его права и обязанности. Остается не урегулированным вопрос о месте актов проверок и ревизий в системе источников доказательств и ряд других вопросов.

Ограничение проверок лишь документальными, проводимыми при решении вопроса о возбуждении уголовного дела (ст. 144 УПК РФ), явно сужает возможности органов расследования в осуществлении других проверочных действий⁵, т.к., помимо указанных, может возникнуть необходимость в контрольном запуске сырья и материалов в производство, обмере выполненных работ, обследовании и осмотре производственных и складских помещений, инвентаризации и других действиях. С одной стороны, эти действия являются методами ревизии, а, с другой, могут применяться и в качестве самостоятельных проверочных действий.

В ст. 144 УПК РФ предусматриваются различные виды исследований документов, которые могут осуществляться в ходе документальной проверки, ревизии, исследования документов, а также экспертизы (например, судебно-бухгалтерской, финансово-экономической и т.д.). Поэтому в практическом плане актуальным представляется вопрос о разграничении этих категорий.

Под документальной следует понимать проверку, основанную на исследовании с помощью приемов документального контроля документов с целью выявления в них несоответствий и противоречий. Фактические проверочные действия (осмотр, обследование и т.д.) не могут применяться в ходе ее производства. Таким образом, основным отличием ревизии от документальной проверки является то, что при производстве первой могут применяться методы документального и фактического контроля, в то время как документальная проверка основывается лишь на исследовании документов.

Небезупречна регламентация документальных проверок и ревизий в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. На наш взгляд, здесь имеется ряд изъянов. С точки зрения этимологии, ревизия является разновидностью проверки. Поэтому в ч. 1 ст. 144 УПК РФ было бы правильным указание на возможность проведения вообще проверок. Также нелогично акцентировать внимание на документальном характере проверок, т.к. они могут быть различными, в т.ч. и документальными.

В целях внесения ясности и единообразия в понимание сущности и значения ревизии, проводимой в уголовном судопроизводстве, полагаем, что ее понятие следует предусмотреть в ст. 5 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «Ревизия — это вид проверки, проводимой специалистом в области бухгалтерского учета по поручению дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, следователя-криминалиста, руководителя следственного органа, суда, в ходе которой могут использоваться методы документального и фактического контроля для сбора и анализа информации о финансово-хозяйственной деятельности проверяемого субъекта с целью установления данных, необходимых для принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела,

а в процессе расследования — установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу»⁶.

Что касается разграничения таких процессуальных действий, как документальная проверка и исследование документов, то под исследованием документов следует понимать как криминалистическое исследование письма, так и технико-криминалистическое выявление фактов подчистки, дописки, травления и внесения в документы иных изменений⁷. На наш взгляд, исследование документов — это общее понятие, охватывающее документальное и все виды криминалистического исследования документов.

В целях исключения противоречивых толкований этих понятий, а также учитывая, что документальная проверка представляет собой лишь один из видов исследования документов, на наш взгляд, правомерна постановка вопроса об исключении из ст. 144 УПК РФ такого действия, как документальная проверка.

В последние годы в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе дебатруется вопрос о процессуальной природе ревизий и документальных проверок, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела. При этом отмечается, что ревизия является непроцессуальной (внепроцессуальной) формой использования специальных знаний⁸. Некоторые сторонники такого взгляда обосновывают это тем, что на признание ее в таком качестве влияет не указание в законе, а регламентация порядка ее проведения другими законами и подзаконными актами⁹. С такой позицией трудно согласиться, поскольку определяющее значение должно иметь то, предусматривает ли УПК РФ ревизии и документальные проверки в качестве процессуальных средств собирания интересующей информации. Процессуальная природа этих средств определяется фактом их урегулирования УПК РФ. Разумеется, очевиден и недостаток, состоящий в том, что законодатель не регламентирует механизм реализации этих средств. Однако пробелы процессуального регулирования порядка проведения ревизий, проверок не могут служить основанием для признания этих действий непроцессуальными. УПК РФ не закрепляет процедуру производства не только указанных, но и иных действий (например, заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ)).

¹ См.: Российская газета 2013. 6 марта.

² Несогласованность между отдельными положениями ст. 144 УПК РФ и другими нормами УПК РФ выражается, в частности, в том, что судебная экспертиза (ст. 195 УПК РФ), освидетельствование (ч. 2 ст. 179 УПК РФ) могут быть проведены на основании постановлений. Между тем постановление может быть вынесено лишь при производстве предварительного расследования (п. 25 ст. 5 УПК РФ). Исключения относятся к актам возбуждения уголовного дела публичного обвинения (ст. 146 УПК РФ) и отказа в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК РФ). В литературе обосновывается, что перенесение элементов следственной деятельности на стадию возбуждения уголовного дела «... не согласуется с положениями Общей части уголовно-процессуального закона о понятии и правовом положении участников процесса, о правилах осуществления доказательственной деятельности» (см.: Манова Н.С. Проблемы правовой регламентации и практика осуществления деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1 (16). С. 28).

³ Как показало изучение уголовных дел, подобная негативная практика имела место и ранее при назначении ревизий и документальных проверок, еще до внесения изменений в УПК РФ, предусматривающих возможность продления срока проверки сообщения о преступлении до 30 суток.

⁴ Юрин В.М. Ревизия как средство проверки информации о преступлении // Человек и право на рубеже веков. Альманах Института Прокуратуры РФ Саратовской государственной академии права. 2003–2004. № 1 (4–5). С. 65.

⁵ См.: Степанов В.В. Расширение перечня средств собирания доказательств // Уголовный процесс. 2007. № 2. С. 59.

⁶ Ревизия является разновидностью проверки, что подтверждается семантическим значением термина «ревизия». В толковом словаре она определяется как «обследование, проверка чьей-нибудь деятельности для установления правильности и законности действий». См.: Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский тол-

ковый словарь. 5-е изд., стер. М., 1998. С. 589. На это справедливо обращалось внимание и в литературе. См.: *Степанов В.В., Шапиро Л.Г.* Использование ревизии и документальной проверки при расследовании преступных уклонений от уплаты налогов // *Вестник Саратовской государственной академии права.* 1999. № 4. С. 17; *Юрин В.М., Юрина Л.Г., Никитин С.В.* Проведение ревизии по требованию следователя // *Вопросы криминалистики и судебной экспертизы: материалы чтений, посвящённых памяти профессора Е.И. Зуева / под ред. В.Н. Хрусталева.* Саратов, 2005. С. 107.

⁷ Семантическое значение термина «исследовать» означает: 1. Подвергать научному рассмотрению. 2. Тщательно осматривать для выяснения, установления чего-либо. См.: *Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С.А. Кузнецов.* СПб., 1998. С. 402.

⁸ См.: *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 2001. С. 398; *Сорокотягина Д.А., Сорокотягин И.Н.* Судебная экспертиза: учебное пособие. Ростов н/Д, 2006. С. 77–78.

⁹ См.: *Голубятников С.П., Леханова Е.С.* Судебно-бухгалтерская экспертиза // *Судебная бухгалтерия: учебник / под ред. С.П. Голубятникова.* М., 1998. С. 320; *Шадрин В.В., Шадрин К.В., Мусин Э.Ф.* Ревизия по требованию правоохранительных органов при расследовании уголовных дел. М., 2004. С. 121 и др. «Признать ... производство документальных проверок, ревизий процессуальным действием, предусмотренным УПК РФ, трудно, так как это действие (в отличие, например, от судебной экспертизы) лишь упоминается в УПК РФ, но ни его содержание, ни порядок его производства в кодексе никак не регламентированы» (*Овсянников И.В.* Доказательственное значение актов ревизий и документальных проверок // *Вестник Воронежского института МВД России.* 2012. Вып. 4).

Н.Е. Муллахметова

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ЧАСТНЫМИ ОБВИНИТЕЛЯМИ

В статье с позиции механизма возмещения вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием по делу частного обвинения, рассматриваются теоретические и практические аспекты недобросовестного использования процессуальных прав частными обвинителями.

Ключевые слова: дела частного обвинения, частный обвинитель, злоупотребление правом, реабилитация.

N.E. Mullakhmetova

ABUSE OF THE RIGHT OF PRIVATE PROSECUTION

The article is devoted to theoretical and practical aspects of the misuse of procedural rights of private prosecutors. The issue is considered from the compensation mechanism for the position of the harm caused unwarranted criminal prosecution in the case of private prosecution.

Keywords: private prosecution, abuse of rights, rehabilitation.

В последние годы уголовно-процессуальное законодательство развивается по пути усиления правовых гарантий для участников судопроизводства как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. Вместе с тем идет поиск механизмов, оптимизирующих уголовный процесс, позволяющих сделать его эффективным, обеспечить баланс частных и публичных интересов. Российский законодатель, следуя положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также учитывая конституционные нормы-принципы о праве на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), принял пакет законов, направленных против судебной волокиты. Это, прежде всего, Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»¹, а также допол-

© Муллахметова Наталья Евгеньевна, 2017

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин (Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии), e-mail: nati16011978@mail.ru

нение Уголовно-процессуального, Гражданского процессуального, Арбитражного процессуального кодексов и других законодательных актов нормами о разумном сроке судопроизводства. Судебная практика свидетельствует, что иногда причиной затягивания сроков судопроизводства является злоупотребление своими правами со стороны некоторых участников процесса: обвиняемых, защитников, потерпевших, частных обвинителей. В связи с этим в процессуальной литературе появились научные исследования данного явления², разработаны его определение, классификация, признаки. Так, например, О.И. Даровских понимает под злоупотреблением правом в уголовном судопроизводстве поведение участника уголовно-процессуального правоотношения, обладающего процессуальными правами (полномочиями), осуществляемое в процессе правомерной реализации этих прав, но в противоречии с их смыслом и назначением, причиняющее либо способное причинить вред другим участникам процесса, обществу, государству либо влекущее за собой иные негативные последствия³. Данная юридическая категория не осталась без внимания Конституционного Суда и Верховного Суда РФ⁴.

В гражданском процессе в отличие от уголовного предусмотрен правовой механизм, направленный на противодействие недобросовестным истцам: компенсация за потерю времени (ст. 99 Гражданского процессуального кодекса РФ). При этом в науке выделяют следующие действия стороны, которые при доказанности умысла могут служить основанием для взыскания компенсации за потерю времени:

1) злоупотребление правом на обращение в суд (лицо, обращаясь в суд, не преследует цели получения судебной защиты, а действует исключительно во вред другой стороне, искусственно изменяет подсудность с целью затруднить другой стороне доступ к правосудию);

2) умышленное затягивание процесса (например, заявление ходатайств, направленных на затягивание судебного процесса, непредставление требуемых доказательств);

3) предоставление недостоверных доказательств (это могут быть поддельные документы, ложные свидетельские показания и т.п.)⁵.

В уголовно-процессуальном праве не предусмотрено аналогичной нормы, но есть другие способы воздействия на недобросовестных участников (например, ограничение судом срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела в случае явного затягивания — ч. 3 ст. 217 УПК РФ, применение таких мер процессуального принуждения, как привод, денежное взыскание и др.). Однако в практике можно встретить немало случаев злоупотребления процессуальными правами при производстве по уголовным делам, когда закон не предусматривает каких-либо санкций⁶.

Установление злонамеренности, недобросовестности поведения со стороны участников уголовного процесса приобретает особое значение при решении вопроса о возмещении вреда, причиненного уголовным преследованием по делам частного обвинения. При этом с учетом положений ч. 2¹ ст. 133 УПК РФ необходимо различать следующие ситуации: 1) уголовное дело частного обвинения было возбуждено путем подачи заявления мировому судье и возбуждено в соответствии со ст. 318 УПК РФ, лицо было признано виновным, но затем вышестоящая инстанция отменила полностью или частично обвинительный приговор либо прекратила уголовное дело или уголовное преследование по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2, 5 ч. 1 ст. 24 и пп. 1, 4, 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ; 2) уго-

ловное дело частного обвинения было возбуждено в порядке, установленном ч. 4 ст. 20 УПК РФ, но затем появились основания, указанные в пп. 1–4 ч. 2 ст. 133; 3) уголовное дело частного обвинения было возбуждено путем подачи заявления мировому судье в соответствии со ст. 318 УПК РФ, но судом первой инстанции лицо было оправдано либо уголовное дело и уголовное преследование были прекращены по реабилитирующим основаниям.

В первой и второй ситуациях право на реабилитацию реализуется так же, как и по делам частно-публичного и публичного обвинения, поскольку при этом возникает публично-правовое обязательство Российской Федерации как демократического и правового государства перед пострадавшими при отправлении правосудия от действий уполномоченных им органов и должностных лиц. Что же касается третьей ситуации, то здесь государство не должно возмещать вред лицу, т.к. прекращение дела либо постановление по делу оправдательного приговора судом первой инстанции не является следствием незаконных действий со стороны государства (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (в ред. от 2 апреля 2013 г.))⁷. Следует согласиться с теми авторами, которые считают, что использование термина «реабилитация» для этой ситуации не вполне уместно, т.к. из анализа норм уголовно-процессуального законодательства следует, что ответчиком в реабилитационных отношениях всегда выступает государство⁸. Вместе с тем не исключается возмещение вреда лицу, которое в этом случае подверглось необоснованному обвинению. Согласно правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко», необходимость обеспечения требования УПК РФ о реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), не исключает использования гражданско-правового механизма защиты прав добросовестных участников уголовного процесса от злоупотребления своим правом со стороны частного обвинителя, когда его обращение в суд с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица не имеет под собой никаких оснований и продиктовано не потребностью защитить свои права и охраняемые законом интересы, а лишь намерением причинить вред другому лицу.

Итак, обвинения предусмотрена законом (ст. 22 УПК РФ). Однако использование данного способа защиты нарушенного права не является противоправным, кроме случаев, когда будет доказано, что заявление было направлено исключительно на причинение вреда другому лицу (злоупотребление правом). Такой подход соотносится и с положениями, изложенными в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам», согласно которым при оправдании подсудимого по уголовному делу частного обвинения суд вправе взыскать процессуальные издержки полностью или частично с лица, по жалобе которого было начато производство по этому делу. Но то, что в ходе судебного разбирательства предъявленное обвинение не подтвердилось, само по себе не является достаточным основанием для признания незаконным обращения

к мировому судье с заявлением о привлечении лица к уголовной ответственности в порядке частного обвинения и, как следствие, для принятия решения о взыскании процессуальных издержек с частного обвинителя. Разрешая данный вопрос, необходимо учитывать, в частности, фактические обстоятельства дела, свидетельствующие о добросовестном заблуждении частного обвинителя, либо, напротив, о злоупотреблении им правом на осуществление уголовного преследования другого лица в порядке частного обвинения⁹.

Таким образом, мы видим, что обязанность возместить вред, причиненный необоснованным уголовным преследованием, может быть возложена на частного обвинителя при установлении факта его недобросовестности, злоупотребления правом на судебную защиту. На практике имеют место случаи, когда граждане, постоянно конфликтующие со своими соседями, знакомыми, буквально заваливают суды заявлениям о мнимых нарушениях их прав, что служит проявлением сутяжничества или кверулянтства. В связи с этим возникает вопрос о том, как установить данный факт, ведь здесь мы имеем дело с оценочной категорией.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2015 г. в суды поступило 72748 дел частного обвинения, из них 31373 с обвинительным заключением, актом или постановлением, т.е. после проведения предварительного расследования, а остальные были возбуждены по заявлениям граждан, поданным непосредственно мировому судье. С нарушением сроков рассмотрено 1194 дела, из которых только 147 — после проведения расследования. Следует обратить внимание на тот факт, что доля лиц, в отношении которых вынесен оправдательный приговор или дело прекращено по реабилитирующим основаниям, более чем в 100 раз выше в тех случаях, когда дело частного обвинения возбуждалось путем подачи заявления мировому судье, а не передавалось с обвинительным заключением, актом или постановлением (соотношение составляет 13582 к 119)¹⁰.

Исходя из приведенных статистических данных, можно сделать вывод, что если дело частного обвинения возбуждается самим частным обвинителем в порядке, предусмотренном ст. 318 УПК РФ, то обвинительный приговор выносят намного реже, чем в случаях, когда дело частного обвинения передается в суд после проведенного расследования. Объясняется это тем, что частные обвинители, которые сами подают заявление мировому судье, не всегда могут привести достаточную доказательственную базу, по разным мотивам отказываются от предъявленного обвинения, что влечет прекращение уголовного дела (ч. 2 ст. 20, ч. 5 ст. 319 УПК РФ), либо просто не являются в суд без уважительных причин, и тогда уголовное дело прекращается в связи с отсутствием состава преступления (ч. 3 ст. 249 УПК РФ).

По мнению некоторых процессуалистов, не обладая достаточными знаниями и механизмом по собиранию доказательств, частный обвинитель, защищая свои права, поставлен законодателем в ситуацию, обязывающую его оценить риски уголовного преследования, что изначально ограничивает его право на доступ к правосудию. В этой связи, по мнению авторов, представляется правильным введение обязательного порядка дознания по делам частного обвинения. В этом случае создается возможность проведения более качественного сбора доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию¹¹. Следует также учесть, что правовое регулирование в отношении дел частного обвинения в последнее время дважды менялось: сначала был принят Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323 «О внесении изменений в Уголовный кодекс

Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», а затем спустя чуть более полугода Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹². Сначала законодатель, стремясь защитить жертв семейного насилия, отнес побои в отношении близких лиц к делам не частного, а частно-публичного обвинения. При этом уголовное дело должно было возбуждаться в обычном порядке и по нему проводилось дознание. Однако после принятия Федерального закона № 323 поиски оптимальных путей законодательного регулирования ответственности за побои не прекратились, и через короткое время ст. 116 УК РФ вновь была изменена: по этой статье квалифицируются только побои, совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Все остальные случаи причинения побоев, в т.ч. в отношении близких лиц, предусмотрены ст. 116.1 УК РФ и относятся к делам частного обвинения, но в отношении них действует правило об административной преюдиции, т.е. важно, чтобы лицо до этого было подвергнуто административному наказанию за аналогичное деяние. Таким образом, по действующему законодательству при причинении побоев по общему правилу дознание не проводится, и бремя доказывания вины лежит на потерпевшем (частном обвинителе), который должен сам подавать заявление мировому судье, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

Конституционный Суд РФ в Определении от 2 июля 2013 г. № 1059-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Беляевой Татьяны Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктом 1 части второй статьи 381 и статьей 391.11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»¹³ указал, что обращение к мировому судье с заявлением о привлечении лица к уголовной ответственности в порядке частного обвинения само по себе не может быть признано незаконным лишь на том основании, что в ходе судебного разбирательства предъявленное обвинение не нашло своего подтверждения. В противном случае ставилось бы под сомнение конституционное право каждого на судебную защиту, выступающее, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ, гарантией всех других прав и свобод человека и гражданина, в т.ч. права на защиту своей чести и доброго имени, гарантированного ст. 23 Конституции РФ.

Вместе с тем в силу п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

В указанном Определении Конституционного Суда РФ подчеркивается, что возложение на частного обвинителя обязанности возместить лицу, которое было им обвинено в совершении преступления и чья вина не была доказана в ходе судебного разбирательства, понесенные им вследствие этого расходы, не может расцениваться как признание частного обвинителя виновным в таких преступлениях, как клевета или заведомо ложный донос.

При этом сам по себе факт вынесения в отношении подсудимого оправдательного приговора по делу частного обвинения не преддрекает вопроса о вине частного обвинителя. Отсутствие в отношении частного обвинителя вступившего в законную силу приговора о признании его виновным в клевете или заведомо ложном доносе также само по себе не служит препятствием для установления в гражданском процессе его вины и возложения на него на основании норм гражданского права обязанности компенсировать моральный вред, причиненный необоснованным привлечением к уголовной ответственности.

Ссылки на эти положения нередко встречаются в судебных актах судов общей юрисдикции разного уровня¹⁴. В ряде случаев суды, взыскивая с частного обвинителя возмещение вреда, причиненного необоснованным обвинением, ссылаются только на сам оправдательный приговор по делу частного обвинения¹⁵.

Ответственность частного обвинителя строится на иных началах, нежели ответственность государства по делам частно-публичного и публичного обвинения, где основанием служит усеченный состав гражданского правонарушения, т.н. ответственность без вины. Однако при оправдании подсудимого судом по делу частного обвинения необходимо установление полного состава гражданского правонарушения, в т.ч. вины частного обвинителя. Так, в судебной практике можно встретить формулировки применительно к недобросовестному поведению частного обвинителя: «Действия К., связанные с возбуждением уголовного преследования в отношении Л., являлись недобросовестными и были обусловлены как личной неприязнью к истцу на почве произошедшего между сторонами конфликта, так и в целях самозащиты от обвинений истца в заведомо ложном доносе и клевете»¹⁶. Есть также примеры недобросовестного поведения частного обвинителя, который настаивал на ложном обвинении, заведомо зная об отсутствии события преступления: «В.М. обратилась к мировому судье с заявлением о привлечении Ч.Н., Ч.А. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 116 УК РФ. Постановлением мирового судьи уголовное дело в отношении Ч.А. было прекращено в соответствии со ст. 246 УПК РФ в связи с отказом частного обвинителя от обвинения. Как следует из протокола судебного заседания по уголовному делу частного обвинения в отношении Ч.А., В.М. отказалась от обвинения, пояснив, что Ч.А. удары не наносил, а только замахнулся. Таким образом, на момент обращения к мировому судье с заявлением о привлечении Ч.А. к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, В.М. было известно о том, что телесные повреждения истец ей не наносил. Суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что заявление в порядке частного обвинения было необоснованным, однако в течение длительного времени частный обвинитель не отказывался от обвинения, что свидетельствует о злоупотреблении правом и желании причинить вред истцу»¹⁷.

На недобросовестность частного обвинителя также может указывать противоречивость, непоследовательность его показаний. Так, в одном из судебных актов указано следующее: «В целях привлечения Г. к уголовной ответственности частным обвинителем А.А.В. давались показания, которые носили противоречивый характер, а также излагались заведомо ложные доводы, которые опровергнуты объективными доказательствами по делу. Данное поведение А.А.В. при обвинении истца в совершении преступления суд оценил как недобросовестные действия и злоупотребление правом, в связи с чем пришел к выводу о том, что

причиненный данными действиями моральный вред в результате необоснованного уголовного преследования Г. подлежит компенсации»¹⁸.

При определении размера компенсации морального вреда, причиненного необоснованным обвинением, судами учитываются обстоятельства дела, степень нравственных страданий истца, связанных с переживаниями по поводу уголовного преследования — боязни быть незаконно осужденным, необходимостью доказывать свою невиновность, а также фактические обстоятельства дела — отсутствие тяжких последствий, принципы разумности и справедливости. Исходя из анализа приведенных судебных актов, размер компенсации морального вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, обычно составляет от 3 до 15 тыс. руб.

Итак, действующее законодательство по общему правилу не предусматривает иного способа защиты прав потерпевшего по делам частного обвинения, как обращение в суд в частном порядке. С одной стороны, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, однако в соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Изучение судебной практики по данному вопросу позволяет отнести к таким признакам: 1) наличие в отношении частного обвинителя приговора о признании его виновным в клевете или заведомо ложном доносе; 2) установление фактов необоснованного затягивания процесса путем заявления необоснованных ходатайств, неявки в судебное заседание, непредставления требуемых доказательств и пр.; 3) выявление недостоверности показаний потерпевшего (частного обвинителя), подложность предоставляемых доказательств.

Представляется необходимым разъяснение Верховным Судом, по каким признакам можно судить о злонамеренности действий частного обвинителя, о его злоупотреблении правом.

¹ См.: Российская газета. 2014. 4 мая.

² См., например, труды таких авторов как С.С. Алексеев, М.М. Агарков, Г.А. Гаджиев, О.И. Даровских, Н.А. Дурново, В.Н. Кудрявцев, А.А. Малиновский, Т.В. Трубникова и др.

³ См.: Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

⁴ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко», Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2014 г. № 382-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Охлопкова Евгения Викторовича на нарушение его конституционных прав абзацем третьим статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации» и др.

⁵ См.: Калинина М.В. Компенсация за фактическую потерю времени: проблемы правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 6.

⁶ См.: Калинин Л.Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2010. № 4. С. 5–9.

⁷ См.: Российская газета. 2011. 5 дек.; 2013. 5 апр.

⁸ См., например: Кузнецова А.Д. Возмещение вреда лицу, уголовное преследование которого осуществлялось в порядке частного обвинения // Уголовное право. 2015. № 2. С. 122–125.

⁹ См., например: Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 16 сентября 2014 г. Дело № 33-9249. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/6857861> (дата обращения: 01.07.2016).

¹⁰ См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 01.07.2016).

¹¹ См.: Подопригора А.А., Чунилкин Ю.Б. Актуальные вопросы института реабилитации в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 46–50.

¹² См.: Российская газета. 2017. 10 февр.

¹³ Вестник Конституционного Суда. 2014. № 2.

¹⁴ См., например: Апелляционное определение Томского областного суда от 19 июня 2015 г. по делу № 33-1626/2015; Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 марта 2015 г. № 16-КГ14-37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Севастьянова Ю.В. Особенности реабилитации по делам частного обвинения // Адвокат. 2014. № 7.

¹⁶ Апелляционное определение Самарского областного суда от 19 мая 2015 г. по делу № 33-5248/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 21 июля 2015 г. по делу № 33-7136/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Апелляционное определение Костромского областного суда от 25 июня 2014 г. по делу № 33-987. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Д.С. Хижняк

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ СУБЪЕКТЫ

В статье исследуются проблемы транснациональной криминальной деятельности, осуществляемой индивидуальными лицами. На основе анализа эмпирического материала представлены доказательства того, что транснациональная криминальная деятельность может осуществляться не только организованными преступными группами и преступными сообществами (организациями), но и отдельными субъектами.

Ключевые слова: методология криминалистики, транснациональная криминальная деятельность, субъект преступления, расследование преступлений.

D.S. Khizhnyak

TRANSNATIONAL CRIMINAL ACTIVITY AND ITS SUBJECTS

The article deals with the problem of transnational criminal activity carried on by individuals. The analysis of empirical material proved that transnational criminal activity subjects can be represented not only by organized groups and organizations (entities), but also by individuals.

Keywords: methodology of forensics, transnational criminal activity, subject of crimes, crime investigation.

Термин *преступная (криминальная) деятельность* используется в уголовном праве, криминологии, теории оперативно-розыскной деятельности и криминалистике. Авторы по-разному характеризуют субъектов этой деятельности. Так, В.Н. Карташов отмечает, что термином «преступная деятельность» в уголовном законодательстве и научной литературе не совсем верно обозначают только преступления, совершаемые организованными преступными группами и преступными сообществами¹.

Криминальная деятельность как объект изучения криминалистики является динамической системой, которая функционирует в соответствии с характером ее подготовки, совершения и сокрытия, а также состоит из взаимосвязанных подсистем и элементов. Механизм криминальной деятельности подразумевает сочетание нескольких составов преступлений. Например, совершение одного преступления может быть подготовкой к совершению другого, т.е. являться частью механизма определенной криминальной деятельности, объединенной общей целью. Понятие «криминальная деятельность» включает в себя не толь-

© Хижняк Денис Сергеевич, 2017

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: denis_khizhnyak@mail.ru

ко нарушение норм уголовного права, но и сопутствующее ему нарушение норм других отраслей права (административного, таможенного, гражданского и т.д.), а также проступки, ответственность за которые предусмотрена подзаконными актами министерств и ведомств². Особое значение в настоящее время приобретает транснациональная криминальная деятельность.

В 1995 г. на IX Конгрессе Организации Объединенных Наций по предотвращению преступлений и обращению с правонарушителями была представлена следующая классификация транснациональных преступлений: 1) отмывание денег (money laundering); 2) террористическая деятельность (terrorist activities); 3) кража произведений искусства и предметов культуры (theft of art and cultural objects); 4) кража интеллектуальной собственности (theft of intellectual property); 5) незаконная торговля оружием (illicit trafficking in arms); 6) угон самолетов (aircraft hijacking); 7) морское пиратство (sea piracy); 8) захват наземных объектов, под которыми понимаются кража, грабеж, пиратство, похищение людей, оборот незаконных товаров (land hijacking); 9) мошенничество со страховкой (insurance fraud); 10) компьютерные преступления (computer crime); 11) экологические преступления (environmental crime); 12) торговля людьми (trafficking in persons); 13) торговля человеческими органами (trade in human body parts); 14) незаконная торговля наркотиками (illicit drug trafficking); 15) ложное банкротство (fraudulent bankruptcy); 16) проникновение в легальный бизнес (infiltration of legal business); 17) коррупция и подкуп общественных, партийных деятелей и выборных лиц в соответствии с определением в национальном законодательстве (corruption and bribery of public officials as defined in national legislation and of party officials and elected representatives as defined in the national legislation); 18) другие преступления, совершаемые организованными преступными группами (other offences committed by organized criminal groups)³.

Транснациональную преступность как в юридической науке, так и в международно-правовой практике, связывают, прежде всего, с организованной преступностью⁴. Цель данной статьи — доказательство того, что субъектами транснациональных преступлений могут быть также и индивидуальные лица. С этой целью нами проанализированы 10564 дела, рассмотренных судами Российской Федерации⁵, касающихся совершения преступлений отдельными лицами на территориях нескольких государств. Эти преступления квалифицировались в соответствии со следующими статьями УК РФ: ст. 205.1 (содействие террористической деятельности); ст. 205.2 (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма); ст. 205.4 (организация террористического сообщества и участие в нем); ст. 174.1 (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления); ст. 146 (нарушение авторских и смежных прав); ст. 273 (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ) часто в сочетании со ст. 272, 146; ст. 256 (незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов), в сочетании со ст. 322; ст. 228.1 (незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества); ст. 322 (незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации), ст. 292.1 (незаконная выдача паспорта гражданина

Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации) часто в сочетании со ст. 285.3, 286.1, 290, 292; ст. 171.1 (производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ). Ряд преступлений связан с различными видами контрабанды и незаконного экспорта (ст. 189, 200.1, 200.2, 229.1).

Анализ дел позволил выявить следующие характеристики криминальной деятельности, осуществляемой отдельными субъектами.

1. Транснациональные преступления, совершаемые отдельными лицами, по своему характеру не покрывают всего их многообразия в силу различных причин, среди которых можно отметить следующие: а) некоторые преступления предполагают формирование преступных организаций (ст. 205.5 УК РФ); б) возможна неполнота отражения конкретных дел в судебной практике на сайте «РосПравосудие». **Пример:** РИА «Новости» 13.05.2015 г. сообщило, что «во время прохождения таможенного контроля 29 апреля у руководителя избирательной комиссии Ломоносовского района Москвы было обнаружено пять картин, вывоз которых ограничен с территории Таможенного союза. Со слов мужчины, полотна стоят 180 тысяч рублей, хотя на самом деле картины оцениваются не менее чем в 1,9 миллиона рублей»⁶. В базе судебной практики это дело не отражено.

2. Транснациональная криминальная деятельность, осуществляемая отдельными лицами, может соотноситься с несколькими составами преступлений по УК РФ, с нарушением Конституции РФ и положений иных законодательных актов, например, ГК РФ, а также отличаться длительным характером. **Пример:** в июне 2015 г. одним из районных судов г. Томска рассматривалось уголовное дело подсудимого Д. Следствием и судом было установлено, что Д. совершил незаконное использование объектов авторского права, принадлежащего зарубежным правообладателям, хранение контрафактных экземпляров произведений в целях сбыта в крупном размере, неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший ее модификацию, а также использование компьютерных программ, заведомо предназначенных для нейтрализации средств защиты компьютерной информации. При этом он нарушил не только уголовное право и был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ, но и ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, ст. 1229 ГК РФ.

3. В связи с особенностями трактовки криминальной деятельности как таковой, в которую могут быть вовлечены лица и организации, не подозревающие о совершаемом другим лицом преступлении, приведем пример проявления этого признака в рамках осуществления транснациональной криминальной деятельности одним лицом. **Пример:** Нижегородским районным судом было установлено, что гражданин РФ Б., осведомленный о намерении гражданина Республики Беларусь Х. приобрести турбохолодильник ТХУ 3314, заведомо зная о том, что такой холодильник относится к военной технике и его оборот ограничен законодательством России, действуя умышленно из корыстных побуждений, принял решение незаконно переместить холодильник указанной марки через государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС —

в Республику Беларусь турбохолодильника ТХУ 3314. Б., посредством телефонных и интернет-переговоров договорился с Х., не осведомленным о преступном характере действий Б., о продаже и доставке в Республику Беларусь. Посредством транспортной компании Б. отправил посылку с турбохолодильником Х., не осведомленного о преступном характере действий Б. Однако Б. не смог довести до конца преступный замысел в связи с тем, что на трассе автомобиль, перевозимый грузоперевозчиком, был остановлен сотрудниками ФСБ России, и находящийся в автомобиле турбохолодильник был обнаружен и изъят. Суд квалифицировал действия Б. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ — как умышленные действия, непосредственно направленные на незаконное перемещение через Государственную границу Российской Федерации с государствами—членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС иной военной техники, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от него обстоятельствам. Б. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ. Назначено наказание с применением ч. 3 ст. 66, ч. 1 и 5 ст. 62 УК РФ в виде 2 лет 4 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 30 000 рублей и без ограничения свободы.

Криминальная деятельность рассматриваемой категории субъектов транснациональной криминальной деятельности позволяет сделать следующие выводы в отношении их криминалистической характеристики.

1. С точки зрения гражданства транснациональные преступления на территории России в основном совершаются ее гражданами (78,4%). Они нарушали не только законодательство РФ, но и таких стран, как США, Польша, Украина, Белоруссия, Турция, Китай и др.

2. 21,6% лиц — иностранные граждане, которые в нашей выборке являются гражданами Китая, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Литвы, т.е. гражданами государств, имеющих или не имеющих общую границу с Российской Федерацией.

3. С точки зрения гендерно-возрастных критериев транснациональная криминальная деятельность в основном совершается мужчинами разных возрастных категорий (99,5%). Единичные транснациональные преступления (0,5%), совершаемые женщинами, имеющими как гражданство Российской Федерации, так и иностранное гражданство, не позволяют квалифицировать их как чисто женские.

4. С точки зрения характера осуществляемой криминальной деятельности чаще всего транснациональная криминальная деятельность (в 70,2% случаев) осуществлялась в киберпространстве и была связана с нарушением авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ). Далее по распространенности следуют транснациональная криминальная деятельность, связанная с незаконным пересечением государственной границы Российской Федерации (20,7%) и контрабандой различных предметов (7,1%). В целом эти преступления в нашей выборке составили 98% случаев реализации транснациональной криминальной деятельности индивидуальным лицом. Преступления, совершаемые отдельными лицами в киберпространстве, следует рассматривать как транснациональные, т.к. они нарушают законы не только Российской Федерации, но и других государств, например в отношении авторских и смежных прав.

5. В связи с тем, что рассматриваемая категория субъектов чаще всего осуществляет транснациональную криминальную деятельность в

киберпространстве, а также в связи с тем, что диапазон образовательного уровня лиц очень широк (от среднего до высшего образования), в качестве отличительной характеристики данных лиц следует рассматривать *степень компьютерной грамотности*. Не случайно эти преступления часто совершаются лицами с техническим образованием — системными администраторами и программистами. Следующей по численности является категория лиц, *имеющих разный уровень образования, работающих или безработных* и осуществляющих транснациональную криминальную деятельность, связанную с контрабандой, в условиях *межгосударственной мобильности (туризм, деловые поездки и др.)*.

6. Некоторые характеристики лиц, например *социальные*, не обладают значительной дифференцирующей значимостью для целей расследования транснациональных преступлений. Это могут быть как семейные, так и *холостые люди, работающие и не имеющие постоянного места работы*.

7. Важно, что в подавляющем большинстве случаев такие преступления совершаются лицами, *ранее не судимыми, полноценными, не страдающими наркоманией, характеризуемыми по месту жительства или работы в подавляющем большинстве случаев положительно*.

8. С точки зрения поведения подсудимых суд практически всегда отмечает их активное содействие следствию или явку с повинной.

9. *Мотивы, цели и объекты* транснациональной криминальной деятельности четко соотносятся с их определением в уголовном праве. При совершении транснациональных преступлений преобладают корыстные мотивы и цели незаконной наживы. Среди объектов криминальной транснациональной деятельности преобладают общественные отношения, обеспечивающие авторские и смежные права, а также экономические отношения, которые часто тесно взаимосвязаны (99,8% случаев).

10. По *способу совершения* преступления криминальная деятельность чаще является полноструктурной. Усеченные способы включают в себя подготовку и совершение преступления, а полноструктурные, кроме указанных, включают в себя элемент «сокрытие». Дистанционный способ совершения преступления характерен в условиях использования компьютерной техники (киберпреступления).

11. *Способы сокрытия* чаще всего представлены попыткой утаивания криминальной деятельности, хотя отмечаются и иные способы ее сокрытия (маскировка и фальсификация). Разные способы сокрытия транснациональных преступлений могут комбинироваться (например, утаивание и фальсификация).

12. Представленная в пп. 1 и 4 характеристика лиц обуславливает *вектор транснациональной криминальной деятельности*. Такая деятельность направлена из одного государства в другое.

При осуществлении транснациональной криминальной деятельности гражданами Российской Федерации этот вектор может как быть разнонаправленным (например, при контрабанде денежных средств с территории иностранного государства на территорию Российской Федерации или с территории Российской Федерации на территорию иного государства), так и *однонаправленным* — как правило, с территории Российской Федерации на территорию иностранного государства (например, содействие террористической деятельности).

При осуществлении транснациональной криминальной деятельности иностранными гражданами этот вектор, как правило, направлен с территории

иностранного государства на территорию Российской Федерации (например, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов — ст. 256 УК РФ) и может осуществляться в сочетании с незаконным пересечением государственной границы Российской Федерации. Иностранцы граждане, находящиеся на территории Российской Федерации, могут также совершать киберпреступления, направленные на юрисдикцию третьей страны. Что касается географически рассматриваемых преступлений, то они могут осуществляться как трансгранично (Польша, Финляндия, Беларусь, Казахстан, КНР и др.), так и транстерриториально (особенно киберпреступность).

14. Индивидуальные лица совершали преступления разной степени тяжести (от преступлений небольшой тяжести до тяжких).

Анализ эмпирического материала показывает, что несмотря на то, что международно-правовые документы в качестве транснациональных преступлений рассматривают преимущественно результаты криминальной деятельности организованных преступных групп и преступных организаций (сообществ), транснациональную криминальную деятельность следует понимать шире — как деятельность любых субъектов (включая отдельных лиц), направленную на совершение деяний, нарушающих законодательство и интересы более двух государств, а также нормы международного права.

¹ См.: *Карташов В.Н.* Противоправная деятельность: методологические подходы, нетрадиционные решения и перспективные направления исследования // Юридические записки Ярославского государственного университета им. Г. Демидова. 2008. Вып. 12. С. 7.

² См.: *Соловьев А.В., Кобзева И.А.* Криминальная и криминалистическая деятельность как объект изучения криминалистики // Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: материалы научно-практической конференции (г. Саратов, 3–4 октября 2001 г.) / отв. ред. А.И. Демидов. Саратов, 2001. С. 240–241.

³ Документ ACONF.169.15.ADD.1. URL: https://www.unodc.org/documents/congress//Previous_Congresses/9th_Congress_995/017_CONF.169.15.ADD.1_Interim_Report_Strengthening_the_Rule_of_Law.Pdf (дата обращения: 31.01.2016).

⁴ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 40, ст. 3882; *Биленчук П.Д., Еркенов С.Е., Кофанов А.В.* Транснациональная преступность: состояние и трансформация: учебное пособие / под ред. П.Д. Биленчука. Киев, 1999.

⁵ URL: <https://rospravosudie.com/law> (дата обращения: 31.01.2016).

⁶ URL: http://ria.ru/trend/smuggling_art_06052015/#ixzz42bZxqR35 (дата обращения: 31.01.2016).

А.Д. Шминке

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье выявляются методологические ошибки, абстрагирующие от решения проблемы оптимизации процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Представлена авторская конструкция оптимизации процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, направленная на исключение указанных методологических ошибок.

Ключевые слова: оптимизация, процесс, обеспечение, права, законный, интерес, потерпевший, уголовный, процесс, система, подход, методология, ошибка.

A.D. Shminke

OPTIMIZATION OF THE PROCESS OF ENSURING RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF THE VICTIM IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS

The scientific researching made it possible for the author to point out the methodological mistakes abstracted from the solution of the problem of optimization of the process of ensuring the rights and legitimate interests of the victim in the criminal proceedings. To exclude the stated above and similar methodological mistakes the author presented a certain construction of optimization of the process of ensuring the rights and legitimate interests of the victim in the criminal proceedings.

Keywords: optimization, process, ensuring, rights, legitimate, interests, victim, criminal, system, approach, methodology, mistake.

С принятием 12 декабря 1993 г. Конституции РФ Россия встала на путь построения демократического правового социального государства. «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство...», — гласит ч. 1 ст. 1 Конституции РФ. «Российская Федерация, — дополняет ее ч. 1 ст. 7, — социальное государство...». В современных условиях такой тип государственного бытия «выступает своего рода ориентиром, своеобразным эталоном и одновременно стратегической целью многих стран»¹, поскольку признает, соблюдает и защищает права и свободы граждан. «Человек, его права и свободы, — говорится в ст. 2 Конституции РФ, — являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Такая защита особенно важна для лица, чьи права и интересы нарушены преступлением — потерпевшего в уголовном судопроизводстве².

Вместе с тем, как показывают исследования, существует ряд проблемных моментов, возникающих из процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве³. В совокупности они составляют проблему оптимизации процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Это актуализирует тему исследования, направляя методологический ориентир на поиск новых форм и методов решения данной проблемы.

Следуя заданному ориентиру, мы, прежде всего, обращаемся к сложившимся на сегодняшний день подходам к тем или иным проблемным моментам, возникающим из процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Хорошим примером в этом отношении являются работы С.А. Синенко, Д.В. Филиппова, Д.П. Чекулаева и А.И. Глушкова. Так, С.А. Синенко выделил и попытался решить теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы, возникающие из процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. С этой целью он создал концептуальную конструкцию обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Данная концепция представляет собой совокупность научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, а также деятельности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу в этом направлении⁴.

Д.В. Филиппов актуализировал проблему обеспечения прав и законных интересов потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела. Для ее решения он попытался разработать концепцию, содержание которой составили соответствующие положения и рекомендации. Например, автор привел научные аргументы в пользу целесообразности интерпретации понятия потерпевшего как участника досудебных стадий уголовного процесса в фактическом и юридическом аспектах, смоделировал и научно обосновал процедуры подтверждения статуса потерпевшего как обособленным процессуальным актом, так и процессуальным документом, фиксирующим иные решения и др.⁵

Д.П. Чекулаев исследовал различные аспекты реализации потерпевшим своих прав и законных интересов, вопросы обеспечения государством конституционных положений о доступе потерпевшего к правосудию и компенсации причиненного ущерба. В результате он разработал ряд предложений, направленных на совершенствование правового статуса потерпевшего⁶.

А.И. Глушков рассмотрел правовые и теоретические вопросы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве, сосредоточив при этом внимание на сущности и содержании уголовно-процессуальных гарантий и механизма обеспечения реализации прав и законных интересов подростков, пострадавших от преступлений, на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Опираясь на полученные результаты, автор разработал предложения по совершенствованию соответствующего уголовно-процессуального законодательства и практики его применения⁷.

С одной стороны, представленные, как, впрочем, и другие подходы⁸ к решению проблемных моментов, возникающих из процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, интересны с научной точки зрения и заслуживают внимания. Однако с другой стороны, как показывают наши в этом отношении исследования, оптимизировать процесс обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, т.е. решить проблему в целом, пока не удалось. Все дело, на наш взгляд, в построении методологии исследования. Во-первых, проблемы, возникающие из процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, представляют собой сложный или сложноорганизованный объект, наиболее эффективным инструментом исследования которого признан системный подход⁹. Исследователи, тем не менее, системному подходу отводят либо рядовую роль, либо вообще о нем не упоминают. Так, например, Д.В. Филиппов включил в методологическую основу системный подход наряду со структурно-функциональным анализом, сравнительно-правовым, социологическим и статистическим методами¹⁰. В свою очередь, Д.П. Чекулаев считал системный подход вообще излишним. По его мнению, методологическую основу исследования должны составлять метод анализа и синтеза, диалектический, статистический, исторический и социологический методы, а также сравнительно-правовой и формально-юридический методы¹¹. Причем, построить методологию на основе системного подхода недостаточно. Необходимы еще и специальные исследования, направленные на выделение из всего исторически сложившегося многообразия¹² оптимальной концептуальной конструкции системного подхода. Этого также не предусматривают методологии, построенные исследователями

процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Во-вторых, методология упомянутых авторов не предполагает и методы реализации той или иной созданной ими концептуальной конструкции, как это предусмотрено, например, у В.В. Сагруняна. Для решения задачи реализации системы целей уголовного наказания он определил концептуальный метод. В частности, исследователь сформулировал Концепцию реализации системы целей уголовного наказания как методологический проект, рекомендованный соответствующим компетентным органам для реализации. Ее структуру составили три раздела с аннотацией примерного содержания¹³.

С учетом выделенных методологических ошибок попытаемся представить некую конструкцию оптимизации процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Признавая системный подход эффективным способом мыслительной деятельности, обеспечившим «значительные открытия в науке, изобретения в технике и достижения в производстве»¹⁴, мы, прежде всего, из исторически сложившегося многообразия выделим его оптимальную концептуальную конструкцию. Как свидетельствуют наши исследования¹⁵, наиболее прогрессивной на сегодняшний день является концептуальная конструкция системного подхода П.К. Анохина, именованная методом функциональной системы. Его приоритетное положение среди других концептуальных конструкций определяется тем, что П.К. Анохину удалось привести элементы (компоненты) системы к упорядоченному взаимодействию посредством такого системообразующего фактора, как фокусированный полезный результат. Фокусированный полезный «результат, — пишет он, — является неотъемлемым и решающим компонентом системы, инструментом, создающим упорядоченное взаимодействие между всеми другими ее компонентами». Соответственно системой он называет «только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата»¹⁶.

Сформулированное П.К. Анохиным понятие системы проектируется на конкретно-научные, в т.ч. и наши, исследования. Руководствуясь методами проектирования систем и правилами построения дефиниций, ученый формулирует базовое понятие системы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве для дальнейших конкретно-научных исследований.

Опираясь далее на полученные посредством системных исследований результаты, конструируется методологический проект «Концепции реализации системы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (далее — Концепция). Ее структуру могут составить несколько разделов, наполненных примерным содержанием. На наш взгляд, это три следующих раздела:

«*Преамбула Концепции*». Она может содержать обоснование применения метода функциональной системы к процессу обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве;

«*Общие положения*». В этом разделе дается понятие системы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, раскрываются ее структурные особенности. Кроме того, он может включать в себя принципы, на основе которых организуется и осуществляется реализация

системы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве;

«Реализация системы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Данный раздел объединяет в себе несколько подразделов, соответствующих алгоритму реализации системы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. В основном здесь излагаются мероприятия, направленные на реализацию системы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Итак, анализ различных подходов к тем или иным проблемным моментам, возникающим из процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, позволил выявить методологические ошибки, абстрагирующие от их решения. Во-первых, авторы не уделяют должного внимания системному подходу как наиболее эффективному инструменту исследования сложных или сложноорганизованных объектов, коим являются проблемные моменты, возникающие из процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Во-вторых, методология авторов, пытавшихся решить актуализированные ими проблемные моменты, не предполагает методы реализации той или иной созданной ими концептуальной конструкции. Подобные методологии не могут привести прикладные исследования к логическому завершению, а, значит, и решить проблему в целом — проблему оптимизации процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

С исключением указанных и подобных методологических ошибок появляется возможность привести процесс обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве к оптимальному его варианту.

¹ Осейчук В.И. Конституционные основы строительства демократического правового социального государства в России. Тюмень, 2006. С. 18.

² См.: Чекулаев Д.П. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: Доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 3.

³ См., например: Винокуров С.В. Приоритетная роль потерпевшего в новой парадигме права // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 49–53.

⁴ См.: Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 6, 8–18.

⁵ См.: Филиппов Д.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 3–13.

⁶ См.: Чекулаев Д.П. Указ. раб. С. 5, 7–11.

⁷ См.: Глушков А.И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве. М., 2012. С. 2, 151–159.

⁸ См., например: Яни П.С. Обеспечение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 4–5, 6–9; Абабков А.В. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 6, 8–13; Бегова Д.Я. Потерпевший в уголовном судопроизводстве России: интерес и процессуальные средства защиты: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2009. С. 3–16, 190–203; Николаев Е.М. Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. С. 3–9.

⁹ См., например: Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки / сост.: А.П. Огурцов, Б.Г. Юдин. М., 1978. С. 97.

¹⁰ См.: Филиппов Д.В. Указ. раб. С. 7–8.

¹¹ См.: Чекулаев Д.П. Указ. раб. С. 6.

¹² См.: Садовский В.Н. Основание общей теории систем. М., 1974. С. 92–102.

¹³ См.: Сагрунян В.М. Цели уголовного наказания и их реализация как единая система. Белгород, 2012. С. 126–135.

¹⁴ Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ. Киев, 2003. С. 3.

¹⁵ См.: Шминке А.Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов, 2013. С. 41–57.

¹⁶ Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. С. 34.

А.В. Тихий

УСМОТРЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В статье усмотрение суда рассматривается в плоскости правосознания судьи, его субъективно-личностных качеств. В психологическом аспекте усмотрение суда, будучи элементом формирования внутреннего убеждения, проявляется как основанное на законе субъективно-личностное аналитическое видение судьей наиболее оптимального и соответствующего требованиям закона варианта принятия процессуального решения или совершения процессуального действия.

Ключевые слова: восприятие, видение, усмотрение, внутреннее убеждение, субъективная реальность.

A.V. Tikhy

DISCRETION AS AN ELEMENT OF THE MECHANISM OF FORMATION OF INTERNAL BELIEF OF THE JUDGE IN CRIMINAL CASES

The article examines the court's discretion in the plane of justice judge, his subjective personality traits. The psychological aspect of the court's discretion, as a member of the internal beliefs, manifested as based on the law of subjective personal vision of analytical judge the most appropriate and meets the requirements of the law of options further action or committing procedural action

Keywords: perception, vision, judgment, inner conviction, subjective reality.

Достижение уголовным судопроизводством своего назначения (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ)) по каждому уголовному делу вызывает необходимость решения ряда теоретических и правоприменительных проблем, связанных с усмотрением суда в уголовном процессе, в частности, до настоящего времени дискуссионными остаются вопросы о том, насколько детально должна быть урегулирована нормами права уголовно-процессуальная деятельность судьи (суда) при осуществлении правосудия, в каких пределах при судебном разбирательстве уголовного дела возможно судебское усмотрение, по каким критериям следует отграничивать усмотрение суда от субъективизма и произвола.

А. Барак справедливо отмечал, «в языке и науке термин „усмотрение” имеет более чем одно значение и, конечно, означает разные вещи в разных контекстах. Однако мы должны ответить на этот вопрос, потому что понятие усмотрения является центральным для понимания уголовного процесса»¹. Обусловлено это тем, что в современных условиях усмотрение является неотъемлемым свойством правоприменения.

В.Н. Дубовицкий предлагает рассматривать «усмотрение» в широком и узком смысле. В широком, общесоциальном понимании усмотрение — это решение, мнение, заключение вообще. При таком подходе, по его мнению, право «связано» усмотрением. Усмотрение в узкой трактовке «связано» правом. А. Барак указывает на то, что понятие судебного усмотрения является основным для судебного

разбирательства и определяет его как право суда выбирать между различными альтернативами возможный вариант. С точки зрения автора, судейское усмотрение существует только в сложных делах (делах с «открытой терминологией», серьезных делах, которые имеют большое общественное значение или резонанс)².

В настоящее время большинство процессуалистов придерживаются подобной точки зрения и под усмотрением в праве понимают установленную рамками законодательства определенную степень свободы правоприменителя в разрешении индивидуального конкретного дела, предоставляемую в целях принятия оптимального решения по делу³. Фактически в подавляющем большинстве исследований усмотрение понимается как способ устранения пробелов в праве, либо как возможность выбора в ситуациях, когда законодатель дает свободу в принятии того или иного решения.

Однако исторически совсем в ином смысле термин «усмотрение» употреблялся в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Среди «поводов к начатию следствия» закреплялось «возбуждение дела по непосредственному усмотрению следователя». Согласно ст. 313 Устава судебный следователь приступал к следствию по собственному усмотрению лишь в том случае, когда застигал совершающееся или только что совершившееся преступное деяние. В приведенном примере термин «усмотрение» означал, что следователь воспринимает визуально преступление как явление. Аналогичным образом «усмотрение следователя» толковалось и в первые годы существования советского уголовного судопроизводства⁴.

С целью обоснования своего видения определения «усмотрение суда», установления его границ и выделения отдельных элементов проанализируем более подробно это правовое явление посредством диалектического метода исследования правовой природы усмотрения, позволяющего рассматривать его в различных правовых аспектах. По сути в данном случае происходит установление смысла незнакомого термина (слова) с помощью термина (слова) знакомого и уже осмысленного, т.е. номинального определения. В отличие от реального определения, которое может быть истинным или ложным, номинальное определение не имеет истинностного значения. Оно может быть целесообразным или нецелесообразным, эффективным или неэффективным, но не истинным или ложным⁵. Поэтому считаем целесообразным и эффективным изначально раскрыть значения, в которых употребляется термин «усмотрение суда». С этой точки зрения судебное усмотрение можно охарактеризовать в следующих аспектах:

как элемент структурно-психологического анализа деятельности суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел (элемент механизма формирования внутреннего убеждения);

как определенную рамками уголовно-процессуального закона известную степень свободы органа в правовом разрешении индивидуального конкретного дела, предоставляемую в целях принятия оптимального решения по уголовному делу;

как институт в системе уголовно-процессуального права;

как предмет правового регулирования, а именно как вид правоприменительной деятельности.

Из всех перечисленных аспектов до настоящего времени отсутствуют научные исследования усмотрения суда в плоскости правосознания судьи, его субъективно-личностных качеств. Однако субъективно-личностные качества судьи, включая судейское усмотрение, имеют огромное значение в правоприменительном процессе. В.Н. Мартышкин справедливо отмечает, что «личный

опыт судьи, профессионализм, собственное понимание и толкование нормы права становятся решающими факторами при принятии решения по делу, когда в норме доминируют оценочные понятия, недостаточно четко разработан понятийный аппарат. Ненадлежащее использование данного права порождает процессуальные злоупотребления, вместе с тем отсутствие такового лишают судей самостоятельности»⁶. Как верно указывает С.В. Лозовская, любое решение судьи относительно обстоятельств дела и (или) возможного варианта его разрешения отражает его личное мировоззрение, жизненный опыт, уровень профессиональной подготовки и др. Поэтому признавать наличие судебного усмотрения в деятельности суда в действительности означает желание придать принимаемым процессуальным решениям дополнительный вес, очередной раз указать на их объективность и отсутствие личных мотивов в процессе их принятия⁷.

С точки зрения психологических основ, усмотрение суда наиболее тесно связано с внутренним убеждением судьи⁸.

Согласно принципу свободы оценки доказательств, закрепленному в ст. 17 УПК РФ, суд оценивает доказательства по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью. Включение законодателем совести в механизм формирования внутреннего убеждения судьи принципиально важно. Совесть как критерий оценки доказательств указывает на его личную, моральную и правовую ответственность за правильную оценку доказательств и принимаемых решений, на профессиональный долг судьи быть беспристрастным и независимым от чьего бы то ни было влияния.

В уголовно-процессуальной науке внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств определяется в качестве правовой категории, отражающей субъективную мыслительную деятельность судьи по осуществлению правосудия по конкретному делу в целях достоверного установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела с последующей объективацией результатов в итоговом судебном решении. Этот процесс включает в себя не только исследование доказательств, но и их оценку, условия для правовой квалификации содеянного, оценку результатов деятельности участников процесса по выполнению процессуальных функций⁹.

Понятие «внутреннее убеждение судьи» (в общепринятом смысле) означает личный уверенный взгляд (мнение, точку зрения), сформированный у судьи в процессе исследования обстоятельств уголовного дела. Есть основания утверждать, что внутреннее убеждение имеет две стороны: объективную — итог осознанной мыслительной деятельности судьи по исследованию доказательств, и субъективную — чувственное восприятие им картины спора¹⁰. *Объективная сторона* убеждения представляет собой итог осознанной мыслительной деятельности, которая отражается в решениях суда, завершающих производство по уголовному делу. Наряду с этим восприятие судьей различных факторов: поведения участников уголовного судопроизводства, представляемой сторонами информации и т.д. (субъективная сторона убеждения) осуществляется непрерывно на всех этапах правоприменительной деятельности судьи. В этой связи представляется объективно необходимым наряду с совестью в качестве элемента механизма формирования убеждения судьи ввести в научный лексикон понятие «усмотрение суда». Усмотрение в механизме формирования внутреннего убеждения судьи составляет его *субъективную сторону* — чувственное восприятие им окружающей действительности.

Восприятие (*perception*) — это психологический процесс, посредством которого люди формируют и интерпретируют свои чувственные ощущения в единое целое, что придает смысл окружающим явлениям. Поэтому для каждого человека субъективная реальность — это интерпретация того, что поступает к нам от органов слуха, зрения, обоняния, осязания. Результатом восприятия субъектом окружающей действительности является формирование образа (видения), включающего в себя комплекс разнообразных ощущений, приписываемых сознанием предмету или явлению. Современные исследования восприятия свидетельствуют о том, что разные люди воспринимали одни и те же явления по-разному. Более того, даже один и тот же субъект в зависимости от эмоционального состояния может по-разному воспринимать одни и те же явления. Однако во всех случаях без составления мысленного образа (видения) объекта восприятия невозможно формирование объективной стороны внутреннего убеждения судей — итога осознанной мыслительной деятельности судьи по исследованию доказательств уголовного дела. В этом плане, безусловно, прав А.Р. Ратинов, утверждавший, что «внутреннее убеждение является результатом формирования собственного взгляда на фактические обстоятельства по уголовному делу»¹¹.

Согласно С.И. Ожегову «усмотреть» — значит установить, обнаружить, признать¹². Поэтому термин «усматривать» (видеть, воспринимать) означает понимание сути того, что перед вами, осознание того, что перед вашим взором.

В свою очередь видение (гр. *phidein*, лат. *video*, готск. *weitan*) — идеальный зрительный образ. Человеческий разум устроен так, что для мыслительных операций ему необходимы образы, представления и мысли, которые придают смысл и упорядочивают мыслительные процессы. Они организуют бытие и побуждают к действию¹³. Способность человеческого разума представлять в психическом пространстве образ воспринимаемого и отбрасывать несущественные детали образов при их сравнении между собой образует сущность абстрактного мышления¹⁴.

В основе формирования субъективной реальности (чувственного восприятия) человеком окружающего мира лежит психо-физиологический процесс передачи нервных импульсов от рецепторов в кору головного мозга и возникновение временных связей между ними.

Однако доктрина российского процессуального права до настоящего времени исходит из необходимости максимально оградить внутреннее убеждение судьи от влияния субъективного фактора. По этому вопросу следует заметить, что у каждого субъекта наряду с общими психо-физиологическими процессами есть свои индивидуальные привычки и предпочтения, эмоции и желания. Индивидуальные свойства личности, безусловно, отражают субъективную сторону формирования внутреннего убеждения судьи, в конечном счете влияют на мотивацию принятия решений и в совокупности составляет психологию принятия решений¹⁵.

Можно констатировать, что каждый человек индивидуален, эта особенность ярчайшим образом проявляется и в осуществлении правосудия по уголовным делам. Вряд ли кто назовет двух абсолютно похожих судей, найдет сходство в ведении процесса и составлении различных уголовно-процессуальных актов. При принятии процессуального решения судья представляет в психическом пространстве образ (модель) сложившейся судебной ситуации, производства

какого-либо процессуального действия, усматривает возможный вариант поведения участников судопроизводства, развития процесса в целом.

Принятие любого судебного решения — психологический процесс, связанный с выбором альтернативы, в ходе которого переплетаются логика, интуиция, эмоции и личностные факторы. Если судья при этом руководствуется каким-либо авторитетом либо прямыми предписаниями (указаниями), то решение принимает не он. Поэтому судьи, подчиняющие (подгоняющие) свои решения сложившейся практике, либо требованиям вышестоящих судебных инстанций, фактически обезличивают принимаемые ими решения, отстраняются от формирования и описания своего личностного усмотрения (видения) обстоятельств, установленных по уголовному делу. Без формирования и развития индивидуального усмотрения (видения, понимания) судей обстоятельств дела имеет место шаблонность мышления, которая является разновидностью профессиональной деформации судей.

Несмотря на то, что в ч. 1 ст. 3 Уголовного кодекса РФ законодатель, раскрывая принцип законности в уголовном праве, закрепил положение, в соответствии с которым преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Судьи при рассмотрении конкретного уголовного дела следуют не только положениям, закрепленным в уголовно-правовой норме, но также и правовым позициям вышестоящих судов¹⁶. Безусловно, правоприменительная практика имеет огромное значение для правильного формирования внутреннего убеждения судьи, применения ими той или иной правовой нормы. Однако в практической деятельности следует избегать т.н. «шаблонности мышления», которая проявляется в том, что судья воспринимает обстоятельства уголовного дела и сложившуюся ситуацию и отражает их в своем сознании, затем выдает обратную реакцию и свое представление о воспринятом, согласно тем укоренившимся в его голове представлениям, что в него старательно закладывали в его окружении: сложившаяся местная практика рассмотрения уголовных дел судами, практика взаимодействия с вышестоящими судебными инстанциями и др. Фактически судья воспринимает обстоятельства уголовного дела, сложившуюся ситуацию не на основании его собственного усмотрения (видения, понимания), а такими, как того требуют сложившиеся стереотипы. В наиболее крайних случаях субъективное восприятие судьи становится заключением в матрицу иллюзий, которая полностью управляет человеком. О какой объективности может идти речь, какое мнение судья может выражать в своем поведении и принятых решениях, если его мнение формируется из убеждений других людей?

Судья с шаблонным мышлением подобен компьютеру, выдающим определенный результат согласно полученным командам. Безусловно, подобного рода подходы подрывают саму суть правосудия.

Объективности ради отметим, что шаблонное мышление в определенных ситуациях бывает полезным, а порой просто необходимым. Оно позволяет не тратить лишнего времени на размышления, когда положение является простым и привычным.

Следует отметить, что психологически одни процессуальные решения и судебные действия принимать и производить легко в силу прямого предписания закона и (или) простоты ситуации, другие требуют тщательного обдумывания, формирования собственного аналитического видения всех юридически значимых

обстоятельств уголовного дела и устанавливающих их доказательств. В этих случаях с помощью шаблонного подхода невозможно разрешить возникшую ситуацию, необходимо привлекать к работе мышление аналитическое. Для аналитического мышления, формирующего соответствующее видение (понимание) судьей сложившейся ситуации, характерен отказ от привычных, стандартных рассуждений и переход к новым, оригинальным стратегиям. В их основе лежит выход за пределы знакомого круга представлений.

Усложнение действующего законодательства и правовой системы в целом обуславливает спрос на юристов с ярко выраженным аналитическим мышлением. Со временем меняются общественные отношения и, как следствие, правовой механизм их регулирования, появляются новые правовые технологии, институты, ранее неизвестные отечественной правовой системе. Зачастую судьи сталкиваются с нестандартными ситуациями, разрешение которых не нашло отражения в юридической литературе и сложившейся практике рассмотрения дел судами. Поэтому в современных условиях функционирования судебной системы появляются проблемы, которые оказываются не «по зубам» судьям с шаблонным мышлением.

Например, в первые годы действия УПК РФ 2001 г. по-разному складывалась практика производства предварительного слушания, по-разному интерпретировались основания возвращения уголовного дела прокурору по результатам предварительного слушания и т.п. В приведенных примерах шаблонное мышление не позволяло правильно применять новые нормы. Многие судьи в сложившейся ситуации ждали соответствующих разъяснений (указаний) вышестоящих инстанций, формирования судебной практики (шаблонов) их поведения в незнакомой ситуации, по-сути вместо принятия решений, руководствуясь собственным усмотрением (видением) сложившейся ситуации, они предпочитают руководствоваться авторитетом вышестоящих инстанций либо прямыми предписаниями (указаниями) Пленума Верховного Суда РФ. Возможно, с точки зрения единообразия правоприменения, это вполне разумно, однако зачастую возникающие ситуации требуют оперативного их разрешения. Более того, аналитическое видение судьей возникшей ситуации способствует наиболее правильному и эффективному применению соответствующих правовых норм, что в конечном итоге содействует формированию эффективной судебной практики. Аналогичные проблемы имеют место при применении судьями аналогии закона.

Однако мы глубоко убеждены в том, что и типичные ситуации, с которыми судьи сталкиваются ежедневно, в силу своей индивидуальности не в меньшей мере требуют аналитического собственного видения (понимания) сущности уголовного дела. Считаем, что гораздо меньшую социальную опасность представляют судьи, допускающие ошибки, но руководствующиеся собственным видением уголовного дела, по сравнению с судьями, руководствующимися исключительно интересами своего ведомства и позицией вышестоящих судебных инстанций. Действительно судья, разрешивший уголовное дело по своему личному видению и сложившемуся внутреннему убеждению, чувствует личную ответственность за судьбы людей. Судья же, подгоняющий свое решение под требования вышестоящей судебной инстанции и сложившуюся местную практику, обезличивает себя и тем самым косвенно психологически смягчает долю личной ответственности за принятое решение.

По результатам анкетирования были установлены случаи, когда судьи, прежде чем принять итоговое решение по уголовному делу, во избежание его последующей отмены, согласовывали его с вышестоящей судебной инстанцией. Дистанцируясь от собственного видения сущности уголовного дела, судья не сможет сформировать внутреннее убеждение и руководствоваться им при принятии соответствующих решений. Подобного рода практика подрывает авторитет судебной власти в глазах российских граждан, делает конституционный принцип независимости судей и подчинения их только закону простой декларацией.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в психологическом аспекте усмотрение суда, будучи элементом формирования внутреннего убеждения (его субъективной стороной), проявляется как основанное на законе субъективно-личностное аналитическое видение судьей наиболее оптимального и соответствующего требованиям закона варианта принятия процессуального решения или совершения процессуального действия. Усмотрение служит необходимым условием правильного формирования внутреннего убеждения судьи, поскольку его внутреннее убеждение не может сформироваться без четкого видения (понимания) им фактических и юридических оснований принятия того или иного процессуального решения, производства судебного действия.

¹ Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 12–13.

² См.: Дубовицкий В.Н. Законность и усмотрение в советском государственном управлении. Минск, 1984. С. 49.

³ См.: Корнев А.П. Нормы административного права и их применение. М., 1978. С. 73–74; Гук П.А. Независимость и судейское усмотрение // Российская юстиция. 2008. № 11. С. 46 и др.

⁴ Подробнее об этом см.: Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 112–118; Толин В.Т., Поляков М.П., Попов А.П. Очерки теории эффективного уголовного процесса. Пятигорск, 2000. С. 68–82.

⁵ URL: dic.academic.ru/dic.nsf/logic/242 (дата обращения: 16.09.2016).

⁶ Мартышкин В.Н. Пределы судебного усмотрения и механизмы его ограничения в уголовном судопроизводстве // Материалы международной научной конференции посвященной 160-летию годовщине со дня рождения профессора И.Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства» (11–12 октября 2007 г.). СПб., 2007. С. 125.

⁷ См.: Лозовская С.В. Соотношение судейского усмотрения и судейского правотворчества // Российский судья. 2012. № 5. С. 25.

⁸ См.: Телятников В.И. Проблемы формирования внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Электронный ресурс // Диссертации по праву: <http://lawtheses.com/problemu-formirovaniya-vnutrennego-ubezhdeniya-sudi-v-ugolovnom-protseste#ixzz2fVVCc00M> (дата обращения: 21.09.2013).

⁹ См.: Третьяков В.И. Проблемы формирования внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 4.

¹⁰ См.: Кузнецов А. Внутреннее убеждение судьи – не бесконтрольная убежденность. URL: [blog.pravo.ru/Общие/Внутреннее_убеждение_судьи_\(дата_обращения:_17.09.2013\)](http://blog.pravo.ru/Общие/Внутреннее_убеждение_судьи_(дата_обращения:_17.09.2013)).

¹¹ Рашинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 137.

¹² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1970. С. 826.

¹³ См.: Библиотека христианской литературы. URL: kingdomjc.com/Books/Ekman13/02.htm (дата обращения: 11.09.2013).

¹⁴ См.: Разум. Разум человека. URL: razumnost.ru (дата обращения: 16.09.2013).

¹⁵ См.: Штрих к пониманию ответственности. URL: [//proza.ru/2010/05/24/1264/](http://proza.ru/2010/05/24/1264/) (дата обращения: 17.09.2013).

¹⁶ См.: Базаров А.Б. Конституализация судейского усмотрения при квалификации общественно опасного деяния. URL: ecsocman.hse.ru/hse/2014/09/03/1316239671/Базаров.pdf (дата обращения: 17.08.2015).

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

Е.Н. Пастушенко, Л.Н. Земцова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ

В статье рассматриваются вопросы правотворческой и правоприменительной деятельности Центрального банка РФ по формированию должного уровня правопорядка в сфере оказания финансовых услуг кредитными потребительским кооперативами как субъектами финансового рынка.

Ключевые слова: Центральный банк РФ, кредитные потребительские кооперативы, финансовый рынок, нормативные акты Банка России, контрольно-надзорная деятельность Банка России.

E.N. Pastushenko, L.N. Zemtsova

TOPICAL ISSUES OF FINANCIAL-LEGAL REGULATION OF ACTIVITIES OF CREDIT CONSUMER COOPERATIVES

In the article the questions of law-making and enforcement activities of the Central Bank of the Russian Federation on formation of an adequate level of enforcement in the sphere of rendering financial services credit consumer cooperatives as subjects of the financial market.

Keywords: Central Bank of the Russian Federation, consumer credit cooperatives, financial market, statutory acts of Bank of Russia, control and supervising activity of Bank of Russia.

Деятельность кредитных потребительских кооперативов по оказанию финансовых услуг активно развивается на современном этапе социально-экономического и политико-правового развития Российского государства. Наделение Центрального банка РФ функциями мегарегулятора финансового рынка, упразднение Федеральной службы по финансовым рынкам и передача Центральному банку РФ полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков затронула деятельность кредитных потребительских кооперативов как поднадзорных с 1 сентября 2013 г. Банку России субъектов¹. Роль Центрального банка РФ как регулятора деятельности кредитных потребительских кооперативов определяется нормотворческой функцией Банка России²

© Пастушенко Елена Николаевна, 2017

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: past_en@mail.ru

© Земцова Лариса Николаевна, 2017

Кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности (Саратовский социально-экономический институт ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»), председатель суда общей юрисдикции в отставке; e-mail: past_en@mail.ru

и отнесением нормативных актов Центрального банка РФ к источникам финансового права³. Для науки финансового права в целях повышения эффективности финансово-правового регулирования деятельности кредитных потребительских кооперативов имеют значение выводы доктрины теории права о необходимости комплексной научной методологической основы правотворческой, правоприменительной, в т.ч. правотолковательной, правоконкретизационной и договорной юридической техники⁴.

В отношении нормотворческой функции Центрального банка РФ по регулированию деятельности кредитных потребительских кооперативов представляется возможным выделить два подхода законодателя: общий и специальный. Общий подход основан на положениях ст. 7 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп. на 3 июля 2016 г.)⁵ о полномочиях Банка России издавать нормативные акты по вопросам законодательно определенной компетенции Банка России. Специальный подход отражен в Федеральном законе «О кредитной кооперации», в котором закреплены конкретные вопросы, требующие издания Банком России нормативных актов. Согласно Закону о Банке России правила издания нормативных актов определяются Банком России самостоятельно. Положительно зарекомендовало себя Положение Банка России от 15 сентября 1997 г. № 519 «О порядке подготовки и вступления в силу нормативных актов Банка России»⁶. Новеллой правового регулирования в отношении нормотворческой функции Центрального банка РФ является Указание Банка России от 17 октября 2016 г. № 4164-У «О порядке проведения антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов Банка России»⁷. Упорядочение правотворческой деятельности Центрального банка РФ оказывает позитивное влияние на реализацию системного подхода в определении правил осуществления правоприменительной, контрольно-надзорной деятельности, в т.ч. в отношении кредитных потребительских кооперативов. Примером такого комплексного документа является недавно изданный Банком России нормативный акт — Указание Банка России от 10 ноября 2016 г. № 4184-У «О порядке ведения Банком России государственного реестра кредитных потребительских кооперативов, государственного реестра сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов, об установлении формы, сроков и порядка представления саморегулируемыми организациями в сфере финансового рынка, объединяющими *кредитные* потребительские кооперативы (сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы), сведений о своих членах — кредитных кооперативах, число членов (общее число членов и ассоциированных членов), которых превысило три тысячи физических и (или) юридических лиц»⁸.

Природа кредитной кооперации требует дальнейшего правового развития защитного механизма сбережений членов кредитных потребительских кооперативов, на что справедливо обращается внимание в финансово-правовой науке⁹. Центральный банк РФ считает необходимым создание единой системы гарантирования сохранности личных сбережений на рынке кредитной кооперации, что получило отражение как задача по развитию сектора микрофинансирования в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов, одобренных Советом директоров Банка России 26 мая 2016 г., размещенных на официальном сайте Центрального банка РФ¹⁰. Данный документ согласно ст. 45.3 Федерального закона «О Центральном банке

Российской Федерации (Банке России)» подлежит представлению Центральным банком Российской Федерации Президенту РФ и в Правительству РФ с последующим направлением на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ.

Формирование правомерного поведения участников финансово-правовых отношений является актуальной задачей Центрального банка РФ. Должный режим законности в деятельности кредитных потребительских кооперативов важен для развития рынка финансовых услуг. Добросовестную правомерную деятельность кредитных потребительских кооперативов как стандарт поведения на финансовом рынке возможно рассматривать как вектор развития финансово-правового регулирования деятельности кредитных потребительских кооперативов и контрольно-надзорной деятельности Центрального банка РФ за оказанием финансовых услуг кредитными потребительскими кооперативами. В указанном направлении Банк России осуществляет мониторинг рассмотрения обращений по вопросам деятельности некредитных финансовых организаций. По сведениям Банка России, в III квартале 2016 г. в Банк России поступило более 25,5 тыс. жалоб и обращений граждан в отношении некредитных финансовых организаций, что на 8,3% меньше, чем в предыдущий период, из них жалобы в отношении кредитных потребительских кооперативов составляют 1%¹¹.

Негативной тенденцией является использование кредитных потребительских кооперативов для создания финансовых пирамид¹². В связи с этим позитивное значение имеют новеллы правового регулирования по установлению административно-правовых и уголовно-правовых запретов на рынке финансовых услуг по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Так, Кодекс РФ об административных правонарушениях дополнен ст. 14.62, устанавливающей административную ответственность за деятельность по привлечению денежных средств и (или) иного имущества¹³. Пресечение деятельности финансовых пирамид в административно-правовом порядке сформулировано законодателем как недопустимость организации либо осуществления лицом деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Указанные деяния влекут серьезные санкции: административный штраф на граждан в размере от 5 тыс. до 50 тыс. руб., на должностных лиц — от 20 тыс. до 100 тыс. руб., на юридических лиц — от 500 тыс. до 1 млн руб.

Важно отметить, что административная ответственность установлена и за публичное распространение информации, содержащей сведения о привлекательности участия в указанной деятельности, и (или) предоставления средств или иного имущества в рамках данной деятельности, в т.ч. с использованием средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», что влечет аналогичные санкции.

Обозначенные деяния, совершенные в крупном либо особо крупном размере, влекут уголовную ответственность: в Уголовный кодекс РФ введена ст. 172.2, предусматривающая уголовное наказание за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества¹⁴.

Составление протоколов об административных правонарушениях и расследование уголовных дел данной категории входит в полномочия органов внутренних дел. Изложенное свидетельствует о необходимости взаимодействия правоохранительных органов и территориальных учреждений Центрального банка РФ по пресечению деятельности финансовых пирамид и использованию в противоправных целях кредитных потребительских кооперативов. Законодательные новеллы, правотворческая и правоприменительная деятельность Центрального банка РФ, взаимодействие регулятора и правоохранительных органов дали положительные результаты. По заявлению представителя Банка России в 2016 г. было выявлено около 180 финансовых пирамид, в 2015 г. — 200. Важно отметить, что если в 2015 г. ущерб от деятельности финансовых пирамид составил 5,5 млрд руб., то в 2016 г. гораздо меньше — около 2 млрд руб.¹⁵

В рассматриваемом аспекте финансово-правового регулирования деятельности кредитных потребительских кооперативов как субъектов финансового рынка заслуживает поддержки деятельность Центрального банка РФ по повышению финансовой грамотности населения и финансовому просвещению. Обеспечение режима законности на рынке финансовых услуг кредитных потребительских кооперативов является актуальным направлением финансово-правовой политики. Важно создавать условия для должного правопорядка на финансовом рынке, в связи с чем заслуживают внимания предложения Центрального банка РФ по стимулированию недобросовестного поведения на финансовом рынке, включенные в Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов. Представляется перспективным повышение правовой культуры оказания финансовых услуг, в т.ч. субъектами микрофинансирования, включая кредитные потребительские кооперативы.

¹ См.: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» (с изм. и доп. на 3 июля 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30, ч. I, ст. 4084; 2016. № 27, ч. I, ст. 4218.

² См. ст. 2 Федерального закона от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» (с изм. и доп. на 3 июля 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29, ст. 3627; 2016. № 27, ч. I, ст. 4225.

³ См.: Финансовое право: учебник для бакалавров / отв. ред. Е.Ю. Грачева. М., 2016. С. 30.

⁴ См.: *Сенякин И.Н., Михеева И.В.* Фундаментальное исследование вопросов юридической техники // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 121–127.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2790; 2016. № 27, ч. II, ст. 4273.

⁶ См.: Экономика и жизнь. 1997. № 42.

⁷ См.: Вестник Банка России. 2016. № 102.

⁸ См.: Вестник Банка России. 2016. № 109.

⁹ См.: *Покачалова Е.В., Тихонов К.А.* Страхование деятельности кредитных потребительских кооперативов в аспекте теории финансового права // Финансовое право. 2016. № 4. С. 31–35.

¹⁰ URL: http://cbr.ru/finmarkets/files/development/onrpf_2016-18.pdf (дата обращения: 11.01.2017).

¹¹ URL: <http://cbr.ru/Press/?Prtd=event&id=793&PrintVersion=Y> (дата обращения: 12.12.2016).

¹² URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=9439696> (дата обращения: 19.12.2016).

¹³ См.: Федеральный закон от 9 марта 2016 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 11, ст. 1481.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 14, ст. 1908.

¹⁵ ЦБ заявил о снижении ущерба от финансовых пирамид почти втрое. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=9479454> (дата обращения: 14.01.2017).

А.А. Иванова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется современный процесс правового регулирования журналистской деятельности в Российской Федерации, формообразующие элементы права, регламентирующие правовое поле российской журналистики. Выявляются основополагающие аспекты регулирования данного вида профессиональной деятельности, его корреляции с нормами этики.

Ключевые слова: журналистика, законодательное регулирование, этические нормы, права и обязанности, виды ответственности.

A.A. Ivanova

LEGAL REGULATION OF JOURNALISTIC ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

In this article the analysis of modern process of legal regulation of journalism is provided in the Russian Federation. Comes to light fundamental aspects of regulation of this type of professional activity, and also its correlation with standards of ethics. The author's analysis of the form-building element of the right regulating the legal framework of the Russian journalism is provided.

Keywords: journalism, legislative regulation, ethical standards, rights and obligations, responsibility types.

Возникновение и последующее развитие правового регулирования журналистской деятельности в Российской Федерации исторически связано с созданием и развитием книгопечатания. Примечательным, по нашему мнению, является тот факт, что авторское право в нашей стране в основном строилось по принципу заимствования из передовых зарубежных источников. В настоящий момент правовое регулирование в сфере российских СМИ отличается рядом отчасти неразрешенных проблемных аспектов, которые в первую очередь определяются несоответствием во взаимодействии стремительно развивающихся передовых методов журналистики (Интернет-СМИ) и устаревших правовых институтов, которые, тем не менее, уже проходят необходимый процесс трансформации.

На сегодняшний день основой законодательно-нормативного поля, определяющей принципы функционирования журналистской деятельности в современной российской правовой практике, безусловно, является, принцип свободы массовой информации, провозглашаемый ст. 29 Конституции РФ. По нашему мнению, именно данная правовая норма представляет собой структурообразующий элемент правового регулирования деятельности СМИ в нашей стране в качестве одного из институтов демократического общества, позволяя журналистике играть роль «четвертой ветви власти» наряду с законодательной, исполнительной и судебной ветвями.

При анализе юридической системы законодательных актов, регламентирующих взаимодействие СМИ между собой и с прочими представителями отечественного правового поля, представляется необходимым в первую очередь отметить

тот факт, что значительную часть норм следует отнести как непосредственно к журналистскому, так и к классическому правовому полю. В этой связи показательной является норма, закрепляющая за журналистами право на запрос информации, изложенная в ст. 39 действующего Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 3 июля 2016 г.)¹.

При рассмотрении структуры правового регулирования журналистской деятельности в Российской Федерации в первую очередь важно выявить законодательный элемент, занимающий центральное место в данной системе. Несомненно, подобным звеном российской правовой системы является упомянутый выше Закон «О средствах массовой информации» с учетом приоритетного характера правовых норм Конституции РФ. Далее следуют прочие правовые нормы, касающиеся регулирования журналистской деятельности и функционирования СМИ, но при этом не относящиеся исключительно к каким-либо отраслям законодательного регулирования. В качестве примера, иллюстрирующего данный тезис, следует назвать Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. от 28 марта 2017 г.)².

Кроме того, в ходе правоотношений, возникающих в результате деятельности представителей журналистского правового поля, зачастую образуется перекрестное взаимодействие различных элементов правового поля РФ. Например, в случае сбора информации об экологической ситуации в некоем регионе необходимо принимать во внимание следующие юридические нормативные акты: упомянутую ст. 29 Конституции РФ; ст. 47 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 3 июля 2016 г.), в которой закреплено право журналиста «искать, запрашивать, получать и распространять информацию»³, а также нормы Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей природной среды»⁴ регламентирующие обязанности соответствующих государственных органов и должностных лиц по предоставлению информации об экологической ситуации и ст. 237 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей уголовную ответственность за «сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей».

Примечательным в контексте заявленной выше взаимосвязи законодательных норм, относящихся к приведенному нами примеру, с нашей точки зрения, является тот факт, что третье звено рассмотренной юридической иерархии может относиться как к журналистским, так и к правовым нормам, защищающим от разглашения коммерческую тайну субъекта правоотношений.

В современной журналистской практике выделяется четыре вида СМИ: телевидение, радиовещание, печатные издания и Интернет-источники. Последние являются наиболее незащищенными, с одной стороны, и имеющими наибольшую свободу в размещении информации, с другой стороны, в силу значительных пробелов в законодательном регулировании онлайн-СМИ в нашей стране. Очень важно указать на следующий факт. К онлайн-версиям печатных изданий применяются те же правовые нормы, что и в отношении их печатных аналогов. В данном случае речь идет исключительно о разнице в носителе информации или, иными словами, о различном способе доступа к потенциальной аудитории. Совершенная иная ситуация складывается в правовом поле, регулирующем деятельность именно онлайн-СМИ, т.к. они представляют собой иной вид журналистской

деятельности. Исключением в данном случае являются Интернет-источники, согласно российскому законодательству приравняемые к СМИ.

Таким образом, блогеры и популярные в социальных сетях пользователи (например, в Instagram) приравниваются в Российской Федерации к СМИ в случае, если у них насчитывается более 3 тыс. читателей или зрителей⁵. На практике это означает, что они обязаны соблюдать правила предвыборной агитации и закон о клевете, не распространять экстремистские материалы, маркировать свои издания по возрастной категории и т. д.

В ходе анализа процесса законодательного регулирования деятельности СМИ определяющим нюансом, с нашей точки зрения, является тот факт, что наиболее существенной задачей журналиста является по возможности максимально всестороннее и предельно достоверное изложение фактологической составляющей, удовлетворяющей информационные потребности аудитории. С другой стороны, формообразующей границей правового регулирования журналистской деятельности выступает право гражданина на свободу выражения своего мнения и убеждений, закрепленное отечественным законодательством в ст. 47 Закона «О средствах массовой информации».

Далее следует выделить право на выражение журналистом собственного мнения, что находит свое отражение в ст. 1266 ГК РФ, из которой следует, что не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями. Иными словами, любая интерпретация авторского материала возможна только с согласия самого автора.

Таким образом, в российской практике порой имеют место правовые казусы, суть которых заключается в том, что такие журналистские жанры, как рецензия, искусствоведческая статья или эссе-иллюстрация (например, обложка издания), могут быть расценены автором рассматриваемого материала как посягательство на неприкосновенность произведения.

В ходе дальнейшего анализа заявленного в данном исследовании процесса представляется крайне существенной ст. 49 Закона «О средствах массовой информации», согласно которой при осуществлении профессиональной деятельности журналист обязан уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан и организаций. Государство гарантирует журналисту в связи с осуществлением им профессиональной деятельности защиту его чести, достоинства, здоровья, жизни и имущества как лицу, выполняющему общественный долг.

Необходимо, как представляется, определить и границы этической составляющей в качестве отчасти смежного с правовым регулятора деятельности российских СМИ. На сегодняшний день в российской практике сложилась ситуация, при которой этическая регламентация носит в основном рекомендательный характер. Этой точки зрения придерживается и исследователь отечественного медийного пространства Е.П. Абов: «Границы деятельности журналиста главным образом определяются медийным саморегулированием, призванным сдерживать журналистику в рамках ею же самой выработанных правил и стандартов»⁶. Необходимо также отметить, что, как и в случае формирования практики правового регулирования, координация этических аспектов в нашей стране исторически опирается в процессе своего развития на международный опыт в данной сфере.

Ключевым моментом определения правового статуса журналиста является, безусловно, регламентация юридической ответственности, предусмотренной российским законодательством. В этой связи следует обратиться к ст. 59 Закона «О средствах массовой информации». Примечательно, что в ней уделяется особое внимание злоупотреблению правами журналиста, а также возможным видам ответственности журналистов за подобные нарушения. Теоретически предусматриваются следующие формы ответственности: «уголовная, административная, дисциплинарная или иная ... в соответствии с законодательством Российской Федерации».

В заключение отметим, что основополагающим аспектом при регламентации законодательного регулирования журналистской деятельности является сочетание основ лингвистики и юриспруденции, т.к. именно лингвистика представляется базисом любого журналистского материала.

В настоящий момент в Российской Федерации правовое поле журналистской деятельности формируется при помощи совокупности различных юридических нормативов, они являются регуляторами прав и обязанностей российских журналистов. Хотелось бы также отметить, что журналист несет персональную, общественную и юридическую ответственность за действия, совершаемые в ходе осуществления им своей профессиональной деятельности, а также за ее результаты. При этом формирование и дальнейшее развитие правового поля журналиста в системе взаимоотношений государства и СМИ определяется четырьмя неотъемлемыми составляющими, а именно: деятельностью государственных органов, действующей на сегодняшний день законодательной базой, нормами профессиональной этики журналиста и жанровостью самого материала.

Важно отметить, что далеко не все ситуации, возникающие в ходе осуществления профессиональной деятельности представителей СМИ имеют прецеденты и могут быть заранее спрогнозированны. В силу данного обстоятельства, а также по причине динамичного развития Интернет-СМИ, правовой статус современного отечественного журналиста зачастую формируется непосредственно на практике, в т.ч. в ходе возникающих судебных разбирательств, а также с учетом положений профессиональной журналистской этики.

¹ См. Российская газета. 1992. 8 февр.; 2016. 6 июля.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12, ст. 1232; 2017. № 14, ст. 2003.

³ См. Российская газета. 1992. 8 февр.; 2016. 6 июля.

⁴ Российская газета. 2002. 12 янв.

⁵ Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.01.2017).

⁶ Абов Е.П. К проблеме профессиональных стандартов в российских печатных СМИ // Настольная книга по медийному саморегулированию. М., 2009. С. 34.

Е.А. Кузьмина

СЕТЕВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР УГРОЗЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье исследуются современные информационные войны. Анализируется положение России по актуальным международным проблемам. Проведен контент-анализ материалов СМИ.

Ключевые слова: информационная война, политическая коммуникация, Сирия, средства массовой информации.

E.A. Kuzmina

NETWORK INFORMATION WARFARE AS THE THREAT TO GLOBAL SECURITY

The article is devoted to the research of modern information wars. Examines Russia's position on current international issues. Conducted content analysis of media material.

Keywords: information warfare, political communication, Syria, media.

Информационный век принес новый способ ведения войн, который характеризуется использованием современных информационных технологий и минимальным числом человеческих жертв. Военные операции нового типа ведутся самыми развитыми в техническом плане государствами, такими, как США, Россия, Китай, и требуют наличия больших интеллектуальных ресурсов. Таким образом, современный технологический прогресс привел к появлению термина «сетевая информационная война», поскольку информационные системы стали частью нашей жизни и даже изменили ее. Информационные войны используют информационные технологии как средство успешного проведения боевых и интеллектуальных атак. Информация рассматривается как отдельный объект или потенциальное оружие и как выгодная цель¹. Технологии информационной войны дали теоретическую возможность манипулировать информацией противника.

Одной из приоритетных целей дипломатической деятельности России является достижение ее объективного восприятия в мировом сообществе, развитие эффективных средств информационного влияния на общественное мнение за рубежом². Российская Федерация как государство предоставляет свою поддержку российским СМИ в мировом информационном пространстве. Сотрудничество с другими государствами в информационной сфере и обеспечение информационной безопасности для себя и во всем мире также характерны для России. Наряду с активным участием в интеграции информационного пространства наше государство стремится к отражению угроз ее суверенитету и национальной безопасности, в т.ч. информационной, и принимает для этого необходимые меры.

Примерами попытки России повлиять на мировое общественное мнение, выразить точно и полно свою точку зрения по международным отношениям и

© Кузьмина Екатерина Александровна, 2017
Кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ktpkuz@ya.ru

добиться объективного восприятия ее мировым сообществом могут служить мировые политические конфликты, связанные, например, с образованием и независимостью Южной Осетии и Абхазии (классический пример информационной войны). Так, в период войны в Южной Осетии (с Грузией) на мировой политической арене имела место сетевая информационная война США и их приверженцев с Россией, где каждая из сторон выражала и пыталась доказать свою точку зрения.

Официальную информацию для российских СМИ предоставляли ежедневные пресс-конференции. 28 января 2009 г. Парламентская ассамблея Совета Европы, обсудив ситуацию вокруг российско-грузинского военного конфликта, приняла резолюцию с грузинской поправкой, которая осуждает признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии.

Однако стоит отдать должное российским миротворцам и журналистам, которые и в столь сложных условиях продолжали делать свою работу, а последние к тому же пытались показать миру реальную картину событий. Стоит отметить, что ни одного западного журналиста в Цхинвали в период военных действий не было.

Еще одним ярким примером внешней дипломатической деятельности России в рамках информационного пространства является ее поведение в ситуации с Э. Сноуденом. Россия, хоть и демонстрирует в данном случае свое следование общим интересам и проблемам мира, тем не менее, стремится и к обеспечению своей информационной безопасности: возмущена прослушиванием телефонных переговоров Д.А. Медведева в период его президентства. На пресс-конференции, имевшей место в рамках Форума стран-экспортеров газа, 1 июля 2013 г. Президент РФ В.В. Путин заявил, что для предоставления Сноудену документов, позволивших бы ему свободно перемещаться по стране, есть «одно условие — он должен прекратить свою работу, направленную на то, чтобы приносить вред нашим американским партнерам». Однако уже через месяц Э. Сноуден получил свидетельство о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации сроком на один год. Единственным ограничением для него стало то, что он не может устроиться на государственную службу. Отказ России выдать Сноудена США вызвал у последних острое недовольство. Так, через несколько дней после официального предоставления бывшему сотруднику АНБ убежища Президент США Б. Обама отменил запланированный им ранее на сентябрь визит в Москву.

Ярким примером современной сетевой информационной войны является освещение событий на Украине с 2014 г. и по сей день. Россия намерена в дальнейшем наращивать сотрудничество с государствами — участниками СНГ в сфере обеспечения взаимной безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего, международному терроризму, экстремизму, наркотрафику, транснациональной преступности, незаконной миграции.

Россия стремится развивать Организацию Договора о коллективной безопасности³ (ОДКБ) в качестве ключевого инструмента поддержания стабильности и обеспечения безопасности на пространстве СНГ, делая акцент на адаптации ОДКБ как многофункциональной интеграционной структуры к меняющейся обстановке, на надежном обеспечении способности государств — членов ОДКБ к своевременным и эффективным совместным действиям, на превращении ОДКБ в стержневой институт обеспечения безопасности в зоне ее ответственности, на

продолжении активного содействия мирного разрешения конфликтов на пространстве СНГ на основе международного права, уважения достигнутых ранее договоренностей и поиска согласия между вовлеченными в них сторонами, ответственно реализуя свою посредническую миссию в переговорном процессе и миротворчестве.

Главной целью российской внешней политики на европейском направлении является создание по-настоящему открытой, демократической системы общерегиональной коллективной безопасности и сотрудничества, обеспечивающей единство Евро-Атлантического региона — от Ванкувера до Владивостока, не допуская его новой фрагментации и воспроизводства прежних блоковых подходов, инерция которых сохраняется в нынешней европейской архитектуре, сложившейся в эпоху «холодной войны»⁴.

Развитие взаимовыгодных двусторонних связей с Германией, Францией, Италией, Испанией, Финляндией, Грецией, Нидерландами, Норвегией и некоторыми другими государствами Западной Европы служит важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах, направленных на перевод российской экономики на инновационный путь развития. Россия хотела бы, чтобы в этом же русле использовался потенциал взаимодействия с Великобританией.

Особого внимания требуют отношения России с мусульманскими странами, прежде всего, Афганистаном, Сирией, Пакистаном, Ираном, а также таким «центром региональной стабильности», каким до недавнего времени являлась Турция. Главная проблема, имеющая для России геополитическое измерение, состоит в том, чтобы не допустить проникновения на ее территорию исламского экстремизма.

В ближнем зарубежье приоритеты России определяются необходимостью локализации и урегулирования войн и вооруженных конфликтов, политического решения спорных вопросов и противоречий, защиты прав русских в суверенных постсоветских государствах, налаживания отношений полноценного сотрудничества с каждым из них. Основной приоритет на данном направлении — это поддержание в регионе политической стабильности и климата добрососедства, единого экономического и военно-стратегического пространства.

В целом мы можем вслед за многими политологами прийти к выводу о том, что, несмотря на стремление России к мирному взаимодействию с другими странами, она неизбежно столкнется в процессе претворения в жизнь своих внешнеполитических приоритетов с конфликтами и противоречиями, положительное разрешение которых напрямую зависят от грамотной работы политологов. Так, военное вмешательство России в боевые действия на территории Сирии без своевременного и грамотного информационного освещения в рамках политической коммуникации не имело бы такого значимого и решающего значения в изменении геополитического равновесия в пользу нашей страны, хотя были активные, яростные попытки со стороны политологов наших геополитических конкурентов использовать эту ситуацию во вред России, имея целью, дискредитировав ее, вытеснить с геополитического пространства.

Решение этих конфликтов в каждом случае должно быть адекватным именно для конкретной ситуации: в одних случаях возможно регулирование отношений путем мирных переговоров, в другом — не обойтись без применения силы.

Исходя из существующих концепций информационных войн, можно утверждать, что их основополагающим свойством является асимметрия, т.е. направленность на наиболее уязвимые места в информационной обороне противника; лидерами в разработке теории информационных войн по-прежнему являются исследователи из США, России и Китая.

По результатам авторского ивент-анализа можно сделать следующие выводы: власти России и США используют вербальные типы акций, которые в основном направлены на разрешение и устранение конфликта в Сирии с учетом своих геополитических интересов. Одной из формальных причин применения США акций физического типа на территории Сирии была необходимость уничтожения находящегося там химического оружия. Поэтому начальная позиция американского правительства заключалась в проведении военных действий на территории Сирии в рамках нанесения военного удара по Дамаску. Однако в дальнейшем, в условиях изменившейся обстановки, как результат успешных с нашей стороны действий в ходе информационной войны, правительства России и США пришли к обоюдным договоренностям с добровольного согласия правительства Сирии о вывозе с ее территории и уничтожении химического оружия. Россия, США и Сирия объединили свои усилия и средства на выполнение данной задачи, которая была успешно проведена в 2016 г.

При проведении контент-анализа вышерассмотренных событий были получены следующие результаты:

в употреблении заголовков статей российских СМИ были замечены такие, как «ООН: химоружие в Сирии применялось пять раз», «ООН: Установление виновных в химатаках в Сирии потребует больше ресурсов», «В Сирии складывается критическая ситуация». Отсюда видно, что использование этих заголовков имеет целью, через определенное отношение к сложившейся ситуации в Сирии дискредитировать законное правительство этой страны и, как следствие, нанести информационный удар по России, поскольку Россия стремится помочь сирийскому правительству погасить конфликт в своей стране и избавиться от химического оружия. Однако в содержании большинства статей СМИ можно проследить позитивно настроенное отношение к помощи сирийским властям в дальнейшем избежать трагических событий;

при использовании заголовков статей американских СМИ выявляются следующие формулировки, привлекающие интерес обывателя к событиям в Сирии: «Syria: used in more than four other districts as UN inspectors reported» («В Сирии, возможно, было использовано химическое оружие более чем в четырех других районах»), «US Security Service Suppresses from the public Evidence of using chemical weapons in Syria» («Служба безопасности США скрывает от нас использование химического оружия в Сирии»). Что касается отношения к происходящим событиям официальных структур США в Сирии, то здесь ситуация неоднозначная. Сначала американское правительство было безапелляционно уверено в достоверности фактов использования химического оружия сирийским правительством. Со стороны США планировалось введение военных сил на территорию Сирии. Однако после тщательного анализа поступающей информации мнение США сменилось на противоположное. Как следствие этого, удалось достичь договоренности США и России о вывозе химического оружия с территории Сирии и уничтожении его на нейтральной территории. Эта достоверность является примером успешного ведения Россией информационной борьбы.

Проблема информационных войн становится актуальной на сегодняшний день. Поскольку мир информационных технологий захватывает все области жизни людей, то и в Интернете можно найти немало средств для получения необходимого результата. На сегодняшний день в Интернете публикуются самые свежие новости о том, что происходит в мире.

Нам представляется наиболее выгодным и соответствующим современному пути России способом ведения ее внешней политики сохранение тенденции к мирному взаимодействию стран на политической арене. Считаю выгодным для России принятие таких норм международного права, которые бы способствовали решению всех мировых вопросов и были бы действительно универсальны. Экономическое сотрудничество, считаем мы, должно, прежде всего, не вредить интересам государства, приносить ему благо.

К важным, на наш взгляд, сферам внешней политики относятся, прежде всего, борьба с терроризмом, обеспечение информационной безопасности и решение глобальных экологических проблем.

Своевременное решение Россией стоящих перед ней задач, выбор наиболее соответствующего современным историческим реалиям вектора ее развития, сохранение и улучшение выгод ее геополитического положения, сохранение в пределах необходимого ядерного потенциала параллельно со стремлением к миру во многом определит тот путь, по которому Россия пойдет в дальнейшем.

¹ См.: *Гриняев С.В.* Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства. URL: Psyfactor 2001–2015. URL: <http://psyfactor.org/smi.htm> (дата обращения: 28.11.2015).

² См.: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г). URL: www.scrf.gov.ru (дата обращения 13.03.2015).

⁴ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. 28 сент.

Н.Н. Липкина

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВА ПРЕДОТВРАТИТЬ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ АСПЕКТОВ СОДЕРЖАНИЯ

В статье на основе анализа практики международных организаций исследуется содержание комплексного общего международного обязательства государства в сфере прав человека предотвратить нарушения прав и свобод, а также особенности содержания основных принципов реализации данного обязательства.

Ключевые слова: права человека; международная защита прав человека; обязательство предотвратить; позитивные обязательства; принцип должной распорядительности.

N.N. Lipkina

THE INTERNATIONAL LEGAL OBLIGATION OF A STATE
TO PREVENT HUMAN RIGHTS VIOLATIONS: THE ANALYSIS
OF THE MAIN ASPECTS OF THE CONTENT

The article is devoted to the analysis of the content of the complex general obligation of a state in the sphere of human rights - the obligation to prevent violations of human rights and freedoms, as well as to the analysis of the particularities of the content of the basic principles of implementation of this obligation. The research is carried out on the basis of the analysis of the practice of the international human rights bodies.

Keywords: Human Rights; international protection of human rights; obligation to prevent; positive obligations; due diligence principle.

Усиление международного сотрудничества в сфере предотвращения нарушений прав человека и основных свобод — одна из тенденций развития международного права прав человека на современном этапе. В одной из своих резолюций Совет по правам человека ООН подчеркнул «необходимость в дальнейшей разработке концепции предупреждения нарушений прав человека и активизации усилий по повышению осведомленности о роли предупреждения в поощрении и защите прав человека с целью содействия ее отражению в соответствующих политических мерах и стратегиях на национальном, региональном и международном уровнях», а также «с целью оказания государствам, по их просьбе, и другим заинтересованным сторонам помощи в обеспечении понимания и учета роли предупреждения в поощрении и защите прав человека»¹. Получая все более детальную юридическую проработку в практике отдельных международных органов и организаций², концепция предотвращения нарушений прав человека, тем не менее, требует дальнейшего развития в рамках общего международного права.

Обязательство предотвратить нарушения прав и свобод человека (далее — обязательство предотвратить) является комплексным общим международным обязательством государства в сфере прав человека. Его содержание представляется возможным раскрыть посредством анализа целого ряда обязанностей государства по обеспечению эффективной реализации прав и свобод человека, гарантированных на международном уровне.

Во-первых, в качестве основной характеристики обязательства предотвратить можно выделить его позитивный характер. Разделение обязательств государства по международному договору о правах человека на негативные (обязательство воздерживаться от совершения действий, представляющих собой нарушение международных обязательств по правам человека) и позитивные (обязательство предпринимать необходимые действия для обеспечения эффективной реализации международных обязательств по правам человека) широко признано в международной практике³. В сфере предотвращения нарушений прав человека, как представляется, обязательства государства носят исключительно позитивный характер. Только посредством принятия необходимых законодательных, административных и иных мер государство может обеспечить осуществление эффективной превенции нарушений прав и свобод.

Именно принятие государством необходимых законодательных мер, как справедливо отмечается на международном уровне, является одним из первых

шагов, который государство обязано сделать в целях предотвращения нарушений прав человека⁴. В свою очередь в целях добросовестной реализации обязательства принять необходимые законодательные меры государство обязано осуществлять периодический контроль соответствия действующего законодательства, законопроектов и практики международным стандартам по правам человека⁵.

Что касается обязательства принять административные и иные меры, необходимые для реализации государством международных обязательств по правам человека, то их перечень и объем зависят, в частности, от особенностей предметной сферы таких обязательств, а также от особенностей отдельно взятого государства. Такие меры включают в себя в т.ч. создание организационных, материальных и иных гарантий эффективной реализации международных обязательств по правам человека. Принятие подобных мер служит, в частности, цели предотвращения нарушений прав и свобод человека.

Во-вторых, еще одним аспектом содержания обязательства предотвратить является то, что оно включает в себя не только обязанность предотвратить нарушения прав человека со стороны органов и лиц, поведение которых может быть присвоено государству, но и обязанность предотвратить соответствующее поведение частных лиц, что получило широкое признание в различных международных системах обеспечения и защиты прав человека. Например, в ст. 5 Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием 2011 г. были закреплены два основных обязательства государств-участников по данной Конвенции: 1) обязательство воздерживаться от совершения каких-либо актов насилия в отношении женщин и обеспечивать, чтобы государственные органы, должностные лица, сотрудники, учреждения и иные представители, выступающие от имени государства, действовали в соответствии с данным обязательством; 2) обязательство принимать необходимые законодательные и иные меры для обеспечения должного внимания к тому, чтобы предупреждать, расследовать, наказывать и предусматривать компенсацию в отношении актов насилия, подпадающих под сферу действия настоящей Конвенции, которые совершаются негосударственными лицами⁶.

Как включающее, среди прочего, обязанность предотвратить соответствующее поведение частных лиц, обязательство предотвратить толкуется и в рамках системы обеспечения и защиты прав человека, предусмотренной Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Так, в практике Европейского суда по правам человека выработаны правовые позиции, установившие наличие следующих позитивных обязательств государства-участника Конвенции: *по ст. 2 Конвенции, гарантирующей право на жизнь*, — принять превентивные оперативные меры по защите лица, чья жизнь подвергается риску в результате преступления, совершаемого иным лицом, или даже риску причинения ущерба самому себе⁷; *по ст. 3 Конвенции, запрещающей пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание*, — обеспечить, чтобы лица, находящиеся по его юрисдикцией, были защищены от всех форм обращения, запрещенного ст. 3 Конвенции, в т.ч. в тех случаях, когда такое обращение исходит от частных лиц⁸, в частности, принять разумные меры по предотвращению запрещенного ст. 3 Конвенцией обращения, о котором власти знали или должны были знать⁹; *по ст. 8 Конвенции, гарантирующей право на уважение частной и семейной жизни*, — предотвратить нарушения физической и психической неприкосновенности лица, осуществляемые другими лицами, если власти знали или

должны были знать об этих нарушениях¹⁰. Аналогичного подхода к пониманию обязательства предотвратить нарушения прав человека, — как включающего обязанность предотвращать соответствующее поведение частных лиц, придерживается и Межамериканский суд по правам человека¹¹.

В-третьих, отдельным аспектом обязательства предотвратить является обязанность недопущения повторения имевших место нарушений прав человека. В литературе отмечается, что скорейшее рассмотрение компетентными международными органами всех ставших им известными фактов нарушений прав человека может предотвратить последующие нарушения¹². Этот вывод, как представляется, связан, в частности, с тем, что при установлении такими органами нарушений прав человека на государство-нарушителя возлагается обязательство принять меры по недопущению повторения подобных нарушений впредь, которое является общим в международном праве и вытекает из международно-правовых принципов и норм об ответственности государств.

Согласно ст. 30 проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано: а) прекратить это деяние, если оно продолжается; б) предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства¹³.

Оба указанных пункта имеют значение для целей исследования вопросов предотвращения нарушений прав и свобод человека, гарантированных на международном уровне. Как указала в комментариях к проекту данной статьи Комиссия международного права ООН, несмотря на то, что указанная в п. а «обязанность прекратить противоправное поведение будет в большинстве случаев возникать при совершении длящегося противоправного деяния, ст. 30 охватывает также ситуации, в которых государство нарушило обязательство несколько раз, предполагая возможность дальнейших повторов»¹⁴. Пункт б ст. 30 рассматриваемого проекта также направлен, прежде всего, на обеспечение предотвращения последующих нарушений путем предоставления заверений и гарантий неповторения противоправного деяния. При этом, как отмечается в комментарии Комиссии международного права ООН к проекту ст. 30, в основном заверения предоставляются в устной форме, тогда как гарантии требуют, например, принятия ответственным государством превентивных мер с целью недопущения повторения нарушения¹⁵.

Обязательство предотвратить повторение имевших место нарушений прав человека находит прямое закрепление в рамках различных международных систем обеспечения и защиты прав человека. Например, в Замечании общего порядка № 31 [80] к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. Комитет по правам человека ООН отметил, что, поскольку в целом непризнание наличия вытекающего из ст. 2 обязательства принимать меры для предупреждения повторения нарушений Пакта противоречило бы его целям, Комитет нередко отмечает необходимость принятия мер, направленных не только на обеспечение возмещения конкретному потерпевшему, но и на необходимость недопущения повторения рассматриваемого нарушения, в частности, внесения изменений в законы и практику государства-участника¹⁶. Межамериканский суд

по правам человека также выводит из смысла статей Американской конвенции по правам человека 1969 г. обязательство государств-участников принять меры, направленные на недопущение повторения нарушений ее положений¹⁷. В праве Совета Европы и практике Европейского суда по правам человека традиционно признается, например, такая обязанность государств-участников по исполнению постановлений Европейского суда по правам человека, как обязанность принять общие меры, направленные на предотвращение повторения нарушений прав человека, установленных Судом. Как отметил сам Европейский суд по правам человека в постановлении по делу «*Fabris v. France*», цель принятия общих мер в связи с постановлениями Европейского суда по правам человека заключается в том, что государство обязано *предотвратить*, с должной распорядительностью, дальнейшие нарушения, схожие с теми, которые были установлены Судом¹⁸.

Свидетельствуют о признании обязательства не допустить повторения имевших место нарушений прав человека и способствуют его реализации также создание и применение в рамках отдельных международных систем обеспечения и защиты прав человека специальных процедур выявления структурных проблем в государствах-участниках, ведущих к повторяющимся, системным нарушениям гарантированных прав и свобод. Так, в рамках межамериканской системы обеспечения и защиты прав человека предусмотрена процедура принятия Межамериканской комиссией по правам человека рекомендаций по структурным ситуациям, препятствующим пользованию правами, гарантированными Американской конвенцией по правам человека¹⁹, а в рамках системы обеспечения и защиты прав человека, предусмотренной Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, — процедура вынесения Европейским судом по правам человека пилотных постановлений²⁰.

В-четвертых, существенное значение для целей предотвращения нарушений прав человека имеет эффективная реализация государством обязанности провести должное расследование фактов совершения таких нарушений органами и лицами, поведение которых может быть присвоено государству, а также фактов совершения соответствующих деяний частными лицами, и обязанности привлечь к ответственности виновных лиц.

Обе обязанности тесно связаны друг с другом, хотя и имеют самостоятельное значение. Процедурное обязательство по проведению расследования, как отмечает, например, Европейский суд по правам человека — обязательство не результата, но средства²¹. Основными критериями надлежащей реализации государством обязательства расследовать являются критерии тщательности и эффективности²², беспристрастности²³, незамедлительности²⁴ проводимого расследования. В рамках межамериканской системы обеспечения и защиты прав человека выделяется также такой критерий, как осуществление соответствующего расследования по инициативе государства²⁵, что подчеркивает позитивный характер обязательства расследовать как важнейшего аспекта обязательства предотвратить нарушения прав и свобод человека.

Что касается обязательства привлечь к ответственности виновных лиц, то одним из критериев эффективности его реализации служит назначение виновным лицам адекватного наказания, способного обеспечить необходимый превентивный эффект.

Данный аспект обязательства привлечь к ответственности виновных лиц применительно к сфере борьбы против пыток отметил Генеральный секретарь

Ассоциации по предотвращению пыток М. Томсон, выделив два элемента предотвращения пыток: прямую превенцию, направленную на формирование среды, в которой пытки вряд ли могут быть применены, и косвенную превенцию, т.е. предупреждение повторения уже имевших место случаев посредством процедур подачи заявления, судебного разбирательства, преследования и наказания, цель которого — убедить потенциальных мучителей в том, что «издержки» будут выше возможной «выгоды»²⁶.

Европейский суд по правам человека, например, в отношении права на жизнь отметил, что скорая и эффективная реакция властей в расследовании использования смертоносной силы важна для поддержания уверенности общественности в приверженности властей верховенству права и в предотвращении их соучастия в неправомερных деяниях или терпимости к ним²⁷. В практике Европейского суда по правам человека неоднократно отмечалось существенное значение для предотвращения нарушений прав человека соразмерности (адекватной строгости) наказания нарушителя. Так, например, в постановлении по делу «*Austriano v. Romania*» Европейский суд по правам человека отметил, что наказание в виде наложения штрафа в размере 30 долл. США за нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, запрещающей пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, не имеет надлежащего сдерживающего эффекта для предотвращения нарушений в будущем²⁸.

В случае совершения отдельных видов нарушений прав человека, например, пыток, насильственных исчезновений, в международном праве устанавливается обязанность государства установить во внутригосударственном законодательстве уголовную ответственность за соответствующие противоправные деяния²⁹. В то же время в соответствии с рассматриваемым аспектом обязательства предотвратить иные нарушения прав человека также подлежат эффективному расследованию, а лица, виновные в их совершении, — наказанию, хотя и не обязательно уголовному. Так, в отношении ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский суд по правам человека отметил, что государство обязано, в частности, закрепить на законодательном уровне ответственность за нарушение права на жизнь³⁰, при этом в случае причинения смерти в результате медицинской небрежности в соответствии с внутригосударственным законодательством виновное лицо может быть подвергнуто, например, дисциплинарному взысканию³¹.

Что касается принципов реализации обязательства предотвратить нарушения прав человека, то к ним следует отнести принципы subsidiarity, свободы усмотрения государства, должной распорядительности, а также принцип соразмерности. Принцип subsidiarity, являясь основным принципом построения и функционирования международных систем обеспечения и защиты прав человека³², проявляется в полной мере и в процессе реализации государством обязательства предотвратить нарушения гарантированных на международном уровне прав и свобод. Именно на внутригосударственном уровне функция превенции может быть реализована наиболее эффективно, поскольку государство, по сравнению с международными органами, находится заведомо в более выгодном положении в плане эффективного определения того, какие законодательные, административные и иные меры по предотвращению нарушений прав и свобод человека необходимо принять, в связи с чем пользуется широкой свободой усмотрения³³. Вместе с тем специально уполномоченные международные органы

наделяются функцией контроля за соблюдением государством своих международных обязательств по правам человека, в частности, обязательства предотвратить их нарушения. Одним из юридических критериев установления пределов обязательства предотвратить является принцип должной распорядительности, который имеет давние исторические корни³⁴ и в настоящее время широко признан в рамках различных международных систем обеспечения и защиты прав человека. Так, например, Специальный докладчик по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях в своем докладе Комиссии по правам человека ООН в 2006 г., основываясь на анализе международной практики, прямо указала, что можно прийти к выводу о наличии нормы обычного международного права, согласно которой государства обязаны предупреждать акты насилия в отношении женщин и реагировать на них с должной распорядительностью³⁵. Межамериканский суд по правам человека в решении по делу «*Velásquez-Rodríguez v. Honduras*» указал, что противоправное деяние, которым нарушаются права человека и которое изначально напрямую не присваивается государству, может повлечь международную ответственность такого государства, но не в силу самого факта совершения такого деяния, а в силу отсутствия должной распорядительности со стороны государства по предотвращению нарушения и реакции на него³⁶.

В рассматриваемом контексте принцип должной распорядительности означает, что принимаемые государством меры должны быть пригодными и достаточными для эффективного предотвращения нарушения. Вместе с тем, как отметил Европейский суд по правам человека в постановлении по делу «*Eremiášová and Pechová v. The Czech Republic*», обязательство предотвратить не должно пониматься как возлагающее на государство-участника невыполнимое и несоразмерное бремя³⁷.

Таким образом, обязательство предотвратить нарушения прав и свобод человека, являясь комплексным общим обязательством государства в сфере прав человека, выражается в обязанности государства принять необходимые законодательные, административные и иные меры, направленные, во-первых, на предотвращение нарушений прав человека со стороны органов и лиц, поведение которых может быть присвоено государству, а также на предотвращение соответствующего поведения частных лиц, а во-вторых, на недопущение повторения имевших место фактов таких нарушений или соответствующего поведения частных лиц, в т.ч. посредством проведения эффективного расследования таких фактов. Реализация рассматриваемого обязательства должна осуществляется в соответствии с принципами субсидиарности, свободы усмотрения государства, должной распорядительности, а также с принципом соразмерности.

¹ Резолюция Совета по правам человека ООН от 27 сентября 2013 г. № 24/16 «Роль предупреждения в поощрении и защите прав человека». URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/179/12/PDF/G1317912.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.03.2016).

² См., например: Summary report on the outcome of the Human Rights Council panel discussion on the role of prevention in the promotion and protection of human rights : Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 2014. URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session28/Pages/ListReports.aspx> (дата обращения: 10.03.2016).

³ См., например: Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant : General Comment No 31 [80] of the Human Rights Committee of May 26, 2004, § 6-8; The right to education (article 13 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights) . General Comment No 13 of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights (Twenty-first session, 1999), § 47; The right to the highest attainable standard of health (article 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights): General Comment No. 14 of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights of May 11, 2000, § 37; Kudrevičius and Others v. Lithuania (GC), appl. no. 37553/05, § 158, 15 October 2015; Akkoyunlu v. Turkey, appl. no. 7505/06, § 33, 13 October 2015; I/A court H.R., The Kichwa Indigenous People of Sarayaku v. Ecuador, judgment of June 27, 2012. § 221. См. также, например: *Piotrowicz R. States' Obligations under Human Rights Law towards Victims of Trafficking in Human Beings: Positive Developments in Positive Obligations // International Journal of Refugee Law. 2012. Vol. 24(2). P. 181-201; Londono P. Recent Developments: Human Rights, Positive Obligations and Domestic Violence: Kalucza v Hungary in the European Court of Human Rights // International Human Rights Law Review. 2012. Vol.1(2). P. 339-348.*

⁴ См., например: Доклад Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях 2011 г. URL: <http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=A/66/215> (дата обращения: 10.03.2016).

⁵ См., например: The Role of Prevention in the Promotion and Protection of Human Rights : Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 2015. § 49. URL: http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session30/Documents/A_HRC_30_20_ENG.docx (дата обращения: 10.03.2016).

⁶ Аналогичное обязательство закреплено и в Межамериканской конвенции о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него 1994 г.

⁷ *Eremiášová and Pechová v. The Czech Republic*, no. 23944/04, § 109, 16 February 2012.

⁸ *Mudric v. The Republic of Moldova*, no. 74839/10, § 40, 16 July 2013.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Georgel and Georgeta Stoicescu v. Romania*, no. 9718/03, § 49, 26 July 2011.

¹¹ См., например: I/A Court H.R., *Velásquez-Rodríguez v. Honduras*. Judgment of July 29, 1988. § 172; I/A Court H.R., the “Mapiripán Massacre” v. Colombia. Judgment of September 15, 2005. § 111; I/A Court H.R., *Judicial Condition and Rights of Undocumented Migrants*. Advisory Opinion OC-18/03 of September 17, 2003. § 140.

¹² *Salzberg J. UN prevention of human rights violations: the Bangladesh case // International Organization. 1973. Vol. 27. Issue 01. P. 115.*

¹³ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/477/99/PDF/N0147799.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁴ Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries 2001 // Report of the International Law Commission, fifty-third session (23 April-1 June and 2 July-10 August 2001). P. 217. URL: <http://www.un.org/documents/ga/docs/56/a5610.pdf> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁵ *Ibid.* P. 224.

¹⁶ См.: Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта : Замечание общего порядка № 31 [80] Комитета по правам человека ООН от 29 марта 2004 г. § 17. URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f21%2fRev.1%2fAdd.13&Lang=ru (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁷ См., например: I/A court H.R., *Garrido and Baigorria v. Argentina*. Judgment of August 27, 1998. § 41; I/A court H.R., *Trujillo-Oroza v. Bolivia*. Judgment of February 27, 2002. § 110. См. об этом подробнее также: Inter-American Commission on Human Rights. Friendly settlement procedure impact report / Prepared by the Inter-American Commission on Human Rights. 2013. P. 50–51. URL: https://www.oas.org/en/iachr/friendly_settlements/docs/Report-Friendly-Settlement.pdf (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁸ *Fabris v. France (GC)*, no. 16574/08, § 75, 7 February 2013.

¹⁹ Inter-American Commission on Human Rights Strategic Plan 2011-2015. Part I. 50 years Defending Human Rights: Results and Challenges. P. 34. URL: <https://www.oas.org/en/iachr/docs/pdf/IACHRStrategicPlan20112015.pdf> (дата обращения: 10.03.2016).

²⁰ Подробнее об этом см.: *Красиков Д.В., Липкина Н.Н. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере прав человека в контексте принципа субсидиарности. Саратов, 2014. С. 122.*

²¹ См., например: *Otašević v. Serbia*, appl. no. 32198/07, § 34, 5 February 2013.

²² См., например: *Kiliç v. Turkey*, appl. no. 22492/93, § 91, 28 March 2000.

²³ См., например: I/A court H.R., «Mapiripán Massacre» v. Colombia, Judgment of September 15, 2005. § 219.

²⁴ См., например: I/A court H.R., the *Serrano-Cruz Sisters v. El Salvador*, Judgment of March 1, 2005. § 65–74.

²⁵ См., например: I/A court H.R., *The Kichwa indigenous people of Sarayaku v. Ecuador*. Judgment of June 27, 2012. § 265.

²⁶ См.: Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека «Резюме обсуждения вопроса о роли предупреждения в поощрении и защите прав человека, проведенного Советом по правам человека в рамках дискуссионной группы». § 22. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G14/239/08/PDF/G1423908.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.03.2016). Аналогичный подход к выделению прямой и косвенной превенции признается и в целом в международном праве прав человека (см.: *The Role of Prevention in the Promotion and Protection of Human Rights : Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 2015. § 9-10. URL: http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session30/Documents/A_HRC_30_20_ENG.docx. (дата обращения: 10.03.2016).*

²⁷ Eremiášová and Pechová v. The Czech Republic, no. 23944/04, § 131, 16 February 2012.

²⁸ Austrianu v. Romania, no. 16117/02, § 74, 12 February 2013.

²⁹ См. ст. 4 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.; ст. 4 – 6 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.

³⁰ См.: Çakıcı v. Turkey, no. 23657/94, § 86, 8 July 1999.

³¹ См., например: Tarariyeva v. Russia, appl. no. 4353/03, § 75, 14 December 2006; Trubnikov v. Russia, appl. no. 49790/99, § 86, 5 July 2005.

³² См., например: Красиков Д.В. Природа международной защиты прав человека: принцип subsidiarity // Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (к 10-летию Конституции России): Международная научно-практическая конференция (Саратов, 1–3 октября 2003 г.): в 3 ч. / под ред. А.И. Демидова, В.Т. Кабышева. Саратов, 2003. Ч. 1. С. 144–145.

³³ Например, как отмечается в Докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека предотвращения нарушений прав человека — прежде всего ответственность государства (The Role of Prevention in the Promotion and Protection of Human Rights : Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. § 49. URL: http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session30/Documents/A_HRC_30_20_ENG.docx (дата обращения: 10.03.2016)).

³⁴ Принцип должной распорядительности как средство искоренения насилия в отношении женщин: Доклад Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях Я. Эртюрк Комиссии по правам человека ООН. 2006. С. 9-12. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G06/103/52/PDF/G0610352.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.03.2016).

³⁵ Там же. §29.

³⁶ I/A court H.R., Velásquez-Rodríguez v. Honduras. Judgment of July 29, 1988. § 172.

³⁷ Eremiášová and Pechová v. The Czech Republic, no. 23944/04, § 110, 16 February 2012.

О.Ю. Авдевнина, В.В. Девяткина

ИСТЕЦ VS ИСТИЦА: ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена проблеме регламентации в юридической речи соотносительных наименований лиц, различающихся гендерным признаком. Количественное преобладание в языке и абстрактность наименований мужского рода объясняются культурной и языковой традицией и неоднозначностью социологического и правового толкования категории личности.

Ключевые слова: наименования лиц, гендерная характеристика, профессиональная речь, социальная идентификация, личность.

O.Yu. Avdevnina, V.V. Devyatkina

PLAINTIFF VS PLAINTIFF: LINGUISTIC NORMS AND SOCIO-CULTURAL CODES OF INDIVIDUAL NAMES IN THE LEGAL DISCOURSE

The article is devoted to legal regulation of speech correlative names of individuals, different gender. Quantifying the prevalence of language and abstract names masculine explained the cultural and linguistic tradition and the ambiguity of the sociological and legal interpretation of the category of personality.

Keywords: names of persons, gender characteristics, professional speech, social identification, personality.

*...Глаза женщины сверкнули.
— Я понимаю вашу иронию, профессор, мы сейчас уйдем...
Только... Я, как заведующий культотделом дома...
— За-ве-дующая, — поправил ее Филипп Филиппович...
М.А. Булгаков. «Собачье сердце».*

*Надо старательно отличать общее от единичного, своеобразного...
П. С. Пороховщиков. «Искусство речи на суде».*

1. Лингвистические проблемы наименования лиц в профессиональном дис- курсе

Процесс наименования лица как один из самых действенных механизмов *языкового антропоцентризма* (реализации человеческого фактора в формиро-

© Авдевнина Ольга Юрьевна, 2017

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olga.rosauz@gmail.com

© Девяткина Вера Викторовна, 2017

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: v.devyatkina@mail.ru

вании языковых феноменов) отражает различные представления о человеке, сложившиеся в культуре и языковой картине мира. Специфика этого процесса во многом связана со сложностью и неоднозначностью самого объекта номинации — человека, многообразием человеческих связей и отношений, формирующихся в т.ч. в профессиональных и других социальных сферах.

Одним из факторов, осложняющих процесс наименования лица в языке, является естественное, природное разделение людей на мужчин и женщин, которое концептуализируется в языке сложнее, чем простое противопоставление биологических полов. Вместо ожидаемой биполярной организации гендерной системы номинации лиц с двумя центрами: мужчина / женщина — язык выстраивает более сложную систему с иерархией смыслов, разных по степени абстрактности и актуализации гендерного признака. Иерархия гендерных представлений формирует систему смыслов, в которой противопоставлены 1) наименования мужчин, 2) наименования женщин и 3) своеобразные надгендерные абстрактные значения, объединяющие мужчин и женщин в обобщенных понятиях «человек», «личность», «член общества», «профессия», «национальность», «роль в судебном процессе» и т.п.¹

Такая нечеткость отражения в языке гендерного фактора обуславливает проблемность использования наименований лица в профессиональной и, в частности, юридической речи, для которой не всегда важны гендерные различия лиц, но часто актуальны именно обобщенные социальные и (или) правовые понятия-характеристики. Именно такая смысловая функция этих слов порождает в профессиональной среде вопросы, например, о выборе номинации: *истец М.И. Иванова* или *истица М.И. Иванова*? *Она выступила в качестве свидетеля* или *в качестве свидетельницы*? Болезненным для профессионалов, привыкших к строгой стандартизации феноменов и с трудом принимающих языковую вариативность, становится и вопрос о своеобразной «правильности», законности (даже юридической допустимости) употребления «женских» форм наименований в обозначении тех профессий, званий и должностей, социальных функций, которые исконно принадлежали мужчинам: *адвокатша, адвокатесса², прокурорша, обвинительница, защитница* и т.п.

Эти и многие другие вопросы, связанные с употреблением наименований лица в юридической речи, имеют несколько концептуально-практических измерений, обусловленных как *языковой* спецификой самих наименований (лингвистическая проекция проблемы), так и *социокультурными* условиями их функционирования (социальный, культурный, социоисторический, этико-правовой аспекты анализируемой проблемы). Чтобы отчасти прояснить вопрос о возможной регламентации наименований лиц в юридическом дискурсе, остановимся только на некоторых особенностях их использования.

К лингвистическим причинам возникновения обозначенной проблемы относится, прежде всего, асимметрия потенциально выражаемых наименованиями лица смыслов и грамматических форм русского языка. Так, трехчленная система номинативной репрезентации лица (мужчина / женщина / обобщенное лицо) оказывается «втиснутой» в рамки существующего в языке грамматического рода одушевленных существительных — всего двух родовых форм: мужского и женского³. Возникает необходимость в обозначении абстрактного лица (третий тип смысла) и она удовлетворяется посредством существительных мужского

рода. Национальность, гражданская правоспособность, профессия, социальное положение и т.п., отвлеченные от конкретных лиц, получают номинацию словами мужского рода: *белорус, араб, индус, гражданин, эмигрант, гастарбайтер, парикмахер, водитель, дирижер, чиновник, интеллигент* и т.д.

Разнообразие факторов и параметров проявления смыслового и формально-грамматического превосходства слов мужского рода над наименованиями женского рода анализируются в целом ряде лингвистических исследований⁴. Отметим только некоторые признаки этого преобладания в языке:

1) многие слова мужского рода не образуют пары с эквивалентным, потенциально возможным словом женского рода и используются для обозначения как мужчин, так и женщин: *президент, судья, доцент, водитель, шофер, дирижер, следователь, полицейский, милиционер, судебный исполнитель, пристав* и т.п.;

2) слова мужского рода словообразовательно первичны и часто именно от них образуются слова женского рода: *учитель* → *учительница*, *губернатор* → *губернаторша*, *студент* → *студентка* и т.п.;

3) на основе существительных именно мужского рода образуются формы множественного числа или иные формы, выражающие идею множества лиц, не конкретизированных в гендерном отношении: *студент* — *студенты* (и юноши, и девушки; ср.: *студентки* — только девушки); *президент* — *президенты*, *грузин* — *грузины*, *врач* — *врачи*, *олигарх* — *олигархи*, *профессор* — *профессора* — *профессура*, *купец* — *купцы* — *купечество*, *чиновник* — *чиновники* — *чиновничество* и т.д.;

4) в случае возникновения пары: наименование мужчины / наименование женщины — последние часто приобретают ту или иную стилистическую окраску, ограничивающую их употребление: *милиционерша, директорша, профессорша, врачиха, шоферка, чиновница* и т.п.⁵; слова же мужского рода сохраняют стилистическую нейтральность и речевую универсальность;

5) в перифрастических сочетаниях, построенных на использовании слов, обозначающих характер действий, правовое положение и т.п.: *в роли...*, *в качестве...*, *в должности...*, *на месте кого...* — уместны только мужские формы: *в качестве истца, в роли эксперта, в должности директора, на месте ответчика, выступил как свидетель, исполнял обязанности (функции) секретаря* и т.д.

Несмотря на явное превосходство в системе социальных наименований «мужских» вариантов, языковое сознание говорящих все же тяготеет к их соотнесению с «женскими» формами в силу гендерного стереотипа наших представлений о человеке. Поэтому в ряде случаев образуются пары эквивалентных наименований лиц. Применительно к возможности такой соотнесенности наименований лиц в юридической речи можно зафиксировать следующие тенденции. Во-первых, это употребление парных наименований лиц, коррелятивных по гендерному значению. Оба члена данной пары стилистически нейтральны, а значит, допустимы в регламентированной речи. В эту группу слов входят в первую очередь многие (не все) отадъективные наименования (образованные от прилагательных, омонимичные им), отражающие процессуально-правовой статус лиц: *заключенный* — *заключенная*, *подозреваемый* — *подозреваемая*, *обвиняемый* — *обвиняемая*, *подсудимый* — *подсудимая*, *осужденный* — *осужденная* и т.п., а также слова, образованные с помощью продуктивных парных суффиксов *тель/ниц*, *ник/ниц*, *ик/иц*, *ец/иц* и т.п.: *свидетель* — *свидетельница*, *надзиратель* —

надзирательница, доверитель — доверительница, сотрудник — сотрудница, наставник — наставница, владелец — владелица, ответчик — ответчица, истец — истица и т.д.

По поводу двух последних пар, которые особенно волнуют юристов-практиков, заметим попутно, что их «женские» варианты (*истица, ответчица*) охарактеризованы в словарях как нормативные, принадлежащие именно юридической речи⁶, а образующий их суффикс *иц* относится к одному из немногих *нейтральных* суффиксов «женскости» в русском языке⁷. Это означает, что нет никаких лингвистических препятствий к использованию слов *истица, ответчица* в профессиональной речи.

Во-вторых, к реализации «женско-мужской» эквивалентности в языке относится и процесс формирования пар, один член которых (чаще всего женский вариант) оказывается стилистически маркированным: его употребление или ограничено коммуникативной ситуацией (непринужденная речь), или диктуется необходимостью уточнения пола лица, или напрямую связано с незнанием говорящим стилистических норм употребления слова: *инвалид — инвалидка, юрист — юристка, прокурор — прокурорша, адвокат — адвокатша, милиционер — милиционерша, сторож — сторожиха, консультант — консультантша, директор — директорша* и многие другие наименования, имеющие в своем составе суффиксы *к, ш, их, ис, ин (я)* и др., в большинстве своем малопродуктивные и признанные стилистически окрашенными. Отсюда следует ограничение употребления данных женских форм в регламентированной речи. К этой же группе можно отнести пары, в которых оба члена нейтральны, но имеют различные значения и относятся к разным сферам речи: *исполнитель — исполнительница; исполнительница народных песен*, но только *судебный исполнитель* (ср. также значения *защитник — защитница, заместитель — заместительница* и т.д.).

В-третьих, в языке существует большое количество номинаций лиц, не образующих пар, «не-парных» по гендерному признаку, не имеющих даже потенциальных (т.е. возможных, соответствующих существующим в языке словесным моделям) «женских» вариантов: *полицейский, участковый, следователь, судья, пристав, соглядатай, боец, нотариус, документовед, делопроизводитель, страхователь, эксперт, патологоанатом, графолог, индивид, теоретик, практик, географ, философ (философиня, филологиня — интеллигентский сленг)* и т.п.⁸

Обращаясь к той паре, которая вынесена в название статьи, остановимся на одном очень важном факторе функционирования слов — речевой традиции, узусе, противопоставленном *норме* и отражающем глубинные, подчас определяющие норму представления носителей языка о тех или иных реалиях, в нашем случае — о гендерных характеристиках человека.

Анализ узуса употребления слов *истец / истица* выполнен на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁹: примеры из текстов цитируются именно по данному электронному ресурсу. Количественное сравнение контекстов с этими словами обнаружило предсказуемое и, как было показано, совершенно закономерное преобладание употребления слова *истец* (433 вхождения) над словом *истица* (41 вхождение): частотность мужских наименований превышает частотность женских почти в 10 раз. И качественно они по-разному выражают идею гендера личности.

Большое количество употреблений слова *истец* объясняется разными причинами: например, активизацией обобщенных «над-гендерных» значений, актуальных для юридической сферы общения, позволяющих противопоставить разные стороны судебного процесса. Противопоставления: истец — ответчик, истец — судья, суд, истец — свидетель — являются приметой таких контекстов: *За приклепный иск истец лишается иска. Надлежит и на ответчика налагать пеню, если не признал точно, чем он должен, дабы сил сохранить с обеих сторон добрую совесть* (Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767г.); *И буде тот истец или ответчик в распросе своем размолвится, то снова взять того свидетеля, и объявить ему размолвку, и пристрастить его гораздо, чтобы он сказал самую правду без пытки* (Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве (1724)); *Истец должен только изложить фактические обстоятельства дела, дать суду только меньшую посылку для силлогизма ...* (К вопросу об основании иска // Арбитражный и гражданский процесс. 2004); *Таким образом, истец при направлении копии иска ответчику обязан приложить копии документов, которые отсутствуют у ответчика, а ответчик обязан направить истцу копию отзыва на иск до начала судебного заседания ...* (Михайловский М. Новые процессуальные кодексы // Отечественные записки. 2003); *В итоге самым стильным признали адвоката Павла Астахова и в ответной речи он предложил ввести номинации «Истец года», «Ответчик года» и «Заключенный года»* (Рыска Б. Парфенов стал человеком // Известия. 2007) и т.д.

Еще одной причиной высокой частотности слова истец является его использование для обозначения конкретной стороны судебного процесса с неактуальной личностной идентификацией или даже отсутствием таковой (истцом в этом значении может оказаться даже и не человек — фирма, организация, учреждение): *Компания-истец была создана структурами Объединенной промышленной корпорации (ОПК) для реконструкции комплекса зданий бывших Средних торговых рядов* (Парфененкова М., Михалев Н. Сергей Пугачев требует с Минфина более 100 млн долларов // РБК Daily. 2011. 3 окт.); *Если истец — банк, то он на своей территории будет судиться...* (Банк Русский Стандарт. Обсуждение банка (2009–2011)); *В марте истец опять поменялся — им стали две «дочки» «Газпрома»...* (Исполатов С. Кузичев оплатит 13 «парашютов» // РБК Daily. 2009. 11 нояб.) и т.п.

Высокий процент составляет и употребление слова истец в качестве гендерного средства — обозначения лиц мужского пола. Как показывает практика, истец-мужчина — та категория граждан, которая чаще всего обращается с иском в суд (контекст в данном случае содержит обычно прямые указания на мужской пол: имена и формы согласуемых слов, детали внешности и т.п. — эти «приметы пола» выделены в примерах): *Истец Виктор утверждал, что Лена шантажировала его, требуя огромные суммы и дорогие подарки за право видиться с ребенком; что сама она никогда не работала, не занималась Женечкой, жестоко с ней обращалась и настраивала девочку против отца* (Танькова Я. Вдова Жени Белоусова: Мой любовник-миллионер отбирает у меня дочь! // Комсомольская правда. 2006); *Но гражданский истец, бритый, как актер, тщедушный и желтый, с приглаженными, как у покойников, височками, торопливо подпрыгивал на стуле и долго расспрашивал Голева о соломе, о зерне, о продаже Тростянского имения и об обычаях при продажах* (Сергеев-Ценский С.Н. Движения (1909–1910)); *Первым, естественно, выступал истец. Он явился в суд в нарядной форме капитана морской пехоты, при всех орденах и знаках отличия* (Матлин В. Афродита-21 или Атака на Пыньчой (2003) // Вестник США. 2003); *Народ вначале было озадачился, но потом обрадовался суждению судьи; истец же наклонил лицо и публично опозорился, впредь до особых заслуг перед рабочим классом* (Платонов А.П. Ювенильное море (Море юности (1934)); *Что сделал в литературе гражданский истец, этот тип, утонувший в бороде?* (Грузинов И.В. С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве (1926)) и т.п.

В редчайших случаях (нами зафиксировано не более 10 словоупотреблений) слово истец называет женщину (малое количество таких примеров — это аргумент

к спору об уместности применения этого слова к женскому полу): *Истец не согласна с решением суда, в связи с чем подана кассационная жалоба* (Лихачева О. Жители Пятигорска 7 лет живут без воды и света // Комсомольская правда. 2010); *«Я уже десять лет ношу хиджаб, как предписано нам Кораном»*, — рассказала истец (Ахметова А. Крымчанка судится с МВД за право фотографироваться для паспорта в хиджабе // Новый регион. 2010); *В суде был установлен факт наличия указанной задолженности, но истец заявила, что у нее якобы имеется переплата по договору, и требовала произвести зачет* (Михалев Н. Банкротство за лишние метры // РБК Daily. 2009. 19 июня); *Истец пояснила суду, что автомобиль не пересекал границу России, в подтверждении чего представила наряд-заказ одной из фирм города, где застрахованный автомобиль в октябре 2007 года проходил предпродажную подготовку...* (Арсентьева О. На Южном Урале суд обязал страховую фирму выплатить страховку за угнанный автомобиль // Новый регион. 2008) и т.п.

Бросается в глаза формализованность и нарочитая «штампованность» последних примеров (*истец ответила*): искусственность сочетаний родовых форм, противопоставленных в языке. Это впечатление обусловлено наличием в нашем языковом сознании номинативного эквивалента женского рода (*истица*), в данных случаях проигнорированного авторами.

О том, что слово *истица* самодостаточно для обозначения лиц женского пола, что оно является фактом речевой традиции и занимает свою нишу в языке и культуре, свидетельствует характер его функционирования в речи. Употребление данного слова более однообразно: как и другие номинативные эквиваленты женского рода, оно призвано акцентировать внимание на принадлежности лица женскому полу. Это подтверждает вывод многих исследователей об узкой функциональной специфике женских наименований¹⁰. Контексты, использующие слово «истица», как правило, содержат и другие смысловые актуализаторы гендера: женские имена, грамматические формы женского рода, приметы внешности женщины и т.п. (выделены в примерах). Обратим внимание на то, что данные материалы включают относящиеся к юридическому дискурсу, но стилистически разнообразные тексты, в т.ч. и официального характера: *По данному делу проживающая в Англии истица хотела исполнить решение об уплате алиментов, вынесенное в Лондоне, против своего бывшего супруга ...* (Применение оговорки о публичном порядке в судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2003); *Эти сведения, представленные Гольденбергом и Ушаковым, убедили Таганский суд в том, что истица, как и говорилось в объявлении газеты, имела намерение «завещать свою квартиру кому-нибудь за хороший уход»* (Герасимов А. Адвокатская практика недели // Коммерсантъ-Daily. 1996); *В ходе судебных разбирательств истица увеличила сумму морального вреда до 732,5 тыс. рублей* (Леонидова Д. Суд обязал ГТК ПМР заплатить предпринимателю за моральный ущерб // Новый регион. 2009); *Присутствовали: судья Т. Городничева, адвокаты Т. Власова, В. Лушкинов, истица Е. Платицина, ответчица С. Алексиевич* (Алексиевич С. Цинковые мальчики (1984)); *«Ладно! — говорит наша с вами безрассудная истица. — Согласна на любовный миллион из рук в руки — и никаких судов!»* (Соломатина Т. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)); *На том основании, что ее работник, продавая бензин, должен был видеть, что она — истица — слишком пьяна, чтобы вести автомашину, но не остановил ее* (С большой головы // Криминальная хроника. 2003); *Лиля подала на развод и вскоре получила его вместе с исполнительным листом на алименты. — Истица, объявите суду свои претензии к ответчику и причины, побудившие вас добиваться расторжения брака* (Левин Б. Блуждающие огни (1995)); *За столом в коридоре сидела грудастая истица* (Рубина Д. Во вратах твоих (1992)) и др.

Как видим, юридические тексты ничем в данном случае не отличаются от текстов других функциональных сфер. На юридический дискурс воздействует

общеречевая тенденция к различению лиц не только по процессуальной роли, но и половой принадлежности, стремление в однообразии юридических будней видеть разнообразие живых человеческих лиц.

2. Социокультурная и профессиональная специфика функционирования наименований лица

К лингвистическому аспекту номинации лиц в юридической речи относятся когнитивные основания номинативного процесса — концептуализация представлений о человеке в языке и обозначенной речевой сфере. Гендерная характеристика связана с актуализацией такой категории, как *человеческая индивидуальность*, важная в процессе *социальной/правовой/юридической идентификации* личности. В ряде случаев говорящему приходится не столько выбирать слово (*истец* или *истица*, *свидетель* или *свидетельница*), сколько решать, в какой степени важна в данной ситуации индивидуальность, личность (в частности гендерная определенность) того, о ком он говорит. Таким образом, механизмы и направления реализации *антропоцентризма* номинации лиц (в т.ч. номинативный гендер) детерминируются *социоцентризмом* — и номинации лиц, и язык в целом — теми социальными / правовыми ориентирами и кодами, которые определяют как саму номинацию, так и функционирование наименований лиц в речи.

Наименование лица — это социальный концепт человека, его «индивидуальный» код в социуме, формирующийся *в результате и ради* его социального бытия. Направления и степень социальной идентификации могут быть различными: от высокой «степени индивидуности» (обозначается конкретный человек, личность как психофизическая, нравственно-психологическая сущность) до низкой степени (обозначается не человек, а социальная / правовая функция, человек выступает в данном контексте лишь носителем этой функции)¹¹.

Проекция этой особенности наименований лица на специфику проявления в них гендерных характеристик позволяет заметить, что *высокая степень индивидуности* вызывает необходимость актуализации в речи пола человека, *низкая степень* проявляется в нейтрализации этой характеристики. Все это еще более осложняет картину функционирования наименований лица: к особенностям самих слов присоединяется необходимость учета и особенностей смыслового контекста их использования, и условий коммуникации, и сложившихся этических и даже правовых норм обозначения лиц, и принципов и традиций профессиональной речи. К последним относится, например, толкование категории лица в юридическом дискурсе — толкование настолько специфическое, что правовой концепт личности не совпадает с языковым концептом, научными или обыденными представлениями о человеке. О неоднозначности правовой интерпретации категории лица, начиная от несовпадения понятий *homo* и *persona* в истории права (*servus non habet personam*) и отрицания правовой категориальности понятия личности и завершая проблемами отношения к человеку в современной юридической науке, пишет Е.А. Тюгашев¹². Опуская многие, очень интересные направления рассуждения автора о юридической категории личности, отметим только те, которые помогают прояснить вопрос об отражении в этой категории гендерных представлений. Общая тенденция такова: право склоняется к деиндивидуализации человека (личность — субъект права — не более), к *personae*, понимаемой как социальная роль, личина, маска. Условный характер маски про-

является, например, в том, что судья надевает мантию и парик, как бы скрывая под ними свою индивидуальность и этим переодеванием акцентируя внимание на той функции, которую он исполняет в обществе: «История персоны — это история маски. В этой связи аксиоматическим является тезис о том, что личность человека не есть человек (или его часть). Личность человека — это не человек»¹³.

Этим объясняется гендерная неопределенность (и неважность) лица, которая обнаруживается в юридическом дискурсе и подчас декларируется юристами. «Суть юридического персонализма состоит не только в личностном понимании права, но и в юридическом понимании личности»¹⁴. Эмпирическим основанием этому, по мнению Е.А. Тюгашева, служит то, что, как устанавливает Ю.С. Степанов, понятие «личность-персона» всегда связано с правовым, юридическим оформлением. В ядро концепта «личность» входят следующие представления: 1) свободный человек; 2) обладающий максимумом юридических прав; 3) мужчина; 4) не дитя и не старик¹⁵. Правовое представление о личности согласно Ю.С. Степанову включает также компонент «степенная личность», т.е. представление о том, что *человек может быть личностью в большей или меньшей степени*, что и служит основой юридического оформления прав личности¹⁶.

Этот вывод о степени индивидуализации лица в праве наводит на размышления о вариантности корреляции наименований мужского и женского рода: их употребление может и, наверное, должно варьироваться в юридической речи, в зависимости от того, какой из аспектов отношения к человеку выступает на первый план: его социальный (правовой) статус или его индивидуальность.

Кроме того, приведенный вывод дает веские основания для однозначной интерпретации тех понятий (наименований лиц), которые сформулированы в законодательных документах. Так, Гражданский кодекс РФ определяет понятие «истец» в самом обобщенном, над гендерном значении: «Сторонами в гражданском судопроизводстве являются **истец** и ответчик. Лицо, в интересах которого дело начато по заявлению лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, извещается судом о возникшем процессе и участвует в нем **в качестве истца**»¹⁷. Само сочетание в качестве...указывает на безразличие этого определения к индивидуальности человека, в т.ч. и по отношению к полу. Это значит, что **закон не регулирует** обозначение конкретных людей и употребление пары *истец / истица* в номинации лиц в конкретных профессиональных ситуациях (например, в повествовательной части протокола или устной речи на суде) и тем более не отменяет использования вполне законного слова *истица*.

Более того, современная социальная ситуация даже требует восстановить «в правах» женские наименования. В филологической науке борьба за их равноправие с мужскими наименованиями проявилась в возникновении т.н. *феминистской лингвистики*, представители (в основном — представительницы¹⁸) которой заявляют о неоправданной экспансии слов мужского рода в обозначении лиц и о необходимости искусственного воздействия на эту языковую ситуацию. Корреляция гендерных эквивалентных наименований во многом регулируется «женским вопросом», который в той или иной мере, в том или ином виде регулярно возникал в разные исторические периоды.

Так, слово *истица*, по данным НКРЯ, появляется в речи и письменных текстах значительно позже слова *истец* — примерно в 80-х гг. XIX в. Это появление можно

связать, по-видимому, с возможностью женщин подавать иски, которую они получили в результате ряда реформ в области семейного права в конце XIX в.¹⁹ С.В. Ворошилова пишет, что даже крестьянки, несмотря на силу и авторитет перед государственными установлениями законов крестьянского семейного уклада, начали обращаться в суд с самыми разными исками²⁰.

Согласно статистическому графику НКРЯ резкое падение использования в текстах слова *истица* приходится на постреволюционный период, что объясняется активизацией феминистских настроений в обществе. Женщина утверждалась в правах с мужчиной, в т.ч. и отказом от своей женской природы. Это проявлялось в одежде, причёске, стремлении заниматься мужскими профессиями. Немало этому способствовал и революционный новояз, например, нивелирующее все и вся слово товарищ:

- *Во-первых, мы не господа, – молвил наконец самый юный из четверых, персикового вида.*
- *Во-вторых, – перебил и его Филипп Филиппович, – вы мужчина или женщина? ...*
- *Какая разница, товарищ? – спросил он горделиво.*
- *Я – женщина, – признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел.*

Вслед за ним покраснел почему-то густейшим образом один из вошедших – блондин в папаче (Булгаков М. «Собачье сердце»).

Революционная идеология лишила женщину права на ряд традиционных социальных номинаций: *барыня, барышня, сударыня, госпожа, мадам, мадмуазель* и т.д. Заметим, что феминизм в дореволюционную эпоху был поборником ограничения в употреблении некоторых социальных наименований женщины: *любовница, сожительница, содержанка, наложница*. Однако очевидно, что в данном случае мотивом служило стремление сторонников «женского вопроса» защитить «нравственный капитал» женщины, для чего требовали даже принятия особых законов, призванных отстаивать ее права, ее честь с такой же силой, с какой законы защищают материальное достояние человека.

Судебные ораторы дореволюционной эпохи по-своему отразили позицию поборников «женского вопроса»²¹, представив в своих речах женщину во всей полноте ее социально-правового статуса, социально-психологических, нравственных черт, окрашенных неповторимыми индивидуальными особенностями. Приведем примеры номинаций (далеко не полный список!), извлеченных из судебных выступлений прославленных отечественных юристов-ораторов С.А. Андреевского, П.С. Пороховщикова, К.С. Халтулари. Эти наименования воссоздают исторический портрет женщины, которая попала в то далекое время в поле внимания юриста-профессионала:

1) ее процессуально-правовой статус: *подсудимая; простая подсудимая; преступница; шантажистка; жалобщица; свидетельница; похитительница; попустительница; обвиняемая; виновница; женщина виноватая; жертва; утопленница; покойница; наследница;*

2) социальный статус: *девушка из дома терпимости; приведенная женщина; содержанка; наложница; любовница; случайная встречная; продавщица своих ласк; любимая женщина; подруга; общедоступная «барышня»; жена-разлучница; супруга; обманутая супруга; молодая жена; жена; истинная жена; престарелая богатая законная жена; княгиня; женщина простого звания; приживалка; компаньонка; приближённая старушка; генеральша; богатая генеральша; вдова генерала; полуграмотная вдова генерала; полуграмотная, неразвитая женщи-*

на; госпожа; светская женщина; дама; барыня; барышня; невеста; жилочка; женщина бедная; продавщица; красавица-продавщица; приказчица из магазина; молодая мещаночка; горничная;

3) психологические черты: женщина нервная, впечатлительная; живая женщина; любящая женщина; излюбленная женщина; женщина болезненная; женщина самостоятельная; девушка наивная; малоопытная девушка; невинная и порядочная девушка; кратковременная утешительница; сознательная и любящая помощница; соперница; избалованная эгоистка и т. д.

Судя по разнообразию и эмоциональности этих оценок, классиков юридической мысли не заподозришь и не обвинишь в формальном отношении к женщине, в стремлении надуманным профессионально-речевым стандартом подменить существующую в языке норму идентификации человека по характеру и полу.

Причина возросшего со стороны юристов во второй половине XIX в. внимания к женщине, на наш взгляд, кроется не столько в обострении «женского вопроса», сколько в осознанной ориентации на воспроизведение в судебной риторике эстетики художественной прозы. Последняя продемонстрировала пристальное внимание к живому человеку, его душе, чувствам, характеру, углубленно исследовала всю полноту его бытия, что, безусловно, требовало разнообразия в его характеристике и наименовании.

Современный феминизм, как отмечают исследователи, заключается не в стремлении отменить все женское, «подтягивая» женщин до мужчин (в правах, профессиях, должностях, званиях, образовании и т.п.), как это было в постреволюционную эпоху, а в тенденции резко противопоставить женскую природу природе мужской и утвердить (даже искусственно) их природную нетождественность. В речи это отражается в узаконивании женских наименований, особенно тех, которые не имеют в своей языковой характеристике признаков, ограничивающих их употребление. К таким наименованиям относится и слово *истица*.

Определяя принципы и нормы профессиональной, например юридической, речи, нельзя не учитывать всего спектра факторов, обуславливающих концептуальную глубину и функциональную вариативность языка. Декларируемый отказ от этой вариативности (*истец* — и только!) формализует профессиональную речь, обедняет ее смысловые ресурсы, обесцвечивает профессиональное отношение юристов к сложным феноменам социальной жизни.

¹ Именно формированием надгендерной разновидности номинативного смысла объясняется, например, выделение в языке такой группы слов, как существительные общего рода — это оценочные наименования человека типа невежа, сирота, умница, неряха, растяпа, которые возникают в языке для обозначения соответствующих положительных или отрицательных качеств любого человека, будь то мужчина или женщина. Обозначения профессий, должностей и т.п., которые также могут быть контекстуально отнесены к мужчинам и женщинам, в группу существительных общего рода не входят.

² Обоснованию целесообразности употребления слова адвокатесса в юридической речи посвящена, например, статья И.Ю. Николаевой (см.: Николаева И.Ю. Наименования лиц женского пола по профессии, должности в гендерном аспекте // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2010. № 3). Любопытную историю «женского лица» профессии адвоката — того, как женщины в России завоевывали и совершенствовали эту юридическую специальность, приводит С.В. Ворошилова (см.: Ворошилова С.В. Гражданско-правовое положение женщин в России (XIX — начало XX века) (Саратов, 2010).

³ Значение среднего рода не совместимо в русском языке с категорией одушевленности (исключение — слово дитя).

⁴ См.: Янко-Триницкая Н.А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Янко-Триницкая Н.А. Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 153–167; Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999; Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2 (23); Потапова Р.К., Потапов В.В. Гендерная проблематика в лингвистических исследованиях // Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, личность, речь. М.,

2006. С. 159–226; *Серова И.Г.* Способы представления гендерного знания в языке // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 847–856; *Маклакова Е.А.* Выявление особенностей семной структуры наименований лиц (на материале контрастивных исследований русского и английского языков) // Современные проблемы науки и образования. 2010. № 3. С. 98–106; *Яковлева А.В.* Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010 и др.

⁵ Помимо значения лица, содержание таких наименований может включать совершенно конкретное значение «супруга лица», названного производящим словом: директорша – это и женщина-директор, но, возможно, и супруга директора.

⁶ См.: *Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. Т. 1. М., 1985; Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.; М., 2008.*

⁷ *Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980; Ефремов В.А.* О гендерной асимметрии в наименовании лиц женского пола // *Русский язык в школе. 2009. № 1. С. 72–82.*

⁸ Отсутствие женских эквивалентов этих и многих других наименований лиц имеет свои языковые причины, вплоть до характера словообразовательного процесса (см., например: *Янко-Триницкая Н.А.* Указ. раб.; *Маркарян Р.* О соотносительности в названиях лиц в современном русском языке. URL: www.books.google.ru (дата обращения: 10.09.2015). В данной статье словообразовательные факторы освещаться не будут.

⁹ URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.05.2015).

¹⁰ См.: *Ефремов В.А.* Указ. раб.; *Кирилина А.В.* Указ. раб.; *Кирилина А., Томская М.* Указ. раб.; *Потанова Р.К., Потанов В.В.* Указ. раб.; *Яковлева А.В.* Указ. раб.; *Морозова И.А.* Активные процессы в сфере наименований лиц женского пола на рубеже XX–XXI вв. // *Русский язык в школе. 2009. № 1. С. 82–87* и др.

¹¹ Идея различения степеней индивидуности, как и термины «индивидуность», «индивидуальный концепт», принадлежит Ю.С. Степанову, который рассматривал вопрос об употреблении наименований лиц в аспекте языковой категории субъекта. См.: *Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981.

¹² См.: *Тюгашев Е.А.* Юридическое понятие личности // *Государство, право, образование: сборник научных трудов. Новосибирск, 2003. С. 201–210.*

¹³ Там же. С. 8–9.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: *Тюгашев Е.А.* Указ. раб.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. URL: www.consultant.ru/popular/gprkf/ (дата обращения: 09.10.2015).

¹⁸ *Дембска Катаржина.* Об одном аспекте феминистской лингвистики в современном русском языке. URL: www.repozytorium.umk.pl (дата обращения: 14.05.2015); *Бабаян А.В.* Феминистская лингвистика. Истоки и перспективы гендерных исследований в лингвистике. URL: www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2 (дата обращения: 12.05.2015); *Кирилина А.В.* Указ. раб.; *Николаева И.Ю.* Указ. раб. и др.

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Ворошилова С.В.* Указ. раб.

²⁰ См.: Там же. С. 105–119.

²¹ См., например: *Андреевский С.А.* Дело Андреева // *Судебные речи известных русских юристов / сост. Е.М. Ворожейкин. М., 1958. С. 128; Сергеев П.* Искусство речи на суде. Тула, 1998. С. 34; *Хартулари К.Ф.* Дело Левенштейн // *Судебные речи известных русских юристов / сост. Е.М. Ворожейкин. С. 793.*

Е.А. Елина

СУГГЕСТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПОЭТИЧЕСКОГО И ЖИВОПИСНОГО ДИСКУРСА

В статье анализируются поэтические тексты, посвященные произведениям изобразительного искусства; доказываются приоритетность поэтической метафоризации и символизации; анализируются принципы преобразования живописного объекта в поэтический образ.

Ключевые слова: вербальная и визуальная составляющая, искусствоведческое описание, метафоризация, деметафоризация, поэтическая символизация.

© Елина Евгения Аркадьевна, 2017

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sarelina@mail.ru

E.A. Elina

SUGGESTIVE EFFECT IN THE INTERACTION OF POETIC AND PICTORIAL DISCOURSE

The article analyzes the poetic texts dedicated to the works of fine art. The article proves the primacy of poetic metaphor and symbolization, as well as the transformation of the pictorial object in a poetical image.

Keywords: Verbal and visual component, art history description, metaphorization, demetaphorization, poetical component.

Поэзия и живопись как два вида искусства (вербальное и визуальное) при определенных условиях могут тесно соприкасаться и воздействовать друг на друга. Так, графическое иллюстративное искусство, дополняющее литературное произведение, прочно вошло в практику книжных иллюстраций. Оно играет вспомогательную роль, хотя образцы книжной графики создаются лучшими художниками-иллюстраторами, профессиональными графиками (Г. Доре, А. Менцель, Е.А. Кибрик, Д.А. Шмаринов, О.Г. Верейский, В.А. Фаворский и др.). Но все же, несмотря на высокое качество иллюстраций, они выполняют свою достаточно узкую прикладную задачу, обслуживая художественно-литературное произведение, за которым остается абсолютный приоритет. Лучшее доказательство тому — возможность различных изданий и переизданий, которые могут вообще не включать иллюстративную графику, а в наше время такая графика становится все более факультативной и все реже дополняет книжный текст.

Более значима и любопытна обратная ситуация — «перевод» живописного полотна в литературную (в данном случае поэтическую) форму. Некое живописное изображение кладется в основу поэтического текста, подвергаясь вербализации. При этом поэтическое произведение выполняет свои эстетические и символические задачи и не ставит своей целью просто описание картины.

Анализ взаимодействия в поэтическом целом вербальной и визуальной составляющих требует ответов на несколько взаимосвязанных вопросов:

какие задачи ставит перед собой автор поэтического текста, вводя в текст вербализованное изображение?

близко ли такое описание искусствоведческому?

какова необходимость (сверхзадача) переложения на поэтический язык языка живописи?

Для ответа на эти вопросы рассмотрим несколько стихотворений, созданных на основе живописного изображения.

Наличие в изобразительном искусстве различных живописных направлений, течений, школ определяет поэтические предпочтения в выборе объекта изображения. Например, эпоха критического реализма и вытекающая из него фабульная, нарративная живопись не давали основательного творческого импульса для переложения картины на поэтический язык. Дело в том, что реалистичный живописный язык сам по себе абсолютно понятен и прозрачен, в нем нет той «недосказанности», тайны, веера интерпретаций и вопросов, которые оставляет после себя живописное произведение постреалистических школ. С появлением новой живописи — импрессионизма, кубизма, сюрреализма, абстракционизма — для поэзии появилось больше поводов пытаться понять, раскрыть то недосказанное,

невыразимое, ирреальное, что скрывает в себе неклассическая живопись. Однако и живописная классика оставила, тем не менее, свой след в поэзии.

По мотивам картины «Гибель Помпеи» К. Брюллова написано короткое стихотворение А.С. Пушкина:

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя / Широко развилось, как боевое знамя. / Земля волнуется — с шатнувшихся колонн / Кумиры падают! Народ, гонимый страхом, / Под каменным дождем, под воспаленным прахом, / Толпами, стар и млад, бежит из града вон. // ¹

Эти 6 строк так же монументальны, как само грандиозное полотно К. Брюллова, но монументальность эта создается собственными, пушкинскими поэтическими средствами, использующими лаконичную, точную, динамичную лексику. Скупые, почти минималистские приемы передают страшную динамику события — все в движении, в падении, в огненном вихре, перед нами трагедия всемирного масштаба, каждая строка весома и впечатляюща. Но перед нами скорее краткое описание исторического события (пусть и отраженного на картине), чем сама картина. Автор не обращается ни к живописным приемам, используемым художником, ни к особенностям живописного языка, ни к деталям изображения — все это не входит в его задачу, его привлекает лишь фабула. Полотно для автора — только изображение, дающее повод воссоздать *Событие* в его почти зримом развертывании. Читателю достаточно знать сам факт извержения Везувия и гибели Помпей. Такое стихотворение может существовать независимо от картины и производить на читателя поэтическое впечатление также независимо от его знания или незнания полотна Брюллова.

Вообще обращение к реалистическим живописным объектам привлекает поэтов либо как способ по-своему описать изображенное событие, либо как возможность связать прошлое с настоящим.

При обращении же к импрессионистической живописи изображение необходимо автору стихотворного текста как источник и начало разнообразных поэтических ассоциаций, которые организуются в конечном счете в уникальный поэтический образ, являющийся доминантой поэтического текста. Хорошей иллюстрацией подобного поэтического восприятия служит известное стихотворение О. Мандельштама «Импрессионизм», где искусствоведческое описание живописного метода растворяется в разветвленных ассоциативных поэтических образах:

Художник нам изобразил / Глубокий обморок сирени / И красок звучные ступени / На холст, как стружья, положил... // Он понял масла густоту, — / Его запекшееся лето / Лиловым мозгом разогрето, / Расширенное в духоту. // А тень-то, тень все лиловой, / Свисток иль хлыст, как спичка, тухнет, / Ты скажешь: повара на кухне / Готовят жирных голубей. // Угадывается качель, / Недомалеваны вуали, / И в этом сумрачном развале / Уже хозяйничает шмель // ²

Импрессионизм как творческий изобразительный метод поэтически и в то же время очень точно передан автором описанием “обморочной” зыбкости пейзажа, крупных, фактурных, лежащихся друг на друга (как звучные ступени) пастозных импрессионистических мазков, вязких, густых красок, ведущей роли светотени, «угадываемости» предметов, их растворенности в воздухе, как бы незавершенности рисунка, и в целом — остановившегося момента бытия. Для интерпретации этого поэтического текста, безусловно, требуется знание сущ-

ности импрессионизма, его особенностей как метода, иначе текст остается “неразгаданным”, поскольку нет общей информационной базы у автора и читателя.

Гениальный художник-постимпрессионист Ван Гог очень своеобразно отпечатался в поэтическом мире А. Тарковского. В стихотворении «Пускай меня простит Винсент Ван Гог...» творчество Ван Гога оставило свой след в преображенном виде благодаря уникальному поэтическому восприятию:

Пускай меня простит Винсент Ван Гог / За то, что я помочь ему не мог, / За то, что я травы ему под ноги / Не постелил на выжженной дороге, / За то, что я не развязал шнурков / Его крестьянских пыльных башмаков, / За то, что в зной не дал ему напиться, / Не помешал в больнице застрелиться. / Стою себе, а надо мной навис / Закрученный, как пламя, кипарис, / Лимонный крон и темно-голубое, — / Без них не стал бы я самим собою; / Унизил бы я собственную речь, / Когда б чужую ношу сбросил с плеч. / А эта грубость ангела, с какою / Он свой мазок роднит с моей строкою, / Ведет и вас через его зрачок / Туда, где дышит звездами Ван Гог. // ³

В стихотворении переплетаются и организуют единый текст биографические моменты из жизни Ван Гога, авторское преклонение перед трагической личностью и судьбой художника и горечь от несовпадения обоих в едином жизненном пространстве. Определенные фрагменты текста — явная аллюзия на конкретные живописные полотна художника («Башмаки», «Кипарисы», «Звездная ночь»), которые выступают в стихотворении как прецедентные тексты. Здесь происходит поэтический процесс завершения метафоризации, или деметафоризация образов: башмаки уже не значат ничего, кроме себя самих как вещи; после образного этапа, как бы завершая круг, они опять приобретают свою идентичность. Это уже не те «Башмаки», которые воспринимались как живописная метафора. Автор (как и предполагаемый им читатель стихотворения) уже прошел тот метафорический уровень восприятия живописного полотна, и все образные нюансы, будучи воспринятыми и переработанными, остались в подтексте, стали фоновыми знаниями, общими у автора и читателя. На поверхность же текста возвращается первичное значение предмета, но на новой, более высокой стадии восприятия и понимания.

Очень интересно продолжается ван-гоговская тема в стихотворении А. Кушнера «Зачем Ван Гог вихреобразный...»: Зачем Ван Гог вихреобразный / Томит меня тоской неясной? / Как желт его автопортрет! / Перевязав больное ухо, / В зеленой куртке, как старуха, / Зачем глядит он мне вослед? / Зачем в кафе его полночном / Стоит лакей с лицом порочным? / Блестит бильярд без игроков? / Зачем тяжелый стул поставлен / Так, что навек покой отравлен, / Ждешь слез и стука башмаков? / Зачем он с ветром в крону дует? / Зачем он доктора рисует / С нелепой веточкой в руке? / Куда в косом его пейзаже / Без седока и без поклажи / Спешит коляска налегке?// ⁴

Это стихотворение А. Кушнера отсылает прежде всего к творчеству Ван Гога (конечно, тут аллюзии и на те же «Башмаки», и на «Ночное кафе в Арле», и на «Портрет доктора Гаше», и на «Портрет стула», и на «Автопортрет с отрезанным ухом»). Но и здесь мы наблюдаем тот же прием, что у Тарковского: эти прецедентные тексты (башмаки, кафе, коляска, стул) становятся деталями реальной жизни, деметафоризованными образами. Поэтому стихотворение Кушнера — еще и переключка с тем самым стихотворением Тарковского, которая проглядывает в поэтическом приеме «оживления» картин, в превращении изображений в

реальные образы, в тот реальный мир Ван Гога, который благодаря картинам где-то рядом, но попасть туда невозможно. Тарковский чувствует свою вину в трагической судьбе художника, стихотворение Кушнера целиком состоит из риторических вопросов («Зачем?..»), в которых сквозь печаль и тоску угадывается то же чувство личной причастности к миру ночных пейзажей, арлезианских кафе, кипарисов, колясок и башмаков — ко всему тому, что олицетворяет художественный мир великого художника. Но чтобы воспринять и понять все эти поэтические образные нюансы, аллюзии и прецедентные «намекы» в обоих стихотворениях, нужно, безусловно, обладать знанием творчества Ван Гога, иначе, как и в стихотворении Мандельштама «Импрессионизм», лирика останется непонятой — тут нет «события», но тут есть судьба и личность.

Рассмотрев только несколько примеров использования живописи в поэтических текстах (такие стихотворения, безусловно, представляют собой целую поэтическую область), можно сделать некоторые выводы.

Необходимость переложения на поэтический язык языка живописи определяется идеей, содержащейся в живописном произведении, и откликом этой идеи в поэтическом сознании автора стихотворения.

Поэтические образы-метафоры, созданные поэтическим восприятием «по мотивам» изображения, достаточно отчуждены от самого изображения, самостоятельны и самодостаточны (в отличие от искусствоведческих и других прозаических описаний, не только создающихся с опорой на объект, но существующих как целостные тексты только благодаря объекту). Но в определенных случаях живописное изображение должно быть актуализировано в сознании читателя для адекватного истолкования поэтического текста.

Поэтическое восприятие руководствуется собственными узкоспециальными поэтическими задачами, не описывающими объект-изображение, а преобразующими его в поэтический образ. Конечно, нельзя ждать и требовать от автора поэтического текста «единственно верной», как нам представляется, интерпретации. Прочитаем Г.Г. Гадамера, который справедливо настаивал на правомерности самого широкого спектра истолкований: «Можно, конечно, поинтересоваться, что сверх сказанного... хочет сказать художник... Но язык искусства предполагает прирост смысла, происходящий в самом произведении... именно при распространении герменевтической точки зрения на язык искусства становится ясно, насколько не исчерпывается тут предмет понимания субъективными представлениями автора»⁵. И сам художник, и поэт вправе выбирать именно тот аспект образности и именно так интерпретировать произведение, как этого требует его творческая натура. Поэзия определенно выигрывает от такого союза с живописью, приобретая новую глубину, разнообразие и интеллектуальность. Но и живопись благодаря использующей ее поэзии тоже поднимается на новую ступень восприятия и истолкования, всегда неожиданную и в каждом случае поэтически-уникальную.

¹ Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 2. С. 623.

² Мандельштам О.Э. Избранное. Ростов н/Д, 1995. С. 270.

³ Тарковский А.А. Избранное. М., 1982. С. 66.

⁴ Кушнер А.С. Приметы. Л., 1969. С. 78.

⁵ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 187, 264.

Р.Д. Урунова

МЕСТОИМЕНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАННИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН)

В статье анализируется применение вариантов местоимения 1-го лица единственного числа для разных коммуникативных целей в текстах письменных памятников XI–XV вв.

Ключевые слова: личные местоимения, коммуникация, номинативные варианты, местоименное подлежащее, речевая стратегия, коммуниканты, сферы функционирования.

R.D. Urunova

PRONOUNS AS A MEANS OF VERBAL COMMUNICATION STRATEGIES (BASED ON THE EARLIEST WRITTEN SOURCES OF THE EASTERN SLAVS)

In article use of options of a pronoun of the 1st person, singular for the different communicative purposes is analyzed. Each option of a pronoun carried out a definite purpose in communication: one was used speaking for the instruction on himself in an official situation, another, on the contrary, - in informal, everyday situations.

Keywords: Personal pronouns, communication, nominative options, pronominal subject, speech strategy, communicants, spheres of functioning.

Благодаря особому грамматическому качеству местоимения употребляются для выражения разного рода непосредственных отношений между объектами действительности и языковыми единицами, поэтому они всегда использовались и продолжают использоваться при недостаточности соответствующих вербальных средств в конкретных случаях коммуникации. Кроме основной дейктической функции, ориентированной на внеязыковую действительность, они также часто употребляются для оформления разного рода отношений между участниками коммуникативного акта и в таких случаях приобретают дополнительные коннотации в семантике, позволяющие организовать коммуникацию определенным образом. Так, хорошо известно особое употребление некоторых форм личных местоимений, например, вежливой формы местоимения 2-го лица единственного числа **вы**, т.н. формы скромности 1-го лица единственного числа **мы** в научной коммуникации, формы важности **мы** и т.д.

В языке ранних письменных состояний личные местоимения использовались более разнообразно, чем в современном, выполняя стратегические функции в коммуникации. В зависимости от собственной цели в коммуникативном акте древнерусский человек подбирал нужные местоименные формы, которые представлял ему язык. Это было особенно важно в период, когда шло установление феодальных отношений, пришедших на смену родоплеменных, поскольку способствовало закреплению определенного равновесия в обществе. В данной статье речь пойдет о стратегических возможностях в коммуникации только одного

личного местоимения — 1-го лица единственного числа, при помощи которого говорящий репрезентировал себя в процессе общения.

Местоимение 1-го лица единственного числа довольно часто встречается в письменных памятниках восточных славян XI–XV вв. Это обусловлено отчасти тем, что тексты того периода имели тесную, можно сказать, непосредственную, связь с коммуникативным актом, и различие между говорящим и автором текста пока еще никак не обнаруживалась, хотя, конечно, в разных текстах это достигалось разными способами.

Особое внимание обращает на себя факт, что уже в самых ранних древнерусских текстах используются три местоименных варианта 1-го лица единственного числа в именительном падеже — **азъ**, **язъ**, **я**, которые могли использоваться автором для репрезентации самого себя: 1. **Азъ** грѣшныи рабъ бжии недостойныи дѣмъка написахъ кѣнигы сия (Новгородские служебные минеи). 2. Се **язъ** князь смоленский федоръ · соудилъ есмь · биреля съ армановичемъ про колоколь (Грамота 1284 г. смоленского князя Федора Ростиславича о немецком колоколе). 3. Идѣте съ данью домови а я возвращюся похожую и еще (Повесть временных лет (далее — ПВЛ)).

Между тем в славистике хорошо известно, что характерными для того периода конструкциями были определенно-личные односоставные предложения с опущенным местоименным подлежащим и что эта синтаксическая особенность имела масштаб общей индоевропейской тенденции¹. Французский компаративист Антуан Мейе по этому поводу пишет: «В предложении (индоевропейском) мы находим в основном только один существенный элемент, сказуемое, и, кроме того, в известных случаях, подлежащее. В соответствии с индоевропейским употреблением для предложения достаточно личных форм глагола; форма типа **пи/ «я пью»** вполне хорошо обозначает первое лицо единственного числа. Следовательно, славянское предложение, как и предложение индоевропейское, может состоять из одного глагола, сопровождаемого или не сопровождаемого определением»². Следовательно, наличие трех номинативных вариантов местоимения 1-го лица единственного числа можно рассматривать как характерную особенность древнерусского языка, требующую объяснения в соответствии со специфическими условиями их функционирования в коммуникации.

В славистике наличие трех номинативных вариантов местоимения 1-го лица объясняется фонетическими причинами с учетом тех исторических процессов, которые были характерны звуковому строю языка праславянского, древнерусского и старорусского периодов. Согласно этой интерпретации вариант **азъ** является славянизированной формой общеевропейского *egō, который подвергся третьей палатализации. От этого варианта под влиянием закона восходящей звучности была образована русифицированная форма **язъ** с протетическим **ј** в начале слова. Вариант **я** появляется как результат усечения формы **язъ** после падения редуцированных **ъ, ь**³.

Данная интерпретация вполне убедительна с точки зрения традиционной концепции, но последовательность появления вариантов номинатива местоимения 1-го лица, отслеженная по текстам, связывает их с определенными временными периодами и как раз в этом отношении наблюдается несоответствие этой интерпретации с хронологией фактического материала. Так, согласно этой концепции вариант **я** должен был появиться не ранее XII в., после падения редуцированных. Между тем в большинстве ранних восточнославянских текстов варианты **азъ** и

я используются параллельно, и, следовательно, фонетические процессы, хотя и являются механизмом внешней переработки вариантов, не могут быть причиной появления местоимения **я**. На этот факт обратил внимание Г.А. Хабургаев, который считает, что **азъ** и **язъ**, бесспорно, являются двумя вариантами одной формы, а вот «вариант **я** следует рассматривать как очень древнюю, видимо, праславянскую диалектную черту, объединяющую восточнославянские языки с западнославянскими»⁴.

На наш взгляд, наличие трех вариантов номинатива одного местоимения в древнерусских и старорусских текстах обусловлено разными сферами их функционирования и речевыми стратегиями говорящих. Так, в восточнославянских текстах XI–XV вв. вариант **азъ** используется как атрибут речевого этикета социально значимых лиц и носит явно официальный характер. Используя это местоимение, говорящий подчеркивал свое более высокое, чем у собеседников, социальное или родовое положение и задавал нужный для себя тон коммуникации. В большинстве случаев употребление варианта **азъ** оправдано тремя факторами:

1. Местоимение использовалось в прямой речи как официальный вариант при общении социально значимых лиц, например князей, со своими подданными: «Ни имамъ убѣжати. Но станемъ крѣпко. **Азъ** же предъ вами поиду» (ПВЛ). «Се **азъ** Мстиславъ Володимиръ снѣ держа роуьскоу землю въ свое княжение...» (Мстиславова грамота).

2. Местоимение могло использоваться в случаях, когда говорящий был старшим в семье и, очевидно, также старше по возрасту, чем те, к кому он обращался: «Се **азъ** отхожу свѣта сего, сынове мои» (ПВЛ).

3. Местоимение было необходимо для соблюдения правил логической стройности и последовательности прямой речи: «А неволя ми своее головы блюсти. и не **азъ** его ослѣпил. но Давыдъ» (ПВЛ). «Со слезами отвѣщаваху другъ другу глаголюще. **Азъ** бѣхъ сего города. и други. **Азъ** сея вси (село)» (ПВЛ).

Следует отметить, что первые два условия являются характерными только для формы **азъ**, причем соблюдаются они довольно последовательно во всех соответствующих случаях. Третье условие является общим для всех вариантов номинатива первого лица.

Форма **я** использовалась говорящим для репрезентации самого себя в следующих случаях:

а) князьями — в неофициальных, житейских ситуациях: *Wлегъ же посмеася и оукори кудесника ·река то ти неправо глють волъсви ·но вся ло^ж е^с ·а конь оумерлъ е^с а я ·жи въ* (ПВЛ); *И прихха князь печенѣжскыи к рнkh возва Володимера и рече ему · выпусти ты свои мужь · а я свои · до ся борета (я — князь печенежский, но не русский)* (ПВЛ);

б) простыми людьми — во всех случаях: и рече имъ · послушайте мене · не предайтеся за 3 дни · и я вы что велю · створите (я — старец) (ПВЛ). Следует отметить частотность употребления этого варианта в противительных конструкциях;

в) князьями — в неоднозначных политических и дипломатических ситуациях, когда невыгодно подчеркивать свое княжеское положение: *а идѣте въ градъ · а я заутра отступлю отъ града · и поиду въ градо съи (я — кн. Ольга)* (ПВЛ); *идѣте съ данью домови а я возъвращюся похожую и еще (я — кн. Игорь)* (ПВЛ).

Вариант **язъ** появился позже двух первых и стал элементом быстро развивающегося бюрократического стиля, сферой его употребления являются всякого рода грамоты. Хотя протетический **ј** в его фонетическом составе указывает на

русское произношение, этот вариант является исключительно книжным. Он используется как стилистическое средство деловой письменности, со временем становится основным и прочно закрепляется в формулярной части правовых актов (духовных, жалованных, купчих и т.д.). Не только местоимение, но и вся конструкция в этих документах имеет явно церковное книжное происхождение: Се я³ кнзь петръ дмитриєви^ч пожалова^л есмь игумена никона...(1423г.). Во имя вца и сна и стго ду^x се я³ рабъ бо^жи . ива^н кня^ж юрьє^в сы^н патрек^а еви^ч . пишу грамот^у дшевную...(до 1499 г.).

¹ См.: Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949; Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка (Имена). М., 1990.

² Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 383.

³ См.: Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990. С. 280.

⁴ Хабургаев Г.А. Указ. раб. С. 218.

С.С. Фолимонов

О ФОРМАХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КАФЕДРЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье рассматривается проблема организации и проведения внеаудиторных мероприятий по русскому языку в юридическом вузе. Особое внимание уделяется методическим рекомендациям, позволяющим эффективно решать сложные образовательные и воспитательные задачи, стоящие перед преподавателями.

Ключевые слова: филология, культурно-просветительская работа, читатель, неформальное общение, государственный язык, личность.

S.S. Folimonov

ABOUT FORMS OF THE CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES ON THE PHILOLOGICAL DEPARTMENT AT LAW HIGH SCHOOL

The article deals with the problem of organization and conducting the extracurricular activities on the Russian language at law high school. Special attention is being paid to the methodological recommendations, that permit effectively solve the difficult educational and pedagogical objectives, facing the teachers.

Keywords: philology, cultural and educational activities, reader, informal communication, official language, personality.

Миссия кафедры русского языка и культуры в юридическом вузе выходит далеко за рамки перечня требований, зафиксированных в Госстандарте. Филологическая составляющая любого типа образования в первую очередь нацелена на развитие и совершенствование личности, ее внутреннего мира, национальной самоидентификации, пробуждение и приращение духовности. Все чаще среди профессиональных юристов высказывается мнение, что подготовка юридиче-

© Фолимонов Сергей Станиславович, 2017

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mtoga@mail.ru

ских кадров, основанная исключительно на формировании компетенций, накопывании профессиональных знаний, умений и навыков, при игнорировании морально-нравственного начала будущего специалиста, может в перспективе привести к серьезным проблемам. Незрелая личность с низкой степенью социальной ответственности, без идеалов и культурных скреп получит мощные инструменты для осуществления любых, в т.ч. преступных замыслов. Именно поэтому, размышляя о принципах формирования юридических кадров, выдающийся русский правовед А.Ф. Кони заметил: «На людях, призванных служить делу суда и управления, лежит нравственная обязанность перед родиной и перед русским народом охранить этот суд от порчи и способствовать его укоренению в русской жизни»¹.

Сегодня на вопрос: «Почему вы выбрали профессию юриста?» — первокурсники бойко, заученно отвечают: «Потому что это одна из самых престижных профессий, позволяющая удобно устроиться в современном мире». Отношение к сфере права как к источнику безбедного существования известно давно. Доказательством тому служит целая галерея всемирно известных писателей, поэтов, деятелей культуры, которые, по настоянию родителей или по собственной воле, приобщились к миру права. Престиж и материальное благополучие, безусловно, весомые аргументы, но, выдвинутые на первый план, они нередко вытесняют более важные для формирования личности приоритеты — любовь к людям, стремление к справедливости, желание помочь обиженным. Русский язык и литература, вся русская культура нацелены на сохранение и приумножение человеческого в человеке. Однако современная средняя школа в России не использует этих потенциалов, напротив, у выпускников остается стойкое отвращение к чтению, к самому понятию «художественная литература». Проведенные среди первокурсников опросы свидетельствуют о низкой читательской культуре, недостаточно развитой технике чтения (учитывались скорость, глубина понимания и степень запоминания информации, а также навыки работы с письменным текстом), о скептическом отношении к культурному потенциалу отечественной классики. Так, из 832 опрошенных более одного раза в неделю беллетристику читают всего 20%. При этом к категории *редко читающих* себя относят 37%, т.е. больше трети студентов. А если учесть, что словосочетание *редко читающий* чаще всего синонимично словосочетанию *не читающий никогда*, то здесь есть над чем задуматься.

Поскольку частотность обращения к художественной книге не может служить показателем начитанности, дополнительно посредством опроса было выявлено количество полностью прочитанных книг за учебный год (10 мес.). Выяснилось, что от 3 до 5 книг до конца прочли 37% из категории *читающих более одного раза в неделю* и 10% — *редко читающих* респондентов. Уже метод простого сопоставления данных позволяет сделать вывод, что даже *средне читающие* студенты рассматривают чтение беллетристики как механический, инерционный процесс, действующий в силу сложившейся привычки. Проще говоря, реализуется принцип «пара-тройка страничек перед сном». Безусловно, такое чтение нельзя назвать полноценным и продуктивным. Ведь если одна книга читается 2–3 мес. (речь здесь не идет о филологическом чтении), то полностью утрачивается свежесть эмоционально-интеллектуальной реакции на произведение. Чтение превращается в некий культурный или, точнее, псевдокультурный ритуал. В этой

связи нельзя не вспомнить В. Пьецуха, напоминающего своим современникам, что «литература — это духовный опыт человечества в концентрированном виде и, стало быть, она существеннейшая присадка к генетическому коду разумного существа... Люди обязаны жить с оглядкой на литературу, как христиане на “Отче наш”»².

С учетом сложившейся ситуации кафедрой русского языка и культуры Саратовской государственной юридической академии была сформулирована концепция культурно-просветительской работы со студентами, включающая культурологический компонент базового курса «Русский язык и культура речи», спецкурсов «Латинский язык» и «Правовая риторика», а также систему внеаудиторных мероприятий, направленных на пробуждение интереса к русской литературе и культуре, на развитие у будущих юристов творческих способностей.

Главным мероприятием, позволяющим наиболее полно реализовать принятую концепцию, стала Неделя русского языка. Хотя сама методическая идея предметной недели не нова, до недавнего времени эта форма не входила в арсенал воспитательных средств высшего учебного заведения. Однако ее насыщенность и компактность, культурно-просветительский потенциал, зрелищность, вовлечение в творческий процесс большого числа студентов делают предметную неделю не только приемлемым, но и необходимым элементом воспитательного процесса в современном вузе.

Остановимся подробнее на содержании предметной недели. Она традиционно включает в себя 6 мероприятий, позволяющих актуализировать различные виды творческой активности студентов: викторина по русскому языку и литературе, встреча с авторами студенческого литературного журнала, конкурс ораторов «Златоуст», интеллектуальная игра по русскому языку «У слова сила есть и власть», круглый стол «Экология языка, речи и информации в современной России», творческий вечер известного современного литератора. Порядок расположения мероприятий, безусловно, может быть иным. Предлагаемая в нашем случае последовательность определяется принципом постепенного усложнения творческих проектов.

Рассмотрим методику воплощения каждой из перечисленных идей.

Викторина по русскому языку и литературе — один из самых простых и широкоупотребительных игровых жанров. Однако, несмотря на свою популярность и кажущуюся простоту, он реализуется не в полной мере. Как правило, викторина включается в качестве составного компонента в более сложные, синтетические конструкции (интеллектуальные игры, практические и лекционные занятия). Между тем викторина может быть методически продуктивной и как самостоятельная форма, особенно если ее посвятить определенной теме или приурочить к литературному (шире — культурному) календарю. Упрощает задачу организатора то обстоятельство, что нет необходимости в предварительной подготовке. Студентам за 10 дней до викторины объявляется тема, производится отбор участников (в зависимости от общего количества первокурсников по 3–5 чел. от каждой группы). Викторина проходит в 3 этапа: отборочный тур, основная часть и финальное состязание. Отборочный тур удобнее проводить в тестовой форме. Рынок предлагает немало многофункциональных и простых в использовании компьютерных программ, позволяющих оптимизировать труд

преподавателя, а сам процесс отбора сделать более интересным и современным. Одной из самых эффективных в этом ряду информационных продуктов является программа «Ispring. Quiz Maker»³. Она интуитивно понятна, обладает большим потенциалом, встраивается в приложение «Power Point», предоставляет возможность конвертации в формат HTML, exe и swf. Последнее обстоятельство весьма существенно. Готовый тест можно выложить на вузовском (или персональном) сайте и отслеживать результат через компьютер. Время прохождения теста, а также регистрация тестирующегося заложены в программе. Для отборочного тура могут быть предложены следующие вопросы:

1. Июль в Древнем Риме назывался квинтилиусом, поскольку был пятым месяцем в году. В 44 г. до н.э. его переименовали в юлиус в честь Юлия Цезаря. Однако на Руси у июля имелось свое название. Какое? (*горешник, липец, седмик, серпан*).

2. Фразеологическое выражение «злачное место» чаще всего употребляется в значении «место пьянства и разврата». Каков его первоначальный смысл? (*спокойное, всем изобильное место; место погребения самоубийц; земля с богатыми залежами золота; место, где вдоволь хлеба*).

3. Его называют «скальдом переходного времени». К нему прислушиваются, его ругают, его боготворят. Ему принадлежат знаменитые (хотя и не всегда приличные) афоризмы. Это он сказал в одном из своих романов, что конец света будет простой телепередачей (*З. Прилепин, А. Иванов, В. Пелевин, А. Славовский*).

Чтобы участники смогли проникнуться атмосферой игры, полностью раскрепоститься, очень важно избегать академических формулировок вопросов.

Большой интерес вызывает у студентов жанр литературного интернет-журнала. Его идеей, заключенной в самом названии, может стать «Триолет». Будучи традиционной строфической формой романской поэзии, триолет, несмотря на свою строгую алгоритмизацию, продемонстрировал не только феномен долгожительства, но и большой творческий потенциал, способность, сохраняя культурную традицию, наполняться современным содержанием. Творческий проект такого типа позволит органично соединить поэзию, прозу, публицистику, живопись, музыку и кино. Немаловажную роль играет интерактивность журнала: работы молодых авторов можно комментировать, вступать с ними в диалог. На предметной неделе проводится встреча с начинающими писателями и поэтами в форме живой, непринужденной беседы. Безусловно, чтобы создать нужную атмосферу, необходимо подготовить к встрече не только авторов, но и читателей. Результативным будет создание творческой микрогруппы. Она составит вопросы по опубликованным произведениям, станет катализатором общения. Продуктивным видится также выступление критика (консультирование студента, взявшего на себя эту функцию, нужно провести особенно тщательно: критический обзор должен быть тактичным и в то же время объективным). На встрече читаются отрывки из произведений, обсуждаются перспективы развития интернет-проекта, вручается приз зрительских симпатий (голосование проводится на сайте). На встрече «триолетовцев» подводятся итоги тематических литературных конкурсов «Проба пера», «Заметки первокурсника», «В свободном полете», которые проходят в течение 6 предшествующих месяцев.

Одно из самых ярких групповых мероприятий Недели — интеллектуальная игра по русскому языку «У слова сила есть и власть». В качестве ее жанровой основы использован языковой КВН, позволяющий при творческом подходе решить целый комплекс воспитательных и развивающих задач (навыки работы в команде, умение брать на себя функции лидера, чувство ответственности перед коллективом, ассоциативное мышление, расширение кругозора, развитие языковой интуиции, повышение общей и профессиональной коммуникативной культуры). Команды за 10–14 дней до игры получают два домашних задания: снять короткий ролик, представляющий игроков зрителям, и подготовить небольшую инсценировку судебного процесса. Обязательными элементами ролика считаются: культурологически ориентированное название команды, в тематическом плане связанное со сферой права, и его мотивировка, а также девиз, раскрывающий соревновательную идею. Главные критерии при оценке данного конкурса — объем и глубина используемого культурного материала, его оригинальность.

Второе задание творчески более сложное. Командам предстоит самостоятельно найти или придумать фабулу судебного дела с таким расчетом, чтобы она могла произвести впечатление на публику, продумать образ каждого участника судебного действия, написать диалоги и монологи, осуществить постановку спектакля. Как правило, фабулы делятся на три основных типа: переработанные из классических художественных или фольклорных произведений (наиболее продуктивен в этом плане жанр народной сказки), взятые из громких судебных дел прошлых лет, заимствованные из знаменитых кинофильмов и сериалов. Поскольку сочинение фабулы с нуля под силу далеко не каждому студенту-юристу, нецелесообразно использовать такой вариант, чтобы не ставить команды изначально в неравные условия. Оценивая это трудоемкое задание, следует учитывать юридический аспект (для его оценки приглашаются старшекурсники или аспиранты), уровень речевой грамотности, ораторское мастерство (выступления прокурора и адвоката), зрелищность.

Без предварительной подготовки проводятся три конкурса: «Разминка», «Поворачивай стиль» и «Скрижаль народной мудрости». Однако, учитывая ограниченные фоновые знания участников, имеет смысл заранее очертить круг тем, которые предполагается включить в игру. В противном случае может возникнуть ситуация, когда ни одна из команд не справится с предложенным заданием, а это уже расценивается как серьезный методический просчет организаторов.

«Разминка» состоит из двух частей: «Узнай норму!» и «Скованные одной цепью». В первом проверяется, насколько свободно игрок ориентируется в нормах русского литературного языка. Из трех предложенных слов (или словосочетаний) он должен выбрать «лишнее», на его взгляд, и объяснить свой выбор. Каждой из соревнующихся сторон предлагается по 5 таких комплексов. Во втором — определяется уровень ассоциативного мышления. Три предложенных фотографии студент должен соединить логической цепочкой, не забывая об оригинальности. В конкурсе «Поворачивай стиль» командам необходимо в чем-либо убедить или разубедить собеседника, используя для этого средства определенного стиля (научного — чтобы убедить бросить курить, официально-делового — чтобы призвать к соблюдению авторских прав). «Скрижаль народной мудрости» — своего рода

метафора огромной кирпичной стены, где люди оставляют свои афоризмы. В нашем случае афоризмы нужно сначала угадать. Материалом для угадывания служат картинки (фотографии), наталкивающие на правильный ответ. Например, репродукция картины «Масленица» (или фотографии современной реконструкции этого праздника) должны навести на мысль о фразеологизме «На хромой козе не подъедешь».

Как видим, предметная неделя в контексте внеаудиторной культурно-просветительской работы в юридическом вузе открывает большие возможности для развития интереса к русскому языку и речевой культуре, воспитания у студентов профессионально значимых личностных качеств, пробуждения осознанного интереса к проблемам отечественной литературы.

¹ Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1967. С. 68.

² Пьецух В.А. Новая московская философия. М., 1989. С. 121.

³ Ispring. URL: <http://www.ispring.ru/articles/creating-elearning-courses-using-ispring-suite.html> (дата обращения: 07.12.2015).

РЕЦЕНЗИИ

В.К. Самигуллин

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Кабышев В.Т., Заметина Т.В. Россия — Крым — Севастополь: конституционно-правовое исследование. — М.: Издательский дом «Городец», 2016. — 226 с.

V.K. Samigullin

REVIEW OF THE MONOGRAPH:

Kabyshev V.T., Zametina T.V. Russia — Crimea — Sevastopol: constitutional and legal research. M.: Publishing house "Gorodets", 2016. — 226 p.

Крымская тема в последнее время чрезвычайно актуализировалась. В этой связи важны строгие и объективные научные исследования, относящиеся к различным областям знания, в т.ч. теоретической и практической юриспруденции, конституционному праву. Таких работ немного и одной из них является монография докторов юридических наук, профессоров В.Т. Кабышева и Т.В. Заметиной.

Монография состоит из семи глав, предисловия и заключения. Рассмотрим их содержание.

В *Предисловии* обозначена авторская позиция по вопросу о том, в чем замысел книги и для кого она предназначена. В.Т. Кабышев и Т.В. Заметина обращаются, прежде всего и главным образом, к молодежной аудитории — к молодым гражданам Российской Федерации, проживающим как в Крыму, так и в других российских субъектах. Основная цель, преследуемая ими, представить неискаженную историю Крыма и дать развернутую картину развития новых субъектов РФ — Республики Крым и г. Севастополя.

В *гл. 1* дана краткая история Крыма и описаны события, связанные с обороной Севастополя. Многие приведенные факты в принципе известны. Но в интерпретации авторов они выглядят свежо и впечатляюще. Приведен текст Высочайшего Манифеста Великой Императрицы Екатерины II о принятии Крымского полуострова, полуострова Тамани и всея Кубанской стороны под державу Российскую, датированный 8 апреля 1783 г. (с. 18–21). Весьма к месту, хотя, на

© Самигуллин Венир Калимуллович, 2017

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и международных отношений НОУ ВПО «Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия» (Академия ВЭГУ), профессор кафедры конституционного права (Уфимский юридический институт МВД РФ). г. Уфа; e-mail: samigullin_v@vegu.ru

наш взгляд, было бы лучше, если бы этот текст был дан в оригинале¹. Повествуя о Крымской войне 1854–1856 гг., авторы указывают на его четыре этапа (с. 25), однако умалчивают почему-то о четвертом этапе, описывают только три первых.

Первая часть *гл. 2* посвящена развитию Крыма в XX в., что приходится в основном на советское время (с. 30–61). Здесь затрагивается вопрос о степени обоснованности передачи Крыма в 1954 г. из состава РСФСР в состав УССР (с. 32–33). Авторы не обходят вниманием и вопрос о правомерности существования Крыма и Севастополя в составе Украинской республики после распада Союза ССР в 90-е гг. прошлого столетия (с. 33–34). Другая часть посвящена вопросам, с одной стороны, выхода Крыма из состава Украины, а с другой — вхождения его в состав Российской Федерации и образования в ее составе двух новых субъектов, а также анализу правовой основы этого процесса. Авторы доказывают несостоятельность взглядов тех, кто, не признавая итоги референдума по Крыму 16 марта 2014 г., считает, что произошла аннексия Крыма Россией (с. 52–61). В обоснование этого они ссылаются на международное публичное право, а также внутригосударственное право, прибегают к официальным высказываниям авторитетных политических деятелей и ученых.

Согласно авторской позиции воссоединение Республики Крым и г. Севастополь с Россией — восстановление исторической справедливости.

В силу философской и теоретической неопределенности проблемы справедливости (несправедливости) российский конституционалист, думается, вполне может утверждать, что жизненно важные интересы крымского народа, оказавшегося в Украине где совершен антиконституционный переворот — стране, претендующей на развитие как гомогенное общество, ущемлены. Следовательно, с его точки зрения, воссоединение Крыма и Севастополя с Россией действительно может оцениваться как исторически справедливое знаменательное событие. Однако при более широком подходе к проблеме все же не все здесь просто. Чрезвычайно обостряется вопрос, который условно можно обозначить «сепаратизм — ирредентизм». Заметим также, что декларированные международным правом два принципа — а) равноправие и самоопределение народов, с одной стороны; б) территориальная целостность и нерушимость границ, с другой — при их практическом осуществлении согласовать чрезвычайно сложно.

Глава 3 — самая маленькая по объему, но вместе с тем емкая по содержанию и ключевая по заключительному положению (с. 62–74). В.Т. Кабышев и Т.В. Заметина, взяв за юридическую точку отсчета становления конституционного строя в Крыму и Севастополе 18 марта 2014 г., пришли к выводу, что в юридическом отношении становление этого строя в новых субъектах состоялось уже к 26 декабря 2014 г. В теоретическом плане интересны рассуждения авторов о таких конституционных категориях и явлениях, как «интеграция», «конституционализм», «конституционализация», «конституционный строй» (с. 63–71). Рассматривая обозначенную проблематику в привязке к основной теме исследования, они отмечают, что в практическом плане в осуществлении вопросов, связанных с кругом этих категорий и явлений, возникают трудности. Причину этого авторы видят не только в особенностях развития новых субъектов Федерации, а и в особенностях развития самой России в целом. По их утверждению, «...сама Россия находится на этапе конституционной модернизации,

основанной на ценностях демократии, прав и свобод человека и гражданина, правового государства, верховенства права, равенства всех перед законом», и для современного этапа развития ее характерны определенные деформации основ конституционного строя» (с. 64).

Глава 4 посвящена проблемам и тенденциям развития конституционно-правового механизма публичной власти в этих новых российских субъектах. Хотя понятие «публичная власть» не получило формально-юридического или конвенционального закрепления, оно используется достаточно активно в качестве родового понятия применительно ко всем территориальным уровням властных отношений в государственно организованном обществе. Отмечая, что «в федеративном государстве конституционный механизм публичной власти имеет двухуровневую структуру», и обращая внимание на то, что «важнейшим признаком публичной власти является легальность ее возникновения и легитимность ее существования» (с. 75), авторы подвергают тщательному анализу нормативную правовую основу публичной власти.

Обосновано, что новые субъекты Федерации — Республика Крым и г. Севастополь — сформировали соответствующие региональные органы государственной власти (структуры законодательной, исполнительной, судебной ветвей власти). Функционирование и развитие этих органов детерминировано процессами интеграции, выстраивания единого экономического и правового пространства, реализации цели обеспечения прав и свобод человека, гарантированы федеральной Конституцией и законодательством этих субъектов (с. 110).

Как известно, Конституцией РФ (ст. 12) признается и гарантируется местное самоуправление. В пределах своих полномочий оно самостоятельно и его органы не входят в систему органов государственной власти. При рассмотрении специально-юридической и фактической основ становления местного самоуправления в Республике Крым и г. Севастополе отмечена вся сложность этого процесса. Вместе с тем итоговый вывод весьма оптимистичен. В целом процесс институционализации местного самоуправления в новых субъектах происходит в векторе поступательного развития конституционного строя Российской Федерации (с. 110–114).

В последующих *трех главах* рассматриваются вопросы, относящиеся к социально-экономическому развитию новых субъектов РФ; конституционно-правовому обеспечению национальной, культурной, образовательной и языковой политики. Хотя *гл. 5* посвящена в целом социально-экономическому развитию указанных субъектов, здесь освещаются преимущественно правовые аспекты данного процесса. Поэтому существует некоторое несоответствие между заголовком и содержанием главы. Тем не менее, материал читается с интересом.

В гл. 6 рассмотрены сложные аспекты конституционно-правового регулирования национальной политики в Крыму и Севастополе. При этом не только обобщен материал, ставший предметом их рассмотрения, но и предложены заслуживающие внимания разумные рекомендации федеральному и региональному законодателю. В частности, авторами правильно обращается внимание на то, что при осуществлении национальной политики в Крыму необходимо учитывать влияние факторов внешнего характера (пограничное положение) и внутреннего порядка (различия в этнокультурном составе населения и в активности соответствующей

щих этнических общностей) (с. 188–189). Конструктивна идея о необходимости и важности развития национально-культурной автономии (с. 159). Интересна мысль о рассмотрении и решении на федеральном уровне вопроса о включении караимов и крымчаков в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г (с. 190).

Заголовок *гл. 7* предполагает рассмотрение конституционных основ культурной, образовательной, языковой политики лишь применительно к Республике Крым (с. 191), на самом деле эта проблема рассматривается и в отношении г. Севастополя (с. 195–197, 198–202 и др.).

Лейтмотивом главы является положение, по которому «...главное противоречие современной России — это противоречие не между национальностями и религиями, а между культурой и невежеством» (с. 194 – 195). Изучив значительный материал нормативно-правового и фактологического свойства, В.Т. Кабышев и Т.В. Замятина показывают, какой объем работы выполнен в Республике Крым и в г. Севастополе федеральными и региональными органами публичной власти, органами местного самоуправления по реализации Основ государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808). Вместе с тем они обозначают и конкретные предложения по более эффективно-му проведению социально-культурной политики с тем, чтобы любой человек и каждый гражданин, все полиэтническое население динамично развивались, ощущая себя комфортно.

Отметим, что в Крыму, помимо русских, компактно уживаются украинцы, крымские татары, представители других национальностей. Естественно, что в Конституции Республики Крым (ст. 10) в качестве государственных языков закреплены три языка: русский, украинский, крымско-татарский.

Билингвизм и полилингвизм являются характерной чертой современных государств, особенно федеративных. Однако применительно к Республике Крым конституционно-правовая полилингвистическая модель трехязычия предстает как правовая новелла, с энтузиазмом воспринятая населением. И это вполне понятно, т.к. в период нахождения в составе Украины оно (население) не могло надеяться найти оптимальное решение языковой проблемы из-за ориентации украинского политического руководства только на моноязычие — развитие в качестве государственного лишь украинского языка, хотя по своему составу Украина полиэтнична. Обращают внимание на важность нормативного регулирования сложной языковой ситуации в Крыму на основе Конституции РФ и в соответствии с Законом РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации».

В *Заключении* авторы отмечают, что с принятием в состав России новых субъектов — Республики Крым и г. Севастополя — принцип федерализма получил не просто дальнейшее развитие. В истории постсоветской эпохи наступила новая эра. «Россия встала с колен!!!» (с. 224).

Да, наметилась тенденция, согласно которой Россия, развиваясь в контексте общих мировых тенденций, успешно формирует институты гражданского общества и структуры правового государства, обустроивает свою территорию

в варианте, более приемлемом для своих граждан. И в этом отношении у нее великое будущее.

В завершение отметим, книга В.Т. Кабышева и Т.В. Заметиной содержательна, интересна. Она наводит на размышления и в этом отношении полезна. Жаль, что издана маленьким тиражом. Думается, крымская конституционно-правовая проблематика рассмотренной монографией не исчерпывается. Безусловно, она нуждается в дальнейшей разработке, более углубленной и детальной. Впереди новые исследования.

¹См.: Полн. собр. законодательства Российской Империи. СПб, 1830. Т. 21. С. 897–898.

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ

IN DISSERTATION COUNCILS

В феврале 2017 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

на соискание ученой степени доктора юридических наук

6 февраля 2017 года — **Суменковым Сергеем Юрьевичем** на тему «Исключения в праве: общетеоретический анализ».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный консультант — доктор юридических наук, профессор А.В. Малько.

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Официальные оппоненты — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, помощник начальника ФГБОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» по инновационному развитию научной деятельности Баранов Владимир Михайлович; доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» Давыдова Марина Леонидовна; доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» Минникес Илья Анисимович.

Ведущая организация — ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Юридический факультет).

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

8 февраля 2017 года — **Квасниковой Татьяной Владимировной** на тему «Криминологическая и уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере оборота жилья (по материалам Дальневосточного федерального округа)».

Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Л.И. Романова.

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Дальневосточный федеральный университет».

Официальные оппоненты — доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина» Голик Юрий Владимирович; кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» Огородникова Нина Владимировна.

Ведущая организация — Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

8 февраля 2017 года — **Фомичевым Петром Викторовичем** на тему «Процессуальные основания проведения следственных действий в российском уголовном судопроизводстве».

Специальность 12.00.09 — уголовный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Н.С. Манова.

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Официальные оппоненты — доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» Семенцов Владимир Александрович; кандидат юридических наук, профессор Саратовского социально-экономического института (филиала) ФГБОУ ВО «Российский социально-экономический университет имени Г.В. Плеханова» Гришин Александр Иванович.

Ведущая организация — Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет» (институт права).

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

Журнал «Вестник Саратовской государственной юридической академии» включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ; зарегистрирован в качестве реферируемого подписного федерального издания, в связи с чем повышаются требования, предъявляемые к статьям и материалам.

1. Для оптимизации редакционно-издательской подготовки редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; сноски концевые автоматические, кегль 12, шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты и телефон для связи (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, телефон для связи (все параметры обязательны).

1.4. Выписка из решения заседания кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию рукописи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем.

1.5. Внешняя рецензия специалиста в данной научной сфере, имеющего ученую степень (из другого вуза или от практического работника), подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

1.6. Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов и соискателей).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться: а) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); б) названием; в) местом работы автора (авторов); г) электронным адресом автора (авторов); д) краткой аннотацией содержания рукописи (3–4 строчки, не должны повторять название); е) списком ключевых слов или словосочетаний (5–7).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

Оформление рисунков: а) все надписи на рисунках должны читаться; б) графики и диаграммы должны быть оформлены с учетом особенности черно-белой печати; цветные рисунки исключаются; в) графики и диаграммы должны читаться отдельно от текста, поэтому они должны иметь название и (при необходимости) единицы измерения.

Рисунки и таблицы должны иметь название и ссылку в тексте.

5. Сноски в тексте должны быть концевыми и проставлены автоматически. Они оформляются следующим образом:

а) для монографий: фамилия и инициалы автора (курсивом), название книги, место издания и год издания: Куликов А.Н. Египет: боги и герои. Тверь, 1995;

б) для статей в сборниках и периодике: фамилия и инициалы автора (курсивом), название статьи; далее (после двух косых черточек) — название сборника или журнала, место издания и год издания (для периодических изданий — год издания и номер): Дубашинский И.А. Свифт // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 706–710.

в) для ссылок на электронный ресурс: фамилия и инициалы автора (курсивом), название статьи; далее (после URL) — адрес электронного ресурса в Интернете, в скобках — после слов «дата обращения:» дата обращения автора статьи к этому ресурсу: Артамонова Е. Новый Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: статус прокурора. URL: www.srbpravo.ru (дата обращения: 23.01.2009); Хужокова И.М. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2006; Типовые правила внутреннего контроля в кредитной организации: утверждены Комитетом АРБ по вопросам ПОД/ФТ, протокол заседания Комитета № 21 от 17 июня 2009 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 и по адресу: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, просим автора поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте СГЮА по адресу: <http://www.ssla.ru/show1.phtml?vestnik-public>

7. Плата с аспирантов и адъюнктов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. **E-mail:** vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru